

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.А.Уфимцева

Лексическое значение

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ю. С. СТЕПАНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

7075185

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

У-88

Книга представляет собой первую попытку семиологического описания характеризующей (назывной) лексики. Автор системно излагает проблематику семиологического подхода к изучению лексики в системе средств и в речи: в книге рассматривается аксиоматика словесных знаков, механизм их семантической актуализации, характер семантических отношений словесных знаков, относящихся к различным семиологическим классам и подклассам, в парадигматике, смысловая связь назывных слов в линейном ряду, в синтагматике. Затрагиваются вопросы коммуникативного их предназначения.

Рецензенты:

Н. А. СЛЮСАРЕВА,

В. Н. ТЕЛИЯ

Анна Анфилофьевна У ф и м ц е в а

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

(Принцип семиологического описания лексики)

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *А.И. Кучинская*

Художник *Э.А. Дорохова*. Художественный редактор *Л.В. Кабатова*

Технический редактор *И.И. Джигоева*. Корректор *И.Г. Мартянова*

ИБ № 31904

Подписано к печати 25.03.86. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 2

Гарнитура Литературная (фотонабор). Печать офсетная

Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отг. 15,2. Уч.-изд.л. 20,8

Тираж 2850 экз. Тип.зак. 1042. Цена 2р. 20к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга «Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики)» выполнена в серии работ «Типы языковых значений» [см.: Кубрякова 1981; Телия 1981], осуществляемой в секторе общего языкознания Института языкознания АН СССР под руководством академика АН СССР Б. А. Серебренникова. Цель данной книги, написанной в русле словоцентрического (от слова к тексту) подхода к языку, — системное изложение теоретических основ и методической направленности исследования феномена лексического значения на основе семиологического принципа описания лексики.

Лексическое значение как никакая другая категория языка является предметом непрекращающихся научных споров. Прежде всего дискутируется проблема онтологического статуса лексического значения, так как интерпретация последнего непосредственно связана с пониманием самой природы человеческого языка, с моделированием его в различных лингвистических направлениях. Одни исследователи (антименталисты) признают лексическое значение слова путем исключения его из сферы лингвистического исследования; другие (блумфилдианцы) сводят понятие «лексическое значение» к отношению между компонентами семиозиса (акта создания языковых знаков); третьи (неогумбольдтианцы) заменили лексическое значение понятием, категорию языка — мыслительной категорией, в различных версиях порождающей лингвистики, носящей в целом методический характер при текстоцентрическом подходе к языку, лексический компонент находит частичное отражение в понятии «структура семантического представления» — инвентарной категории метаязыковой системы.

В противоположность вышеупомянутым направлениям автор данной книги излагает систему взглядов на определение слова и его лексического значения как гносеологически значимых элементов языка, основанных на так называемой отражательной семантике и обладающих (по содержанию и по форме выражения) онтологическим статусом в системе конкретного языка.

Именно слово и его лексическое значение, в котором отражается и хранится веками социально-исторический опыт носителей данного языка, являются теми основными элементами системных средств, которые в качестве субстрата цементируют речевые образования.

Семиологический принцип описания лексики основан на следующих методологических посылках.

1. Язык определяется как социальное, исторически сложившееся идеально-материальное образование, представляющее собой семиотическую систему особого рода с двойной структуризацией его единиц: в системе средств с преобладанием номинативных, назывных словесных знаков, в речи — предикативных знаков. Соответственно разграничиваются без взаимоисключающего противопоставления словесные знаки первичного знакообразования (первичное означивание) и словесные знаки (вторичного означивания), переосмысляющиеся в речи.

2. Слово, как язык в целом, существует в двух основных ипостасях — виртуальный и семантически реализованный в словесный знак. При семио-

логическом исследовании слова как двусторонней единицы языка представляется возможность осуществить сквозное описание лексического значения в направлении от виртуального, семантически нерасчлененного слова — лексемы через ступень относительно расчлененных словесных знаков, манифестируемых в любом языке свободными лексическими сочетаниями слов (минимальными синтагмами), до полной семантической актуализации слова в составе речевых единиц.

3. Слово рассматривается и называется словесным знаком на том основании, на главном его свойстве, подмеченном еще в древности, которое нашло свое отражение в классическом определении слова традиционным языкознанием: слово представляет собой единство значения и формы его выражения. Словесный элементарный знак как двусторонняя единица образуется в результате первичного знакообразования, при котором устанавливается прочная психическая связь (опосредованная сознанием и памятью пользующихся языком) определенной семантической значимости (понятия, представления) и столь же определенной языковой формы ее выражения.

Рассмотрение слов и словосочетаний как двусторонних лексических единиц, значение и форма выражения которых находится в отношении двух сторон знака, является исходной теоретической посылкой. Главы II, III посвящены в силу этого обсуждению специфики словесных знаков: их аксиоматики, асимметрии не только формы знака и его значения, но и их асимметрия во времени; специфика словесных знаков, обусловленная сферой их языкового использования, разграничение назывных знаков на семиологические классы и подклассы и т. д.

Основная исследовательская часть книги представлена IV главой, в которой семантика назывных словесных знаков описана по двум основным семиологическим подклассам — предметным (имена существительные) и признаковым именам (глаголы и прилагательные).

Семиологический принцип описания лексики позволяет рассматривать лексическое значение во всем его объеме, по всем осям его структурной организации.

1. Описание слов по компонентам (денотативным и/или сигнификативным) их знакового (предметно-вещественного) значения — ономаσιологический аспект изучения.

2. Разграничение лексического состава по семиологическим классам, подклассам, семантическим разрядам, лексико-семантическим группам и т. п., обеспечивает парадигматическое исследование лексической семантики.

3. Анализ типов линейных семантических связей слов, детерминированных не только типом знакового значения слов, но и их синтаксическими функциями и позициями, позволяет в границах минимальных синтагм, или в рамках элементарных пропозиций раскрыть синтагматические характеристики слов и типы их логико-семантических связей.

4. Наконец, рассмотрение лексического значения слов по словарным дефинициям и лексикографической его презентации позволяет установить характер и типы смысловой структуры слов, относящихся к разным семиологическим подклассам и семантическим разрядам — аспект рассмотрения лексического значения слова в плане семантической производности последнего, обеспечивающей историческое и синхронное тождество слова.

Широта воззрения не в том, чтобы видеть все, а в том, чтобы например в науке сознательно стоять на своей точке зрения, не думая, что с нея видно все, признавая закономерность, необходимость других точек зрения.

А. А. Потебня

Глава I

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Понятие «значение» имеет разные аспекты и определяется по-разному, применительно к отдельным сферам человеческой деятельности. Общезначительское понимание «значения» определяется, например, следующим образом: «Значение — то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности» [Кондаков 1971, 162]. В математической логике понятие «значение» относится к символу, который обозначает как конкретные величины, так и определенные операции с величинами.

Для выяснения сущности категории значения языковых единиц в чисто лингвистическом плане может и не нужно было бы останавливаться на интерпретации понятия «значение» в логической семантике, если бы некоторые ее понятия не были перенесены в лингвистику, особенно в современные работы по семантике и синтаксису.

В логической семантике под значением понимается «объект, сопоставляемый при интерпретации некоторого естественного или искусственного языка любому его выражению, выступающему в качестве имени. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. Поэтому в логической семантике говорят о двух основных видах значения: экстенциональное значение (предмет или класс предметов, обозначаемых данным выражением) и интенциональное значение (смысл выражения)» [Кондаков 1971, 162].

Категория значения передается в логической семантике следующими оппозициями: значение (Bedeutung) и смысл (Sinn) у Фреге, экстенционал (extension) и интенционал (intension) у Карнана, референция (reference) и значение (sense) у Куайна, денотат (denotatum) и сигнификат (significatum) у Черча, называемое (nominatum) и значение (connotation) у Милля.

Самое общее и самое краткое определение сущности языкового значения формулируется как «концепт, связанный знаком» [Никитин 1973, 70]; предметом нашего исследования является феномен лексического значения.

Прежде чем обсуждать природу лексического значения слова и много-

численные исследовательские подходы к этому сложному и своеобразному феномену языка, остановимся кратко на термине «лексическое значение» и на самом понятии, им обозначаемом.

Прямое номинативное значение прилагательного *лексическое(ая)*, формально и содержательно мотивированного существительным *лексика*, определяется как «имеющий отношение к лексике, т. е. к совокупности лингвистических знаков данного языка» [Марузо 1960, 146]. Ср. *лексическая система, лексическая единица, лексическая обусловленность* и т. п.

По мере изучения слова, особенно его содержательного аспекта, термин «лексическое» в сочетаниях *лексическое значение, лексическая семантика* и др. приобрел другое, более специализированное номинативно-производное значение, выражающее в противоположность грамматическому значению слова «вещественное значение, отличающее слова друг от друга и придающее им их индивидуальные лексические свойства» [Ахманова 1966, 216]. Понятие «лексическое значение» формировалось в классическом языкознании под влиянием двух фундаментальных понятий — «лексика» и «слово».

Понятие «лексика», восходя к традиционной науке о языке, основывается на разграничении и четком противопоставлении трех аспектов языка — звукового состава, лексических и грамматических средств. Лексические средства — слова и словосочетания, систематизируемые издавна в словарях и называемые словарным составом (*lexicon*), наряду со звуковым и грамматическим, составляют основу любого языка и могут быть названы в этом смысле его универсальными признаками. В то же время различие в репертуаре лексических единиц, в своеобразии средств и типов наименований, в специфике «семантического картирования» предметного мира этими номинативными единицами на понятийные сферы и семантические категории, составляют отличительные признаки каждого языка.

Другим понятием, в соотношении с которым формировалось определение лексического значения, является «слово», наиболее полная дефиниция которого сводится к следующему: «Предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» («кусочка») действительности и направляться (указывать) на эту последнюю, вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные, свойства» [Ахманова 1966, 422]. Слово является двусторонней единицей, в которой связь значения и звучания (графической формы), общественно, психически и исторически обусловленная, предопределяет не только само существование, но и развитие языка. При таком понимании слова, как основной номинативной и когнитивной единицы, его лексическое значение определяется как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Смирницкий 1955, 89].

Традиционная модель языка, несмотря на ее кажущуюся простоту и неадекватность объекту исследования, провела разграничение языковых средств по двум пересекающимся, но логически выдержанным основаниям: 1) по характеру состава единиц, 2) по типу смысловой значимости.

отграничив тем самым двусторонние единицы от односторонних (звуковых), лексическое значение от грамматического в границах слова.

В классическом языкознании второй половины XIX—первой половины XX в. теория слова и его значения разрабатывалась, в основном, на материале индоевропейских языков, преимущественно флективных и аналитических по своему строю. В силу того, что смысловая структура слова, представляющая собой «внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений» [Виноградов 1947, 15], определяется не в последнюю очередь и грамматическим строем языка, то категория лексического значения во флективных языках формируется в границах слова в оппозиции к морфологическим значениям, в аналитических — в противопоставлении и взаимосвязи с синтаксическими категориями.

Ныне общепризнанным является положение о том, что в аналитических и изолирующих языках первенствующую роль выполняет предложение, слово же представляет меньший интерес в исследовании структурных и семантических особенностей языка.

Во флективных языках слово выступает средоточием его форм и значений, являясь фокусом системного соединения и взаимодействия грамматических категорий и конкретного лексического значения слова, идиоматичного как по структуре, так и по своему вещественному содержанию. В языках синтетического строя слова морфологически оформлены богаче, а диапазон лексического значения конкретного слова ограничивается более узкими рамками языковых средств. Ср., например, двум номинативным единицам русского языка соответствует в понятийном плане одно наименование в английском.

брать } взять }	to take	гореть } жечь }	to burn	
пользоваться убежищем } предоставить убежище }			to shelter	
разрушить подвергнуть разрушению }			to ruin	и т. п.

Тезис о неразрывном единстве лексического и грамматического в слове был и остается методологической основой изучения значения слова, обусловленной самой двойственной (языковой и экстралингвистической) природой слова.

В. В. Виноградов видел причину конструктивного единства лексического и грамматического в содержании слова в следующем: «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Виноградов 1947, 15]. В итоге изучения способов объединения в слове его лексических и грамматических значений, варьирующихся от языка к языку, были четко определены и дифференцированы морфологическая и семантическая структуры слова.

Традиционное разграничение языковых средств не только обособило лексику как важную самостоятельную сферу, выполняющую классификационно-номинативную функцию языка, но и позволило расчленить слово,

основную структурную и содержательную единицу языковой системы на более мелкие, дальше неделимые содержательные и формальные элементы. Это, в свою очередь, позволило изучать слово и его семантику в терминах «слово как фонетическая и семантическая единица» [Амтманн 1925], «грамматическое и фонологическое слово» [Балли 1955]; «слово как морфема и семема» [Bazell 1953]; ср. также замечание В. В. Виноградова по этому поводу: «При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество разновидностей слова. Появляются „слова фонетические“, „слова грамматические“, „слова лексические“» [Виноградов 1947, 9]. Цельнооформленность, семантическая и структурная целостность слова предопределили другое его свойство — формальную и смысловую выделенность слова из предложения. Ср. также такое определение слова: «Слово — это минимальная единица значения, реализуемая определенной последовательностью фонем и способная перемещаться в пределах предложения» [Вахек 1964, 201].

Связь лексики с грамматикой, естественно, является более своеобразной и более определяющей для содержательной стороны языка, чем связь лексики с фонетикой. Фонемы с их смыслоразличительной ценностью работают только до уровня слов как номинативных, номенклатурных единиц системы, что же касается той широкой области семантического членения полисемантических слов, которая составляет своеобразие «семантического кроя» каждого языка, то это — сфера взаимодействия лексического и грамматического. В. Гумбольдт справедливо отмечал, что по словарю нельзя измерить круг понятий того или другого народа, так как большая часть понятий создается и обозначается путем «членения» слов на единицы так называемого описательного или метафорического выражения.

Проблема, сформулированная наиболее четко в русском языкознании как «лексическое и грамматическое в слове», остается актуальной и в современной лингвистике, только ее следует переформулировать как «лексическое и грамматическое в языке».

В отечественном языкознании эта проблематика нашла разработку в изучении характера лексической и грамматической абстракции [Серебренников 1955], в определении «мер» лексического и грамматического в слове, в языке в целом [Виноградов 1969, 1975; Смирницкий 1955].

Несмотря на изменение в наши дни взглядов на предмет лингвистики в связи с изучением новых аспектов самого объекта — человеческого языка, дихотомия лексика/грамматика продолжает, правда, несколько в иных понятиях, формировать основную проблематику лингвистических исследований. Ср. высказывание Ю. С. Степанова: «Подобно этому членение предмета языкознания на лексику и грамматику, причем в последней на первое место выдвигалась морфология, тоже было для своего времени достаточно новым и полезным взглядом — по существу на тот же самый универсальный и вечный объект, семантику и синтаксис» [1981, с. 3].

О взаимодействии, точнее взаимосвязи морфологического и синтаксического в языке через слово, свидетельствует такое понятие, как «внутрисловность выражения значения», на котором основывается традиционное разграничение морфологии и синтаксиса [Булыгина-Шмелева 1979, 6].

По мере изучения системности в языке вообще, в лексике в том числе, была преодолена узость традиционного определения лексического значения

исключительно по референту. Лексическое значение как категорию языка стали определять в зависимости от системных отношений, от синтагматических его связей в актуальной речи.

С 50-х годов нашего столетия в русской и советской лексикологии лексическое значение слова—лексемы [Виноградов 1975, 1947, 1953, 1975] стало рассматриваться как определенная исторически сложившаяся структура внутрисловных семантических значимостей, отмеченных не только формой данного словесного знака, но и средствами других уровней языка: морфологической формой слова (ср.: вода — воды, wood — woods), синтаксической позицией слова и моделью их сочетаемости в предложении (the letter is burning 'письмо горит', She burned the letter 'она сожгла письмо'), фразовым контекстом и т. п. Развертывание семантики слова происходит в синтагмах, фактор, который можно интерпретировать как основное системное свойство слова—лексемы; при этом лексическая сочетаемость является одновременно и формой выражения нового смысла, и неперменным системным условием манифестации лексического значения конкретных единиц.

В силу такого понимания лексического значения слова традиционное противопоставление «лексическое/грамматическое» интерпретируется более широко: лексическое противостоит в слове не только морфологическому, но и синтаксическому — синтаксической функции слова и синтагматической выраженности того или другого его значения. Ср.: *лексическая/синтаксическая сочетаемость, лексическая/синтаксическая синтагма* и т. п.

Конечно, противопоставление лексическое/синтаксическое выступает наиболее контрастно при рассмотрении языка как системно-структурного его «каркаса»; напротив, при исследовании его коммуникативного аспекта эти оппозиции как бы нейтрализуются. Н. Д. Арутюнова [1976а] справедливо отмечает этот факт, говоря, что при функциональном подходе к языку перед исследователем открывается область реального неразграничения лексического и синтаксического. О различных подходах в изучении лексического значения речь пойдет в следующем параграфе.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ЛЕКСИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ

Введение в проблематику. Аспекты изучения лексической семантики настолько многообразны, а исследовательские подходы так многочисленны, что нет возможности, а может быть и необходимости останавливаться на каждом из них подробно. В целях ограничения предмета обсуждения целесообразно отметить два основных, противостоящих друг другу подхода в изучении так называемого вещественного значения слова — словоцентрический и текстоцентрический. При словоцентрическом исследовании исходным является слово как номинативная единица и как элемент лексико-семантической системы языка. Главной целью изучения слова в этом случае является всесторонний анализ его вещественного значения, проводимый в трех структурных измерениях полнозначного слова: в парадигматике, эпидигматике и синтагматике.

Независимо от того, проводится ли исследование поэтапно в каждой сфере семантических отношений и связей слов, или одновременно, в их комплексе объектом исследования является слово в трех его ипостасях:

слово—лексема как иерархически организованная и исторически сложившаяся совокупность его словоформ и словозначений (смысловая структура слова), относительно семантически расчлененное слово (слово в отдельных его лексико-семантических вариантах), наконец, семантически (абсолютно) реализованное слово в единицах речи, так называемое словоупотребление, манифестирующее системную или асистемную семантическую значимость.

При текстоцентрическом изучении языкового содержания его анализ имеет обратный порядок: в направлении от речевых единиц, от текста к рассмотрению категориальной и индивидуальной семантики слова в той мере, в какой последняя детерминирует смысл отдельного высказывания или текста в целом. Лексическое значение в этом случае изучается попутно, как субстрат, предопределяющий смысл речевой единицы и «наполняющий» конкретным лексическим содержанием обобщенные модели синтагматических связей членов и частей предложения.

Словоцентрическое и текстоцентрическое направления изучения языкового содержания можно условно противопоставить как исследование лексической и синтаксической семантики.

Лингвистика знала длительные периоды спада исследовательского интереса к содержательным аспектам языка в целом, к лексической семантике, в особенности. Сегодня мы являемся свидетелями противоположного процесса — чрезмерного увлечения семантикой, сравните ее расширившуюся номенклатуру: лексическая, синтаксическая, морфологическая, словообразовательная, контекстная, прагматическая, порождающая, логическая и т. п.

Причины подобного разнообразия носят методологический характер: типы «семантик» варьируются не только в зависимости от выбора объекта, но и предмета, цели и метода изучения, предпочитаемых тем или другим исследовательским направлением. К примеру, в американской дескриптивной лингвистике, в течение десятков лет подверженной «семантическому параличу», центральными подсистемами языка считались фонематическая и морфематическая, в то время как семантическая и лексическая были отнесены к периферийным как «неструктурные ярусы» языка. Другое научное направление — неогумбольдтианство, при сугубо антропологическом подходе к языку как к «своего рода точке зрения на предметную действительность» (*Sprachliche Ansicht*), изучало язык только как способ воплощения своеобразия национального мышления и духа народа: поэтому предметом исследования была не семантика отдельных языковых единиц, а понятийное содержание (*Begriffsschatz*), формирующее своеобразие внутренней формы языка. В противоположность этим направлениям, отечественное языкознание (как русское, так и советское) определяет язык как системно-структурное образование, исторически сложившееся, детерминируемое не только внутривидовыми, но и социальными факторами и мыслительными категориями и функциями. В силу этого оно всегда проявляло живой интерес к содержательным категориям языка: углубленное изучение семантики слова выработало надежный и широко используемый в лексикологических, семасиологических и лексикографических штудиях метод описания слов по их семантической структуре. Тезис о неразрывном единстве лексического и грамматического в слове и в языке в целом стал в отечественной науке методологической посылкой, обусловленной самой природой слова, а именно: единством 2-х сторон слова значения и формой

(находящихся в знаковом отношении друг к другу), выделяемостью слова, его цельнооформленностью, семантической и формальной (фонетической/морфологической) целостностью, идиоматичностью лексического значения. С продвижением системного изучения языка, подготовленного всей предыдущей научной традицией, в 40—50-е годы на повестку исследования была поставлена и осуществлена может быть самая фундаментальная теоретическая задача — изучение содержательных аспектов слова как центральной единицы языковой системы (труды Щербы, Виноградова, Смирницкого и др.).

С введением в научный оборот системы различных форм слова (грамматических — словоформ, лексических, лексико-синтаксических, стилистических и лексико-фразеологических — ЛСВ) 1) преодолена узость традиционного определения лексического значения исключительно по референту, без учета языковых средств его выражающих; 2) создана возможность системного изучения компонентов в содержании слова вообще, нахождения языковых средств внутрисловного разграничения лексической семантики в частности; 3) были заложены предпосылки контекстологического описания семантики слова как в системе номинативных средств (системный обязательный контекст), так и при использовании слова в речевых единицах (переменный речевой контекст); 4) были сформулированы понятия семантической структуры слова и лексико-семантической системы языка, выделены три уровня описания слова: слово—лексема, слово—ЛСВ, словоупотребление, названное позднее семантически реализованным словом.

В 60—70-е годы расширение семантических исследований в отечественном языкознании «размыло» традиционно установленные границы изучения семантики слова и значительно увеличило область скрытого вторжения в лексическую семантику; к этим новым аспектам ее изучения относятся следующие.

1. Описание языка в семиологическом аспекте, изучение знакового значения слов, относящихся к разным лексико-семантическим разрядам.

Уже классическое определение слова как «единства значения и звучания» имплицитно основывалось на предположении о знаковом отношении между двумя его сторонами — формой и значением.

Разработка ономаσιологической проблематики, исследование гносеологического, психологического, социального и собственно лингвистического аспектов слова позволило сделать вывод о том, что первичное наименование словом связано с процессом знакообразования [Языковая номинация 1977а, 6].

Механизм первичной элементарной номинации сводится к процессу означивания звукового комплекса, которому придается в границах той или иной языковой системы (микросистемы или ряда) определенная семантическая значимость. Это означает, что вновь возникающее наименование может стать единицей данного языка, может быть осмыслено только в случае устойчивой психологической связи двух сторон словесного знака и в результате принятия, «освоения» его говорящим коллективом.

Лингвистическая разработка семиологического аспекта языка со времени Ф. де Соссюра продвинулась далеко вперед: был сформулирован принцип двукратного означивания языковых единиц [Бенвенист 1974], разрабатываются семиологические грамматики естественного языка и семиологические основы информатики [Мартынов 1974, 1977, 1982; Степанов Ю. С. 1981],

сделаны первые удачные попытки обоснования принципов семиологического описания языка вообще [Степанов Ю. С. 1973, 1976а, 1977а] слова и его значения в том числе [Степанов Ю. С. 1964; Уфимцева 1970а, б. 1972, с. 396—456, 1974, 1976а, 1976б, Караулов 1974а].

2. Новое направление в изучении лексической семантики в советском языкознании представлено тезаурусной презентацией лексической системы в двух основных аспектах: поиски семантического языка (Котелова 1974; Апресян 1967, 1973, 1974), приемы описания семантики лексических единиц посредством естественного языка [Караулов 1980, 1981].

3. Ономазиологическое изучение лексики значительно расширило область лексической проблематики за счет разработки словообразовательной [Кубрякова 1977, 1978, 1981; Ермакова 1977], стилистической [Азнаурова 1977а, б], косвенной, фразеологической [Телия 1977, 1981; Диброва 1979], пропозитивной [Арутюнова 1972, 1977а, б; Гак 1971, 1972, 1977] номинации; определился на новой основе предмет, задачи и метод ономазиологии [Торопцев 1970, 1974, 1975; Языковая номинация 1977а, б].

4. Изучение специфики слов с относительной семантикой: местоимений и дейктических элементов языка [Майтинская 1969; Вольф 1974; Падучева 1973, 1982; Борисова 1978; Шматова 1976; Филатова 1978].

5. Наиболее интенсивным вторжением в изучение семантики языка явилось направление «семантизации» синтаксического описания, предмет которого значительно расширился и может быть сформулирован как «система языка и ее реализация в речи, языковой знак и внеязыковая ситуация, понятийное содержание высказывания и отношение к нему говорящего» [Алисова 1971, 3]. Работы в этом направлении в отечественном языкознании многочисленны, а их проблематика и языковой материал разнообразны. Это — вопросы лексико-грамматической организации предложения, проблемы семантической синтагматики, соотношение грамматической и семантической структур предложения, принципы системного и функционального описания синтаксиса вообще, составляющих предложения — в особенности. Заслуживает быть особо отмеченным логико-функциональный подход к синтаксису, логико-прагматический анализ смысла предложения, которые позволяют выявить различные типы лексических значений слов для удовлетворения определенных коммуникативных потребностей [Арутюнова 1973, 1977а, б, 1978, 1979, 1980, 1983; Золотова 1973; Радзиевская 1979, 1981; Шатуновский 1982].

6. В 50-е годы нашего века со становлением на стыке лингвистики и психологии новой науки — психолингвистики — возник новый подход к феномену лексического значения слова.

Новым, прежде всего, было то, что слово и его значение стали рассматривать не столько как средство наименования результатов общественно-исторического опыта носителей языка, сколько как необходимый элемент языка, способствующий организации и осуществлению коммуникативных актов и речевой деятельности человека. «Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов» [Леонтьев 1971, 8].

Сместился и ракурс исследования слова: вместо ономазиологических и семасиологических описаний слова, последнее стало рассматриваться через призму осуществления и восприятия речевой деятельности, через процесс актуального знакообразования. Психологическая структура значения

слова предстала центральным элементом в организации психофизиологического механизма порождения речевых высказываний, как участвующая непосредственно в актах семиозиса речевых единиц [Леонтьев А. А., 1965, 1976; Теория речевой деятельности 1968].

В работах психолингвистического направления были разграничены и друг другу противопоставлены два аспекта значения слова: значения как объективного психического феномена и значения как субъективного факта, зависящего от осознания носителем языка своей речи [Леонтьев А. А., 1976].

Появился целый ряд работ по восприятию семантики высказывания [ср.: Восприятие языкового значения, 1980], по закономерностям и тенденциям восприятия различных компонентов значения: понятийных, коннотативных и стилистических. Проблемы лексического значения слова ныне широко подвергаются экспериментальному исследованию, в частности описанию природы различных компонентов лексического значения как субъективного содержания знакового образа [Уфимцева Н. В. 1981, 132—145], денотативного значения слова [Сахарный 1976], коннотативного аспекта и ассоциативной природы лексического значения в целом [Pollio 1966].

Тезис об ассоциативной природе значений слова возводится в работах этого направления в ранг методологического.

Психолингвистические исследования семантики слова продвинулись так далеко, что в наши дни ставятся на повестку исследования такие глобальные задачи, как описание и объяснение «особенностей строения и функционирования лексического компонента языкового механизма человека» [Залевская 1981, 29], т. е. лексикона, экспериментальное межъязыковое сопоставление видов и силы ассоциативных связей единиц разных уровней языка и т. п.

На основе экспериментальных данных был выдвинут целый ряд гипотез, например, о наличии в лексиконе ядра, элементы которого имеют наибольшее число ассоциативных связей и потому наилучшим способом отвечающих задаче идентификации и сохранения связей между единицами лексикона; делается обоснованное предположение, что именно эта часть лексикона выступает в качестве идентификаторов словарных дефиниций, объясняя введение нового значения при помощи уже известного.

Заслуживает быть отмеченным другой важный вывод из экспериментальных данных, а именно, что «слово опознается лишь в одном его значении и связь между разными лексико-семантическими вариантами полисемантического слова может актуализироваться только при наличии некоторых мыслительных усилий» [Залевская 1977, 37; 1982].

Сфера психолингвистических интересов в изучении природы лексического значения ныне обширна, поэтому отошлем читателя к соответствующей литературе [Основы теории речевой деятельности, 1974; Семантическая структура слова 1971; Слово в речевой деятельности 1965], перечислив кратко лишь основную проблематику: выяснение содержательных внутрисловных связей и межсловных семантических и ассоциативных полей слов, установление характера и оснований синфимических и антонимических отношений слов, измерение близости и отдаленности слов (в границах ряда, группы, поля), установление типологии ассоциативных связей слов, определение закономерностей процесса соединения значений отдельных слов в синтагматике, раскрытие психологических основ понятия «лексическая presupпозиция» и многое другое.

7. В настоящее время в исследованиях по семантике значительное

место уделяется значению не только отдельных слов, словосочетаний и предложений, но всей системе семантических связей в языке, реализуемых а) в лексических микросистемах, организованных в большинстве на гиперонимических отношениях; б) в ассоциативных метафорических и метонимических связях прямых и переносных значений в пределах смысловой структуры слова; в) во взаимодействии лексических и грамматических значений в пределах высказывания и в рамках целого текста [Гак 1969, 1971; Гальперин 1974, 1981].

Различные виды семантических отношений и связей слов рассматриваются в контексте, статус которого из примитивного понятия «окружение» переходит в статус лингвогносеологического обоснования диалектического единства цельности и дискретности языка, раскрывающего движение мысли человека в коммуникации [Колшанский 1974, 1980; Гальперин 1976, 1977, 1978, 1981; Никитин 1974а, б].

Для более детального рассмотрения возьмем лишь те работы, в которых лексическое значение слова является предметом специального исследования.

ДЕФИНИЦИОННО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Общеизвестно в теории лексикографии, которая за последние десятилетия значительно продвинулась в разработке своих научных основ [Щерба 1936, 1940; Виноградов 1977; Гальперин 1972, 1980, 1982а; Евгеньева 1963, 1971; Фразеологический словарь 1967; Кунин 1984; Ожегов 1953; Zgusta 1971; Караулов, 1974б, 1976а, б, 1980, 1981 и др.], что внутренняя организация семантики слов подается в словаре сообразно типу последнего, в зависимости от его назначения, объема, специализации.

Основной целью словарей по установившейся традиции была задача кодификации и представления словарного запаса того или другого языка как суммативной системы лексических единиц — лексикона. В наши дни с изучением ономастического, семасиологического и, особенно, фразеологического аспектов слова, словари ставят задачу выявить не только то, какую объективную реальность данные словарные единицы именуют и какое значение они имеют, но и то как эти слова структурируются в пределах той или иной микросистемы или в составе всего лексикона в целом.

Ставится задача через словарь раскрыть системные связи слов [Евгеньева 1963; Караулов 1976а, 1981]. При этом исследователи не без оснований прибегают к самым объективным и доступным им доказательствам — к словарным определениям. Общеизвестно, что в наши дни так называемый дефиниционный анализ, т. е. использование словарных дефиниций как особого методического приема описания лексической семантики, возведен в ранг специального метода лингвистических исследований.

Словарные определения используются: а) прежде всего и естественнее всего как основной инструмент при составлении различного рода словарей; б) для выяснения и описания отношений элементов производных слов, особенно терминологической и конкретной лексики; в) при исследовании содержательной стороны слов, словосочетаний и фразеологических единиц.

Возвращаясь к словарным определениям как к основному средству репрезентации номинативного значения слова и его лексико-семантических

вариантов, необходимо, на наш взгляд, обсудить главный, интересующий многих исследователей вопрос — какая категория: лингвистическая (уровень лингвистического описания), языковая (уровень онтологии языка), или предметного мира выражается словарной дефиницией? Подлежит ли определению собственно лексическое значение слова, столь идиоматично сформированное в каждом конкретном языке, или дефиницией передается лишь некий смысл, в большинстве случаев так называемое логико-предметное содержание, лежащее в основе значений полнозначных слов; или же словарное определение есть просто описание обозначенного словом предмета, явления объективной действительности?

Самой общей и в определенном смысле универсальной чертой словесного значения как категории конкретного языка является его идиоматичность и неповторимая индивидуальность. Значения слов, подобно фонемам, возникают, закрепляются и функционируют лишь в конкретной языковой системе, в конкретных микросистемах и рядах слов, будучи оформлены соответственно звуковым и грамматическим строем данного языка. Системное номинативное значение слов возникает в результате первичного знакообразования; поэтому прямое номинативное (первое словарное) значение можно назвать примарным знаковым, т. е. формирующим данный словесный знак. Все другие семантические значимости слова — метафорические (переносно-производные) и фразеологические возникают в результате сочетаемости или семантической совместимости слов по их лексическому значению как результат не прямого, а вторичного означивания уже существующего словесного знака. Не следует забывать, что прямое номинативное знаковое значение связано с первообразной номинацией, с самим актом первичного означивания, т. е. знакообразованием, в системе данного языка. В полнозначном слове его прямое значение, т. е. знаковое, потому и называется номинативным, что осознание носителями языка его связи с окружающим звуковым комплексом есть семиологизация последнего.

В силу относительной автономности каждой из двух сторон знака в сознании пользующихся языком слово можно представить то только как его значение, то только как форму знака, одностороннюю материальную данность (звуковую или графическую). Эта последняя, будучи идеализирована, используется говорящим коллективом для обозначения повторяющихся, опытно выделенных и осознанных носителями языка свойств предметов и явлений. На этой первообразной номинативной основе слово или словосочетание (расчлененное наименование) и формирует свои системные и асистемные значимости. Не случайно, а закономерно полнозначному словесному знаку присуще, помимо двух осей структурной организации — парадигматической и синтагматической, — третье измерение своего содержания — так называемая эпидигматика, или ось семантической производности, формирующая и сохраняющая синхронное и историческое тождество слова. Это свойство слова и является второй причиной, способствующей идиоматичности и своеобразию лексической семантики слова, варьирующейся от языка к языку, от слова к слову.

Третьим фактором, способствующим идиоматичности лексического значения слова, являются собственно языковые структурные особенности — система сложившихся в данном языке семантических категорий и субкатегорий, специфика лексико-грамматических разрядов слов, также меняющихся от языка к языку, от периода к периоду.

В силу этих условий формирования и функционирования лексического значения, семантическая структура слова, как и само наименование словом или словосочетанием — неповторимо, индивидуально, фонетически уникально.

Идиоматичность и индивидуальность характера лексического значения слова, уникальная организация смысловой структуры последнего не способствуют, а препятствуют полной переводимости единиц одного языка на другой; более того, чрезвычайно трудно установить и словесно выразить степень семантической адекватности двух и более слов в одном и том же языке, в один и тот же период его развития. Уже у В. В. Виноградова, отмечавшего эти свойства лексического значения слова, намечались основные критерии описания и классификации:

а) по принципу отношения наименования к обозначаемому (предмету, представлению, понятию) — ономаσιологический аспект;

б) по признаку парадигматических отношений и семантических связей слов в системе языка и в речи — семаσιологический аспект;

в) по конфигурации семантической структуры слова как единицы языка (называемой ныне эпидигматикой).

Возвращаясь к вопросу о том, что выражается словарной дефиницией, остановимся на одном примере; сопоставим по дефинициям значения трех английских предметных имен с относительным характером их семантики: 1) member (Ох., 397) ¹ 'член'; 2) representative (Ох., 549) 'представитель'; 3) participant (Ох., 464) 'участник'.

В современном английском языке member является самым обобщенным именем «отношения части к целому» (a part of a whole); в силу этого member — гипероним по отношению к двум другим — representative, participant. Более того, эти два последних выступают идентификаторами двух разных словозначений member. Свидетельством этому является не только словарная репрезентация семантической структуры слова member в толковых словарях современного английского языка, но и анализ логико-семантических отношений, отражающих «отношения между предметами реального мира» [Караулов 1981, 305].

В среднеанглийском языке member, заимствованное через французский из латыни [Stratmann's, Dictionary 1954, 424], своим прямым номинативным значением имело узкое, специализированное значение сугубо денотативного характера 'член, часть тела'. В современном английском языке первым (нормативным), общеупотребительным и широко распространенным является уже вторичное, производно-переносное словозначение «person belonging to a group, society», а то, в котором member было заимствовано в среднеанглийский — «part of a human or animal body», становится вторым как специализированное, более узкое и частное.

Что касается гипонима representative, то его первое словозначение определяется как «example, typical specimen», в то время как дефиниция «person elected or appointed to represent or act for others — 'лицо, назначенное или выбранное представлять или действовать от лица других'» раскрывает логико-предметное содержание второго по времени, но основного в современном английском языке словозначения существительного representative.

¹ Дефиниции приводятся по нормативному словарю современного английского языка [Hornby 1978] (сокращенно — Ох.).

Наконец, английское наименование участника participant (ср. франц. participant 'соучаствующий') — partaker, participator, sharer — имеет своей внутренней формой признак «соучастия» и определяется как «person who takes part in something».

Итак, что определяется дефинициями этих трех семантически коррелирующих слов? Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на понятии «слагаемых смысла словарных определений», столь четко и детально разработанных Ю. Н. Карауловым [1981]. «В семантике дефиниции можно видеть три слагаемых: лексическое, т. е. значения самих слов, составляющих толкование; логико-семантическое, отражающее отношения между предметами реального мира, обозначенными этими словами, и формально не всегда выраженное; синтаксическое, или в широком смысле грамматическое, эксплицитно представленное в виде отношений между словами на синтагматической оси» [там же, с. 290].

Итак, обратимся к приведенным нами дефинициям слов member, representative, participant. Сопоставим лексический компонент дефиниций: общим во всех дефинициях является «person» — признак, интегральный для этих трех слов, указывающий на лицо, находящееся в определенных отношениях к другим лицам. Дифференцирующим компонентом в дефинициях каждого слова выступают в 1) member — belonging to 'принадлежащий (к)'; 2) representative — representing others 'представляющий других'; 3) participate — taking part in (sharing with others) 'соучаствующий'.

Именно эти дифференциальные признаки составляют основу лексического значения каждого из слов, в то время как «person» указывает на принадлежность к данной гиперогипонимической микроструктуре, выражая лишь значимость, место каждого из слов в системе. Что касается второго слагаемого смысла дефиниции — логико-семантических отношений, то они играют не меньшую роль в определении логико-предметного содержания, формирующего лексическое значение слова.

В нашем случае наиболее обобщенными логическими отношениями являются: «часть и целое», именно они объединяют данные слова в определенный ряд. Но отличительным для каждого вида отношений «части и целого» является «направленность этих отношений», которые можно конкретизировать следующим образом:

- для member — «часть к целому»,
- для representative — «часть от (за) целого» (е),
- для participant — «соучастие, совокупность».

Можно предположить, что именно характер направленности отношений и стал тем дифференциальным моментом, потребовавшим различения и в их наименовании. Поэтому едва ли справедливо для всех случаев утверждение Ю. Н. Караулова о том, что «смысл выраженных в дефиниции логико-семантических отношений не принадлежит непосредственно ее семантике, не является реальной составляющей ее (дефиниции. — А. У.) собственного смысла, а есть показатель системных связей более высокого уровня абстракции» [Караулов 1981, 318].

Следовательно, можно заключить, что под нераскрытое понятие «логико-предметное содержание» слова нужно подводить как отраженный в сознании образ (представление, понятие) предмета, вещи, так и отношения этих вещей, предметов в реальном мире и как они находят свое отражение

в «логико-семантических» отношениях, в равной мере конституирующих лексическое значение полнозначных слов.

Вторым аргументом в пользу того, что словарные толкования определяют, скорее идентифицируют лишь логико-предметное содержание полнозначной лексической единицы, свидетельствуют типы дефиниций, имеющие, как правило, твердые логические основания.

Основным видом словарных дефиниций является определение «через ближайший род и видовое отличие», что как раз свойственно естественной логике человеческого мышления.

Еще Х. Касарес, говоря о характере определений, выделял реальные номинальные определения².

Реальные определения, стремящиеся раскрыть природу обозначаемого, считаются подлинно научными, так как подобные определения должны содержать указание на ближайшее родовое понятие и на существенный отличительный видовой признак; например, при определении «человека» необходимо указать на ближайшее родовое понятие «животное» и отметить видовое отличие человека как «мыслящего существа» (*homo sapiens*). Чаще всего в типе реальных определений встречается не строгое указание на родовидовые отличия; последние подменяются описательными определениями по результату (генетические) или по цели (телеологические) обозначаемого предмета или действия.

Номинальные определения нацелены, казалось бы, на экспликацию самого значения слова и тем не менее эти определения лишь поясняют значение, вернее идентифицируют его логико-предметное содержание путем установления тождества данного понятия другому, уже известному нам представлению и его наименованию. Номинальные определения более легки, менее рискованы, чем реальные. Классическим примером номинального определения является определение логико-предметного содержания: кобыла — «самка лошади» [Ожегов 1953, 245], или покомпонентно представленное «кобыла = лошадь + самка».

Фактически, компонентный анализ кроется в природе самого процесса логического мышления, в самой природе вещей.

В заключение обсуждаемого вопроса — что выражает собой словарная дефиниция — значение определяемого (толкуемого) слова, или лишь его логико-предметное содержание, формирующее экстралингвистическую основу лексического значения, хочется привести высказывание Ю. Н. Караулова: «Инверсия отношений именования, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату), создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов. Ср.: «печаль — это скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» [1981, 278].

В подтверждение нашей мысли о том, что словарное толкование слова не есть его значение, приведем четкое высказывание М. Н. Никитина: «Однако языковые значения — это отнюдь не определения или толкования в толковых словарях, а понятия также не сводятся к строгим и развернутым определениям в научных трактатах. И то и другое имеет местонахождение

² В наше время существует целая таксономическая система определений лексического значения слова [Степанов 1977а, 1981; Караулов 1976б, 1980, 1981].

в голове человека, и они отличаются друг от друга как мыслительные формы разного рода и разного уровня. Человек не образует для вещи понятий двоякого рода: одно обиходное, достаточное для отличения данной вещи от других и только, а другое — ученое, глубокое, построенное на существенных признаках вещи. . . У него есть единое понятие, глубина и содержательность которого обусловлена содержательностью его опыта данной вещи, характером всей его деятельности, относительно которой данная вещь выступает как объект» [1971, 14].

Можно заметить, что и постановка и обсуждение тривиального, может быть даже не совсем корректно сформулированного вопроса о том, что выражает дефиниция: значение определяемого слова или общий смысл (концепт) последнего, свидетельствует о недостаточной оформленности так называемого дефиниционного метода определения лексического значения.

Подтверждением этому служат многочисленные кандидатские диссертации, в которых словарные определения используются чисто эмпирически, не строго, без достаточно представленного инструментария и системы основных базисных понятий. Более того, так называемый дефиниционный анализ осуществляется безотносительно к единицам разных уровней языка (морфема, слово, словосочетание, фразеологическая единица). Не принимается, например, во внимание тот факт, что семантика фразеологических единиц складывается не только из суммы, но и разницы значений ряда синтагматически сочлененных слов, и потому может быть терминирована через понятие «смысл», в то время как лексическое (номинативное) значение образуется в акте (первичного) знакообразования и может быть названо знаковым. Это происходит по причине недостаточной разработки и разграничения двух основных семантических понятий — «значение» и «смысл». Хотя и наметилось в лингвистике определенное их разграничение: «значение» — свойственно словесному знаку, «смысл» — разного рода синтагматическим единицам — фразам, номинализациям, пропозициям, тексту, однако неразграничению этих двух понятий в лингвистике, несомненно, способствует различное их использование в логических и логико-математических описаниях семантики, где разные виды определений рассматриваются как познавательные процедуры, как способ интеллектуальной деятельности [Попа 1976; Бирюков, Горский 1976].

Для того, чтобы эмпирическое, часто интуитивное и непоследовательное использование словарных определений стало строгим научным методом (изучения) описания семантики единиц разных уровней языка, нужно многое: 1) строго сформулированную метасистему соответствующих понятий; 2) инструментарий (единицы, процедуры семантического описания); 3) установление таксономии типов словарных определений, выявленных с учетом различия знакового значения номинативных и фразеологических единиц. Остаются невыясненными многие вопросы, как то: типы трансформов и границы трансформаций, недопускающих искажения смысла (информации) определяемого слова; как интерпретировать дескрипции, содержащие альтернативные знаки в составе определений и т. п.

Продолжая обсуждение основной в этом параграфе темы, следует отметить, что разработка понятия итогов определений вообще, словарных в том числе, осуществлялась за последние 20 лет в нескольких ракурсах.

1. В связи с исследованием методологических проблем логики науки познания [Горский 1974; Попа 1976; Бирюков, Горский 1976], где естест-

венный язык рассматривается как интеллектуальная коммуникация, а определение, понимаемое в широком смысле, интерпретируется как «прием (и возникающее в результате его применения сообщение, текст), с помощью которого стремятся задать, уточнить, разъяснить значение какого-либо выражения в данном языке (тезаурусе) или расширить язык путем введения нового выражения» [Бирюков, Горский 1976, 232]. Конкретная лингвистическая разработка словарных определений в русле этого методологического направления осуществлялась а) в связи с описанием типологии словарных определений лексического значения [Степанов Ю. С., 1977а], интерпретируемого иногда с учетом взаимоотношения языка и культуры [Nida 1958]; б) в целях исследования метаязыка лексикографии и выработки принципов составления идеографических словарей [Караулов 1976а, б, 1980, 1981] (см. следующий параграф).

2. Второй аспект обращения к лексике и способам ее словарной репрезентации связан с описанием лексикона как части методического аппарата в теории генеративной семантики в связи с семантическим представлением содержания высказывания и с разработкой языков семантической записи [Мастерманн 1957, Masterman 1959; Halliday 1969; Lyons 1968; Fillmore, 1968а, 1969; Вежбицка 1968, Werzbiцka 1972].

Ввиду того, что в работах этого второго плана ни слово, ни лексическое значение как категории языка, ни сами метаязыковые понятия никак не фигурируют, то имеет смысл подробнее остановиться лишь на исследованиях первого плана.

Определенным этапом в разработке характера и типов определения лексического значения вообще, словарных в особенности, явились обобщающие теоретические работы Ю. С. Степанова и И. Р. Гельперина.

В коллективной монографии «Языковая номинация. Общие вопросы» [1977, с. 294—358] Ю. С. Степанов дал таксономическое описание всевозможных типов определений, используемых в различных семантических теориях современной лексикографии. В продолжение разработки принципов и основ лингвистической семантики Ю. С. Степанов [1964, 1971, 1973, 1974, 1976а] вносит определенное уточнение в набор компонентов знакового значения, разграничивая сигнификат и десигнат — интегральные, структурированные признаки в семантике слова.

Общеизвестное положение Л. В. Щербы о типах словарей Ю. С. Степанов переформулировал как «необходимое различие в типах определений», применяемых соответственно семантике словесных знаков и употребляемых в соответствующих типах словарей. Более того, критерием различения семантических теорий Ю. С. Степанов предложил категорию определения лексического значения.

На основе семиологического принципа строения и описания естественного языка с учетом классификации логики Ю. С. Степанов предложил свою типологию определений лексического значения в виде целого ряда структурированных оппозиций: прямые и косвенные определения, членящиеся в свою очередь на глубокие и мелкие, на диффузные и структурные, на денотативные и сигнификативные определения [Степанов Ю. С. 1977а, 299—335].

Новым в определении сущности лексического значения явился целый ряд положений, выдвинутых Ю. С. Степановым, которые углубили понимание природы этой языковой категории; например, положение о том, что

в определениях с так называемым плавающим признаком существенную роль играет порядок, иерархия компонентов, комбинирование (набор) которых «создает» (порождает) новые слова, относящиеся к различным классам предметов, сущностей. Именно этот тип определений способен объяснить то различие в семантике двух и более слов, которые обычно называются «оттенками» значения.

Анализ идеи изоморфизма между понятием и суждением, восходящий к логическим определениям, позволил Ю. С. Степанову вскрыть природу косвенных или перифрастических определений. Заслуживает быть отмеченным и вывод об условиях сближения прямых (составленных из признаков) и косвенных (через сочетаемость слов) определений. Этот вывод сводится к следующему: «Должно быть семантическое соответствие между субъектами высказываний, составляющих систему косвенных определений, с одной стороны, и категориальными признаками, составляющими систему прямых определений, с другой; иными словами, субъекты высказываний в первом случае должны подчиняться той же классификационной системе, что категории признаков во втором случае» [там же, с. 330].

Не вдаваясь в детальное обсуждение широкого круга общетеоретических вопросов семантики, поставленных и решенных в работе Ю. С. Степанова, таких, как: ограниченность одних лингвистических методов в описании семантики (компонентного, дистрибутивного) и преимущества других (трансформационного, перифрастического), проблемы связи лексики и синтаксиса (предикатно-аргументный анализ, глубинные/поверхностные структуры, определение смысла высказываний в терминах искусственных и естественных семантических языков и т. п.), отошлем читателя к этой глубоко информативной и теоретически обоснованной лингвистической работе по типологии семантических определений [Степанов Ю. С. 1964, 1977a].

ТЕЗАУРУСНАЯ РАЗРАБОТКА И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Обсуждение результатов изучения лексического значения через лексикографический метаязык было бы далеко не полным, если бы мы не коснулись метода тезаурусного его определения. Известно, что появление идеологических словарей разных языков [Roget's International... 1957; Casares 1951; Webster 1928; Wehrle-Eggers 1961; Dornseif 1934], в которых слова располагаются по предметным и понятийным сферам, а не в алфавитном порядке, может быть возведено к тезаурусу слов и фраз английского языка, опубликованному П. М. Роже впервые в 1852 г. Середина нашего века была отмечена целым рядом теоретических работ [Hallig, Wartburg 1952; Casares 1950; Mezger 1956], обобщающих принципы построения идеологических словарей. С конца 70-х годов разработка основ и методики составления идеографических словарей, особенно в советской лингвистической науке, обрела несколько новое направление в связи с составлением тезаурусов специальных терминологических областей [Словарь дескрипторов по химии и... 1967; Тезаурус научно-технических терминов 1972], в связи с обучением русскому языку [Морковкин 1970, 1973]. Некоторые работы этого направления касались вопроса наиболее адекватной лексикографической

презентации лексического значения слов [Скороходько 1965; Рогожникова 1974; Шехтман 1973; Путягин 1973; Котелова 1974; Сороколетов 1980].

Совершенно новый этап в разработке принципов составления идеологических словарей и метаязыка лексикографического описания слов обозначился с появлением работ Ю. Н. Караулова [1972, 1974а, б, 1976а, б, 1980, 1981], теоретической основой которых, по словам самого автора, явился «синтез теории семантического поля с принципами ономазиологического подхода к изучению лексики» [Караулов 1976а, б, 3]. Непреходящее значение комплекса указанных работ заключается в постановке и решении одновременно двух задач — практической и теоретической. «Задача получения идеографической классификации, т. е. семантически упорядоченного словаря — тезауруса, из семантически неупорядоченного, алфавитного списка слов. . . возникает как задача прикладная. Однако сам ход ее решения приводит к необходимости анализа общетеоретических проблем системной организации лексики, вопросов языковой номинации, необходимости пересмотра ряда положений теории поля, особенностей структуры и свойств словарей» [Караулов 1976б, 4]. По новизне объекта, по методу и результатам его конструирования все работы Ю. Н. Караулова можно назвать большим экспериментом в теории и практике исследования лексической семантики.

Примечательным является то, что такой тезаурус является специфическим объектом и выступает одновременно как метод исследования лексической семантики и системы лексики в целом.

Конструирование нового лингвистического объекта Ю. Н. Карауловым основывается на двух принципах: «Во-первых, это различение обычных уровней в языковой структуре (разрядка наша. — А. У.), что дает возможность нетрадиционно, по-новому категоризовать исследуемый объект в ходе решения определенной задачи» [Караулов 1981, 23] — построить словарную типологию на содержательной основе.

«Во-вторых, это введение новых единиц описания» [Караулов 1981, 23], а именно понятия квазиосновы, единицы, которая «не совпадает ни с корнем слова», ни с его морфемным членением и служит для точного опознания соответствующей гиперлексемы и идентификации обобщенного смысла составляющих ее единиц» [Там же, с. 24].

Последствия теоретических принципов и практических выводов, содержащихся в работах Ю. Н. Караулова, для лингвистики огромны. Прежде всего в них дано теоретическое обоснование и «операциональный» инструментарий с применением ЭВМ новой лингвистической области — словаростроения:

- а) каким должен быть словник тезаурусов?
- б) что допустимо/недопустимо в словарных дефинициях?
- в) типы дефиниций и их корреляция с типами предложений;
- г) составные части словарной дефиниции;
- д) темо-рематический анализ определяемого слова и дефиниции, показывающий, что дефиниции, как своеобразный текст, не обладают коммуникативной направленностью;
- е) исчисление типов логико-семантических отношений как они представлены в разных типах словарных определений;
- ж) правило шести шагов, связанное со свойствами человеческой памяти и позволяющее измерить глубину определений и т. п.

Таковы далеко не все, а лишь основные посылки, не досушие спекуляции,

а практические итоги, добытые в результате анализа корпуса дефиниций толковых словарей и построения частотного словаря семантических множителей русского языка [Караулов 1980].

В силу того, что словарь семантических множителей и предположительно полный тезаурус литературного русского языка строится на понятиях «парадигматического семантического поля» и «гиперогипонимической структуризации слов», отражающих принципы системной организации лексики любого естественного языка, то многие теоретические посылки и конкретные выводы релевантны для теории языка вообще, теории лексической семантики в особенности.

Перечислим основные из них.

1. Применение Ю. Н. Карауловым первого принципа — конструирование нового лингвистического объекта без учета единиц разных уровней языка — казалось бы, деструктивного по своей сущности, обернулось на деле определением (выявлением) семантического инварианта (гиперлексема) тождественных по предметному значению (смыслу) слов.

Введение понятия «семантической квазиосновы», т. е. пренебрежение частеречными значениями, словообразовательными и словоизменительными категориями, позволило сделать акцент на психофизиологических и логико-семантических отношениях языковых единиц, тем самым сделать реальный шаг к снятию антиномии «язык как система и язык как речь».

2. Огромное методологическое значение имеет лингвистическая интерпретация марковского принципа «оборачивания метода» как важнейшей закономерности человеческого познания. Суть этого принципа, по К. Марксу, заключается в диалектическом переходе одного метода в другой, например, алгебраического в дифференциальный в математике [Черняк 1975, Караулов 1981].

По нашему мнению, этой же диалектической закономерности познания подчинен и человеческий язык, в котором системные средства (слова и отчасти грамматические категории), как содержащие (аккумулировавшие) старый познавательный опыт говорящего на языке коллектива и общечеловеческого знания в целом, используются для того, чтобы выразить новый познавательный опыт. Именно этим может быть объяснено наличие двух разных сфер означивания языковых элементов — собственно семиологической (первичное знакообразование) и семантической — области формирования речевых единиц (семантическая интерпретация).

Под диалектический «переход» первосущности в новую противоположную ей сущность могут быть подведены многие языковые явления, например, системные средства как исходные оборачиваются речевыми единицами, вторичными образованиями по отношению к первым, и, наоборот, как впервые порожденные речью семантические значимости, становятся системными. На этой же диалектической закономерности основано все семантическое развитие слова, когда прямые (первообразные) номинативные (исходные) значения слов, дав жизнь вторичным, отходят на «задний план», специализируясь или устаревая совсем, а вновь возникшие оттенки и смыслы обретают полный языковой статус. Представляется возможным интерпретировать подобным образом общеизвестные в языке противопоставления: система — речь, содержание — форма, предмет — его функция и т. п. Несомненно, две закономерности диалектической взаимосвязи двух сторон одного и того же предмета, явления и т. п. «методооборачивания» и «превращенная форма»,

введенные К. Марксом, взаимосвязаны, а естественный язык и его категории и единицы подпадают под диалектику развития знаний вообще, посредством закономерностей языка в особенности.

3. Введение понятия «логико-семантические отношения» как составной части смысла дефиниции, определяющей словарное слово, на наш взгляд, значительно проясняет содержание широко используемого, но недостаточно определенного понятия «логико-предметное содержание», формирующего лексическое значение полнзначных слов.

В понятие «логико-предметное содержание» слова, по нашему мнению, входят два компонента: а) идеальный образ будь то класса предметов, единичного явления, т. е. собственно «вещественный» компонент; б) логико-семантические отношения, отображающие реальные связи данного предмета, явления, свойства по отношению к другим. Зачастую именно этот компонент логико-предметного содержания слова формирует в качестве основного и единственного лексического значения слова, особенно слов с релятивной семантикой типа *последователь*, *представитель*, *участник* и т. п.

Не случайно, а обоснованно сам термин «логико-предметный» имплицитно включает два компонента: отображение собственно предмета, явления и т. п. и ракурса отношений, как они складываются по логике внешних связей вещей, явлений в предметном мире.

4. Фронтальное обследование характера словарных определений позволило Ю. Н. Караулову выявить три парадоксальных свойства этих своеобразных типов предложений:

а) как идентифицирующие предложения словарные определения подпадают под рубрику пропозиций; с другой стороны, панхронический, скорее их вневременной статус, свойство безотносительности к оси времени ставит словарные определения в особый ряд;

б) своеобразный парадокс словарных определений выявляется и при ремо-тематическом анализе определяемого слова и словарного определения. С одной стороны, входное слово, занимая позицию подлежащего, выражает не «старое», «известное», а, наоборот, — «новое», «искомое», т. е. рему; в то время как предикат, т. е. само определение, по своей природе призванное идентифицировать смысл входного слова (определяемого), выражает «известное», «старое», являясь темой данного предложения тождества;

в) третий парадокс дефиниций касается различных пресуппозиций, которые, по утверждению Ю. Н. Караулова, могут быть двух видов — текстовые и предтекстовые. Последний вывод важен для уточнения понятия «лексические пресуппозиции», которые очень широко понимаются, включая и ономазиологические сферы, например, глагольных наименований. Об этом будет разговор в соответствующем разделе.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА КАК ЯВЛЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ

Понимание полисемии (многозначности) как способности слова «обладать» несколькими связанными между собой значениями возникло намного раньше, чем произошла филиация самой науки о значении слова — семасиологии [Reisig 1839]. В течение полувека семасиология существовала как широкая филологическая наука, гранича то с риторикой, то с поэтикой, сближаясь со стилистикой и этимологией.

Неопровержимое, но мало еще изученное к тому времени свойство слова варьировать свое лексическое значение, явление языка — слишком явное, чтобы не замечать, почти неуловимое, чтобы определить его причины и возможные формы, интерпретировалось на заре становления лингвистической науки в двух аспектах: а) исторически — многозначность более явно обнаруживалась при историческом рассмотрении слова; б) таксономически — основная задача в изучении полисемии сводилась к установлению классификаций семантических изменений слов [Ullmann 1957; Звегинцев 1957; Арнольд 1958]. Традиционное определение явления полисемии, как «наличие у одного и того же слова ... нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения слова» [Ахманова 1966, 336] отражает взгляд не только на определенную структурную организацию лексического значения, но и показывает направление исследования, историческое по своему характеру. К. Рейзиг [Reisig 1839], определяя предмет семасиологии, отмечал, что им должно стать изучение закономерностей изменения значения слов.

Под закономерности семантических изменений подпадали, прежде всего, типы логических отношений между первоначальным и последующими значениями, называемые в риторике: синекдоха, метонимия, метафора и другие тропы.

Лингвистическую интерпретацию указанным выше типам логических отношений с учетом психологических ассоциаций, сопутствующих изменению значений слов, и внешних причин их вызывающих, предложил М. Бреаль [Bréal 1897], заслуженно считающийся основоположником семасиологической науки. Не следует забывать, что М. Бреалю принадлежит открытие ряда закономерностей семантических отношений слов в языке, таких, как «распределение» семантики слов, имплицитующих степень их смысловой взаимозаменяемости, закон «расширения» и «сужения» значения слова при переходе из одной функциональной (общеупотребительной) в другую (специальную) сферу и наоборот.

Говоря об этом раннем периоде изучения лексической семантики слова, периоде исследования исключительно закономерностей изменения лексического значения, невозможно не упомянуть таких крупных семасиологов прошлого, как Г. Пауля [1960], В. Вундта [Wundt 1900], установивших логические и ассоциативные тенденции переносов значений слов, законы, из которых исходили и исходят все последующие поколения семасиологов [Erdmann 1900; Sperber 1922; Stern 1931; Wellander 1928], вплоть до наших дней [Pešč 1971; Ullmann 1962; Шмелев 1973].

Со становлением семасиологической науки в первой половине XX в. меняется и ее предмет: в центре внимания оказываются вопросы определения природы лексического значения как символической функции слова. Традиционному языкознанию этого периода было свойственно нереляционное понимание значения слова, независимо от того, выделяли ли исследователи в качестве главной предметную, логическую, психическую или сугубо прагматическую основу значения.

Едва ли возможно и, очевидно, не нужно останавливаться подробно на многочисленных работах, выполненных по этой проблематике, мы отсылаем читателей к общеизвестным работам обзорного характера [Ullmann 1957, 1962; Звегинцев 1957; Арнольд 1958, 1966].

Различие в определениях лексического значения как некоей данности

зависело от того, с чем отождествляли исследователи эту «субстанцию значения»: с обозначаемым предметом (референтом), или с отражением отдельных сторон и признаков предмета (концептом), с идеальным образом объекта — с представлением или понятием о предмете как целом.

Достаточно вспомнить понятие «семантический треугольник», прочно вошедшее в научный оборот с известной работой Огдена и Ричардса «Значение значения» [Ogden, Richards, 1936], раскрывающее взаимодействие языковых и экстралингвистических факторов, конституирующих лексическое значение.

Помимо установления причин и типов изменения значений слова, основным направлением в изучении полисемии слов с первой четверти нашего века, больше синхронным, нежели историческим стало описание семантической структуры слова. Уже Г. Пауль [1960, 75—78], манифестируя исторический подход к лексическому содержанию слова, выделил наиболее устойчивые ассоциативные представления, разграничив узуальные и окказиональные значения как общие (абстрактные) и частные (конкретные). Основную причину изменения значений слов Г. Пауль видел в отклонении последнего (окказионального) от первого (узуального). Совершенно в другом видели причину изменения значений полисемантического слова такие ученые, как Г. Шпербер [Sperber 1922], К.Эрдман [Erdmann 1900], Э. Велландер [Wellander 1917—1923], а именно в эмоциональном моменте, не в последнюю очередь детерминирующем значение слова.

Новым для того времени была предложенная Г. Шпербером методика исследования явления полисемии. Придавая чрезмерно большое значение эмоциональному фактору при определении сущности лексической семантики слова, Г. Шпербер выдвинул идею «эмоциональных комплексов», что предполагало рассмотрение того или другого слова в его синтагматическом «окружении».

Непреходящее для семасиологии значение имели труды известнейших русских ученых А. А. Потебни и М. М. Покровского.

А. А. Потебня, глубоко теоретически освещая сущность лексического значения, первым в отечественной науке сформулировал понятие семантической структуры слова, разграничив объективное и субъективное в его лексической семантике, выделив «дальнейшее» и «ближайшее» его значения, практически осуществил описание разного рода троп, разработав тем самым основы русской словесности [1905].

Что касается семасиологических трудов М. М. Покровского [1959], то в них впервые для молодой науки был поставлен и в определенной мере решен вопрос о системности семантических связей слов не только по «сферам представлений», но и в их взаимодействии с единицами других аспектов языка; М. М. Покровский обратил внимание не только на ономастические, но и синтагматические и межуровневые связи слов в языке.

В итоге были выявлены закономерности отношений языковых единиц с внешними факторами, детерминирующими их значения, обобщены некоторые тенденции в изменении семантики слов при их функционировании в предложении, например, изменение значения имен предметов, действий, процессов в зависимости от их места в предложении³.

³ Выражаясь современными терминами, можно утверждать, что это было начало функционального изучения лексического значения, довольно распространенного в наши дни.

От зарубежных семасиологических работ последней четверти XIX в., ставивших своей целью изучение значения изолированного слова, установление причин и классификаций семантических изменений, русская семасиологическая мысль этого периода выгодно отличается как по задачам, так и по определению самого предмета семасиологических исследований.

А. А. Потебня в многочисленных работах конца XIX в. дал принципиально новое определение понятию «лексическое значение»: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутреннею их формою в отличие от внешней звуковой, иначе — с по-
бом представления вня язычного содержания» (разрядка моя. — А. У.). [1958, 47]. Именно этот основной тезис о разграничении языкового и экстралингвистического содержания предопределил подход А. А. Потебни к лексическому значению слова и позволил ему разграничивать в слове его «ближайшее» и «дальнейшее» значения.

Под ближайшим значением слова, которое А. А. Потебня принимал за единственный предмет лингвистического изучения, следует понимать прежде всего прямое номинативное значение слова, ассоциируемое с обозначаемым предметом, с явлением как целостным его представлением; под «дальнейшим» значением имеется в виду энциклопедическое знание индивидом обозначаемого предмета или понятия о нем: «ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично» [1958, 20].

Идеей наличия ближайшего и дальнейшего значений в слове А. А. Потебня хотел отграничить содержание языковых единиц от мыслительного содержания и подчеркнуть превалирующую роль языка в образовании мысли. Ср. его высказывание по этому поводу: «Мысли говорящего и понимающего сходятся между собой только в слове» [Потебня 1976, 139—140].

Противоречивость семасиологической теории А. А. Потебни заключается в том, что, с одной стороны, он преувеличивал роль и влияние языка на мысль⁴, с другой — он не признавал той огромной общественно-познавательной роли языка в формировании, закреплении понятий, мыслей в словах и выражениях и передаче их от поколения к поколению, рассматривая слово как индивидуально-психический акт. В силу этих своих убеждений А. А. Потебня отрицал, скорее не признавал явления полисемии слов.]

С распространением системного подхода к языку, независимо от того, определяется ли феномен лексического значения как отношение имени и смысла [Ullmann 1957, 1962] или под лексическим значением подразумевается некая идеальная данность (понятие, представление, образ, понятийный признак и т. п.), явление полисемии начинает изучаться в новых аспектах.

1. Определение семантической структуры слова, разграничение в лексическом содержании слова, различных по степени выделяемости и средствам их языковой экспликации, типов лексических значений (прямые, переносные, основные/производные, свободные/структурно ограниченные и прочие значения) [Виноградов 1953; Уфимцева 1962а; Шмелев 1964а].

⁴ «...изменение значений одного и того же слова и образование от известного слова новых слов устанавливает, прежде всего, связь представлений, а потом всего того, что мыслится под представлениями. В этом установлении связи обнаруживается влияние языка на мысль» (Потебня А. А. О связи некоторых представлений в языке. — Филологические записки. Воронеж, 1864, вып. III, с. 138).

2. Анализ лексического значения слова по конфигурации его семного состава, усилившийся с распространением компонентного описания семантики слова.

Разнообразие работ в этом ряду так велико, что нет никакой возможности хотя бы приблизительно перечислить их. При общности применяемого их авторами, казалось бы, одного и того же исследовательского приема — анализа смыслового содержания слова по компонентам — различие в понимании самого объекта (слова и его значения), материала и целей исследования обусловило бесчисленные вариации работ этого направления [Lounsbury 1956; Goodenough 1956; Bendix 1966; Арнольд 1966; Комлев 1969; Селиверстова 1975; Bolinger 1965; Найда 1962; Nida 1964, 1975; Кузнецов 1980].

3. Изучения явлений полисемии с целью выявления причинно-следственных отношений между значениями полисемантических слов и их сочетаемостью поставило исследователей перед решением, пожалуй, самого сложного вопроса — предопределяет ли значение слова сочетаемость последнего, или, наоборот, значение слова определяется исключительно его сочетаемостью с другими словами [Медникова 1974; Шмелев 1964б; Antal 1963].

Изучение явления полисемии выдвинуло на повестку семасиологических исследований разработку понятия «контекст», связанного с многочисленными поисками «формализации семантики»; стремление найти способы и формы материальной выраженности С. Ульманн⁵ считал самой примечательной чертой семасиологии XX в.

4. Основные положения контекстного подхода к полисемии, определение средств и условий смыслового разграничения многозначных слов в отечественной науке могут быть возведены к семасиологическим штудиям М. М. Покровского и многочисленным работам по русской словесности А. А. Потебни. Эти положения были преумножены, углублены и развиты В. В. Виноградовым [1975, 47], А. И. Смирницким [1954], Н. Н. Амосовой [1957, 1963, 1968], О. С. Ахмановой [1957].

Разрабатывая понятие границ (порогов) лексико-фразеологического (Виноградов), лексико-семантического (Смирницкий), семантического (Ахманова) варьирования слова, исследуя условия существования свободных и фразеологически связанных словосочетаний (Амосова), эти исследователи сформулировали понятие системного и речевого, переменного и постоянного, лингвистического и экстралингвистического типов контекстов.

Более того, с учетом единиц разных уровней, детерминирующих отграничение и реализацию того или другого значения лексико-фразеологической формы (по Виноградову) и лексико-семантического варианта (по Смирницкому), были выделены типы языкового контекста — лексический, морфологический, синтаксический и смешанный, включающий средства разных уровней языка (Амосова).

Что касается понятия «глобальный контекст» и его стратификации, изучения условий и форм коммуникативного процесса, анализа грамматических категорий текста, то мы отсылаем читателя к следующим работам.

⁵ С. Ульманн так говорил о значимости понятия «контекст» для семантики: «The context theory is perhaps the most influential single factor in the growth of the twentieth century semantics. All the most promising discoveries and most fruitful methods of modern research... can be traced to this source» (The Principles of Semantics. 2^d ed. Glasgow, 1959, с. 65).

лежащим за пределами нашей темы [Языковые единицы и контекст 1973; Реализация значения и контекст 1975; Колшанский 1959, 1980; Мыркин 1978; Гальперин 1974, 1977, 1981; Изенберг 1978].

В завершение обзора проблематики и результатов традиционного изучения явления полисемии слова остановимся на работах [Шмелев 1964а, 1973; Никитин 1971, 1973, 1974а, б], которые значительно расширили проблематику, уточнили и систематизировали методику описания явления полисемии соответственно уровню современных лингвистических исследований.

Приверженность взглядов Д. Н. Шмелева к традиции заключается прежде всего в том, что полисемия определяется им как семантическое единство, существующее между значениями одного и того же слова, и складывающееся на основе общих семантических ассоциаций, известных как метафорические, метонимические и прочие переносы. Новым в теории и практике семасиологических штудий Д. Н. Шмелева является наредкость удачное заимствование и использование целого ряда фонологических понятий (оппозиция, дифференциальные признаки, позиционные ограничения, нейтрализация и т. п.), которые, будучи применены к односторонним содержательным единицам, позволили упорядочить описание лексического значения слова. Однако отсутствие изоморфизма между единицами фонологического и лексематического уровней языка, между односторонними и двусторонними сущностями, делает применение фонологических понятий ограниченным, а иногда и затруднительным. Так, не всегда удается четко установить соотношение, а соответственно и последовательное разграничение понятий: «значения слова» как односторонней единицы (одного из значений полисемантического слова, кстати никак специально не определяемого в работах Д. Н. Шмелева) и «слова» как двустороннего языкового знака; едва ли можно считать такие понятия, как «позиционная ограниченность», «лексико-семантическая позиция» и другие атрибутами значения, а не слова в целом. В связи с этим напрашивается снова давно дискутируемый вопрос: варьируется ли само слово или лишь его значение?

Другим новым понятием, касающимся сущности многозначного слова, является так называемая семантическая неопределенность и диффузность лексического значения, к сожалению, также не четко эксплицированное самим автором. Имеется ли в виду «референционная недостаточность» некоторых словозначений, или факт наличия двух ипостасей слова — виртуального и актуального знаков, или возникающая в художественных текстах, особенно в поэтических, двусмысленность слова как определенный стилистический прием [Вейнрейх 1970, 208; Гальперин 1974, 1976; Джохадзе 1977], не совсем ясно.

Безусловно одно, что лексическому значению слова, в большей или меньшей мере опосредованности отражающему свойства предметов и их связей в реальном мире, характерно отсутствие четких демаркационных линий между его словозначениями, как нет таких границ и в объективной действительности. На наш взгляд, в содержании слова преобладает не диффузность, противоречащая логике номинации, а определенная упорядоченность и структурная организация содержания, которые являются сущностными свойствами полисемантических слов, обеспечивающими их синхронное и историческое тождество.

Неоценимое свойство семасиологических работ Д. Н. Шмелева заключается в последовательно осуществляемом в них системном подходе к лексиче-

ской семантике. В итоге были четко разграничены не только категории и тенденции лексической семантики слова в парадигматике и синтагматике, но с введением понятия «эпидигматика», названного Д. Н. Шмелевым «третьим измерением лексики» [1972], было упорядочено описание внутрисловных семантических значимостей, исторически образующихся на оси семантической производности слова.

Хотя в работах Д. Н. Шмелева мы не находим ни термина В. В. Виноградова «лексико-фразеологическая форма слова», ни термина А. И. Смирницкого «лексико-семантический вариант», очевидно одно: констатируя факт появления тех или иных значений в зависимости от употребления слова в разных лексико-семантических позициях, Д. Н. Шмелев фактически описывает многозначность слова через понятие лексико-семантического его варьирования.

Возвращаясь к понятию «наименьшие односторонние единицы слова» как единиц языка, а не описания, следует указать на мало используемый, но очень удачный, на наш взгляд, термин «словозначение», введенный в научный обиход М. В. Никитиным [1974а, б] по аналогии с термином «словоформа», предложенным А. И. Смирницким [1954, 1955а].

Как уже отмечалось выше, связи значений в границах полисемантического слова рассматривались по традиции в целях установления причин и типов изменения этих значений и описывались в терминах метафорических, метонимических переносов наименований.

Удачную попытку по-новому рассмотреть внутрисловные связи значений сделал М. В. Никитин [1971, 1974а, б], системно описавший типы содержательных связей словозначений, отнеся их к универсальным языковым константам: «Универсальны типы связей, идиозотнично их распределение в семантических структурах» [Никитин 1974а, 51]. Приравняв внутрисловные связи значений к концептуальным (понятийным), М. В. Никитин свел все их многообразие к двум основным: 1) импликационным и 2) классификационным. «Импликационная связь значений, — утверждает М. В. Никитин, — широко представлена в семантических структурах многозначных слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал — изделие, причина — следствие, исходное — производное, действие — цель, процесс — результат, часть — целое, признак — вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и т. д. и т. п., т. е. все разновидности указанных выше симультанных и суксесивных, статических и динамических, слабых и сильных связей с жесткой и вероятностной зависимостью» [Никитин 1974а, 54]. Второй общий тип связей, по мнению М. В. Никитина, представлен классификационными связями, являющими собой своеобразный «мыслительный аналог распределения признаков у сущностей объективного мира» [там же, с. 56]. В свою очередь классификационные связи могут быть гиперогипонимическими (родовидовыми) и симилятивными, т. е. связями по сходству признаков вещей и их отношений в объективном мире.

В связи с описанием содержательных связей словозначений по словарным дефинициям было сделано утверждение, что именно эти содержательные связи и образуют каркас семантической структуры полисемантического слова.

Желая подчеркнуть известную мысль о различной роли отдельных словозначений в структуре слова, М. В. Никитин использует психолингвисти-

ческий термин «языковой статус» [Леонтьев А. А., 1965, 29] применительно к лексической семантике слова.

Под «языковым статусом словозначения» М. В. Никитин понимает совокупность собственно языковых параметров, свойственных тому или другому словозначению; другими словами «совокупность соотносительных несодержательных признаков, определяющих место данного словозначения в системе языковых средств выражения» [1974а, 70]. К числу их относятся: способ номинации концепта (прямое/переносное значение), референционная самодостаточность (достаточные/недостаточные словозначения), частотность, мотивированность значения морфологической структурой слова, полнота словообразовательной парадигмы, круг синтаксической валентности, круг лексической сочетаемости и т. п. [там же, с. 86]. При сопоставлении двух словозначений по шкале данных признаков основным или центральным (прямым) словозначением в данной номинативной системе будет то, которое обладает большим набором положительных признаков, определяющих его языковой статус.

Не трудно заметить, что под понятие «языковой статус» подведены как системная значимость слова, так и те средства языка, которые составляют системный (обязательный) контекст, эксплицирующий тот или другой лексико-семантический вариант слова, «демаркирующий» границы того или другого словозначения полисемантического слова.

По существу определяется одна и та же сущность — лексико-семантическое варьирование слова, но называется оно другим именем.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА

Наиболее широко распространенным, но по-разному терминованным, как было показано выше, в системном изучении лексического значения слова и оригинальным вкладом [Weinreich 1963] в теорию общей лексикологии является исследование основной семасиологической категории — лексического значения слова как процесса и результата лексико-семантического варьирования слова. Предметом исследования являются условия и средства внутрисловного разграничения лексического значения, границы синхронного и исторического тождества слова, проблема уже давно поставленная в русской лингвистической науке на повестку дня, но нашедшая свое разрешение с позиций материалистического языкознания в учении о слове акад. В. В. Виноградова. В своей ранней работе «О формах слова» он писал: «То, что традиционно принято называть разными лексическими значениями слова (разрядка наша. — А. У.), под иным углом зрения может быть рассматриваемо как лексико-фразеологические формы слова» [1975, 43].

Подходя к языковым фактам лексецентрически (от слова к тексту) и определяя слово как единство его различных форм (фонетических, грамматических, лексико-фразеологических, лексико-синтаксических, стилистических) мы, следуя за В. В. Виноградовым, предпочли в свое время термину «лексико-фразеологическая форма» термин А. И. Смирницкого «лексико-семантический вариант слова» [Уфимцева 1962а, 90—92]. Замена одного термина другим была вызвана не только тем, что многозначность термина «форма» породила ряд научных недоразумений [Виноградов 1947, 31], но и тем, что термин «лексико-фразеологическая форма слова» может

иметь смысл «одно из лексических значений слова» лишь будучи противопоставлен другим формам слова — фонетической, фономорфологической и т. п. Когда же исследуется содержательная сторона слова, то, естественно, термин «лексико-фразеологическая форма» только больше запутывает теоретически и затрудняет практически определение семантической структуры слова как непрерывного ряда лексико-семантических вариантов слова в их иерархически организованном единстве.

Итак, как определяется лексико-семантический вариант слова? В отличие от фонетических и фоно-морфологических вариантов слова, различающихся своей звуковой (графической) формой, от различных словоформ, различающихся морфологическим значением, но имеющих одно и то же лексическое значение, лексико-семантические варианты слова рождаются друг от друга своим лексическим содержанием, хотя форма данного словесного знака не несет сама по себе никакого различия. Варьирование лексического значения слова происходит в результате фразеологической (лексической) сочетаемости семантически реализуемого слова и его синтаксической позиции в синтагме или предложении в целом, часто в том и другом вместе.

Нередко варьирование лексического значения является результатом «лексикализации» отдельных морфологических форм слова, например, форм множественного числа существительных: *standard — standards* (знамена). Так, русское прилагательное *современный* имеет два лексико-семантических варианта (далее ЛСВ): 1) 'нынешний, теперешний'; 2) 'одновременный с кем-либо, с чем-либо'.

У существительного *день* в русском языке в результате его использования говорящими, вычленились следующие ЛСВ:

1) ЛСВ: 'часть суток от восхода до захода солнца', реализуемый в синтагмах: *солнечный день, пасмурный день, погожий день, день клонился к вечеру* и др.;

2) ЛСВ: 'сутки', промежуток времени в 24 часа: *В году 365 дней; Знакомство их произошло несколько дней назад* и др.;

3) ЛСВ: 'календарная дата', число месяца или дни, связанные с каким-либо событием, например: *Международный женский день; день рыбака; день рождения* и т. п.;

4) ЛСВ: 'время, пора, период', реализуется формой множественного числа: *дни юности; до конца дней; закат дней* и др. [Цит. по: Словарь русского языка, 1981, т. 1, 381].

Когда мы говорим о лексико-семантическом варьировании слова, мы имеем в виду внутрисловные различия (словозначения) и языковые средства снятия асимметрии словесного знака в данном языке. Словозначение — наименьшая односторонняя семантическая единица, лексико-семантический вариант слова — наименьшая двусторонняя лексическая единица, имеющая своей формой выражения соответствующую минимальную синтагму.

Описание и определение лексического содержания слова в терминах традиционного понятия полисемии и в терминах лексико-семантического варьирования являются двумя разными способами моделирования лексической семантики слова, двумя эвристическими приемами, обеспечивающими разную степень адекватности познания и репрезентации сущности самого объекта — лексической семантики. Они приводят к разным последствиям и на практике. Описание многозначности слова традиционно происходило исключительно на основе членения логико-предметного, внеязыкового содер-

жения и ассоциативных связей слов на «отдельные значения» как наименьшие односторонние единицы содержания, выделяемые исключительно интуитивно и нередко субъективно.

Определение лексического значения слова исключительно по референтной отнесенности слова и понимание его семантической структуры лишь как сети ассоциативных связей понятий и их признаков не только не позволяют описывать лексику как структурный уровень языка, но и уводят семасиологию, как и раньше, за пределы лингвистических дисциплин, предмет и методы которой детерминируются при таком подходе исключительно экстралингвистическими факторами. При понимании лексического значения как процесса и результата варьирования последнего с помощью средств разных языковых уровней совершенно по-иному определяется и сущность лексического значения. «Значение слова, — писал В. В. Виноградов, — определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например, движение, развитие, язык, общность, закон и т. п.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами от экспрессивной и стилистической окраски слова» [Виноградов 1977, 65].

Такое синтезированное определение, всеобъемлющее и в то же время конкретное, применимое к любому языку и отражающее специфику языковых условий формирования и существования значения слова в каждом конкретном языке, включает лексическое значение в число языковых категорий. Если отвлечься от прагматических факторов, то значение слова определяется тремя основными факторами: 1) логико-предметным содержанием, представляющим собой не только отражение предметов и свойств в объективной действительности, но и их связи в предметном мире; 2) закономерностями и своеобразием грамматических средств, которыми это логико-предметное содержание оформляется, реализуется и воспроизводится; 3) соотносительными связями слова со всей семантической системой словаря. Отсюда следует, что как бы тщательно и детально мы не изучали понятийную сторону слова в отрыве от чисто языковых условий и форм, в равной мере констатирующих его лексическое значение, невозможно вскрыть самое важное, а именно: что формирует и дифференцирует понятийную сторону слов, по природе самих материальных вещей и общественно-историческому опыту в основном для всех людей (для разных языковых общностей) одинаковую; чем обусловлено «превращение» понятия в значение данного, а не другого слова, в элемент семантической системы данного языка и на определенном этапе его развития.

Что касается двух других факторов, определяющих системный характер и специфику языкового выражения лексического значения, то они играют важнейшую роль, облекая данное понятийное содержание в формы слов и словосочетаний, допустимых закономерностями их лексических и семантико-синтаксических связей в системе языка в целом.

Такой подход к природе лексического значения слова позволяет совершенно по-иному моделировать семантическую структуру слова, а именно расчленить слово—лексему в его индивидуальном, собственно лексическом

значении на минимальные двусторонние лексические единицы — лексико-семантические варианты слова. «Различия между лексико-семантическими вариантами слова не отражаются на их звуковой оболочке, но в очень большом числе случаев находят свое выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами — во фразеологических особенностях, либо и в том и в другом вместе» [Смирницкий 1954, 37] (разрядка наша. — А. У.).

О таких контекстных средствах внутрисловного разграничения В. В. Виноградов писал, что наряду с «лексико-фразеологическими формами», предполагающими лексическую сочетаемость семантически совместимых/несовместимых слов, лексико-семантические связи слов выступают так же как средство, способное провести границу между отдельными ЛСВ.

С вычлениением наименьших двусторонних лексических единиц — лексико-семантических вариантов — создались предпосылки «формализации», т. е. стало возможным выявить средства языковой отмеченности порогов внутрисловного семантического варьирования, предпосылки системного описания лексики в целом как структурного уровня языка.

Таким образом, под языковыми средствами выражения границ внутрисловного варьирования его лексической семантики следует понимать собственно лексическую сочетаемость слов (минимальные, двучленные синтагмы), грамматические формы и синтаксические позиции семантически расчленяемых (реализуемых) слов.

Что помогает пользующемуся языком осознавать отличие одного лексико-семантического варианта от другого. Это, во-первых, различие вещественного значения слова; во-вторых, — лексическая сочетаемость, т. е. набор семантически совместимых слов; в-третьих, — синтаксическая сочетаемость — (модель смысловых связей; позиция семантически реализуемого слова в речевом высказывании; тип синтаксической конструкции); в-четвертых, — парадигматические отношения слов, их системная противопоставленность (антонимия, синонимия, гиперогипонимические структуры слов, словообразовательные и лексико-семантические парадигмы слов); наконец, в-пятых, — форма словесного знака (различные словоформы, ограничивающие или реализующие данную семантическую значимость слова).

С пониманием лексического значения слова как процесса и результата варьирования его прямого номинативного значения была преодолена ограниченность (узость) традиционного определения лексической семантики исключительно по референту.

В. В. Виноградов, определяя слово как «систему сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, из которых каждая связана со строго определенными, оправданными структурой языка контекстами употребления» (разрядка наша. — А. У.) [Виноградов 1975, 33] сформулировал, фактически, основные понятия и категории, касающиеся феномена лексико-семантического варьирования слова.

Итак, основные понятия, релевантные для описания лексико-семантического варьирования, следующие:

а) лексико-семантический вариант слова, наименьшая знаковая (двусторонняя) лексическая единица, означаемым которой является определенная семантическая значимость (словозначение) полисемантического слова,

а формой ее языкового выражения, кроме собственно знаковой формы (последовательность фонем или графем), чаще всего выступает минимальная лексическая синтагма (сочетание минимум двух слов) или/и определенная словоформа, лексико-семантическая или/и синтаксическая позиция семантически реализуемого слова;

б) семантическая структура слова, представляющая собой иерархическую систему, исторически сложившееся единство лексико-семантических вариантов с основным прямым номинативным в ее центре;

в) системный/речевой контекст как необходимое условие реализации виртуального слова разграничение последнего на лексико-семантические варианты;

г) лексико-семантический уровень слова — уровень реализации ЛСВ, конституирующий лексико-семантическую подсистему языка;

д) контекстологический анализ лексической семантики, обеспечивающий выявление средств тех уровней языка, от которых идет указание к семантически реализуемому слову.

Как можно было заметить, изучение лексического значения слова через понятие лексико-семантического варьирования нацеливает исследователя на анализ собственно языковых средств экспликации лексического значения слов как в парадигматике, так и в составе синтагматических единиц (сочетаний, фраз, предложений).

В заключение отметим, что описание семантики слова через понятие «лексико-семантический вариант» заняло прочное место в современной (советской, отчасти зарубежной) лингвистической науке, достаточно перечислить лишь основные работы, выполненные в этом исследовательском ключе [Виноградов 1953, 1975; Смирницкий 1954; Ахманова 1957; Звегинцев 1957; Уфимцева 1962а, 1968; Амосова 1963, 1968; Schmidt 1963; Азнаурова 1973; Шрамм 1976, 1979, 1980].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

§ 1. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКА

Сложность содержательной стороны языковых единиц вообще, слова в том числе, проистекает из того, что в языке находят свое выражение, сопрягаясь, но не покрывая друг друга, семантические свойства четырех объектов: 1) семиологические значимости единиц собственно языковой системы; 2) категории предметного мира, своеобразно отраженные в категориях и единицах языка; 3) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; 4) прагматические факторы коммуникативного назначения языка.

Едва ли в окружающей нас действительности найдется более сложное и противоречивое явление, чем естественный язык, в диалектической природе которого сложно взаимодействуя и причудливо переплетаясь, находят свое преломление и отражение основные диалектические категории, законы объективной действительности, человеческого познания и общественно-исторического опыта: соотношение материального и идеального, динамическое взаимодействие формы и содержания, диалектическое противоречие объективного и субъективного, общего и отдельного, абстрактного и конкретного.

Основу диалектики, детерминирующую природу человеческого языка и мышления составляет гносеологическая триада, трехчленное противопоставление «реальная действительность — язык — мышление», в котором все три члена взаимосвязаны и равноположены по их объективному содержанию, хотя каждый имеет свои специфические категории, свои формы существования и закономерности развития.

Материалистическое положение о диалектическом единстве и взаимосвязи «реальной действительности — языка — мышления» должно быть не только принято в общем виде: необходимы четкость и ясность понимания этой основной гносеологической триады, позволяющие не только интерпретировать ее *in abstracto*, но и действенно применять диалектико-материалистическое понимание основного гносеологического вопроса в конкретном исследовании содержательной стороны языка.

Исходным материалистическим тезисом при определении сущности языка является то, что человеческий язык есть «материально-идеальное образование, сочетающее в себе по отношению к объективной действительности симультанное свойство отображения и обозначения, при этом процесс обозначения языковыми знаками подчинен задачам отражения» [Резников 1964, 445].

В силу этого собственно знакообразование в языке представляет собой в гносеологическом плане непрерывный процесс обращения фактов действительности в факты сознания, а следовательно, в достояние системы языка, в значения языковых единиц и категорий, отражающих материальный мир.

общественно-исторический опыт человека в различных сферах его деятельности.

1. Главной отличительной чертой человеческого языка, прежде всего, является его познавательная-репрезентативная функция — свойство опосредованно выражать, закреплять и хранить результаты социально-исторического опыта и познавательной деятельности его носителей.

Знаковая репрезентация языка представляет собой специфическую, присущую только человеку как мыслящему существу форму опосредованной идеализации реального мира, средство его отражательной и коммуникативной деятельности. Благодаря этому своему свойству язык, с одной стороны, классифицируя, дает наименования предметам, явлениям объективного мира, дифференцируя и идентифицируя их свойства и отношения; с другой, храня, передавая и преумножая при помощи знаков информацию предшествующего общественно-познавательного опыта, язык обеспечивает речемыслительную деятельность, удовлетворяя тем самым коммуникативным и прагматическим потребностям.

Поэтому словесные знаки как основные номинативные элементы любого языка — не простые названия, этикетки, а психофизиологические сущности, представления и понятия, одетые в языковую форму и ставшие для носителей данного языка сигналами действительности, средством дематериализации второго порядка удаленности от видимого, осязаемого, ощущаемого. «Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми» [Павлов 1949, 669].

Понимание сущности знаковой репрезентации как «идеализации материального мира» зависит от того 1) как решается основной гносеологический вопрос о соотношении языка, мышления и объективного мира; 2) какая из функций языка: репрезентативная (обозначения и обобщения), коммуникативная или прагматическая берется в качестве основной при определении языка вообще, языкового знака в особенности.

Так, в идеалистической философии [Cassirer 1923; Husserl 1922] язык интерпретируется как единственная форма мышления, а языковые знаки (слова) понимаются как концептуальные символы, конституирующие объективную действительность. Способность обобщенного абстрактного мышления, свойственная человеку и лежащая в основе опосредованной репрезентации реального мира, приписывается самим знакам. Язык как бы набрасывает «сетку понятий», которая, расчлняя объективную действительность, создает языковую картину мира [Trier 1931; Weisgerber 1954].

Упрощается и своеобразно интерпретируется вопрос о соотношении языка, мышления и объективной действительности в работах логического позитивизма. Из трех членов соотношения исключается основной — мышление, триада сводится к бинарному противопоставлению «язык — реальная действительность», относящихся друг к другу однозначно: то, что обозначается и то, что обозначает. Языковой знак — однопланов, является простым обозначением, не имеет значения и сведен к форме выражения. Вся область многоступенчатых семантических отношений языковых знаков, категорий мышления и объективного мира подменяется однозначным соответствием формы знака обозначаемому. Снимается вопрос о соотношении языка, мышления, объективного мира и в тех научных направлениях, где прагматическая (поведенческая) функция принимается в качестве основной [Bloom-

field 1964]. Язык определяется как целенаправленное поведение человека, а сущность знаковой репрезентации сводится к «семиотическому процессу», в котором все факторы, составляющие знаковую ситуацию и знаковое значение, находятся исключительно в зависимости от субъекта, от его эмпирического опыта и данных чувственного познания.

При диалектико-материалистическом решении гносеологического вопроса материальное противопоставляется идеальному как первичное вторичному, сознание не конструирует объективной действительности, а, отражая ее с помощью языка, закрепляет определенные результаты познавательной деятельности в знаковом значении языковых элементов, слов и словосочетаний.

Языковые знаки в силу этого определяются как непосредственно связанные с присущими уровню понятийного мышления процессами дифференциации и интеграции, с актами идентификации предметов, лиц, с узнаванием и пониманием значения знаков в процессе коммуникативной и классификационно-номинативной деятельности человека. При материалистическом определении (понимании) сущности знаковой репрезентации в соотношении «язык — реальная действительность» первый член служит не только обозначением второго, но язык, его знаки, в том числе слова, являются носителями обобщенного отражения действительности, формирующего их значения; в процессе формирования знакового значения участвуют и находят отражение все три взаимосвязанных между собой элемента семиозиса: познающий субъект (человек), познаваемый объект (реальный мир) и языковой знак (язык), способствующий процессу познания.

Отношение между тремя составляющими семиозис есть специфическое, т. е. опосредованное человеческим сознанием, отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности.

В истории языкознания многие ученые исследовали проблему взаимоотношения языка и общественно-исторического опыта его носителей, считая, что естественные языки отражают структурно организованную классификацию человеческого опыта [Серебренников 1970; Мельничук 1967, 82; Звегинцев 1970, 281; Кацнельсон 1972; Колшанский 1974].

В наше время уже мало кто сомневается в том, что в значениях языковых единиц вообще, лексических в особенности представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев А. Н., 1972, 134].

Следовательно, в соотношении «язык — реальная действительность» первый член отношения — т. е. слова, словосочетания, предложения служат не только и может быть не столько целям обозначения, наименования предметов и явлений реального мира, сколько целям обобщенного отражения человеком объективной действительности и его субъективного мира.

Основная функция номинативных средств по отношению к реальной действительности есть функция объективации и, в конечном итоге, идеализация последней. Напротив, язык в его отношении к мышлению, к речемыслительной деятельности человека выступает в другой своей ипостаси — как непосредственная действительность мысли; в этом своем назначении язык выполняет две другие его функции: коммуникативную и прагматическую, являясь средством материализации мысли, идей, средством выражения субъективных оценок чувств и коммуникативных интенций пользующихся языком.

Диалектическая противоречивость человеческого языка состоит в том, что

по отношению к материальному миру язык служит средством «снятия предметности», средством отображения, обобщения и идеализации последнего, а по отношению к миру идеального, субъективного (понятий, представлений, оценок и т. п.) язык осуществляет функцию средств выражения. Понятие «членимости» материального мира и наших представлений о нем элементами (категориями, единицами и их группировками) языка нашло выражение в разного рода теориях и положило начало разным аспектам изучения содержательной стороны лексических единиц — ономастологического, идеографического, семиологического и семасиологического.

2. Второй не менее значимой отличительной онтологической чертой языкового феномена является антропоцентрический принцип его устройства, проявляющийся в способности говорящего присваивать язык (системные средства) в процессе его применения [Бенвенист 1974, 259 и далее; Степанов Ю. С., 1974, 13]. Примечательной чертой человеческого языка в этом аспекте является то, что он представляет собой, казалось бы, неразрешимое противоречие, совмещая в себе несовместимое, а именно объективное и субъективное. Язык — объективен, социален по своему назначению (как средство общения между членами общества) и по происхождению (как создание и творение общества); в то же время реальная жизнь языка проявляется только через индивида; язык реально живет тогда, когда он присваивается говорящим субъектом. Но каждый говорящий может выступать в качестве субъекта лишь в противопоставлении другому человеку, партнеру, который должен владеть тем же набором форм, должен иметь в распоряжении тот же синтаксис высказывания и тот же способ организации содержания его единиц. При наличии в языке, казалось бы, незаметного противопоставления «я — ты» снимается противоречие «индивид — общество»; более того, эти, ставшие дополнительными, категории осуществляют один из основных принципов организации речевого акта, являясь одновременно «формальным аппаратом» языка [Степанов Ю. С., 1973]. Не приходится говорить о том, как и какими средствами языка [Колшанский 1975] диалектическое противоречие «объективного/субъективного» снимается: лексическими, словообразовательными, фразеологическими, синтаксическими; достаточно указать, каким мощным источником исторического развития обертывается эта основная дихотомия человеческого языка с присущим ему одному принципом антропоцентризма. Чтобы осуществлять принцип антропоцентризма, язык имеет двухплановый модус существования: язык как система обобщенных виртуальных знаков и речь как реальная форма функционирования языка, конкретная реализация этой системы, язык как «комплекс категорий, существующих *in potentia*, и язык как беспрерывно повторяющийся процесс» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 77]. В силу этого язык по необходимости должен иметь надындивидуальную, всеобщую систему средств, реализуемую в индивидуальных актах речи, достаточно жесткую, чтобы обеспечить общение и взаимопонимание между членами языковой общности, и достаточно гибкую, чтобы выражать многообразие мыслей, интенций, чувств пользующихся данным языком. Антропоцентрический принцип функционирования языка не может не наложить отпечатка на свойстве и средствах выражения категории лица/нелица в системе языка вообще, в лексической системе в частности. Наличие координат речевых актов — коммуникативных / некоммуникативных лиц, временного и пространственного указания (дейксиса) речевого акта предопределяет, кроме этого, наличие в лексическом составе

различных разрядов слов (семиологических классов) с отрицательным типом их семантики: дейктические, полудейктические, местоименные слова, разного рода вспомогательные элементы (шифтеры, актуализаторы и т. п.), которые обслуживают исключительно область актуальной речи. Изучение лексического значения с неизбежностью предполагает изучение семантики подобных разрядов слов, которые остаются все еще мало изученными.

3. Объективно-субъективная природа языка, его антропоцентризм предопределяют и строение его семиотической структуры, которая также двумерна: единицы (знаковые и незнаковые) разных уровней языковой системы (фонемного, морфемного, лексемного) противостоят единицам речи, хотя и соотносительны с ними. Знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двойную референцию, соотнесенность с предметным рядом: а) в качестве номинативных знаков (слов и словосочетаний) в системе наименований, в парадигматике; б) в качестве или в составе предикативных знаков — фраз и предложений в речи, в синтагматике. Свойство двукратной репрезентации (в системе и в актуальной речи) внеязыковой действительности, присущее только естественному языку, превращает последний в своеобразную сигнификативно-коммуникативную систему, уникальную по структуре и универсальную по своему назначению, способную интерпретировать любую деятельность человека, любую другую систему знаков. В отличие от знаков прочих семиотических систем, значимость которых складывается исключительно в результате их отношений внутри системы, например, системы дорожных знаков, языковые знаки обладают не только относительной значимостью, но и абсолютным, им одним свойственным значением. Виртуальные знаки реализуются на основе своего системного значения, соотносясь в конкретном высказывании с новыми конкретными случаями внеязыковой, «предметной» ситуации. Язык как система воспроизводится и воспринимается в речи на основе одних и тех же референтных связей языковых знаков в результате отождествления последних по их форме и значению.

Итак, человеческий язык, призванный обеспечить познавательную, речемыслительную и коммуникативную виды деятельности, представляет собой семиотическую систему с двойной структурой ее единиц (в системе средств и в речи), с двукратным их означиванием.

Разграничение двух разных видов языкового означивания нашло свое выражение в современной литературе в бинарных противопоставлениях: а) как два вида знаков — номинативные и предикативные, знаки-наименования и знаки-сообщения [Булыгина 1967], частичные и полные знаки [Гак 1967], знаки и семы [Buysens 1967]; б) как два вида семиологических значимостей — значение и смысл, номинативная и синтагматическая ценность знака [Уфимцева 1968, 19706]; в) как два принципа означивания системных средств — семиологический и семантический [Benveniste 1969].

Под условиями означивания следует понимать, прежде всего, наличие средств языкового выражения той или иной семиологической значимости и факт вхождения данного знака в ту или иную систему (подсистему, парадигму, ряд и т. п.) и определенного осмысления знака в этой системе.

«Семиотическим называется способ означивания, присущий языковому знаку и придающий ему статус целостной единицы. . . Он (знак. — А. У.) существует в том случае, если опознается как означивающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в общем

одинаковые ассоциации и одинаковые представления» [Benveniste 1969, 113]. Семиотический, или семиологический способ означивания языковых элементов связан исключительно с первичным знакообразованием, с созданием и осознанием данного знака языковой общностью [подробнее см.: Языковая номинация 1977б, гл. I, II, III].

Расчленение представлений человека о многообразии реальной действительности и элементов его собственного опыта, превращение их в более абстрактную форму обобщения осуществляется при помощи номинативных знаков, путем выделения и называния повторяющихся представлений, полученных в результате сравнения и узнавания их носителями языка в процессе познания и коммуникации.

«Выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы невозможно. Если представления разграничиваются без помощи языка, то повторяющиеся элементы представлений разграничиваются с помощью языка, который в этом случае осуществляет свою вторую функцию — номинативную» [Мартынов 1974, 13].

Под семантическим имеется в виду «специфический способ означивания, который порождается речью» [Benveniste 1969, 133] и который связан с ролью языка как механизма, производящего речевые единицы — сообщения. Отличительные особенности двух способов, действующих в разных сферах языка, семиотический — в номинативной сфере, семантический — в сфере предикации. Э. Бенвенист квалифицирует следующим образом: «Семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято» [Benveniste 1969, 134].

Исключительное положение человеческого языка, как созданного и используемого обществом, в том и заключается, что он осуществляет одновременно означивание и слов, и высказываний, откуда проистекает его метаязыковая способность, позволяющая интерпретировать не только другие знаковые системы, но и самого себя. Из этого факта следует, что в языке существует две различные, хотя и взаимосвязанные сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей языка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков» [Гак 1967]. Необходимо отметить, что только при первичном означивании, т. е. при знакообразовании (элементарном или словообразовательном) имеет место факт «соединения значения и звучания», соединение формы знака и его значения; номинативный словесный знак, только приобретя статус системной единицы, может выступать означивающей основой речевых единиц знаков семантического способа их (интерпретации) создания.

Уже само название знаков первичного означивания — слов и словосочетаний как номинативных, а знаков вторичного означивания — сообщений и высказываний как предикативных, разграничивает их не только по сфере функционирования, но и по своему основному назначению.

Номинативные знаки обслуживают классификационно-номинативную сферу и, выполняя репрезентативную функцию, обозначают как единичные предметы и факты, так и дают имя классу предметов или серии фактов, ибо они выражают обобщенные представления и понятия о многообразном «мире вещей и идей».

Предикативные знаки обслуживают сферу коммуникации, поэтому ядром

означаемого этих своеобразных знаков является коммуникативное задание, модальность высказывания, нечто новое, ради чего создается данная речевая единица (которую может быть и не следовало бы называть знаком).

Предельно четко сформулировала различие между номинативными и предикативными знаками Н. Д. Арутюнова: «Существует точка зрения, объясняющая своеобразие назывной функции предложения тем, что предложение непосредственно отнесено к денотату — стоящей вне языка реальной ситуации. Поэтому, если означаемым слова является десигнат (сигнификат), т. е. некоторое обобщенное понятие, то означаемым предложения служит денотат (референт), т. е. единичное понятие. Предложение, следовательно, моносемично и не выражает понятия, которое бы участвовало в процессе расчленения действительности носителями языка. Смысл предложения не закреплён языковым кодом» [1972, 308].

Основными компонентами в семиологической значимости речевых единиц являются: «содержание речевого намерения», «модальность высказывания», «соотнесенность с моментом речевого акта». Тожественными в знаках языка и в знаках речи являются две семы — «функция наименования» и соответственно «денотативная их отнесенность», т. е. указание на обозначаемый предмет.

Однако несмотря на общность назывной функции, присущей тем и другим знакам, имеются значительные расхождения между ними как по характеру и механизму номинативного акта, так и по результату и свойствам номинации. Словесные знаки в системе и речевые единицы можно сопоставить как первичную и вторичную номинацию, основную и модифицированную, «глубокую» и «поверхностную». Означаемое первичных знаков можно называть значением, означаемое вторичных — смыслом. «Смысл, — пишет В. Г. Гак, — это способ представления референта в знаке» [1967, 17].

4. Не менее специфичной чертой человеческого языка является его деятельностный, творческий, а следовательно, динамический характер [Yartseva, Ufimtseva. . ., 1970, 155]. Подчеркивая творческий характер человеческого мышления, В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин, т. 29, 194]. И язык, будучи связан по-разному с двумя аспектами человеческого сознания, воплощающего в себе единство отражения мира и творчески преобразующей роли людей, не только отражает, но и в определенной мере творит, так как в языке, в его единицах фиксируются достигнутые результаты знаний, которые всегда входят в последующий опыт и синтез мышления, предопределяя дальнейшее движение практики и теории. При материалистическом понимании сущности языка соотношение «язык — реальная действительность» раскрывается как «язык — трудовая (практическая и теоретическая) деятельность человека», так как именно структура трудовой деятельности, опосредованная отвлеченным мышлением, отличает человеческий язык от всех прочих знаковых систем.

В противоположность идеалистической интерпретации творческого характера языка как теологического начала, материалистическое понимание сущности человеческого познания и языка исходит из признания общественной практики людей, которая является одновременно и критерием, и основой отражательной деятельности человека. Человеческое существо, подчеркивал К. Маркс, осуществляет практическое созидание предметного мира, творит или полагает предметы, но этот процесс совершается не так, что

оно в акте полагания переходит от своей чистой деятельности к творению предмета, а так, что его предметный продукт только подтверждает его предметную деятельность [Маркс, Энгельс 1956, 630].

Отношения между «языком, мышлением и объективной действительностью» (данной человеку в виде общественного опыта) в их триединстве носят не статический, а динамический характер, ввиду того, что мышление — всегда деятельность, а в самой языковой структуре находит отражение в номинативных знаках «старая реальная действительность». В одной из своих книг В. А. Звегинцев пишет: «Именно исключение динамичности из отношений между рассматриваемыми тремя величинами создало основу для конструирования «идеального логического языка» Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна — языка, который предстает в виде статического и константного образования с однозначным соответствием его атомарных элементов отдельным „вещам“ внешнего мира» [1976, 304].

Из свойства динамичности и деятельностного антропоцентрического начала естественного языка можно вывести следующие исследовательские посылки.

1. Нельзя при изучении семантики слова ограничиваться только его знаковым и ономастологическим аспектами, т. е. анализом логико-предметного содержания слова. Динамичность, творческий характер языка, предопределяемые кругом его основных функций, — познавательной и коммуникативной, — с неизбежностью предполагают изучение механизма варьирования словесного знака в целом или отдельных его сторон, а именно: системной значимости слова, условия и результата семантической актуализации его лексического содержания в направлении, обратном процессу обобщения: от общего к особенному, от абстрактного к конкретному, от виртуального к актуальному.

2. В силу того, что во «взаимосвязанности языка с речью заключается самое главное отличие естественного языка от всех формализованных языков» [Звегинцев 1970, 303], при изучении семантики слова необходимо раскрыть, как «старый» опыт, закрепленный в значениях слов, служит означивающей основой порождаемых речью единиц и, наоборот, уловить то, как «новая» действительность «входит» в язык, становясь или не становясь фактом его системы. Этот непрерывный творческий процесс «приложения» старого опыта к новому находит свое выражение в языке в факте семантической производности слова, формирующем его семантическую структуру, или так называемое третье структурное измерение семантики слова — эпидигматику [Шмелев 1973, 55], наряду с парадигматикой и синтагматикой.

3. Неповторимой чертой естественного языка по сравнению с другими видами семиотических систем является его способность опосредованно обозначать не только предметный мир, но и квалификативные сферы познавательной деятельности человека, его оценки, категории и свойства социально-психологической жизни, что находит отражение в каждом языке в наличии огромного корпуса стилистических и косвенных наименований.

4. «Взаимосвязь языка и речи настолько необходима, что одно обязательно предполагает другое. И в этой взаимосвязанности языка с речью заключается самое главное отличие естественного языка от всех формализованных языков» [Звегинцев 1970, 303].

«Если говорить о творческом аспекте языка, то нельзя не признать

совершенно очевидного факта, что все творчество идет через речь. Речь — источник всего того субъективного, что проникает в объективную систему языка, она — канал, по которому человеческая практика входит в язык. . . » [Там же], в этом смысле речь первична по отношению к языку.

§ 2. К ПОНЯТИЮ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Затянувшаяся дискуссия об одностороннем/двустороннем характере языкового знака свидетельствует о том, что лингвисты далеко не до конца раскрыли диалектику такого сложного объекта, каким является человеческий язык. А между тем это вопрос методологической значимости в лингвистической теории вообще, в семасиологии в особенности.

Материальность любого языкового знака — свойство очевидное, хотя и оно подвергалось сомнению; вопрос о природе языкового знака остается в современной лингвистике, в советской включительно, открытым; достаточно указать на три взаимоисключающие определения языкового знака:

1) языковой знак — двусторонен, обе стороны языка — психичны по своей сути, т. е. идеальны (Ф. де Соссюр);

2) языковой знак односторонен, т. е. сведен только к форме знака; поэтому всегда материален (В. З. Панфилов, В. М. Солнцев);

3) языковой знак — двусторонен, это материально-идеальная единица (А. С. Мельничук, Б. Н. Головин, Б. А. Серебренников).

Не вдаваясь в детальное обсуждение этих трех различных точек зрения, выскажем свое мнение.

Ф. де Соссюр был первым лингвистом, который последовательно и целенаправленно рассматривал систему языка, а не речь через призму репрезентации внешнего, объективного мира языковыми единицами, считая при этом знаками только слова. Решая вопрос о природе языкового знака, Соссюр совершенно верно утверждал: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатлением звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается назвать его «материальным», то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары — понятию, в общем более абстрактному. . . Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность [1977, 99]. Из утверждения Соссюра о том, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ определенной последовательности звуков, не следует делать далеко идущего вывода о «дематериализации» им языка [Слюсарев 1977].

Ограниченность соссюрковского определения языкового знака заключается в абсолютизации существования «идеальной» формы знака. Общеизвестно с материалистической точки зрения, что форма знака, будь то звуковая или графическая как все материальное существует и идеально, как предмет мысли, сознания человека.

Тем не менее это свойство формы языкового знака как все идеальное — относительно и вторично по отношению к звуковой членораздельной речи. С философской точки зрения те ученые, «которые схватывают не само идеальное, а только его отчужденные во внешних предметах или в языке застывшие

продукты — фетишизируют идеальное». [Философская энциклопедия, 1962, с. 224]. С психофизиологической точки зрения еще не известно, только ли (физическая) форма знака участвует в процессе кодирования и декодирования речи.

Из соссюрковского определения языкового знака следует далее, что обозначение как односторонняя материальная сущность не может быть квалифицирована как языковой знак, ибо последний складывается в результате осознания носителями языка ассоциативной связи между определенным понятием и акустическим образом (представлением) некоей звуковой последовательности. Если бы это было не так, язык перестал бы служить средством обобщения, познания и общения. Другая ограниченность определения языкового знака Соссюром как двусторонней психической данности проистекает еще и из того, что, как известно, Соссюр сводил человеческий язык к системе знаков, имманентно довлеющей над говорящим на данном языке коллективом. Поэтому определение языкового знака дано исключительно относительно единиц виртуальной системы, как она закодирована и хранится в сознании носителей языка, а не относительно единиц актуальной речи. Напомним соссюрское понимание языка. «Язык — это клад, практикой речи откладываемый во всех, кто принадлежит к данному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [Соссюр 1977, 52]. При таком понимании языка для Соссюра было естественно определять языковой знак как двустороннюю психическую сущность. В этом основная ограниченность знаковой теории языка, в изложении Соссюра.

В работах ряда современных советских исследователей [Солнцев 1970б; Панфилов 1977] высказывается другая, диаметрально противоположная первой, точка зрения, согласно которой языковой знак — односторонняя материальная сущность; т. е. языковой знак сведен к форме знака. Не вступая в полемику со сторонниками такого понимания языкового знака, позволим себе кратко изложить свою точку зрения.

А:

Имплицитное понятие «знак» встречается в контексте философских работ довольно рано, упорядочение же теоретических основ и методов семиотики как науки о знаках падает на первую половину XX в. [Morris 1938, 1964]. Примечательно то, что обсуждение проблем знаков началось в истории науки не с собственно лингвистической, а с общесемиотической точки зрения, поэтому основные понятия теории знаков разрабатывались на основе формализованных языков разных наук и прежде всего метаязыка и предметного языка логики [Сагпар 1928, 1934, Сагпар 1942, 1947], математической логики и ряда других неинтерпретированных систем [Frege 1892, 1962; Husserl 1922].

В исследовании проблем знакового аспекта языка образовался замкнутый круг: с одной стороны, определения основных семиотических категорий — знак, значение, значимость, смысл и т. п. складывались на базе описания чисто конвенциональных искусственных знаковых систем (метаязыка наук, коды, системы сигналов, дорожных знаков и т. п.) без учета специфики знаков естественных языков, с другой стороны, человеческий язык служил основной, если не единственной сферой приложения общей семиотики, поставляя ей свой материал. В силу этого в теории знаков, разработанной на основах логического позитивизма, лингвистика объявляется ча-

стью семиотики как эмпирическая, описательная ее область, состоящая из прагматики, описательной семантики и описательного синтаксиса [Morris 1964].

Изучение знакового аспекта языка путем сравнения его с чисто механическими системами и с формально-логическими построениями, исследование знаков естественного языка (слов, словосочетаний) ограничивалось установлением шкалы признаков, свойственных знакам этих систем: полная произвольность и механический характер связи означающего с означаемым, одно-однозначное соответствие формы знака и его содержания, непродуктивность знака, отсутствие смысловых отношений между знаками и т. п.

В общей семиотике, стремящейся абстрагироваться от специфики разных видов знаков, определение понятия знака непомерно широко: знаком считается любое явление, любой предмет, представляющие другие путем замещения их.

Естественно, что при таком понимании знака человеческий язык во всем его объеме — как инвентарь словарных и звуковых единиц, так и модели их сочетаемости, даже буквенная репрезентация звуков и пунктуация могут быть одинаково легко отнесены к категории знаков.

Но такой подход почти ничего не дает для выявления специфики языковых знаков, которые, будучи непосредственно связаны с психической деятельностью человека, с его мышлением [Выготский 1934; Резников 1964; Klaus 1963], создают большую самобытность и неповторимое своеобразие этой сложной многофункциональной системы, какой является человеческий язык. Даже в тех случаях, когда отнесенность к категории знака происходит на основе более конкретных признаков (односторонняя/двусторонняя природа знака, функция, по которой знак квалифицируется и т. п.), разнообразие подходов паразитительно велико [Абрамян 1965; Аветян 1968; Резников 1958, 1964; Соссюр 1977; Степанов Ю. С. 1971, 1976а; Spang-Hanssen 1954; Солнцев 1970б]. Понятия «знаковая система», «знак» применительно к естественному языку имеют определенный смысл лишь тогда, когда они определяются чисто лингвистически, т. е. с учетом онтологии языковых единиц и когда за презумпцией о знаковом характере языка в целом или отдельного его уровня стоит целостная теория языка, построенная на результатах изучения знаковых свойств и сформулированная вследствие четких импликаций понятия языкового знака [Соссюр 1977; Benveniste 1969; Степанов Ю. С. 1964, 1971, 1973, 1976а; Мартынов 1974, 1977, 1982; Караулов 1972, 1974а, 1976б, 1980, 1981; Уфимцева 1970а, 1974, 1976а, 1984; Слюсарева 1973; Лосев 1982 и др.].

Там, где термины «знаковая система», «знак» используются без приданной им системы лингвистических определений, они остаются пустыми ярлыками.

Не аксиоматические посылки (защищаемые или отвергаемые) о знаковом аспекте естественного языка, а пристальное изучение семиологического принципа построения и описания языка, определение основных семиологических понятий (сущность знаковой репрезентации, условия знакообразования, типы языковых знаков, особенности таких семиологических категорий, как знаковое значение, значимость, смысл и прочее) могут и должны составить предмет лингвистической семиотики.

Понимание языкового знака как односторонней физической сущности перенесено в лингвистику не без влияния общей семиотики и философского

определения знака вообще. Так, в «Философской энциклопедии» [1962, 117] определение знака дано относительно каких угодно знаков, только не языковых; хотя при интерпретации как односторонней материальной сущности (что является верным для всех прочих, но не языковых систем), упоминается тезис о гносеологической природе знака, о его познавательной роли. В порядке обсуждения хотелось бы поставить ряд дискуссионных вопросов.

1. Если полагать, что и языковой знак — односторонняя физическая сущность, т. е. приравнен к знакам других (механических) искусственных систем, а языковые единицы все двусторонни — морфемы, слова, словосочетания, предложения, наконец текст — тогда зачем понятие знака привлекать для описания языка? Оно, это понятие, применительно к естественному языку «не работает», значит нет смысла его употреблять при описании человеческого языка.

2. Если языковой знак понимается как односторонняя материальная данность, т. е. сведен к форме знака естественного языка, то как он может способствовать процессу познания и в чем, в таком случае, заключается процесс знакообразования, процесс «превращения» внешних фактов в категории и значения языка, а через него и включение их в сферу человеческого познания, в реальные значения. Напомню определение понятия идеализации: «...преобразование материального в идеальное состоит в том, что внешний факт выражается в языке, в его единицах как в непосредственной действительности мысли» [Философская энциклопедия, 1962, 221]. С лингвистической точки зрения процесс идеализации предметного мира заключается в следующем: чтобы обрести статус языковой единицы, т. е. стать языковым, точнее словесным знаком, тот или иной элемент — последовательность звуков или отдельный звук — должен быть говорящим коллективом, или каким-либо его представителем означен, наделен значением, определенной семантической ценностью, проще — содержанием. Этой последовательности звуков в границах определенного языка, в рамках определенной микро-системы в пределах групп или ряда слов должна быть не только придана, но и общественно принята некая семантическая значимость (понятие, отдельный понятийный признак, отображающие свойства или отношения «предметов» материального и идеального миров).

Кардинальное отличие словесного (языкового) знака от знаков искусственных построений и семиотических систем в том и заключается, что связь значения и формы знака опосредована человеческим сознанием, закреплена человеческой памятью, образуя тем самым сигналы второй степени удаленности от предметного мира.

«Появление членораздельной речи, то есть общения людей друг с другом с помощью звуковых языковых знаков, обусловленное развитием труда, означало, с нервно-физиологической точки зрения, оформление второй сигнальной системы и было непосредственно связано с развитием мышления. Опираясь не самими предметами, а лишь со знаками, их представляющими, человек произвел одну из величайших революций в интеллектуальной и культурной истории человечества» [Философская энциклопедия 1962, 177].

Первообразными языковыми знаками (первичное означивание, по Бенвенисту) являются, прежде всего, слова, определение которых как неразрывного единства звучания и значения дошло неизменным от античности до наших дней. При посредстве слов как номинативных знаков язык и осуществляет основные номинативно-познавательные функции — идеализации и

репрезентации материальной действительности, выражения квалификативной и оценочной сфер человеческой деятельности. Словесные знаки, хранящие в своих значениях результаты общественно-исторического и познавательного опыта, служат субстратом коммуникативных и некоммуникативных единиц как бы поставляя старое знание и создавая возможность инкорпорации его в новое.

Возвращаясь к интерпретации языковых знаков вообще, словесных в том числе, как односторонних материальных сущностей, следует задуматься, почему происходит подобная абсолютизация, хотя каждому известно, что в голове, в языковом сознании человека все существует только в идеальной форме, в виде понятий, представлений идеальных образов и т. п. Ср., например, следующее высказывание: «Возможность абстрактного, обобщенного мышления и познания обеспечивается наличием материальной стороны языковых единиц» [Панфилов 1977, 45]. Едва ли можно согласиться с этим, казалось бы, верным утверждением, если к нему подходить как к общему тезису, но при конкретном анализе процесса и результатов идеализации, оно не совсем корректно, ибо только наличие, закрепление определенных значений и смыслов за материальной оболочкой слов способствует процессу мышления и превращает естественный язык в средство познания. «Важно отметить, что можно говорить об организующей роли формы языка при восприятии действительности, но не о том, что форма создает возможность абстрактного мышления, это делает скорее содержание языковых единиц» [Бибихин 1978, 243]. Основные причины такого понимания знака, вопреки языковым фактам, можно видеть, на наш взгляд, в следующем:

1) в принятии определения знака как односторонней материальной сущности под влиянием интерпретации этого понятия в философии, логике и общей семиотике, о чем упоминалось выше;

2) происходит определенная аберрация смысла «звуковой» в сочетаниях «звуковая сторона» (единицы) и «звуковая речь». В последнем сочетании «звуковая» означает не только «содержащая звуки», но и имплицитует членораздельную артикулированную речь (Соссюр), речь, состоящую из «семасиологизированных» (по Бодуэну), «означенных» (по Бенвенисту) звуков;

3) забывается материалистическое положение о том, что отношение языка к объективной действительности, отображение и обозначение при помощи языковых знаков происходит одновременно, более того последнее (обозначение) подчинено первому (отображению). Поэтому словесный знак не может быть сведен к обозначению, он наделяется и определенным понятийным содержанием, значением;

4) не всегда различаются две разные функции языка, выступающего по отношению к предметной действительности как средство идеализации, снятия предметности, чувственного, а в отношении к мыслительной деятельности как средство материализации мысли, идей, теорий и т. п. На различных ступенях познания объективного мира и на разных этапах круговорота речи (говорящий → слушающий) двусторонний, материально-идеальный характер языковых знаков позволяет им актуализовать то идеальную, то материальную стороны;

5) иногда, очевидно, по недоразумению, приверженцев билатеральной природы языковых знаков упрекают (обвиняют) в отступничестве от материалистического понимания основного гносеологического вопроса. Пола-

гают, что если интерпретировать значение словесного знака как одну из его сторон, а именно как его содержательную сторону, значит придерживаться знаковой, символической, иероглифической теории познания. По какому-то недоразумению «знаковая теория языка» подменена «символической теорией познания». Обратимся к первоисточнику. В. И. Ленин так определяет теорию символов, по которой «ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображение их, а условные знаки, символы, иероглифы»¹ [Ленин, т. 18, 244].

Обсуждая по содержанию характер отображения предметного мира, В. И. Ленин писал: «Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей» [там же, с. 244, 245].

Критикуя В. Гельмгольца, крупного естествоиспытателя конца XIX в., В. И. Ленин отмечал непоследовательность его взглядов, которые были то чисто кантианскими, то материалистическими. Чтобы показать эту непоследовательность, В. И. Ленин приводит следующий отрывок из его работы (перевода): «Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение — постольку ощущение может считаться *знаком* (Zeichen) его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом. . . От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является» [Цит. по: Ленин, т. 18, с. 246, 247].

Анализируя приведенную выше цитату из работы Гельмгольца, В. И. Ленин говорит: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие „никакого сходства“ с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов» [там же, с. 247], а это уже агностицизм.

«Реалистическая (материалистическая. — А. У.) гипотеза. . . — говорит В. И. Ленин, — рассматривает, как существующее независимо от наших представлений, все то, что подтверждается ежедневными восприятиями, материальный мир вне нас» [там же, с. 247].

Основной взгляд В. Гельмгольца представлен реалистической посылкой о том, что мы познаем при помощи наших чувств объективные свойства вещей, и в этом Гельмголец — материалист; но его утверждение о том, что ощущения — не образы вещей, отраженные человеческим сознанием, а условные знаки, символы, ставит Гельмгольца в ряд с представителями агностицизма.

«Бесспорно, — продолжает В. И. Ленин, — что изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [Ленин, т. 18, с. 248].

В заключение этого раздела своей книги В. И. Ленин говорит, что Плеханов сделал явную ошибку, употребив понятие «иероглиф» примени-

¹ Термин «иероглиф», по утверждению В. И. Ленина, заимствован Г. В. Плехановым у И. Сеченова и был использован в примечаниях к первому изданию перевода книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах»; во втором издании (1905 г.) этот термин уже не употребляется.

тельно к результатам познавательного акта, к самому познанию; «... Лазаров же совсем запутал дело, свалив в кучу материализм и идеализм, противопоставив «теории символов» или «иероглифическому материализму» идеалистический вздор, будто «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность». От кантианца Гельмгольца, как и от самого Канта, материалисты пошли влево, махисты — вправо» [там же, с. 251].

Мы специально подробно остановились на критике В. И. Лениным «символической, иероглифической теории познания» В. Гельмгольца, чтобы напомнить, что речь в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» идет о «знаковой природе познания», а не о «знаковой природе языка». Более того, в области языка В. И. Лениным здесь не сделано ни одной посылки, ни единого упоминания. Поэтому странно встречать в лингвистической литературе такие произвольные выводы, как этот: «В. И. Ленин, говоря об ошибочности теории иероглифов Плеханова, подчеркивает, что наши понятия, мысли, знания не являются иероглифами, тем самым они не могут быть и знаками языка» [Ломтев 1970, 265]. Более чем странный поворот мысли; конечно, все идеальное, т. е. отраженные и осознанные в человеческом сознании предметы, признаки внешнего мира не могут быть приравнены к знакам, но что именно это идеальное (понятие, мысль и т. п.) формирует содержательную сторону языковых единиц. И несколькими строками ниже этот же автор признает: «Знания, мысли представляют собою значения знаков естественного или искусственного языка. Они имеют статус отражения в отношении к внешнему миру и статус значения в отношении к знакам естественного или искусственного языка. Знаки естественного языка, как знаки других семиотических систем, имеют материальный характер и наделены значением» [там же, с. 265].

Подобная непоследовательность в понимании языкового знака, именно знаков естественного, не искусственного языка, приводит к тому, что происходит негативное осмысление понятия знака вообще, языкового в том числе.

Термины «знак», «знаковый» применительно к человеческому языку, без фетишизации этих терминов, означают одно: в двусторонних языковых единицах, прежде всего в словах, содержание, т. е. значение слова, и его форма (звуковая или графическая) находятся в отношении двух сторон знака, составляя определенное единство; две стороны словесного знака опосредованы не внешней, чисто механической, случайной связью, а сознанием, памятью и скреплены постоянной ассоциативной связью, которая доведена до степени автоматизма; в силу этого одно (значение) легко вызывает другое (форму знака) и наоборот.

Непоследовательность в понимании специфики словесного знака как материально-идеальной двусторонней сущности проистекает еще и потому, что одни исследователи, боясь впасть в идеализм, сводят языковой знак вообще, словесный в том числе, к материальной, физической его стороне, т. е. к форме знака, впадая, на наш взгляд, еще в большую ошибку, отрицая за словом функцию обобщения, функцию средства идеализации, закрепления и передачи от поколения к поколению обобщенного отображения человеком внешнего мира и общественно-исторического опыта людей.

Если свести словесный знак к форме слова, т. е. рассматривать слово лишь как наименование, то язык, по необходимости, будет поставлен с предметным миром лишь в отношении обозначения, а не отображения,

в одно-однозначное соответствие, — точка зрения, столь характерная для неопозитивистов [Нарский 1961].

Другие ученые, не разграничивая искусственные семиотические системы и естественный язык, утверждают, что знак есть лишь материальный предмет, поставленный в соответствие с другим материальным предметом, который становится его значением. Справедливо критикуя несостоятельность такой точки зрения на естественный язык, Т. П. Ломтев писал в свое время следующее: «В этой концепции отрицается предположение, что значением знаков являются знаки как умственные образования, которые отображают явления внешнего мира. Тем самым исключается такое звено, которое обычно называется субъективным образом объективного мира» [Ломтев 1970, 264].

§ 3. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ЗНАКООБРАЗОВАНИЯ

Процесс первообразного (первичного) знакообразования непосредственно связан с актами наречения или наименования предметов и явлений объективного мира при помощи слов. Встает главный вопрос: в чем заключается процесс первичной номинации словом и почему он связан со знакообразованием?

В. И. Абаев справедливо утверждает, что «никакая теория возникновения языка, которая не объясняет с самого начала условный (социально обусловленный) характер связи между звучанием и значением, не может приниматься всерьез» [1970, 244]. Вся история науки о языке с момента ее научного возникновения до наших дней, все хоть сколько-нибудь значимые теории языка, изложенные в разное время и в разных системах понятий, касались тех же основных проблем: какова структурная организация языка и членение его единиц на двусторонние сущности, из которых каждая имеет свое значение и способ его выражения, каким образом язык помогает человеку, объективируя, членить материальный мир и общественно-исторический опыт его носителей [Соссюр 1977; Bühler 1934; Buysens 1967; Martinet 1962; Nehring 1963; Бенвенист 1974]. Знакообразование есть процесс семасиологизации [Бодуэн де Куртенэ 1963], означивания [Бенвенист 1974] и превращения природных звуков-сигналов в «социально отработанные звуковые комплексы» [Абаев 1970, 239]. Акты прямой первичной номинации при помощи слов, т. е. акты знакообразования примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельностью, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете труда и предмете познания.

В гносеологическом аспекте знакообразование есть всегда процесс обращения фактов действительности в знаки и категории языка, отображающие общественный опыт носителей языка, их субъективные и прагматические оценки. «Но естественное лишь постольку вовлекается в сферу языкового выражения, поскольку оно получает общественное значение» [Абаев 1970, 240]. Таким образом, «наречение предметов своими звуко-символами стало той деятельностью, с помощью которой человек пытался овладеть ими, владеть не только материально, но и «идеологически» [там же, с. 236].

Итак, словесный знак является основной когнитивной единицей языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода»

фактов действительности в факты мышления, т. е. в форму знания, отражая одновременно ступеньки и результаты познания.

Прежде чем говорить об условиях и компонентах, составляющих акт знакообразования, необходимо принять какое-либо определение понятия «знак», притом такое, которое бы наиболее полно охватывало основные черты словесного знака и более детально описывало факторы его конституирующие. Так, если взять известное определение знака Л. Ельмслевым «Знак характеризуется прежде всего тем, что он является знаком чего-то» [1960, 302], то оно мало что дает для семиологического анализа словесных знаков. Возьмем другое, более детализованное определение знака: «Языковые знаки — это условные раздражители, создаваемые обществом, обладающие системным характером, намеренно и сознательно употребляемые каждым членом социального коллектива, выполняющие не только сигнальную, но и сигнификативную функцию, являющуюся средством обобщенного концептуального отражения действительности» [Резников 1964, 143]. Из этого определения следует, что «условные знаки» представляют собой социологизированные, т. е. обществом отработанные, семантически означенные звуки (последовательность звуков), наделенные определенной общественно принятой семантической значимостью, способствующей словесному знаку выполнять две основные его функции: 1) репрезентации предметного мира в результате концептуального отражения реальной действительности; 2) обозначения предметов и явлений объективного мира; при этом акт обозначения подчинен акту отображения. Такое понимание знака охватывает все свойства слова как двусторонней сущности, а именно: последовательность фонем и/или графем, наделенная в системе языка определенным концептуальным содержанием, вызывающим у носителей языка одинаковое представление (понятие), которое становится значением данной единицы, обретающей статус словесного знака, который в речи может актуализовать системное (первичное) или обрести в речевом акте вторичное значение.

Итак, каковы условия знакообразования этого универсального по своей природе и цели акта?

Словесный знак — двусторонняя материально-идеальная сущность: в качестве формы (носителя) знака выступает в реальных актах речи — последовательность фонем и/или графем, во всех прочих условиях (внутренняя речь и т. п.) — в виде ее отображения, представления (отпечатка) акустического образа. В качестве содержательной стороны — семантическая значимость, которой был наделен звуковой комплекс — форма знака при становлении последнего.

Материальность словесного знака — свойство, почти никогда не подвергавшееся дискуссии, вполне очевидное. Однако гипертрофия материальной стороны словесного знака приводила не одного исследователя к утверждению об одностороннем его характере. Функциональное назначение слова редуцировалось до одной функции — обозначения. Понимание словесного знака как односторонней физической данности (звуковой или графической) приводит к отождествлению его со знаками механических семиотических систем (коды, дорожные знаки и т. п.), лишая тем самым естественный язык функции общения, репрезентации и идентификации предметов объективного мира.

Форма знака (означающее) существует в двух его ипостасях, как все материальное: материальной и идеальной, так как звуковой состав слова обретает форму идеального образа материальной стороны знака. Следова-

тельно, в естественных языках форма знака выступает то как чувственно воспринимаемая, то как идеальная, недоступная наблюдению данность. В процессе общения, например, материальная форма знака релевантна лишь для слушающего, воспринимающего речь, и то идентификация акустически артикулируемого происходит в сознании слушающего на основании уже имеющегося в его памяти, в сознании умственного, идеального образа или представления услышанной им (материальной) формы знака. В словесных знаках, в которых связь формы и содержания доведена до автоматического их воспроизведения, его материальная опора имеет своеобразный статус. С одной стороны, из-за теснейшей и неразрывной связи формы знака с его означаемым, слова обретают свойство «прозрачности для значения». Например, при изучении иностранного языка взрослыми и освоении родного языка детьми на первых порах много внимания уделяется произношению и произнесению слов, и только с установлением этих навыков, а главное с замыканием психологической связи данного звукового комплекса с определенным значением слово свободно входит в арсенал средств, формирующих высказывания.

В родном языке человек, свободно владеющий им, произносит слова и воспринимает значение слов, не замечая их материальной формы как чего-то автономного, отдельного; как раз, наоборот, форма словесного знака в нашем сознании тесно связана с его значением, поэтому они запечатлеваются как единое неразрывное целое, так что пользуясь словом, мы совершенно не задумываемся над формой знака. И в то же время форма знака при становлении словесного знака является основным компонентом в акте знакообразования, выполняя роль означиваемой основы наименования, являясь материальным носителем расчлененных идеальных сущностей, представлений, понятий, их отдельных признаков. Следовательно, словесный знак как никакой другой представляет собой такое знаковое выражение, обозначающее определенный элемент опыта, которое, будучи созданным и социально принятым, живет тысячи лет, при этом форма словесного знака, отчасти меняясь, является той постоянной, инвариантной основой, которая помогает обеспечивать ему синхронное и историческое тождество.

В классическом традиционном языкознании стало аксиоматическим утверждение о том, что ни звуковой комплекс, ни понятие (идеальный образ предмета), взятые сами по себе, не составляют еще того неразрывного языкового единства, которое называется словом.

И тем не менее, билатеральный характер словесного знака, свойство, подмеченное учеными тысячи лет тому назад, как ни странно, продолжает вызывать горячие споры и в наши дни ².

Словесный знак, как никакой другой в языке, является инструментом и одновременно продуктом осознанной деятельности, поднявшимся на уровень условных раздражителей, рефлексов наших представлений.

Обе стороны словесного знака — означающее (*signifiant*) и означаемое (*signifié*) — как неразрывное единство фиксируются в сознании в виде абстракций, отображения того и другого в их связи друг с другом. В языке, как и в сознании человека, все предметы, всевозможные их связи и отношения существуют лишь в виде понятий, которые фиксируются дискретными

² Ср. дискуссионные статьи, опубликованные в: *Acta Linguistica*. Copenhagen, 1939—1944; *Zeichen und System der Sprache*. Berlin, 1961—1962, Bd. I, II.

языковыми средствами. Для человека как мыслящего существа, ежемгновенно совершающего познавательную (практическую или теоретическую) деятельность, объективный мир предстает в трех аспектах:

а) материальная действительность с вещами, предметами и их многообразными отношениями в пространстве — объект непосредственного наблюдения и восприятия;

б) представления о материальной действительности как результат чувственного ее восприятия (зрительного, тактильного и т. п.), создающие первые сигналы действительности;

в) идеальная (отраженная) действительность — мир образов, понятий, идей, расчлененных и фиксированных словесными знаками, которые формируют вторую сигнальную систему действительности.

В силу этого слова — не простые обозначения, названия, не этикетки, а психофизиологические сущности, одетые в языковую форму, ставшие для человека сигналами действительности, средством дематериализации второго порядка удаленности от видимого, осязаемого, ощущаемого.

Психологическая основа становления первичных номинативных словесных знаков заключается в том, что их «реализация должна вызвать в некотором коллективе, пользующемся единой общей знаковой системой, одинаковое представление» [Мартынов 1974, 13]. И далее: «Стремясь упорядочить и расширить знания о мире путем ограничения его данного нам в представлениях разнообразия, человек создает репрезентанты для повторяющихся элементов представлений, т. е. знаки» [там же, с. 21]. Эта необходимость вызвана ограниченностью количества знаков, обозначающих элементы опыта.

Свойство «повторяемости» и «идентичности» обозначаемого словесным знаком представления позволяет воспроизводить его, в противном случае язык не сможет осуществлять его основную функцию — коммуникативную. Сообщение как социальный акт требует определенных знаков, с помощью которых говорящий может выразить ощутимым образом свое представление и по которым, восприняв их, собеседник может воспроизвести это представление.

Отмечая специфику обозначения словом предметного мира, Г. Пауль писал, что пользующийся иностранным языком не всегда знает «в каких границах надлежит ему выделить из целостного восприятия тот отрезок, который обозначен словом» [1960, 105]. Под словом «отрезок» в выше приведенном высказывании следует понимать не самую материальную действительность, а наши представления о ней, опосредованные нашими органами чувств — сигналы «первой сигнальной системы действительности», которая в виде наших представлений выделяет в континууме действительности некоторые предметы. «Выделение предметов необходимо для их различения, а различение для их узнавания» [Мартынов 1974, 11].

Следовательно, если слово существует в памяти человека в виде представлений о действительности, то предметом обозначения³, именования являются, естественно, не конкретные предметы материальной действительности, а уже чувственно расчлененные, повторяющиеся и легко воспроизводимые представления о предмете (как целом или отдельных его свойствах)

³ Часто возникают недоразумения из-за того, что взаимозаменяемо употребляют два совершенно разных по смыслу сочетания: *предмет обозначения* — *обозначаемый предмет*.

как элементе опыта, в отвлечении от его различных ситуаций и окружений. Часто не только в значении языковой единицы, но и в акте мышления трудно разграничить разные уровни абстракции, степень снятия предметного, чувственного, как это представлено в знаковом значении сигналами первой и второй сигнальных систем действительности: знаки первой сопровождаются второй, знаки второй подкрепляются знаками первой.

Можно полагать, что «прорыв слов к реальной действительности» и «удаление» от нее происходит через наши представления о действительности, которые конкретнее, реальнее, ближе (чем понятия) к ней.

В заключение обсуждения особенностей и условий знакообразовательного процесса словесных знаков, кратко перечислим остальные их свойства.

1. Словесный знак имеет всегда системный характер, так как означивание звукового отрезка происходит только в рамках определенной микро-системы, группы или ряда слов данного языка. Последующее осознание материального происходит исключительно на основе уже имеющихся знаний, так или иначе закрепленных в значениях и категориях языка в целом, в семантике слов в частности.

2. Словесный знак — социален по природе и по употреблению, ибо он создается и используется определенной языковой общностью.

3. Словесный знак обладает свойством условного раздражителя, так как связь формы знака с его значением опосредована сознанием, закреплена памятью и автоматизирована до степени условного рефлекса.

4. Помимо сигнальной функции, словесный знак, выражая понятие, отражательный образ предмета или класса предметов, выполняет сигнификативную, обобщающую функцию.

5. Словесный знак, как репрезентирующий предмет, свойства и их отношения, помогает человеку идентифицировать — различать и узнавать обозначаемое и тем самым служить означивающей основой коммуникативных единиц.

§ 4. К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Вопрос о природе лексического значения слова не перестает дискутироваться со времени филиации семасиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Несмотря на усилившийся интерес к этой категории со стороны лингвистики и смежных с нею наук (психолингвистики, психологии, социолингвистики, общей семиотики, логики и т. п.), кардинальный вопрос о сущности лексического значения продолжает оставаться открытым для обсуждения и в наши дни. Затрагиваем этот комплексный вопрос лишь в порядке постановки и мы. С позиции лингвистических наук — семасиологии и психолингвистики, этот методологически значимый вопрос можно сформулировать следующим образом: представляет ли собой лексическое значение некую идеальную сущность (представление, понятие), т. е. отражательную категорию, или это лишь отношение означаемого (что бы под последним не подразумевалось) к означающему? Связаны по тематике с главным вопросом о природе значения и два других: 1) составляет ли вещественное значение «внутреннюю» или «внешнюю» сторону слова, т. е. является ли связь содержания и звучания органической, опосредованной сознанием и памятью или чисто механической и легко растормаживаемой?;

2) наконец, последний немаловажный вопрос — является ли лексическое значение слова онтологической или чисто эпистемологической единицей описания.

В русской и советской лингвистической науке, взгляды которой разделяет автор этой книги, превалирует «субстанциональное» (в противоположность релятивному) понимание лексического значения как гносеологической категории, активно участвующей в процессе познания и всей человеческой деятельности. Основной методологической посылкой субстанционального понимания вещественного значения слова является ленинское положение о том, что ощущения представляют собой субъективный образ объективного мира, предполагающий как реальность отображаемого, так и сходство между образом и отображением [Философский энциклопедический словарь 1983, 446].

Таким образом, лексическое значение полнозначного слова представляет собой идеальную сущность, отображающую реальные вещи, явления и их связи в предметном мире, а также понятия и представления квалификативных (оценочных) этических и психических сфер носителей языка.

Словесный знак как двусторонняя языковая единица «имеет своим содержанием какое-то реальное свойство действительности» [Копнин 1969, 182].

В развитие приведенного выше понимания лексического значения слова остановимся несколько детальнее на том, как интерпретируется «идеальная сущность», логико-предметное содержание, формирующее основу лексического значения слова. Примерно этот же круг вопросов обсуждался в классическом традиционном языкознании в кругу проблематики «Слово и понятие», «Значение слова и понятие».

В современных семасиологических работах многоликий термин логики «понятие» почти совсем не употребляется: в одних работах этот термин конкретизован как «содержательное и формальное понятия» [Кацнельсон 1965], в других — специализирован как «лексическое понятие» [Васильев 1980], в третьих — заменен термином «информация» [Селиверстова 1975] или вытеснен «набором семантических признаков».

При обсуждении гносеологического аспекта лексического значения слова, служащего средством формирования человеческих абстракций, представляется крайне необходимым вернуться к «понятию» как к высшей категории мыслительных процессов, непосредственно связанной со знаковой презентацией окружающей действительности при помощи слов.

Общеизвестно, что в гносеологической теории, господствовавшей в XVII—XVIII вв., процесс абстрагирования, процесс образования понятий сводился к мысленному расчленению предмета, вещи на признаки, к сравнению этих вещей между собой по общим свойствам. Еще Гегель как диалектик критиковал определение понятия, формулируемого в виде общего признака, как некоторой «абстрактной всеобщности», сводимой к какому-либо одному общему признаку, например, понятие цвета, растения и т. п. Такое понятие философы-материалисты называли «тощей абстракцией». Подобное понимание сущности понятия с «пустым» содержанием позволило метафизикам ставить понятия по степени их обобщения ниже ощущений, восприятий и представлений. А это в корне противоречит диалектико-материалистическому пониманию понятий как вершины мыслительных процессов, свойственных только человеку.

утверждая материалистическое понимание сущности человеческого познания и его категорий, П. В. Копнин писал: «Мышление абстрактно лишь в том смысле, что оно не является эмпирически конкретным, ибо выражает реальность в ее многообразных свойствах и связях; познание всегда опосредовано предшествующей практикой, закрепленной в словах» [1969, 178].

От понятий типа «абстрактная всеобщность» следует отличать содержательные понятия, представляющие целокупность признаков определенного рода (естественные, искусственные и др. родá, совокупность признаков серий, классов вещей, людей, явлений), подпадающих под то или другое имя.

В естественных языках имена классов составляют значительную долю их лексикона.

Полные, содержательные понятия представляют собой не механический, легко рассыпающийся набор отдельных признаков (набор сем), а определенную иерархически организованную целостность совокупных свойств обозначаемых предметов, вещей, подпадающих под содержание и объем данного понятия.

В противоположность полным, содержательным понятиям, ограничивающим «единство многообразного» и, как правило, выражаемым именем класса, имеется немало общих понятий, не составляющих однородного класса, например, *круглый* (стол), *деревянный* (стол).

При диалектико-материалистическом подходе к значению слов как категории, участвующей в процессе познания и закрепляющей его результаты в виде одного или нескольких значений слова в гносеологической триаде «познание—язык—объектная действительность», ее члены соотносятся друг с другом по одному и тому же основанию — по объективному содержанию предметного мира вещей, их свойств и отношений.

Человек способен формировать в итоге общественно-исторического опыта и в процессе познания определенные представления, понятия, идеи, которые, своеобразно преломляясь в языковых категориях, составляют основу значимой стороны единиц разных уровней языка в целом, словесных знаков, в особенности.

«Вне представления и созерцания не может ни образоваться, ни существовать никакое понятие о внешнем мире» [Копнин 1969, 184].

Возникнув как результат сигнификации (Выготский), семиологизации (Бенвенист) или семасиологизации (Бодуэн), словесный знак начинает выполнять основные содержательные функции языка: обобщения, обозначения, идентификации и коммуникации, обслуживая тем самым сферу прагматики, коммуникативного использования и познавательную деятельность в целом.

Исследователи, признающие субстанциональную природу лексического значения, как детерминированную объективной действительностью, разнятся в зависимости от того, отождествляют ли они эту субстанцию с обозначаемым предметом, с обобщенным ли отображением признаков предметов в виде понятий о них или с идеальным объектом.

В одних работах лексическое значение определяется в зависимости только от экстралингвистических факторов, что естественно не раскрывает всей сущности этого сложного феномена как категории конкретного языка. В большинстве исследований наших дней определение лексического значения ставится в зависимость от лексической системы языка, от его грамматического строя и специфики той части речи, к которой данное слово принадле-

жит (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова, В. А. Звегинцев, И. В. Арнольд, В. М. Никитин, Д. Н. Шмелев и др.).

Определение природы лексического значения слова варьируется в зависимости от того, какому из факторов, детерминирующих лексическое значение — логико-предметному содержанию, грамматическому строю языка, соотносительным смысловым связям в лексико-семантической системе или прагматическим факторам отдается предпочтение.

Так, учет только логико-предметного содержания слова выводит лексическое значение за пределы лингвистических категорий; наоборот, забвение логико-предметного содержания и учет лишь комбинаторики словесных знаков, без учета номинативной значимости словесных знаков, сводит лексическое значение слова к его сочетаемости, к словоупотреблению и ведет, как следствие, к неразграничению системных оппозиций и речевых реализаций слова, к подмене лексических связей слов синтаксическими.

Второй подход, наметившийся в последние десятилетия как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, сводит значение к отношению, при этом не проводится разграничения между лексическим и грамматическим, между содержанием самих языковых элементов и содержанием, выражаемым этими элементами: в одном ряду стоят понятия «информация», «смысл», «значение», «намерение», именуемые в целом как «семантика языка», «план содержания». Нередко не проводится различия целей и подходов (семиотического, кибернетического, лингвистического) к содержанию языка в целом или отдельных его единиц; более того, часто один подход в описании содержательной стороны подменяется другим.

Общеизвестна критика А. И. Смирницким понимания лексического значения как отношения «логико-предметного содержания со звуковой оболочкой» [1955а], который отмечал, что факт связи «означаемого» и «означающего» в слове — универсальная черта, свойственная всем языкам. Релевантным же является то, какое объективное или субъективное содержание опосредовано и закреплено ассоциативной связью с тем или другим звуковым компонентом. В противном случае лексическое значение одного слова не имело бы дистинктивных признаков по сравнению с другим, а «все слова оказались бы имеющими одно и то же значение, так как самая связь звучания слова с содержанием обозначаемого предмета, явлений, понятия, по крайней мере в основном и общем одна и та же» [там же, с. 82—83].

Идиоматичность и уникальность лексического значения слов в том и заключается, что при знакообразовании определенному звуковому комплексу придается говорящим коллективом та или иная семантическая значимость, совокупность повторяющихся признаков, которые, становясь содержательной стороной слова, будучи социально принятыми, а потому значимыми, помогают представлять обозначаемый предмет, явление как целое и идентифицировать его при воспроизведении этого слова в речи как нечто новое, опознаваемое и воспринимаемое на основе (старого) прежнего (системного), известного.

Близко к упомянутому выше пониманию лексического значения как некоего отношения стоит так называемое функциональное определение: значением считается функция, то назначение, которое данный элемент выполняет в системе языка.

Когда понятие «функция» употребляется «математически», значение знака представляется как отношение:

а) между двумя сторонами знака;
б) означающего к обозначаемому предмету;
в) означающего к понятию обозначаемого предмета;
г) между знаками внутри системы языка: при парадигматических отношениях значение сводится к внутрисистемной значимости (*valeur*), при синтагматических связях — к комбинаторике словесных знаков, к правилам их употребления;

д) между знаком и «деятельностью», поведением людей (операциональное понимание значения);

е) между говорящим и слушающим — прагматическое определение значения в терминах «стимул — реакция».

Многообразие определений лексического значения проистекает, на наш взгляд, от того, что не разграничиваются два совершенно разных по механизму и результатам образования принципа знакообразования: 1) собственно знакообразование (первичное означивание) — семиологический принцип; 2) семантическая интерпретация (вторичное означивание) семантический принцип означивания.

В первый вид семиозиса (образования знаков) включаются уже давно известные константы семантического треугольника: звуковой комплекс, предмет (референт) и понятие (мысль) о предмете; составляющие речевого семиозиса представлены «говорящим» и «слушающим» в речевом акте, готовым первичным знаком (словом), предметом обозначения (денотатом), понятием (сигнификатом).

Не трудно догадаться, что комбинирование двух или более составляющих семиозиса (процесса порождения, становления языкового знака) интерпретируется как определенная семантическая значимость, как значение первообразных или вторичных языковых знаков (слов, словосочетаний, предложений).

Не будем подробно останавливаться на критике как субстанционального, так и реляционного понимания лексического значения, тем более, что работ такого характера много как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

С развитием психолингвистических исследований по семантике естественного языка значительно расширилась проблематика изучения лексического значения слова; одновременно значительно сместились акценты и в самом понимании этой категории.

Так, с работами Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева утвердилось так называемое деятельностное понимание лексического значения слова, а разграничение последнего на два аспекта — субъективный (смысл) и объективный (значение) значительно продвинуло разработку этой сложной категории языка.

Изучение лексического значения преимущественно в речевой деятельности привело некоторых исследователей не только к смещению исследовательского ракурса, но и к одностороннему, гипертрофированному подходу в определении самой категории значения. Так, А. А. Леонтьев утверждает, что «психологическая структура значения определяется системой соотносительности и противопоставленности слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона» [Леонтьев А. А., 1965]. Едва ли правомерно противопоставлять взаимоисключающе смысловую структуру слова, манифестирующую одновременно как историческое, так и синхронное тождество слова.

Разрыв (вместо дополняющих друг друга связей) между лингвистической и психолингвистической интерпретациями лексического значения увеличивается. В последнее время в некоторых экспериментальных психолингвистических работах наметился такой взгляд, согласно которому лингвистические (как теоретические, так и практические — словарные) определения лексического значения якобы не соответствуют их психологическому статусу, а человек будто оперирует какими-то совсем иными мыслительными категориями, семантическими значимостями, чем те, что кодифицируются в словарях разных языков.

Так, в предисловии к «Экспериментальным исследованиям в психолингвистике» (М., 1982) содержится следующее высказывание: «С помощью каких мыслительных кодов человек осуществляет процесс преобразования сигналов внешнего мира в значимые для себя стимулы?» [Фрумкина, Михеев, Терехина 1982, 5].

Не избежали методического понимания лексического значения слова и некоторые лингвисты, причислив эту категорию к чисто описательным лингвистическим (а не языковым) единицам.

При ответе на самый главный гносеологический вопрос: является ли лексическое значение слова объективной онтологически детерминированной категорией языка, или же это — конструкт лингвистов и словарников, предпочитают считать лексическое значение чисто эпистемологической (описательной) единицей, утверждая, что объективных единиц плана содержания не существует, следовательно, их нужно изобрести.

Строго говоря, если значение слова есть конструкт, всего лишь единица описания, определяемая лингвистом или словарником, то на какой основе осуществляется коммуникация в данной языковой общности? Если лексическое значение слова детерминировано исключительно методикой описания или составления словарей, то из чего проистекают все когнитивные функции слова: обозначения предметов, обобщение и абстрагирование их свойств и связей, идентификация на основе старого опыта, отображенного в значениях слов, создание новых смыслов речевыми единицами и многое другое?

Приведем несколько доводов в защиту объективного характера лексического значения.

1. Как бы ни моделировалось объективное содержание предметного и идеального миров при помощи слова, служащего мостиком от чувственного восприятия человека к отвлеченным категориям теоретического мышления, его значение служит не только орудием познания, но и целям общественной практики и трудовой деятельности.

Первичное знакообразование, связанное с образованием слов и их значений, есть процесс объективации предметного мира: поэтому значения слов детерминированы объективным миром и, естественно, в определенной степени сходства с ним отображают все познанное, освоенное в абстракциях, в содержании языковых единиц.

Подчеркивая объективный характер этих абстракций, В. И. Ленин писал: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [Ленин, т. 29, с. 190].

Как бы ни варьировалось содержание понятий и представлений об одних и тех же предметах у разных людей, общность предметного мира, социально-исторического опыта, совместная трудовая, коммуникативная

деятельность носителей данного языка обеспечивает объективное основание взаимопонимания во всех сферах деятельности людей.

Материалистическое положение о том, что объективный мир во всех его проявлениях познается человеком при помощи органов чувств, позволяет заключить, что формирование познавательного образа, понятия о предмете и его связях в реальном мире, закрепление этого представления, понятия за языковым элементом и составляет основу знаковой репрезентации реальной действительности при помощи слов и словосочетаний, сущность которой состоит в обобщении, отображении и замещении вещей. Следовательно, для человека как мыслящего существа наряду с предметной действительностью, вещами, явлениями существует идеальная, отображенная и творчески «переработанная» действительность — мир образов, представлений, понятий, идей, являющихся отображением и обозначением первой.

При помощи второй сигнальной системы, лежащей в основе механизма мышления, речи и всей сознательной трудовой деятельности, человек обрел способность «удаляться от действительности», осознанно фиксировать результаты познавательной и речемыслительной деятельности в содержании номинативных и предикативных единиц.

2. Об онтологической природе лексических значений свидетельствует и то, что содержание слова носит кумулятивный характер, выступая в каждый исторический период языка как означающая основа речевых единиц. Многоаспектность и многоступенчатость лексического значения слова (нейтральные/стилистические, прямые/переносные, свободные/фразеологически связанные значения и т. п.) является итогом «отложения» в содержании слов продуктов речи.

Об объективной природе лексических значений свидетельствует и тот факт, что в них находит отражение не только объективный мир, но и все квалификативно-оценочные сферы человека, а тезаурусное обследование лексикона свидетельствует о том, что различные сферы человека покрываются соответствующими наименованиями без пробелов. Подобно грамматическим категориям, носящим как объективный, так и субъективный характер, лексические средства в любом языке могут быть разграничены на эти же две категории: объективных и субъективных слов; в науке издавна выделены полнозначные слова (характеризующие словесные знаки), дейктические средства (указательные и заместительные словесные знаки).

В последних работах по семантике (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. В. Биbihин) выделяются значения, направленные на мир, и значения, направленные на человека. Первые Н. Д. Арутюнова делит на идентифицирующие и функциональные, вторые — на признаковые и оценочные.

Подытоживая предварительное обсуждение вопроса об онтологии категории лексического значения слова, необходимо отметить, что мы еще очень далеки от окончательного решения этой сложной проблемы. Адекватное изучение этого сложного феномена языка следует искать не на путях взаимоисключающего противопоставления результатов исследования его лингвистами и психолингвистами, а на основе синтеза углубленных знаний, полученных смежными науками: лингвистики, психолингвистики, психологии, гносеологии, физиологии высшей нервной деятельности.

Глава III

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

✓ § 1. К ПОНЯТИЮ СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Теория семиологического описания языка была предложена в первой четверти нашего века Ф. де Соссюром, впервые в лингвистике сформулировавшем принцип знака. Определяя человеческий язык как имманентно функционирующую, замкнутую систему знаков в «самой себе и для самой себя», Соссюр полагал, что именно в знаке и проявляются главные свойства естественного языка, и в этом он не ошибался.

Из определения языка как клада, практикою речи откладываемого во всех, кто принадлежит к одному коллективу, явствует, что теоретически Соссюр прекрасно понимал взаимосвязь и взаимозависимость системы языка и речи, этих двух аспектов единого целого. Однако фактическая разработка семиологического принципа описания языка, создание метасистемы и инструментария были осуществлены Соссюром касательно только системных средств. Основная ограниченность этой теории проявилась в том, что единственным объектом лингвистики Соссюр избрал «язык как систему знаков, выражающих идеи» [Слюсарева 1975].

«Если изучать явление речи, — писал Соссюр, — одновременно с нескольких сторон, объект лингвистики выступает перед нами как беспорядочное нагромождение разнородных, ничем между собой не связанных явлений» [1977, 54].

Ограниченность соссюровской теории семиологического описания языка выразилась в конечном итоге и в том, что не найдя в речи общих, единых с системой языка принципов организации и функционирования языковых и речевых единиц, Соссюр вообще отказался от описания последних, непомерно гипертрофировал закон знака, приравняв язык в целом к системе его средств.

Оказалось, что понятия, которые в свое время революционизировали лингвистику и послужили толчком к описанию естественного языка как системы, позднее в силу их абсолютизации явились своеобразным тормозом для изучения языка в единстве двух его ипостасей — репрезентативно-классификационной и коммуникативной деятельности.

Другой ограниченностью теории Соссюра явилось нечеткое, очень расплывчатое определение процесса и особенно результатов членимости языка, понятие теологически окрашенное и, возможно, заимствованное у В. Гумбольдта. Общеизвестно, что для В. Гумбольдта закономерности членимости структуры языка (особенно закона лексической членимости) предопределялись его «внутренней формой», ибо в языке В. Гумбольдт видел «самопроизвольную эманацию духа» говорящего на нем народа, силу, формирующую его мышление и раскрывающую творческий дух и интел-

лектуальную деятельность данного народа через внутреннюю форму его языка.

Внутренняя форма языка определялась В. Гумбольдтом как «тот постоянный и гомогенный элемент в деятельности ума, который поднимает артикулированный звук до выражения мысли» [Гумбольдт 1984, 71]. Однако эта интеллектуальная деятельность, по выражению Гумбольдта, «сама содержит в себе необходимость соединяться со звуком, без этого соединения мысль не может обрести ясности, представление не может стать понятием» [там же, с. 75].

Таким образом, еще В. Гумбольдт придал понятию «внутренней формы» языка своеобразный смысл, приравняв ее к механизму, который предопределяет особенности «национального характера народа», его мышления. Гипертрофировав содержательную сторону языка, отождествив ее с самой познавательной и мыслительной деятельностью человека, В. Гумбольдт придал внутренней организации языка характер феноменализма и даже некоторого мистицизма, а «внутренняя форма» языка предстала в виде самобытной силы, остающейся в самом своем существе совершенно необъяснимой.

Сам язык из творения (ergon), создания говорящего на нем народа превратился в деятельность его «духа», в дар, уготовленный ему судьбой.

Возвращаясь к понятию членимости языка, предложенному Соссюром, следует отметить еще одну его непоследовательность, ср.: «Специальная роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств (?) для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком (разрядка наша. — А. У.) и притом таким образом, что их соединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц. Мысль хаотичная по природе, по необходимости, уточняется, расчленяясь на части» [Соссюр 1977, 144].

Получается так, что определяя принципиально знак (слово) как двустороннюю сущность, Соссюр, как он говорил сам, «по-житейски», сводил знак к его означающему, к звуку, ср.: «звуки становятся знаком понятия» [там же, с. 145].

Не трудно увидеть, что роднит Гумбольдта и Соссюра в понимании природы знаковой репрезентации: «обязательность» и «принужденность» членения языка как общественного сознания, проистекающие, по Соссюру, из факта произвольности языкового знака внутри замкнутой системы, есть не что иное, как имманентно развивающаяся «внутренняя форма языка», сама по себе, по Гумбольдту, содержащая необходимость соединения со звуком для того, чтобы предопределить членение материального мира и представить последний как результат, как картину этого языкового членения (Weltbild der Sprache).

Ф. де Соссюр писал в своей основной работе: «Нет, таким образом, ни материализации мыслей, ни «спиритуализации» звуков, а все сводится к тому в некотором роде таинственному явлению (разрядка наша. — А. У.), что соотношение «мысль—звук» требует определенных членений и что язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс» [1977, 145].

Как видно, сам процесс знакообразования, связанный с решением основного гносеологического вопроса о взаимодействии «объективного мира, социально-трудового опыта человека, языка и мышления», был Соссюром

редуцирован до двучленного противопоставления «язык—мысль», а понятие языка сформулировано непоследовательно, даже более односторонне, чем у В. Гумбольдта.

В. Гумбольдт видел, итог языкового членения 1) в определенности и законченности выработанной в языке членораздельности звуков, которая простирается от разложения слогов на мельчайшие элементы — звуки до образования простейших слов; 2) в способности звукового слова получать определенное содержание в языке, в способности, формирующей полную, т. е. двустороннюю, единицу языка — слово, которое выражает определенное законченное понятие¹. Чрезмерная гипертрофия системной значимости знака, игнорирование факта и условий становления его индивидуального значения, фактически оставшийся нераскрытым механизм «спаривания» звука и мысли привели Соссюра к абстрактному и мало продуктивному моделированию языка как «двуслойного пирога», идее, подхваченной многими последующими лингвистическими направлениями, ср. «план содержания/план выражения» у глоссематиков, «семантика — звуки» у генеративистов, так называемый сбалансированный/несбалансированный подход (balanced/unbalanced view) [ср.: Chafe 1971] в описании языка, основывающийся на соотношении семантики и фонетики, глубинных и поверхностных структур и т. п.

Целостное учение о семиологическом принципе организации и описании языка после Соссюра представлено в лингвистике 70-х годов трудами французского лингвиста Э. Бенвениста, который, «не входя в лагерь ни „структуралистов“, ни „традиционистов“ . . . , сумел выработать единую концепцию языка, свободную от крайностей как того, так и другого» [Степанов Ю., 1974, 5].

В противоположность непоследовательной и ограниченной лишь системой семиотической теории описания языка Соссюра Э. Бенвенист, с учетом достижений современной лингвистики, создал теорию и метод описания человеческого языка, как единую семиологическую концепцию.

«Бенвенист четко различает то, что не удалось разграничить Соссюру — структуру описания . . . и онтологическую структуру объекта — самого языка» [Степанов Ю., 1974, 9]. Первой присущ «радиальный», «концентрический» принцип, второй — «иерархический». Не столько в дополнение к теории Соссюра, сколько в русле нового самостоятельного создания основ лингвистической семиологии, Э. Бенвенист предложил свою схему «уровней лингвистического анализа»². «Итогом всех этих исследований, — как тонко и справедливо подметил Ю. С. Степанов в другой своей работе, — было то, что слой содержания и слой выражения (имеется в виду соссюрианское «двуслойное» моделирование языка. — А. У.) как бы раздвинулись, отодвинулись друг от друга и место их непосредственного соединения или «стыка» заняла целая сложная иерархия единиц и ярусов» [Степанов Ю., 1976а, 210].

Наконец (the last but not least), Э. Бенвенист предложил теорию двукратного (различного по своему характеру) означивания а) системных и

¹ Ср. понятия первого и второго членения языка [Martinet 1949, p. 30—37].

² Ср. следующие работы Э. Бенвениста: «Уровни лингвистического анализа», «Понятие структуры в лингвистике», «Взгляд на развитие лингвистики», «Соссюр полвека спустя», «Новые тенденции в лингвистике» и др., включенные в кн.: Общая лингвистика (М., 1974).

б) речевых единиц; первичное (собственно семиотическое) и вторичное (семантическое) означивание³.

Э. Бенвенист, характеризуя репрезентативную функцию языка, отвечающую самой специфической способности человека как мыслящего существа, писал: «Способность представлять (репрезентировать) объективную действительность с помощью знака и понимать знак как представителя объективной действительности есть способность устанавливать отношения значения (разрядка наша. — А. У.) между какой-то одной и какой-то другой вещью» [Бенвенист 1974, 27—31].

Наиболее последовательным учеником Э. Бенвениста в советской лингвистике, активно развивающим его взгляды, является Ю. С. Степанов. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его вступительную статью к русскому изданию общетеоретических работ Э. Бенвениста, названную «Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований» [Бенвенист 1974, 5—16], обстоятельные, теоретически значимые «Примечания» к книге, а также оригинальные работы Ю. С. Степанова, выполненные в развитие идей Э. Бенвениста [см.: Степанов Ю., 1964, 1971, 1973, 1976а].

Полную и последовательную теорию семиологического описания языка, в противоположность генеративному и структурному принципам, Ю. С. Степанов изложил в виде следующего набора общих, взаимосвязанных положений.

1. «Семиологический подход вводит объективно наблюдаемые данные», что означает, что „глубинные процессы“ порождения трансформаций языковых структур те же самые, что и „внешние процессы“, которые непосредственно наблюдаемы в высказывании; семиологический принцип восстанавливает роль наблюдения над конкретным, единичным и особенным — над конкретными языками во всем их многообразии и противоречивой сложности их проявлений» [Степанов Ю., 1976а, 206].

2. «При семиологическом подходе порождающий процесс понимается как реализация языковой способности человека, протекающая в социальном общении индивидов, простейшей ячейкой которого является конкретное высказывание, предполагающее непосредственное общение двух людей. Благодаря этому пониманию, семиологический принцип соединяет два более общих положения — положение о том, что „язык есть непосредственная действительность мысли“ [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 448] и положение о непосредственной связи языка и общества» [Степанов Ю., 1976а, 206]. Это положение отражает антропоцентрический принцип организации человеческого языка, в котором антиномия «индивидуального/субъективного» и «социального/объективного» снимается наличием оппозиции «я/ты» — основной координаты речевого акта.

3. «Язык рассматривается в тесной связи с мышлением, раскрывающейся как отношение между системой „означаемых“ и системой „означающих“ (принцип знака); это отношение не может быть сведено не только к взаимно однозначному соответствию цельных единиц смысла и текста (в силу принципа асимметрии знака), но и к статичному соответствию компонентов единиц того и другого плана: указанное отношение наиболее аде-

³ Ср. следующие статьи Э. Бенвениста: «Семиология языка», «Природа языкового знака», «Категории мысли и категории языка», «Природа местоимений», «О субъективности в языке», «Формальный аппарат высказывания» и др., помещенные в кн. [Бенвенист 1974].

кватно раскрывается, во-первых, в виде сложной иерархии единиц (принцип иерархии), во-вторых, в виде совокупности процессов (принцип метаморфизма)» [Степанов Ю., 1976а, 207].

При семиологическом принципе язык рассматривается не только в тесной связи с мышлением, но и в его отношении к объективной действительности: к материальной действительности, к человеку и его идеальному миру; при этом не абсолютизируется закон знака, и соотношение содержания и формы выражения интерпретируется не как «спаривание» двух слоев, а как процесс первичного и вторичного знакообразования, в результате осмысления которых создаются языковые единицы в системе языка и в речи, находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии.

4. Элементарными семиологическими функциями языка считаются — номинация, предикация, локация.

5. «У семиологического принципа есть еще одна особенность — последовательная традиционность. Понимать это следует так, что, будучи наиболее общим объективным принципом организации языка, семиологический принцип требует и от исследователя-лингвиста субъективной полноты, т. е. по возможности полного учета предшествующей лингвистической традиции» [Степанов Ю., 1976а, 208].

6. «Семиологический принцип — это определенная система взглядов на язык, совокупность взаимосвязанных положений, обусловленных объективным устройством самого объекта языка» [там же, с. 207], имеющая поэтому большую объективную силу.

✓ § 2. КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

ПРИНЦИПЫ СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

Первый принцип семиологического описания языка в противоположность генеративному восстанавливает роль наблюдения над конкретными фактами языка [Степанов Ю., 1976а] и оборачивается в описании лексики принципом двукратного означивания языковых элементов [Benveniste 1969]. Этот принцип двукратной референции языковых единиц — в системе средств (семиологический, или первичное означивание) и речевых единиц (семантический, или вторичное означивание) принимается за исходный, основной и единственно адекватный объекту изучения принцип описания лексического значения словесных знаков.

Согласно этому принципу выделяются, как взаимосвязанные и взаимообусловленные, но четко противопоставленные друг другу, два рода механизмов языкового семиозиса.

1. Первичное, собственно семиологическое означивание (знакообразование), семантическим результатом которого являются словесные (элементарные/неэлементарные) знаки. Как при создании, так и при описании лексических единиц — слов и словосочетаний — закон знака — обязателен, т. е. при их создании и описании как номинативных единиц установление отношений значения между формой и содержанием — представляет основной, а может быть и единственный способ описания их семантики.

Формальный механизм собственно семиологического означивания языковых элементов обобщен и представлен в науке в виде семантического

(Огден и Ричардс), семиологического (Фреге, Ю. Степанов) или ономаσιологического (Гак) «треугольников», выражающих конституенты первичного знакообразования.

При этом человек в роли познающего субъекта эксплицитно не включается в число факторов, конституирующих семиологический акт. Правда, в семиотической теории Ч. Морриса, не разграничивающего первичное и вторичное означивание, человеческий фактор введен в число конституентов семиологического акта под терминами «интерпретант» (процесс понимания знака) и «интерпретатор» (тот, кто воспринимает знак) [Morris 1938, 43]. Введен человек, называемый «номинатором» и в ономасиологический «треугольник»: «номинатор — номинант — номинат» [Бородина, Гак 1979], члены которого интерпретируются как «кто называет — называемое — называемое».

2. Вторичное означивание, названное Э. Бенвенистом семантической интерпретацией, свойственно высказываниям, единицам речи в целом. Составляющими элементарного механизма речевого семиозиса (порождения высказывания), субъективными по своей природе, реализующими антропоцентрический принцип организации языка, являются, естественно, координаты речевого акта, формирующие любое высказывание в любом языке, — «говорящий (слушающий), время, место и цель порождения данного высказывания».

В гносеологическом плане в каждый данный отрезок времени первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт, ибо «задача говорения — согласовать новую реальность с известной, т. е. с опытом. Средством для этого является представление новой реальности с помощью фиксированных образов. Говорение — есть сочетание языка с новой реальностью» [Skalička 1948]. Первичное и вторичное означивание есть, фактически, границы начала образования первичных знаков (элементарных/неэлементарных слов), а вторичное означивание — конечный результат порождения, формирования на основе первых новых речевых единиц, высказываний.

Следует отметить в связи с этим и противоположную точку зрения. Например, ученые, описывающие язык текстоцентрически, отправляясь от высказываний, считают последние основными знаками [Гак 1967], а слова рассматриваются как полузнаки, вспомогательные знаки. Вся традиционная наука, имплицитно пользовавшаяся впервые законом знака и, фактически, впервые осуществившая семиотический подход к языку, издавна считала слова основными языковыми знаками, что видно хотя бы из того, что она всегда вела исследование лексического значения лексецентрически. Не следует усматривать принципиального противоречия или непреодолимой антиномии языка в том, что одни ученые исследуют язык перспективно, от системы к ее реализации, другие — ретроспективно, от текста к системным средствам.

Новым положением в данной работе, как следствие первого принципа семиологического описания лексики в двух ее ипостасях — в системе языка и в речи, является введение понятия «виртуальных» и «актуальных» словесных знаков, актуализация или конкретизация первых диктуется самим процессом познания, различными его фазами. Цикл познания, по определению марксистской теории, начинается с предмета и кончается предметом («вещь — деятельность — слово — деятельность — вещь» [Философская энциклопедия, 222].

Применительно к результатам объективации реальной действительности, которые находят прямое отображение в лексических единицах, первая фаза познания «вещь — деятельность — слово» соответствует акту снятия предметного, чувственного, этапу образования представлений и понятий, которые формируют знаковое значение слова как виртуального знака. Что касается второй фазы познавательного цикла — «слово — деятельность — вещь», то она соответствует в языковой деятельности акту конкретизации обобщенного значения виртуального знака, его семантическому разворачиванию в синтагматическом ряду. Словесный знак, таким образом, — основная когнитивная единица языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода» старого опыта (знания) в новый, своеобразно отражает в своем значении ступеньки человеческого познания.

Нововведением в работе является установление и описание промежуточного, переходного звена — той обширной языковой сферы между виртуальными словесными знаками и их абсолютной семантической актуализацией в конкретных актах речи. Эту промежуточную языковую сферу составляют свободные сочетания слов, словосочетания и фразы прямой, переносной и косвенной номинации, названные нами «семантически относительно актуализованными знаками».

Общеизвестен факт, что в лексических единицах, представляющих собой различного рода синтагмы, входящие в них слова актуализируют (конкретизируют) свою семантику частично, т. е. только относительно друг друга. Именно синтагма как единство «отождествления — различения» составляет основу актуализации виртуальных элементов языка. Например, в двух синтагмах: «лексическое значение» и «грамматическое значение» — слово *значение* отождествляет их, а *лексическое* и *грамматическое* — слова, различающие эти синтагмы. Именно это свойство лексических синтагм — сочетание двух слов в целях обоюдного взаимного семантического разграничения актуализации данного, а не какого-либо другого значения в пределах словосочетания, превращает синтагмы в обязательное, универсальное средство семантической актуализации словесных знаков.

Еще В. Гумбольдт отмечал, что по словарю нельзя измерить круга понятий того или другого народа, так как большая часть понятий создается путем семантического «членения» (разворачивания) слов на единицы так называемого описательного или метафорического выражения.

Действительно, семантический результат относительной актуализации двух или более слов в каждом языке не только разнообразен, но и в высшей степени своеобразен и идиоматичен. По отношению к отдельному слову семантическая актуализация (относительная расчлененность) лексического содержания слова есть его лексико-семантический уровень, который представлен многочисленными лексическими неэлементарными единицами разного языкового статуса:

а) свободные сочетания слов с переменными членами лексической синтагмы, основная форма реализации прямых номинативных значений, ср.: *новый стол, деревянный стол, покупать стол* и т. п.;

б) лексические синтагмы с постоянными членами, образующие в своей совокупности так называемые расчлененные наименования типа: *диетический стол, паспортный стол*, в которых главный член синтагмы *стол* реализует свое не прямое, а переносное значение;

в) лексические синтагмы, в которых оба члена переосмыслены: *круглый*

Таблица 1

Виртуальный словесный знак	Относительно актуализованный знак	В значении	Абсолютно актуализованное слово
дом	кирпичный дом, фасад дома, дом рушится, строить дом родимый дом, уютный дом, родительский дом глава дома, друзья дома весь дом заснул, пробудился, заговорил и т. п.	1) ЛСВ — 'строение для жилья' 2) ЛСВ — 'семейный очаг' 3) ЛСВ — 'семья' 4) ЛСВ — 'живущие в доме люди'	Бригада строила новый дом подрядным методом Ее часто охватывала тоска по родному дому Мы с Петровыми дружили домами давно Она подозревала, что о ней судачит весь дом

стол в значении 'форма научного обсуждения, предполагающая свободный обмен мнениями участвующих в нем (букв. сидящих вокруг стола) людей';

г) идентичные по способу, но различные по результату образования многообразные фразеологизированные выражения, начиная от аналитических, фразеологически связанных сочетаний до идиом [Телия 1981, 5—20].

Все перечисленные выше лексически свободные и фразеологически связанные единицы с точки зрения степени расчлененности составляющих их слов принадлежат к одному и тому же лексико-семантическому уровню слова на пути его семантической актуализации от виртуального к абсолютно актуализованному в конкретном акте речи.

Ср. в дополнение к этому многочисленные расчлененные наименования со словом *дом* в их составе: *дом пионеров*, *дом культуры*, *дом ученых*, *дом журналистов* и т. п., обозначающие культурно-просветительные учреждения людей разной профессии; другая парадигма расчлененных наименований: *дом мебели*, *дом тканей*, *дом фарфора* и т. п. — где каждое наименование обозначает «специализированный магазин». В общетеоретическом плане введение понятия «относительная актуализация семантики слова» помогает системно описать уровень различных словосочетаний как способа «перевода» виртуального слова в актуализованное.

ПРИНЦИП ЗНАКА

Общезвестно, что основным отличием процесса обозначения языковыми знаками является то, что он сопряжен с отражательной деятельностью человека с обобщением и выделением необходимого и существенного, с образованием представлений, понятий и других мыслительных форм. Однако из этого отнюдь не следует, что язык является формой мышления. Из этого положения следует два следствия: 1) при рассмотрении соотношения «язык — мышление» подчеркивается (вскрывается) в большей мере факт материализации языком мысли, но познание, как отмечалось выше, начинается не с мыслей, а с наблюдения над вещами и с действий над предметной действительностью; 2) язык как непосредственно связанный с процессами и конкретными этапами опредмечивания, объективации реального мира должен быть рассмотрен и в другом соотношении «язык — материальный мир», в котором он реализует другую, не менее важную,

чем первая, функцию — быть средством идеализации и репрезентации реальной действительности.

Обозначение языковыми знаками связано с процессами и результатами «снятия» предметного, чувственного, деятельностного, т. е. с идеализацией предметного мира. В языке итоги «снятия» предметного, реальных свойств и отношений вещей фиксируются предпочтительнее номинативными знаками, в прямых значениях которых, как правило, более или менее адекватно задаются функции, внешняя форма, способ употребления, агент, объект, среда, средства и другие реальные характеристики обозначаемых действий, процессов объективной действительности, субъективных свойств и состояний человека. Именно эта особенность прямых номинативных значений слов иногда дает повод определять знаковое значение как сумму операций над обозначаемым предметом.

Отмечая эту сторону словесных знаков, В. В. Виноградов писал: «В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры» [1947, 13].

Принцип языкового (словесного) знака требует раскрыть то, в каком отношении к языку, с одной стороны, к практической деятельности людей, с другой, находится процесс и результаты идеализации предметного мира. Как известно, язык, сам по себе так же мало идеален, как и человеческий мозг. Язык является идеальным в той мере, в какой он как средство выражения обобщенного, идеального представляет собой своеобразную предметно-вещественную форму его (идеального) бытия. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [Маркс и Энгельс, т. 3, 24]. В результате социально-исторического опыта человек, превращая вещи, их свойства в предмет своего труда, формирует новые понятия о социальном назначении, специальных свойствах и функциях этих вещей, вместе с продуктами труда, давая каждому свое имя.

Так, например, в русском языке слово *дерево* именует, прежде всего, единичное дерево и родовое понятие растущего дерева; имя *дрова* обозначает дерево, используемое в качестве топлива, *древесина* служит обозначением материала для изготовления (главным образом) мебели и других артефактов, имя *бревна* дано спиленным и очищенным деревьям, подготовленным для строительства и т. п. В опредмеченной трудом материи, в нашем примере в объекте «дерево» были раскрыты новые свойства, новое назначение, выделение человеком которых потребовало становления новых словесных знаков.

Специфика и неопределимое достоинство словесных знаков заключается в том, что социальное назначение, функция предмета становится центром номинативного намерения носителей языка, предметные реальные связи нарушаются, т. е. снимаются, а материальные свойства входят во вновь образованный словесный знак в виде поименованного понятия как бы в «снятом» виде. Ср. в приведенном примере: свойство «быть деревом» полностью снимается в названиях предметов мебели, изготовленных из дерева; каждый предмет получает обозначение по присущему ему содержанию признаку — по функции, по форме и т. п.

Предмет объективируется, т. е. материальное «становится» идеальным

только в том случае, если материальное преобразовано в актуальную форму деятельности с реальным предметом в сознании человека и выражено общезначимыми для всех носителей формами языка, словами.

Идеальный образ предмета, т. е. способ представления, репрезентации последнего при помощи слов, и отображаемый предмет составляют диалектическое единство противоположностей; они тождественны как оригинал и копия, они противоположны как материальное и идеальное.

По своему социальному проявлению «идеальное» существует как определенный способ (момент) познавательной деятельности общественного человека, по конкретному результату — как субъективный познавательный образ отражаемых вещей, их свойств и отношений. Возникает вопрос: как субъективное представление о предмете становится основой взаимопонимания и общения носителей данного языка. Подчеркивая объективный характер абстракций, В. И. Ленин писал: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [Ленин т. 29, 190]. Формирование познавательного образа, понятия о предмете и его связях в реальном мире, закрепление этого понятия за тем или иным языковым элементом и составляет физиологическую, гносеологическую и социальную основу знаковой репрезентации, сущность которой состоит в обобщении и замещении вещей с помощью языковых знаков вообще, словесных — в особенности. Характеризуя особенность абстрактно-мыслительной деятельности человека, мы не должны забывать ее физиологические основы, в отношении которых И. П. Павлов писал: «Слово составило вторую, специально-нашу сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов. Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми» [1949, т. III, 568—569].

Следовательно, для человека как мыслящего существа наряду с предметной действительностью, вещами, явлениями существует идеальная действительность — мир образов, представлений, понятий, идей, являющихся отражением и обозначением первой.

При помощи второй сигнальной системы, лежащей в основе механизма мышления, речи и всей сознательной трудовой деятельности, человек обрел способность «удаляться от действительности», осознанно фиксировать результаты познавательной и речемыслительной деятельности в содержании номинативных и предикативных единиц.

Таким образом, объективная природа словесного знака, его онтологический статус не вызывает никакого сомнения.

Однако в лингвистике наших дней не прекращается дискуссия о том, можно ли слово, столь сложную и многомерную единицу языка анализировать (изучать) в его знаковом аспекте? Да, можно! Не следует наивно думать, что тот или другой аспект описания слова может изменить самую его природу.

Основная цель семиологического описания лексики заключается в том, чтобы адекватно рассмотреть главную функцию словесных знаков — служить репрезентантами окружающего человека мира, выражать при помощи механизма ассоциативной связи двух сторон знака, находящихся друг к другу в отношении формы знака и его значения, безграничное количество понятий, их комбинаций и тончайших отличительных признаков.

Известно, что многочисленные лингвистические дисциплины возникали в результате абстрагированного изучения какого-либо аспекта слова, описание которого сформировало и самую научную проблематику, становившуюся предметом данной лингвистической дисциплины.

Так, изучение звукового состава слова в плане чисто артикуляционных особенностей или со стороны смысловоразличительной значимости звуков в границах слова стало предметом фонетики и фонологии соответственно; рассмотрение слова в различных аспектах морфологического его строения составило проблематику нескольких лингвистических областей: собственно морфологии (парадигматической и синтаксической), словообразования и морфонологии; исследование лексического значения слова дало начало нескольким содержательным дисциплинам описания слова: ономастиологии, семасиологии, этимологии, подпадающих под гипероним «лексикология». В наши дни слово интенсивно изучается как элемент лексикона с целью установления системности в лексике, нахождения места слова в гиперогипонимической структуре словарного состава языка или в поисках метода описания семантической структуры слова и способов ее презентации в словарях разного типа (лексикография и идеография).

Семиологическое рассмотрение слова, основанное на анализе соотношения двух его сторон (означаемого и означающего), казалось бы, идентично ономастиологическому подходу к слову, однако, это два разных ракурса его изучения: при ономастиологическом рассмотрении означающее словесного знака в его отношении к экстралингвистическим фактам выступает как обозначение последних и является искомым, в то время как реалии, артефакты и представления о них, как предметах объективной действительности и человеческой деятельности — подпадают под «известное», под данное от которого начинаются поиски средств их обозначения, способных ответить на вопрос: «Как, чем обозначается (может быть обозначена) данная реальность?»

При семиологическом изучении слова все внимание исследователя концентрируется на факте соотношения двух сторон словесного знака, на характере его означаемого, а основной вопрос, раскрывающий сущность описания слова, ставится по-иному: «Каково знаковое значение слова или значение данного словесного знака?»

АКСИОМАТИКА СЛОВЕСНОГО ЗНАКА

Слово как основная когнитивная единица языковой системы в ряду других знаков естественного языка обладает большим своеобразием. Основные характеристики знакового аспекта слова были не раз предметом научных дискуссий. Онтологический статус главных свойств словесного знака позволяет перечислить их в виде ряда аксиоматических посылок.

Означающее словесного знака

Материальная природа означающего языкового знака вообще, словесного в том числе, никогда не вызывала сомнения. А если это объективная реальность (звуковая или графическая), то означающее, естественно, существует в двух его модификациях: как материальное и как идеальное. Эта особенность языкового знака была отмечена давно, наиболее четко

выражена Соссюром. Те ученые, которые редуцируют языковой знак до его знаковой формы, интерпретируя его как одностороннюю материальную, физическую данность, обвиняют Соссюра в «дематериализации» знака, а следовательно, языка в целом. Общеизвестно, что Соссюр не отрицал субстанционального характера разных сторон знака, утверждая, что «... входящие в состав языка знаки суть не абстракции, но реальные объекты. ... Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатлением звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу и если нам случается называть его материальным, то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары — понятию, в общем более абстрактному» [Соссюр 1977, 99]. Четко разграничивал два аспекта означающего (signifiant) и Ст. Ульманн, утверждая, что виртуальное означающее хранится в сознании пользующихся языком в виде отпечатка (engram), а акустический — когда знак реализован в актуальной речи.

Как все идеальное является генетически вторичным по сравнению с материальным, так и звуковой состав словесных знаков выступает первичным по отношению к его психическому образу, его отображению. Существует точка зрения, согласно которой материальная форма знака необходима якобы в процессе общения, коммуникации, а идеальная форма знака, т. е. умственный ее образ — релевантен лишь для внутренней речи. Подобное разграничение сфер функционирования двух модификаций знаковой формы весьма относительно, так как в процессе общения материальная форма знака важна только для слушающего (воспринимающего), и то ее акустическая идентификация происходит на основании уже имеющегося у слушающего умственного образа или представления данной материальной формы знака.

Для чисто механических простейших знаковых систем, выполняющих лишь функции сигналов, знак должен выступать как некая материальная данность в виде акустического или визуального сигнала. В языковых знаках, особенно в словесных, его материальная опора (звуковой состав или его чувственный образ) имеет своеобразный статус. С одной стороны, из-за теснейшей и неразрывной связи формы знака и его содержания, из-за автоматизированного характера словесных знаков означающее и означаемое обретают относительную самостоятельность.

Воспринимая словесные знаки в отличие от всех прочих знаков искусственных систем, мы не воспринимаем их материальной формы как чего-то автономного, так как форма эта сливается со значением так, что, за исключением случаев нарушения акта восприятия, мы не обращаем внимания на материальную сторону словесных знаков. С другой стороны, материальная сторона слова является часто тем постоянным, неизменным в словесном знаке, что помогает ему оставаться тождественным самому себе как в синхронном, так и диахронном аспектах.

Следовательно, для языковых знаков противопоставление материальной формы знака и его психического образа представляется нерелевантным, ибо это всего лишь разные формы манифестации одной и той же сущности, которая по отношению к означаемому в пределах знака выступает его означающим, знаконосителем, по отношению к экстралингвистическим фак-

там — явлениям, вещам реальной действительности — их обозначением и наименованием.

Об опосредованной связи означающего через означаемое с предметным рядом очень четко и однозначно высказывался К. Бюлер в связи с обсуждением структурной модели человеческого языка. «Эта модель должна быть схемой, которая отводит почетное место в центре слову и предложению языка. Тогда слева от этих двух почетных мест расположится фонема как вспомогательный знак, а справа — более высокое единство сложноподчиненного предложения. Еще раз: фонема, слово, предложение, сложноподчиненное предложение; эти элементы должны наличествовать в структурной модели языка и быть правильно „настроены“ друг на друга» [Бюлер 1965, 32]. Фонемы как вспомогательные знаки К. Бюлер называл диакритиками. «Не подлежит сомнению, что они создают звуковой облик слова и тем самым являются знаками знаков, не более и не менее» [там же]. В подтверждение этого положения Бюлер приводил доводы о том, что не существует языков, в которых не было бы фонем, с другой стороны, ни в одном языке нет и того, чтобы «звуковая характеристика привлекалась бы непосредственно для передачи качеств предметов» [там же, с. 33]. В каждом языке есть только незначительное число звукоподражательных слов, в звуковой оболочке которых частично отображаются естественные шумы и звуки.

Означающее словесного знака

Вводя понятие «означающее», Соссюр так определил его содержание: в тех случаях, когда «означающее» и «означающее» противопоставлены в пределах знака друг другу как две его стороны, означающее будет составлять значение данного знака; в том же случае, когда означающее и означающее противопоставлены соответственно двум сторонам других знаков в системе языка, то выявляется их значимость, т. е. различие в концептуальной и/или формальной стороне сопоставляемых знаков, которые и отличает одно означающее и/или означающее от другого.

Таким образом, у Соссюра означающее, как и означающее имеет относительную природу: будучи рассмотрено относительно его собственного означающего, означающее является значением данного знака; будучи сопоставлено с означаемым других словесных знаков, оно выражает значимость данного слова.

Подчеркивая факт системной обусловленности смысловой стороны слов, Соссюр, естественно, акцентировал внимание на понятии «значимость», определяя знак дифференциально по его «отрицательному свойству», т. е. тому смысловому остатку, которым данный словесный знак не обладает по сравнению с другими.

Широко критикуемым тезисом «в языке нет ничего, кроме различий» Соссюр хотел подчеркнуть тот факт, что в языковой системе наличествуют как концептуальные, так и формальные различия (значимости), проистекающие из системной обусловленности как тех, так и других.

Но как только знак рассматривается в его целостности (означающее — означающее), то, естественно, выявляется его положительная ценность, т. е. то, чем данный знак обладает в отличие от других; вся сущность системной организации, по Соссюру, заключается в сохранении принципа

параллелизма⁴ между двумя рядами различий означаемого и означающего. Знаки естественного языка обладают как положительной, так и отрицательной ценностью, поэтому они способны не только различать обозначаемые ими предметы, понятия, но и обобщать, не только дифференцировать, но и интегрировать, т. е. удовлетворять потребностям абстрактного мышления (познания), свойственного только человеку.

Словесный знак обладает свойственным ему одному значением, а системная обусловленность создает условия для выявления его значимости. В лексике любого языка выражается не только различие «предметов», но и их тождество, на основе чего в лексиконе складываются целые классы, разряды, различные семантические группировки слов.

Итак, обратимся к тому, что составляет объективное содержание словесного знака вообще, номинативного в частности.

Как было отмечено выше, составляющими семиологический акт, акт первичного знакообразования являются: «форма знака — предмет — понятие о предмете». В результате установления отношения значения между формой знака и предметом, опосредованном понятием о предмете, образуется словесный знак. В знаковом значении словесного знака находят определенное отражение все три взаимосвязанные между собой конституента знаковой репрезентации. «Значение можно охарактеризовать как особое отношение между компонентами знаковой ситуации, а именно специфическое отношение знака к предмету обозначения, зафиксированное адресатом» [Абрамян 1965, 58].

Под «особым отношением» между знаками и предметом обозначения следует понимать такую связь, которая опосредована человеческим сознанием, поэтому значение знака представляет собой определенное обобщение свойств обозначаемого знаком предмета, класса предметов.

Значение — концепт, связанный знаком [Никитин 1974а, 70].

Если посмотреть на значение номинативного знака с точки зрения познающего субъекта (номинатора), то оно предстанет в виде так называемой предметной и/или понятийной отнесенности. Словесный знак по отношению к обозначаемому можно считать названием (обозначением) как предмета, так и понятия о нем. Два обозначаемых словесным знаком полюса (материальное — предмет и идеальное — понятие о нем) противопоставляются как имеющие общее объективное содержание, а следовательно, и основание для обозначения, казалось бы, разных сущностей одним и тем же именем. Словесный знак в системе языка, в системе его номинативных единиц соотносится лишь с тем предметом, существенные признаки которого входят в содержание понятия, выражаемого данным знаком; наоборот, в конкретном речевом акте, референтом данного словесного знака могут быть (нормативно) предметы, подпадающие под объем понятия, названного данным именем. Следовательно, обозначение (наименование) предмета опосредовано понятием о нем и является одновременно содержательной характеристикой данного предмета (класса предметов).

Со стороны формы словесного знака его смысловое содержание предстает в виде определенной, невещной данности — обобщенного отображения свойств обозначаемого им предмета или класса предметов.

⁴ Представляется, что критика этого принципа не правомерна в том смысле, что «принцип параллелизма» подменяется критикующими Соссюра «принципом тождества двух сторон знака» [Кацнельсон 1965, 104].

Спор о том, является ли знаковое значение словесного знака «отношением» или некоей «идеальной сущностью», подходя к вопросу диалектически, можно считать беспредметным: оно, это значение, есть и то и другое, на том основании, на каком понятие «отображение», «обобщение» выражает одновременно определенные отношения через знак познающего субъекта к объекту и определенный продукт этого процесса, как некую идеальную данность, абстрагированный признак, обобщенное понятие об этом объекте.

Возвращаясь к определению знакового значения слова, необходимо отметить, что число его дефиниций велико и варьируется в зависимости от понимания и характера самого знака, от его типа (первичный или вторичный знак). Общим для всех определений является то, какие элементы первичного семиологического акта или речевой единицы ставятся в отношении значения друг с другом. Иногда понимание значения неязыковых знаков переносится на знаки естественного языка. Например, для знаков — признаков, не составляющих систем (симптомы, приметы и т. п.), значением является реальный предмет (событие, явление), на который они указывают (дым — примета пожара), который они замещают.

Для чисто механических знаков, например, сигнальных систем, их семантическая ценность (значение) сводится к внутрисистемной их значимости (зеленый, красный, желтый обладают определенной ценностью «свободно», «стоп», «приготовиться» только в системе сигналов дорожного движения). Следствием этой аксиоматической посылки является:

1) первичное означивание или знакообразование первичных (элементарных/неэлементарных) знаков совпадает по процессу и самому итогу с актами первичной номинации;

2) словесный знак выступает репрезентантом объективного или субъективного миров постольку, поскольку слово в основе своего знакового (прямого, номинативного) значения содержит «отражательный» образ, понятие обозначаемого словом предмета;

3) словесный полнозначный знак всегда относится (обозначает) не к одному какому-нибудь отдельному экземпляру, явлению, а к целому классу ему подобных, поэтому любое предметное (вещественное) знаковое значение первичного знака с точки зрения психологии и результата его образования есть обобщение, а форма знака представляет собой наименование целого класса предметов. Именно это свойство словесного знака позволяет ему обслуживать две главные сферы языковой деятельности человека: номинативную и коммуникативную; слово по характеру своего значения очерчивает не только содержательный характер обозначаемого, но и сферу его референции в актуальной речи.

Устойчивая ассоциативная связь означающего и означаемого

Особенностью, определяющей сущность знакового отношения двух сторон слова, является прочная, опосредованная сознанием, устойчивая, закрепленная памятью и доведенная до автоматизма рефлекторная связь означаемого и означающего, в результате которой образуется первичный словесный знак.

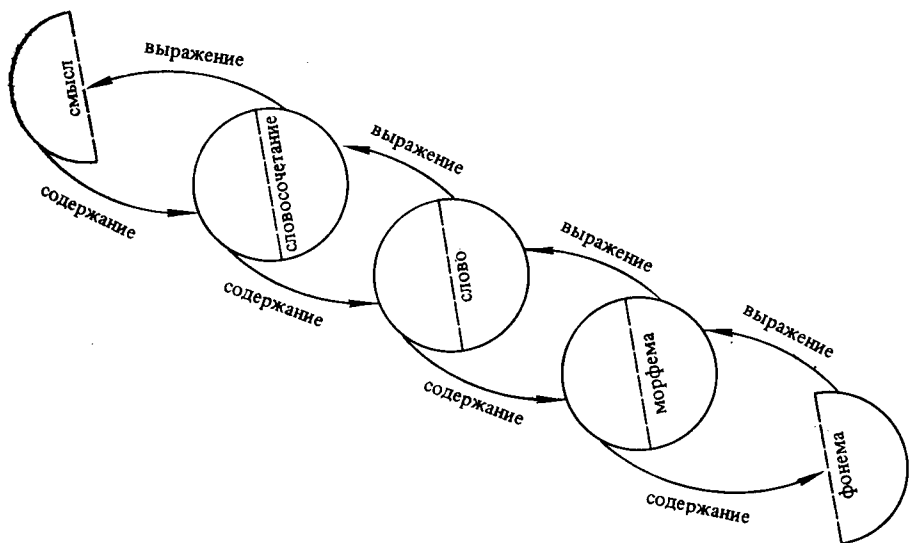
Образовать знак, значит установить отношение значения между означающим и означаемым, которые вступают в отношения двусторонней зависи-

мости, взаимно «вызывая» одно другое: знаковая форма — свое знаковое значение, наоборот, значение «вызывает» к своей изначальной, первообразной форме. Установление прочных психологических связей между двумя сторонами словесного знака необходимо не только для «объективации» предметного мира, именно это свойство слова обеспечивает круговорот речевой коммуникативной деятельности. О диалектической взаимообусловленной связи двух сторон словесного знака проф. А. И. Смирницкий писал: «Материальная звуковая оболочка постольку и является звуковой оболочкой, поскольку она наполнена смысловым содержанием; без него она уже не есть факт языка» [1954, 87]. Удивительно точная мысль, если пренебречь метафорическим, образным представлением слова, как некоего «вместилища», «резервуара». О психической природе связи означаемого и означающего Бодуэн де Куртенэ говорил, также метафорически, следующим образом: «Каждая точка произношения может биться особою психологическою жизнью и соединяться с элементами значения посредством особых ассоциаций» [1963, т. II, 73].

Следствия этой аксиоматической истины о свойствах словесного знака неисчислимы.

Действительно, если особая психологическая связь «содержания» (значения) и формы (формы знака) является взаимообусловленной (интердепендентной), двунаправленной, т. е. одинаково возможной от формы к значению и от значения к форме, то в пределах знака, прежде всего, возникает условие диалектического оборачивания ролей, закономерность, присущая не только развитию наук, но и самому процессу человеческого познания [Караулов 1981, 21—22; Черняк 1975, 101].

Разве не на этой закономерности «оборачивания ролей» покоится универсальный принцип асимметричной организации структуры языка, при которой каждая двусторонняя единица языковой системы выполняет то роль средства выражения по отношению к вышестоящей, то идентифицирует на основе своего содержания единицы нижестоящего уровня.

Нижестоящая двусторонняя единица асимметричной структуры языка служит средством выражения вышестоящей единицы, следовательно, эта последняя находится в отношениях значения к нижестоящей. Поэтому описание языка вообще, лексики в том числе, возможно в двух направлениях: от формы к содержанию — аналитический подход; от содержания к форме — синтетический подход.

Другим следствием этой посылки является то, что прочной и неразрывной оказывается не столько связь формы знака и значения, сколько детерминирующая константная связь значения и экстралингвистической данности, предметной действительности: прямая номинация раз и навсегда в границах данного знака выделяет, а затем фиксирует по отдельным свойствам не единичный предмет, а его класс; по этой причине содержание связанного данным наименованием понятия изменяется, а знаковое значение, ориентированное, например, у имен классов, уникальных имен и т. п. больше на предметный ряд, внешние свойства предметов, остается постоянным в течение тысячелетий. Развитие, освоение предметного мира идет за счет создания новых наименований на основе имеющихся знаков (специализация) или образования элементарных и неэлементарных (словообразование, аналитическая номинация) словесных знаков. Более устойчивым является, как правило, прямое номинативное значение, т. е. то, которое было придано данной звуковой форме при создании данного словесного знака. Именно по этому прямому значению данный словесный знак выступает репрезентантом объективной действительности. Это значение и можно назвать **знаковым**, т. е. сформировавшем данный знак. Все остальные (метафорические, метонимические и т. п.) значения будут вторичными, т. е. словесный знак получил их благодаря различному его комбинированию с другими знаками в системе языка и в речи, путем переноса «имени».

Поэтому термин «знаковое значение» означает для нас «прямое номинативное значение полнозначных словесных знаков», как репрезентирующее реальный мир и формирующее первообразный знак. Не случайно В. В. Виноградов называл прямое номинативное значение слова «общественно осознанным фундаментом», составляющим основу словарного состава любого языка. Именно прямое номинативное значение слова, его знаковое значение получает такой языковой статус (по целому набору признаков), который позволяет ему занять место главного, основного в семантическом инвентаре лексикона [Никитин 1974а; Шестопалов 80] любого языка.

Асимметрия словесного знака как основное условие его функционирования

Обычным примером, манифестирующим принцип асимметричного строения слова, — своеобразной способности его знаковой формы закреплять и удерживать за собой (аккумулировать) целый ряд семантических значимостей. Вместе с этим следует подчеркнуть и тот факт, что обратной стороной этого свойства человеческого познания (актов дифференциации и интеграции), отразившегося в слове, является способность транспозиции одной семантической значимости в другую, т. е. «переноса имени» на другие семантические значимости.

В философском толковании «асимметрия» двух сторон слова — абсолютное его состояние, «симметрия» — относительное равновесие, устанавливаемое

мое между формой и значением; именно это свойство словесного знака является основной причиной и движущей силой языкового развития.

«Если один и тот же звуковой знак... в разных рядах, — писал С. Карцевский, — может служить для передачи различных значимостей⁵, то и обратное оказывается возможным: одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками» [1965, 87].

Взаимодействие и соотношение означающего и означаемого в словесном знаке детерминировано пересечением двух присущих человеческому сознанию мыслительных рядов: 1) чисто психологического, ассоциативного, определяющего процессы транспозиции имени (при омонимии) и 2) собственно логического в результате осмысления признаков как разновидностей одного и того же класса вещей, понятия (при синонимии).

Именно эта особенность словесного знака позволила С. Карцевскому сформулировать ставшее классическим положение «...всякий лингвистический (имеется в виду языковой. — А. У.) знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по „наклонной плоскости реальности“. Каждое „выходит“ из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая (языковая. — А. У.) система может эволюционизировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [1965, 89—90].

Одним из специфических и уникальных свойств человеческого языка как системы знаков является то, что более емкий по объему и многомерный по структурной организации план содержания не имеет одно-однозначного соответствия плану выражения. Это давно известное в языке явление «непараллельности звучания и значения» больше всего и прежде всего проявляется в словесных знаках и получило в истории науки различные наименования: полисемия, омонимия, синкретизм, разграничение языковых единиц на знаки и незнакомы и т. п.

Антиномию неоднозначного соответствия двух планов языка Л. Ельмслев, например, в своей теории пытался снять путем исключения из числа языковых знаков тех единиц содержания, которые не имеют «открытого» (явного) выражения путем тех или иных звуковых последовательностей, названных им фигурами плана содержания, за что справедливо подвергался строгой критике [Звегинцев 1960; Мартине 1960; Мурат 1964].

Асимметрия (неконгруэнтность) плана выражения и плана содержания еще более очевидна, если рассматривать словесные знаки в системе языка и в речи.

В плане выражения процесс говорения, актуальной речи упорядочен временем — линейная последовательность фонем есть в то же самое время временная их последовательность; в плане содержания временной фактор отсутствует.

⁵ С. Карцевский употреблял два различных термина «значение» и «значимость» взаимозаменяемо, имея в виду под «значимостью» не только отрицательные, но и положительные различия в содержании словесного знака.

В системе языка, в виртуальной его модификации, наоборот: план выражения не имеет временной отнесенности, а план содержания (значения словарных единиц) носит кумулятивный характер, т. е. выступает в каждый исторический момент как результат предшествующего опыта, его нарастания, накопления [Караулов 1972].

Для словесных знаков характерна линейная дискретность означающего наряду со структурной глобальностью и временной непрерывностью означаемого.

Несмотря на отсутствие полного параллелизма в структуре, отмеченности/неотмеченности временем двух сторон знака, они, означающее и означаемое знака, безусловно, функционируют и изменяются в определенной зависимости друг от друга, составляя единое целое. Если означающее эволюционирует в соответствии с характером означаемого, то, следовательно, в процессе самого функционирования, внутри данной системы, в данную эпоху оно ведет себя определенным образом в зависимости от характера системы языка в целом.

Следствия, вытекающие из аксиоматической посылки об асимметрии сторон словесного знака, значительны:

а) явления омонимии и синонимии, как обусловленные психологией и логикой человеческого мышления, удовлетворяют двойной структуризации единиц естественного языка, одинаково детерминируя как систему языка, так и актуальную речь;

б) полисемия как результат транспонирования семантических значимостей словесного знака — является основной, адекватной структуре языка особенностью, ее достоинством, а не недостатком, как полагают некоторые лингвисты;

в) перенос первичных наименований — создание новых метафорических и метонимических лексических единиц — неоценимое свойство естественного языка;

г) возможность транспозиции и трансформации языковых единиц предопределена самой объективной природой языка.

Виртуальный и актуальный словесные знаки как две модификации слова

Указанные модификации словесного знака детерминированы самим психофизиологическим механизмом человеческого языка, функционирующим в качестве средства познания между двумя полюсами — общим и отдельным, абстрактным и конкретным. Для того чтобы удовлетворять познавательной и коммуникативной деятельности человека, естественный язык должен быть способен обозначать новые представления, новую предметную и духовную действительность, оставаясь тем не менее постоянным, общим, надиндивидуальным.

Семиологические значимости языка непременно имеют виртуальный и, следовательно, общий характер, для того, чтобы язык оставался независимым от пользующихся языком. Словесные знаки должны и применяются к всегда новой, конкретной ситуации. «Призванный приспособиться к конкретной ситуации знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский 1965, 85].

В силу этого естественный язык, как никакая другая искусственная семиотическая система, обладает двукратным означиванием своих элементов и двойной структуриацией его единиц: в системе — одни, в речи — другие; тем не менее первые служат вторым в виде семантической основы, субстрата.

Несомненно В. Гумбольдт был близок к истине, когда он определял виртуальный, общий характер семантики слова: «Слово не сообщает как некая субстанция чего-то уже готового и не содержит в себе уже законченного понятия, а только побуждает к самостоятельному образованию последнего, хотя и определенным способом, люди понимают друг друга не потому, что они действительно прикасаются знаками и вещам, и не потому, что они взаимно predetermined к тому, чтобы создавать одно и то же, в точности и в совершенстве, понятие, а потому, что они прикасаются к одному и тому же звену цепи своих чувственных представлений» (разрядка наша. — А. У.) [Гумбольдт 1984, с. 165—166].

В приведенном выше высказывании В. Гумбольдта имплицитно выражена мысль о двух аспектах существования слова, о неизменном и предпочтительном по сравнению с другими единицами свойстве словесных знаков «синтезировать» в себе «старые» системные и «новые» речевые значимости, возникающие при актуальном использовании слов в речи, предоставляя тем самым членам говорящего коллектива возможность самостоятельного образования (скорее выражения) понятий «хотя и определенным способом», предписываемым системой языка.

Конечно, четкое (иногда даже взаимоисключающее) противопоставление двух ипостасей языка — как системы средств и актуальной речи, а следовательно, и виртуального и актуализованного слова, вошло прочно в лингвистику с работами Соссюра. Однако, восстанавливая историческую справедливость, мы упомянули не случайно В. Гумбольдта; из более поздних предшественников Соссюра необходимо назвать двух крупных представителей функциональной лингвистики — Бодуэна де Куртенэ и В. Матезиуса.

Отграничение языка «как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего *in potentia*, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса» [Бодуэн де Куртенэ 1963, т. II, 77] было предложено Бодуэном де Куртенэ еще в 80-х годах прошлого столетия; несколькими десятилетиями позднее, в начале XX в. попытка снять антиномию между системой и непрерывным изменением речи была сделана В. Матезиусом, предложившим «теорию потенциальности языковых явлений, которая, собственно, предшествует учению структурной лингвистики о фактах языковой системы и их различной реализации в речи» [Матезиус 1965, 146]. Из отечественных ученых близко подошел к пониманию двух модификаций слова (виртуального/актуального) В. В. Виноградов, который так определил эту черту слова: «Вне зависимости от его данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления» [1947, 14]. Мысль о соотношении виртуального и актуального в слове была как нельзя лучше выражена А. М. Пешковским. «...мы должны различать два образа: один, возникающий в нас при произношении отдельного слова, а другой — при произношении того или иного словосочетания

с этим же словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых. Но статически это не меняет дела. Все же этот образ есть, это «отвлечение» не есть плод наших научных размышлений, а живой психологический факт (разрядка наша. — А. У.), и он может даже вопреки действительным представляться как сущность, а конкретные образы слов и словосочетаний как модификация этой первосущности» [1952, 93].

Словесный знак виртуально должен быть автоматизированным знаком и застывшим с точки зрения функции и структуры. Слово способно обобщенно выражать идею, дифференцируя или отождествляя понятие, мысль, и в то же самое время служить средством общения, неся в каждом акте речи конкретную информацию, т. е. актуализировать ту или другую его семантическую значимость. «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. . . Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным сам себе» [Карцевский 1965, 85]. Тут мы подошли к следующей очень важной черте слова как особого семиологического образования — к дифференциальному характеру двух сторон словесного знака. Но прежде чем говорить об этом остановимся на следствиях, вытекающих из данной аксиоматической посылки.

1. Диалектическое взаимодействие двух модификаций словесного знака — виртуального и актуального — с неизбежностью подтверждает тезис о том, что в лексике строго действует закономерность «оборачивания ролей», постоянно происходит «мена» местами между конкретными, актуальными проявлениями слова в реальной речи, являющимися «первосущностью» и обобщенными, виртуальными знаками, которые, генетически являясь производными от первых, становятся статически, первоосновой, семантическим их субстратом.

2. Из наличия двух модификаций словесного знака следует неотвратно вывод — между двумя крайними позициями должно быть промежуточное звено, переходное от первого к второму и обратно. Поэтому столь же бесспорным и очевидным является положение о наличии переходной фазы — «относительно актуализованных слов», семантика которых конкретизирована, расчленена относительно один другого.

Трехчленное противопоставление «виртуальный — относительно расчлененный — абсолютно актуализованный словесный знак» соответствует основной гносеологической триаде: общее → особенное → единичное.

3. В языке нет других средств относительной и абсолютной актуализации виртуальных слов, кроме семантического соположения словесных знаков в линейном ряду. Следовательно, линейная связь двух или более словесных знаков синтагмы есть необходимое, хотя и не всегда достаточное средство разграничения лексической семантики.

Дифференциальный характер сторон и тождество словесного знака

Как было отмечено выше, для словесных знаков характерна линейная дискретность означающего наряду со структурной глобальностью и временной непрерывностью означаемого.

Общезвестен дифференциальный характер формы словесных знаков, который, прежде всего, разграничивает значения двух или более единиц; ср. в русском языке: *голос, колос, волос*.

Означающее предметного имени представлено пятью компонентами, из которых два манифестируются одной и той же фонемой. Означающее же этого словесного знака, как любого полнозначного, неоднородно по своему составу: более общие, абстрактные семантические признаки, присущие классу знаков и закрепленные за так называемыми грамматическими морфемами, противопоставляются более конкретным, менее абстрактным признакам, составляющим его лексическое содержание.

Так, в словесном знаке *голос* три семантических признака «единственное число», «мужской род», «именительный падеж» выражены нулевой морфемой, т. е. значащим отсутствием какого бы то ни было элемента плана выражения. Эта совокупность признаков выражена дифференциально, не материально, а путем противопоставления остальным словоформам парадигмы и другим словесным знакам:

голос : колос : волос;

голоса

голосу и т. п.

Помимо этих общих категориальных значимостей, у словесного знака *голос* есть собственное, ему одному присущее смысловое содержание, которое также является негомогенным: оно складывается из целого ряда исторически напластовавшихся семантических значимостей, которые составляют его смысловую структуру в пределах данной формы знака. Так, слову *голос* в русском языке соответствуют следующие значения: 1) звучание, производимое колебанием связок, находящихся в горле; 2) высказывание, мнение; 3) право (избирательное, политическое); 4) музыкальная партия.

Если фонемы способны проводить различие между отдельными словесными знаками, ср.: межсловное разграничение — *голос, колос, волос*, то внутрисловное разграничение лексической семантики проводится совершенно иным способом.

Та или иная последовательность фонем является необходимым, но недостаточным условием для семантического развертывания семантики общего, виртуального слова *голос*. Разграничение проводится путем парадигматической противопоставленности (по сходству или различию) его содержания другим словесным знакам или путем синтагматического контраста в линейном ряду, при их сочетаемости, ср.:

*голос*₁ — реализуется в сочетаниях — *охрипший, простуженный голос, потерять, обрести голос*;

*голос*₂ — манифестируется — *поднять голос в защиту, в один голос, голос совести*;

*голос*₃ — выявляется в сочетаниях — *иметь/не иметь голоса, подать свой голос за... , право голоса*;

*голос*₄ — реализуется в сочетаниях — *петь первым, вторым голосом* и т. п.

Дифференциальный характер обеих сторон знака создает почти неограниченные возможности варьирования не только означаемого, но и означающего словесного знака. «Общее и индивидуальное даны во всякой семиологической системе не как сущности, а как взаимоотношения двух координат или двух семиологических значимостей, из которых одна служит для дифференциации другой» [Карцевский 1965, т. II, 86].

Однако следует заметить, что простое и чистое противоположение, как в наше время стали часто утверждать, не может еще служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременное наличие сходства и различия, т. е. единство противоположностей: мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, содержательном или формальном и противопоставляемых, конечно, только в пределах данного ряда, парадигмы или группировки слов.

О дифференциальной природе слова Я. Розвадовский писал еще в начале нашего века: «Каждое образование есть продукт двух параллельных и нерасторжимых действующих особенностей человеческого сознания — аналитического и синтетического способа апперцепции понятий» (Rozwadowski 1904, 18).

Означаемое виртуального словесного знака в высшей степени дифференцировано и складывается из нескольких друг другу противопоставленных значимостей, различных по степени абстракции, «вложенных» друг в друга семантических слоев по принципу «матрешки». Семный состав слова гооп:

VII — ед. число им. пад.	— грамматические признаки;
VI — предмет	— лексико-грамматический разряд;
V — исчисляемое	— признак семантической категории;
IV — неодушевленное	— признак семантической субкатегории;
III — ограниченное пространство	— признак лексико-семантической парадигмы;
II — место	— производные (незнаковые) значения;
I — комната	— прямое номинативное (знаковое) значение.

Следовательно, смысловое содержание полнзначных словесных знаков является далеко не однородным: на высшей ступени абстракции — грамматические значения, признаки семантических разрядов и категорий и собственно лексическое индивидуальное значение, последнее в определенном смысле идиоматично и специфично; организующим центром семантики слова выступает его прямое номинативное значение.

При рассмотрении смыслового содержания словесного знака в его синхронном и историческом функционировании понятие «виртуальный» применительно к слову означает постоянный, на длительном отрезке времени (десятки сотен лет) неизменный в противоположность «актуальному», как способному при реализации обрести нечто новое и потому воспринимаемое как подвижное, изменяющееся.

Понятие «инвариантное» применительно к лексическому значению слова должно быть интерпретировано, в отличие от инвариантности других единиц, по-иному.

Прежде всего, инвариантность означаемого словесного знака может быть раскрыта путем разграничения и противопоставления виртуальных и актуальных знаков, т. е. путем разграничения слов как системных потен-

циальных средств и реализации этих системных возможностей в речи; в этом смысле инвариантное в лексике есть общее, существующее через частное.

В синхронном плане слово в лексико-семантической системе (уровень относительного расчленения, актуализации лексического значения) представлено несколькими лексико-семантическими вариантами слова (ЛСВ), в речи — случаями употребления, манифестациями его системных значений.

Не случайно в полисемантическом слове, независимо от характера его смысловой структуры, невозможно выделить общее лексическое значение данного словесного знака как несуществующее.

Если «инвариантное» в означаемом словесного знака интерпретировать как более устойчивое, менее подвижное, служащее основой семантической производности, то прямое номинативное, т. е. знаковое, значение можно считать в определенном смысле инвариантным.

Так, возьмем для примера, три разных словозначения предметного имени *eye* 'глаз':

- 1) ЛСВ — знаковое значение — орган зрения живого существа
- 2) ЛСВ — зрение, способность видеть (глазом)
- 3) ЛСВ — кругозор, способность воспринять (умом)

Третий ЛСВ непосредственно связан только со вторым ЛСВ.

В свое время А. А. Потебня писал о характере семантической производности следующее: «Откуда бы ни происходила родственная связь однозначных слов, слова эти относятся друг к другу, как предыдущие и последующие. Без первых не были бы возможны последние. Обыкновенно это называют развитием значений слова из одного основного значения» [1958 т. 1, 2, 198].

При инклюзивно-ступенчатом характере лексической абстракции и строго последовательной семантической производности лексико-семантических вариантов как минимальных двусторонних лексических единиц и словозначений — минимальных односторонних элементов лексического содержания слова не следует рассматривать ни те, ни другие как языковое воплощение какой-то обобщенной, инвариантной семантической значимости, как это имеет место в случае с грамматическим, категориальным значением.

В случае с лексическими сущностями мы имеем дело с возникновением нового словозначения (ЛСВ), противопоставленного предшествующему одновременно как по интегральным, так и по дифференциальным, как формальным, так и содержательным признакам (значимостям).

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВЕСНОГО ЗНАКА

В истории языкознания независимо от методологических посылок, в основании модели языка неизменно лежали два ряда оппозиций:

фонема: слово

слово: предложение;

варьировалось лишь направление исследования (перспективное/ретроспективное) и менялся характер отношений к экстралингвистическому, предметному ряду и к поведению человека как носителя языка. Так, в традиционной трехчленной модели языка, основывающейся на трех субстанциональных сферах языка, оппозитивная цепочка включала все три члена: «семиологизированный звук—слово—предложение»; при моделировании естественного

языка, исходя из закона знака, язык представлялся, говоря метафорически, «двуслойным пирогом без начинки» (ср. Соссюра и его последователей в различных структуральных направлениях лингвистики), роль верхней и нижней «корок» которого неизменно выполняют два плана: «значение/форма», «семантические/формальные значимости», «мысль/язык», «план содержания/план выражения» и т. п.

Лингвистика XX в. знает целый ряд других, более адекватных структурных моделей языка, например, по единицам первого/второго членения [Мартине 1960], по наличию (и разграничению) символического и указательного полей языка [Bühler 1934], по характеру означивания языковых элементов, которые иерархически ранжированы по структурным уровням языка и представляют собой две самостоятельные, хотя и настроенные друг на друга семиологические сферы — первичное и вторичное означивание (семиологизация) единиц в системе средств и в актуальной речи [Бенвенист 1974] и др.

Несмотря на различные подходы и принципы в моделировании языка, слово во многих из них принимается за реальную сущность языковой системы, даже Соссюр полагал, что «слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [1977, 143].

Итак, каковы семиологические функции слова?

В кругу двусторонних единиц слово занимает особое положение, являясь универсальным по характеру и уникальным по объему выполняемых им функций.

В зависимости от степени дифференциации и сфер языковой деятельности выделяется разное число функций словесного знака. Главная и постоянная функция слова в его знаковом аспекте — репрезентативная, т. е. знаковая функция — способность семиологизированной цепочкой звуков представлять реальную и идеальную действительность, или, как определял В. Гумбольдт, «формировать законченное понятие». Следует оговорить, что репрезентативную функцию выполняют далеко не все словесные знаки; к последним следует отнести только так называемые характеризующие знаки [Уфимцева 1974, 90], представленные полными словами с предметно-вещественным значением, в основе которого лежит «отражательная» семантика [Слюсарева 1973].

С репрезентативной, т. е. собственно знаковой, функцией словесного знака сопрягается, будучи тесно связана, его другая, не менее важная функция — наименования, обозначения фактов и явлений объективной действительности; этой функцией, как и репрезентативной, обладает только семиологический класс характеризующих словесных знаков.

Словесный знак репрезентирует не только объективный, но и субъективный мир человека, квалификативно-оценочные сферы познавательной деятельности, выполняя тем самым третью очень важную в языке функцию — прагматическую, функцию экспрессивно-оценочного выражения и эмоционального воздействия [Азнаурова 1977б].

Наконец, последняя по счету, а не по важности, функция словесного знака в структуре языка — двойная функция идентификации:

- 1) предметов, явлений реального мира;
- 2) в большей мере — идентификация единиц, меньших чем слово, но

входящих в состав последнего; в меньшей мере — единиц, больших, чем слово, входящее в их состав.

Общезвестно, что на осознании единства двух сторон словесного знака как номинативной единицы, репрезентирующей факты, вещи реальной действительности, только и могут быть идентифицированы другие единицы языка, как низшие (фонема, морфема), так и высшие (разного рода сочетания слов) от свободных минимальных синтагм до фразеологически связанных словосочетаний, выполняющих преимущественно номинативную функцию, как это свойственно всем относительно актуализованным знакам.

Если обратиться к речевой деятельности, то слово в этой сфере выполняет, кроме того, целый ряд других функций: коммуникативную, экспрессивную, аппеллятивную, поэтическую, фатическую и метаязыковую [Jakobson 1960]. Достаточно только перечислить все ракурсы и типы отношений слова по двум или по одной из сторон, составляющих словесный знак, как станет ясна его многоаспектность отношений, детерминирующая полифункциональность слова:

- 1) отношение значения (между двумя сторонами знака),
- 2) — » — обозначения (к предметному миру),
- 3) — » — выражения (к говорящему, познающему субъекту),
- 4) — » — идентификация (к низшим и высшим единицам языка),
- 5) — » — опознания (к реальной действительности),
- 6) — » — воздействия (на говорящего и слушающего),
- 7) — » — восприятия (слушающим),
- 8) — » — иерархии и значимости (к другим знакам в парадигматике),
- 9) — » — смысла (в синтагматическом ряду),
- 10) — » — установления общения,
- 11) — » — обращения,
- 12) — » — сообщения и т. п.

Номинативная и сигнификативная функции слова представляют по своему содержанию две стороны одного и того же явления знаковой репрезентации и потому выступают как основные; две другие функции языка — коммуникативная и прагматическая — являются для слов как элементов первичного означивания второстепенными, факультативными. Коммуникативная функция находит свое воплощение в способности некоторых слов употребляться в речи в качестве однословного предложения: *Огонь! Тихо!* Прагматическая находит свое отражение, кроме единиц речи, в так называемой экспрессивной лексике, имеющейся в словарном составе любого языка.

ЗНАКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ЕГО КОМПОНЕНТЫ

Как было отмечено выше, основной функцией словесного знака является репрезентативная, или знаковая, способность обобщенного и опосредованного представления окружающего и внутреннего мира человека. Знаковая функция слов, их незаменимое свойство служить средством обобщенного представления и замещения явлений, предметов и категорий реального мира были в истории науки предметом исследования многих ученых. Так, В. В. Виноградов писал: «Слова, взятые в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений

действительности, отраженных в общественном сознании» [1947, 13]. Другой ученый — глава (диаметрально противоположной классическому языкознанию) глоссематической лингвистики Л. Ельмслев, приравнивал значение языкового элемента к его знаковой функции, а последней, по его утверждениям, обладают лишь те знаки, которые однозначно соотносятся с внешним, экстралингвистическим фактом. Что касается словесного знака, то он однозначно и неизменно соотносится с предметным и духовным мирами и прежде всего и больше всего по своему прямому номинативному значению, формирующему сам словесный знак.

Не раз отмечалось, что слово как основной номинативный знак, давая наименование предмету, явлению, обозначает последнее как «целое, со всеми выявленными и невыявленными свойствами, выполняя по отношению к нему функции метки» [Леонтьев А. А., 1970, 339]. Но, обозначая предмет как целое, словесный знак тем самым служит именем не только единичного предмета, одного экземпляра, а всей совокупности подобных ему предметов, давая в то же время имя целому классу предметов.

Например, слово *книга* в русском языке служит: 1) обозначением, именем конкретного экземпляра книги; 2) названием типизированного представления всевозможных книг и, в отличие от такого класса предметов, как *тетрадь*; 3) оно называет и понятие с его отличительными признаками — «сброшюрованными, переплетенными листами с печатным текстом», в отличие от тетради с «переплетенными листами чистой бумаги или рукописным текстом».

Обобщающая и опосредованная роль словесного знака в том и заключается, что объектом наименования и обозначения одновременно может быть а) конкретный (реальный) предмет (референт), б) типизированное представление о целом классе предметов по их форме, назначению, подпадающих под данный класс (денотат), в) понятие — дифференциальные признаки данного класса предметов (сигнификат). Типизированное представление о классе предметов, свойственное именам конкретных предметов, вещей, артефактов и т. п., мы называем денотатом (идеальным в отличие от материального — референта в единичном высказывании), или предметной отнесенностью словесного знака. Предметная отнесенность может быть определена как «потенциальная возможность отнесения слова к определенному предмету или явлению, констатация того факта, что данный предмет входит в класс предметов, обозначаемых данным словом» [Леонтьев А. А., 1970, 339].

С точки зрения логики предметная отнесенность может быть приравнена к объему понятия, т. е. к кругу предметов, подпадающих под обозначаемое данным словесным знаком понятие.

В противоположность вывескам, этикеткам, более непосредственно соотносимым с объектами обозначения, номинация в языке, сопутствующая процессу знакообразования, опосредована надындивидуальным типизированным представлением и коллективным опытом данной языковой общности, т. е. акт наименования обусловлен психологически и социально. В любом языке обозначаемое словесным знаком — «кусочек» реальной действительности; отдельные предметы и явления определенным образом осознаны, вскрыты из массы окружающих предметов, классифицированы, типизированы и отграничены от других, получивших иное наименование.

Номинативный словесный знак связан ономаσιологическим отношением

не только с денотатом, очерчивающим его предметную отнесенность, но и с понятием (сигнификатом), составляющим его «понятийную отнесенность».

Когда говорящий или слушающий идентифицирует или выбирает прямое лексическое (знаковое) значение той или другой словарной единицы, то он извлекает из слова информацию не только о содержании выраженного конкретным словом понятия, но и об объеме и классе предметов, которые данным именем могут быть обозначены.

В актуальной речи, в процессе коммуникации предметная отнесенность и понятийная отнесенность, составляющие основу знакового значения слова, могут не совпадать, и тогда имеет место сдвиг в предметной отнесенности, способный привести к смене имени или изменению самого значения данного словесного знака, который в коммуникативных целях может быть отнесен к предмету, «не предусмотренному» закрепленным за словом значением.

Именно на этой особенности словесных знаков — своеобразной «игре» между предметной и понятийной отнесенностью знака основывается вся метафорическая и метонимическая номинация, т. е. все случаи вторичного использования слова для наименования новых свойств и состояний человека.

При семиологическом анализе знакового значения слова не достаточно рассматривания соотношения «предмет—понятие—знак», как это бывает при семиологическом изучении лексического значения слова; знаковый подход требует дальнейшей детализации внеязыковых факторов, репрезентируемых данным словесным знаком. Эта детализация предполагает, прежде всего, анализ соотношения: 1) предметного мира; 2) восприятия и представления его в чувственном опыте, в практическом сознании носителей языка; 3) отражения и репрезентации абстрактного, теоретически осмысленного и обобщенного в значениях языковых вообще, в словесных знаках — разных типов — в особенности.

Если эту триаду сформулировать в терминах физиологии высшей нервной деятельности, то членами противопоставления, взаимодействующими в этом познавательном цикле окажутся: а) объективная действительность; б) первая сигнальная система действительности (ощущения, представления); в) вторая сигнальная система действительности (языковые знаки, слова с их значениями).

Вопросы соотношения чувственного и рационального, эмпирического опыта и теоретических знаний, как это отражается в семантике номинативных единиц, в лингвистической науке мало изучены. В тех немногих случаях, когда эти вопросы составляют предмет изучения, они ставятся и обсуждаются исключительно в генетическом плане, в плане констатации источника познания: чувственное — первично, понятийное, абстрактное — вторично.

Не учитывается тот общеизвестный факт, что мышление категориально лишь в своих результатах и что понятия и категории есть всего лишь «сокращенный опыт», абстракция от предметного ряда вещей и явлений, которая совершается путем чувственного восприятия последних. Поэтому в знаковое значение слова с предметно-вещественным характером его семантики не могут быть не включены элементы чувственного восприятия: зрительного, слухового и пространственного представления вещей и предметов. Чувственное и рациональное могут рассматриваться как две ступени познания только генетически, но в чисто логическом, в статическом плане

это — два момента, пронизывающих познание во всех его мыслительных формах, во всех языковых единицах на всех этапах их становления. «В разуме нет ничего, чего бы не было в чувственном восприятии» — этот тезис Л. Фейербаха отмечен В. И. Лениным словами «bien dit» [Ленин т. 29, 74].

Без чувственного, без созерцания и восприятия не только невозможно освоение объективного мира, но и невозможно само формирование и существование абстракций.

Анализируя социально-психологический аспект знаковой репрезентации при помощи слов, В. В. Мартынов писал: «Различаются тела и их отношения в пространстве, объект наших непосредственных восприятий и основа наших представлений, с одной стороны, и сигналы об этих телах (наши представления), с другой. Такого рода сигналы относятся, по И. П. Павлову, к первой сигнальной системе. Вторая сигнальная система заключена в нашем языке, в состав которого входят названия наших представлений о телах и их отношениях, т. е., по словам И. П. Павлова, „сигналы первых сигналов“» [1974, 8—9].

Знаковая репрезентация, «перевод» материального в идеальное, реального предмета в предмет наименования, происходит только тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы слова или других элементов языка воссоздать в сознании тот или иной предмет в пространстве. Поэтому естественно, что в так называемых полнозначных словах, именах особенно предметов контурное, внешнее представление доминирует, а визуальный (по форме, по цвету и т. п.) и слуховой, тактильный и другие признаки становятся содержательными признаками, дифференцирующими данный класс или категорию предметов.

«Первая сигнальная система в виде наших представлений выделяет в континууме действительности некоторые предметы. Выделение предметов необходимо для их различения, а различение — для узнавания» [Мартынов 1974, 10—11].

Подводя итог обсуждению природы знаковой репрезентации словами, необходимо отметить, что расчленение представлений человека о многообразии реальной действительности (материальной и духовной) и элементов его собственного опыта, превращение их в более абстрактную форму обобщения осуществляется при помощи номинативных словесных знаков путем выделения и называния повторяющихся представлений, полученных в результате сравнения и узнавания их носителями языка в процессе познания и коммуникации.

«Язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т. е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается. Выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы невозможно. Если представления разграничиваются без помощи языка, то повторяющиеся элементы представлений разграничиваются с помощью языка, который в этом случае осуществляет свою вторую функцию — номинативную» [Там же, с. 18].

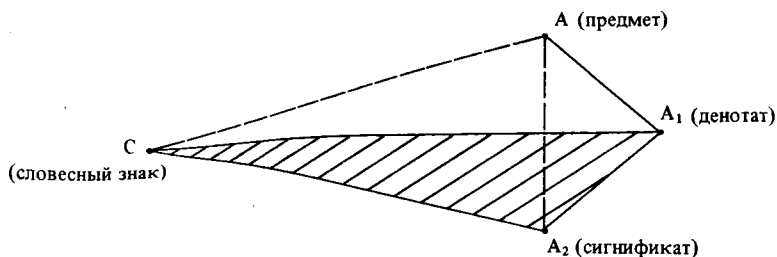
В современной лингвистической литературе широко обсуждаются вопросы, касающиеся изучения знакового аспекта языковых единиц, и тем не менее до сих пор остаются открытыми для дискуссии такие важные для теории языка вопросы, как: какие единицы естественного языка (слова или предложения) выполняют собственно знаковую, репрезентативную

функцию; можно ли считать слово знаком, если да, то какой аспект этой многомерной языковой единицы является знаковым, т. е. выполняющим функцию знака; что означает выражение «выполнять знаковую функцию»? Означает ли это — формировать словесный знак, иметь значение, репрезентирующее экстралингвистическую действительность, внешний и внутренний мир человека, выражать ли представление, понятие о предмете, обозначенном данным словом, а может быть, служить всем этим целям одновременно?

Эту специфическую, опосредованную сознанием связь трех явлений (ипостасей) одной и той же «предметной сущности» с формой знака можно сформулировать следующим образом: полнозначное слово, относящееся к конкретной лексике, одновременно выражает понятие и обозначает типовое представление о предмете, им поименованном. Как можно описать знаковое значение слова? В работе «Типы словесных знаков» [Уфимцева, 1974] уже предлагалась методика описания знакового значения характеризующих словесных знаков через понятия «денотативного» и «сигнификативного» компонентов его значения. Следует заметить, что в позднейших работах, например, Ю. С. Степанова [1981] употреблены соответственно термины «денотатный» и «сигнификатный», оба — явные новообразования от русских форм «денотат» и «сигнификат» с прибавлением суффикса *н*.

На мой взгляд, вновь введенные словообразовательные единицы со значением «обладающие свойством, присущим основе» денотат — и сигнификат — соответственно мало разъясняют значение этих новообразований, так как по-прежнему остаются мало содержательно определенными мотивирующие их основы. Действительно, в математической логике, откуда был взят термин «денотат», последний определяется как «предмет смысла имени» или просто «предмет имени». Если перевести в термины естественного языка, то «денотат» есть предмет наименования, та конфигурация повторяющихся признаков, которая становится представителем целостного предмета, в таком толковании денотат равен термину «номинат». Термин «сигнификат» имплицитно, напротив, «значение» языка. Если сравнить эти два термина с соответствующими понятиями в другой научной парадигме, то «денотату» соответствует понятие «экстенционал», определяемое как «номинативная сторона языковой единицы; языковая единица, рассматриваемая в плане ее соотносимости с индивидуальными предметами...» [Ахманова 1966, 524]; ср. словарное определение понятия «денотат» в логическом смысле: «aggregate of objects that may be included under a word» [The Concise Oxford Dictionary. . . , 1956, 320]; английское denotation переводится в авторитетном англо-русском словаре [БАРС, 1972, т. 1, 320] в логическом смысле — «объем понятия», в лингвистическом — «предметная отнесенность, денотат». Содержание понятия «сигнификат» может быть приравнено к «интенционалу» и определено как «качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова или термина...» [Ахманова 1966, 179]. Поэтому термины «denotative» и «significative» — денотативный и сигнификативный соответственно означают по отношению друг к другу соположенность двух сторон знака: significative 'значащий, значимый'; denotative 'обозначающий, означающий'.

Отношение словесного знака с обозначаемым предметом через представление и понятие о нем можно условно представить схематически (см. схему 3) (Ср. схему соотношения знаковой системы с объективной действительностью в поэтической речи [Балашов, 1984, 157—159])

Заштрихованная треугольная плоскость C/A_1A_2 манифестирует знаковое значение слова C , предмет A получает свое наименование опосредованно через соотношение слова C с представлением о целостном предмете (денотатом) и с существенными содержательными признаками (сигнификат) предмета A . Пунктирные линии условно выражают мысль о том, что словесный знак не имеет непосредственной связи с предметом и что связь предмета с сигнификатом опосредована денотатом — более чувственной ступенью восприятия предмета. Из этого следует, что денотативный уровень содержания лексического значения находится ближе к предметному ряду, что именно он и помогает идентифицировать круг и характер референтов слова в составе единиц речи.

Логика человеческого познания такова, что сколько бы не придавали (предсцировали) свойств и характеристик предмету, он не перестает быть предметом, понятие о котором формируется благодаря взаимодействию этих двух пластов отражательной семантики.

Для конкретной лексики, для полнозначных слов, которые мы неизменно имеем в виду, типа: *лес, стул, воробей, женщина* и т. п., обозначающих предметные сущности, сигнификат и денотат, находящиеся в отношении содержания понятия к его объему, составляют логико-предметную основу знакового значения подобных слов.

О соотношении денотата и сигнификата в признаковых именах мы остановимся при обсуждении понятия «семиологический класс слов».

С развитием лингвистической науки, с разработкой не только лексической, но и синтаксической семантики стало аксиоматическим утверждение о том, что предметные имена (названия предметов и предметных сущностей) резко противостоят признаковым именам (названиям свойств, признаков и т. п.) не только по характеру своей семантики, но и соответственно по их функциям [Арутюнова 1976а, 1980; Степанов Ю., 1981; Шатуновский 1982].

В заключение обсуждения природы двух разных по степени абстракции понятий «денотативный компонент» (денотативное значение) и «сигнификативный компонент» (сигнификативное значение) следует отметить следующее.

«Денотативный» означает «связанный с предметным рядом, с предметом» или просто с категорией предметности, имплицуруемой средствами самой языковой системы. Ср., например, абстрактные имена существительные типа: *привязанность, чтение, хождение* и т. п., которые логически по объективному содержанию означают признаки, процессы и т. п., а оформлены в данном языке как некая предметная сущность. «Сигнификативный», напротив, имплицурует понятийный признак, значимую часть семантики полнознач-

ного слова, ее понятийную основу. Эти два взаимодействующих в границах семантики характеризующего словесного знака компонента, преобладание одного над другим, наличие как того, так и другого, и способствуют выражению всего многообразия типов словесных знаков и их семантических группировок.

Рассматривая словесный знак как единицу первичного означивания виртуально, в системе номинативных средств и слов как семантически актуализованное в речи, необходимо различать две модификации «денотата».

1. Денотат как предмет именования (обозначения) является типизированным представлением об уникальном или серийном предмете как целостной сущности и может быть назван лингвистически «предметным представлением», или, как принято называть традиционно этот аспект семантики слова, «предметной отнесенностью» слова.

2. Модификацией этого понятия (денотат) является реальный предмет, подпадающий под данный денотат и выступающий в роли его конкретного экспонента в столь же конкретном высказывании в речи (материальный денотат), т. е. референт слова в речи.

Когда говорят, что одни и те же названия в разные эпохи обозначают одни и те же предметы, но другие понятия, то подчеркивают тот факт, что денотат имеет тенденцию оставаться неизменным, быть таким, каким он был выделен из множества свойств того или другого предмета. Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией называния, с его предметной отнесенностью, тем не менее многообразие типов номинативных знаков в значительной мере обусловлено различием предметов обозначения — денотатов и в конечном итоге и разнообразием в предметном мире самих предметов и их свойств.

У одних словесных знаков денотатом является представление о конкретных, реально существующих материальных объектах как о чем-то цельно-выделенном (индивидуальные, уникальные предметы, совокупность, группа, класс однородных предметов), например, *стакан, дерево, вода* и т. п., у других — денотат есть представление о свойствах, состояниях, отношениях предметов, лиц, явлений природы, например, *красивый, отчетливый, ходить, жить* и т. п.

Помимо словесных знаков с конкретными денотатами (дискретными, недискретными), имеется огромное число слов, объектами наименования которых являются не предметы, а отвлеченные понятия, универсальные или специфичные для данной языковой общности понятия, детерминированные определенным периодом ее культурного, научного и общественно-исторического развития.

К примеру, пропорция форм природных тел и закономерности пространственного соотношения линий в искусственно созданных предметах, артефактах были «опредмечены» человеком, выделены и названы в разных языках на определенном этапе развития материальной и технической культуры носителей языка. Если, например, взять русские слова *шар, линия, круг* и т. п., то они называют совершенно определенные понятия, хотя признак конкретной предметности отсутствует, ему не соответствует в реальной действительности определенный класс предметов. Такие общие имена имеют большую денотативную отнесенность, способность.

Так, например, русское слово *круг* называет своим прямым номинативным

значением понятие, которое очень трудно по-житейски определить (ср.: «замкнутая неломанная линия» — окружность). Отличительным признаком в этом понятии является «замкнутость чего-либо, ограничение пространства окружностью», поэтому это общее понятие «конкретизируется», расширяя свои возможности указания на конкретные сферы и классы предметов, подпадающих под общие признаки, обрастая, тем самым, новыми словозначениями: круг — 1) окружность (линия); 2) плоскость, ограниченная окружностью; 3) пространство земли, круглая площадка; 4) замкнутая сфера нематериальных сущностей (*круг занятий, круг обязанностей*); 5) группа людей, объединенных по какому-либо признаку (*свой круг, круг знакомых, театральные, литературные* и пр. *круги*).

Что касается глагольных наименований и имен прилагательных, то их денотат, скорее, сигнификат формирует признаковое знаковое значение в большой зависимости от указания на определенный предмет, лицо и т. п.; касательно этих имен можно говорить о сигнификативной природе знакового значения и денотативной его способности или об объеме его денотации.

Сигнификативный компонент значения, или сигнификативное значение знака, имплицитно по сравнению с денотатом как конкретной, связанной с действительным существованием вещи и чувственным о ней представлением абстрактную часть содержания значения, отображающую разные виды и ступени абстракции внутренних, наиболее существенных признаков данного объекта.

Сигнификат, или сигнификативный компонент знакового значения слов, относящихся к разным семиологическим классам, может быть различным.

1. В результате абстракции отождествления, называемой часто «обобщающей абстракцией», формируются общие понятия о каком-то классе, серии предметов. Сигнификат, или сигнификативное значение конкретных имен, обозначающих класс или единичные реально существующие предметы, предстает в виде совокупности наиболее существенных признаков, отвлеченных от многообразия предметов, подпадающих под данный класс (например, *село, книга, дождь, дитя* и т. п.).

2. Итогом изолирующей абстракции является наличие в языке имен, выражающих в высшей степени обобщенное понятие признака, не противопоставляемое (как в первом случае) предметному представлению (денотату), например, *гениальность, красота* и т. п.

3. В языке находит выражение и такой вид абстракции, которая называется идеализацией, это — всевозможные научные (действительные и гипотетические) абстракции, например, в математике: *точка, линия, треугольник*, в других науках: *субстанция, феномен, материя* и т. п.

4. Сигнификативный характер имеет значение имен, обозначающих категории реального мира, выступающие в роли родовых понятий по отношению к другим, видовым: *чувство* (любви, ненависти и т. п.); *движение* (бег, полет и т. п.); *вещество* (жидкое, твердое, вязкое и т. п.).

5. Превалирует сигнификативный компонент в знаковом значении слов, обозначающих единичное понятие, являющееся «мыслительным конструктом» ирреального предмета — *черт, леший, кентавр* и т. п.

6. Сигнификативным являются, несомненно, все метаязыковые понятия, термины различных наук и областей знаний (науки, техники, искусства и т. п.).

Разграничение сигнификативного и денотативного компонентов является

необходимым условием разграничения отображения предмета, с одной стороны, его свойств и характеристик, с другой. Но диалектика предметного мира и человеческого мышления не допускает полной абстракции признаков предмета, самого предмета и человека, которым определенные признаки и свойства принадлежат. Единство предмета, лица и атрибутированного им признака восстанавливается у таких признаков имен (глагольные наименования, имена прилагательные) внешними по отношению к слову ресурсами — сочетанием признаков и предметных имен (словосочетаниями).

Отсюда следует, что сочетания слов — не хаотичный набор всевозможных соединений элементарных словесных знаков, который своим содержательным и структурным многообразием затемняет строгую системность в лексике и служит поводом для отказа от изучения этой огромной и важной в каждом языке сферы — относительно расчлененных знаков.

Сигнификативный и денотативный компоненты в знаковом значении слов, т. е. абстрактное и конкретное в содержании последних не противопоставляются, наоборот, могут и должны рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимосвязанные.

Диалектическая формула человеческого познания может быть сформулирована следующим образом: «Изучив конкретное, человек создает абстрактное, а затем от абстрактного восходит к конкретному, обогащенному знанием абстрактного» [Кондаков 1971, 11].

До сих пор мы обсуждали понятия «сигнификативный» и «денотативный» применительно к лексике, значение которой обращено к окружающему человеку предметному миру.

Общезвестно, что предметом обозначения номинативными знаками выступают также явления из области психической жизни людей, так называемые квалификативные сферы познавательной деятельности человека [Азнаурова 1977а, 28]; к ним относятся следующие:

а) эмоционально-чувственное восприятие и квалификация объектов реальной действительности, в основе которых лежит непосредственное переживание (ср.: *домашко, кляча* и т. п.), бранные имена существительные, субъектно-оценочные прилагательные, эмоционально-усилительные наречия, междометия и т. п.;

б) рационально-оценочная квалификация объектов окружающего мира, в основе которой лежит интеллектуальная оценка (слова типа *стиляга, контрабандист* и т. п.);

в) чувственно-образное восприятие и квалификация внеязыковых объектов на основе интеллектуального и чувственного сравнения (языковые и речевые метафоры различной структуры).

Соответственно объектам наименований указанных выше трех квалификативных сфер в языке имеется огромное число стилистически отмеченных наименований. Таким образом, в системе лексических средств есть большое число наименований, содержание которых является результатом взаимодействия в слове чувственного и рационального, назывных и стилистических (оценочных) компонентов; в составе лексики любого языка есть слова и выражения исключительно с оценочным значением, в других квалификативные познавательные сферы находят отражение только в одном из словозначений данного словесного знака.

Стилистическая номинация в отличие от нейтральной опосредована

шкалой эмоциональных и оценочных критериев, принятых в данном коллективе. Как и при нейтральной номинации, предметом именования стилистически отмеченного словесного знака является не единичный факт эмоционального переживания, оценочного суждения или образного представления, а обобщенное, т. е. типизированное надындивидуальное представление категорий из области социально-психической деятельности носителей данного языка, применительно к определенным аспектам осмысления обозначаемого класса предметов. Поэтому как по логике вещей, так и по логике познания стилистическое значение, будучи соотносено с одним из признаков, приписываемых объекту наименования, носит сигнификативный характер, придавая объекту наименования определенную оценочную или эмоционально-экспрессивную характеристику, посредством которой происходит кваликативное осмысление предмета. В акт семиозиса со стилистической номинацией включается и имеет большое значение отношение между познающим субъектом и именуемым объектом; образно выражаясь, происходит своеобразное «поворачивание» объекта его разными сторонами к субъекту [Гак 1974, 24—26].

В стилистически отмеченных словесных знаках имеют место взаимодополнительные отношения между назывными и оценочными компонентами знакового значения, и превалирующая роль того или другого в слове и в системе средств порождает большое разнообразие словесных знаков — от исключительно стилистических знаков до собственно назывных с включением в его семантику отдельных стилистически маркированных ЛСВ или словозначений. Что касается коннотативных элементов, то они не включаются в знаковое значение словесных знаков, порождаются специфическими условиями их использования в речевых актах. Нами не затрагивается прагматический аспект значения слова, составляющий предмет специальной работы.

ПОНЯТИЕ СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА СЛОВ

Различение слов по их семантике, назначению в структуре языка и сфере их функционирования нашло отражение в истории науки в виде бинарной классификации словарных единиц на два больших разряда, называемых разными учеными по-разному: знаменательные и служебные слова [Виноградов 1947], полнозначные и неполнозначные [Sweet 1892; Пешковский 1925]; слова-символы и слова-указатели [Bühler 1934]; десигнаторы и форматоры, характеризующие и универсальные знаки [Morris 1946]; respectable слова (respectable words) и псевдослова (pseudowords) [Antal 1963]; знаки-информаторы и знаки-дистинкторы [Маслов 1967].

Основанием многочисленных классификаций слов служат их различные свойства в системе разных языков, однако эти характеристики могут быть сведены к двум фундаментальным — к характеру смыслового содержания слов, вернее, к типу их знакового значения и к выполняемым им функциям в той или другой сфере языковой деятельности.

Две указанные характеристики слов, предопределяющие их принадлежность к тому или иному семиологическому классу, находятся во взаимозависимости, тип знакового значения слов предопределяет сферу их функционирования, наоборот, назначение слов в структуре языка накладывает специфику на их семантику.

Характер знакового значения словесных знаков и роль последних в структуре языка являются действительно определяющими, основными, но отнюдь не единственными и в этом отношении не достаточными для отнесения их к тому или другому семиологическому классу. В разряде полнозначных знаменательных слов, как в равной мере и в неполнозначных, причисляемых к служебным, имеются многочисленные группировки словесных знаков, обладающих различным характером смыслового содержания и специфическими для каждого разряда функциями.

Так, в разряде полнозначных, объединяемых по номинативно-репрезентативной как основной функции качественной характеристики предметов, лиц, явлений, их признаков и отношений (действий, состояний и т. п.), имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия противостоят словесным знакам количественной характеристики предметов — числительным, называемым иногда, в противоположность первым, количественными определителями (*quantifiers*). С другой стороны, в число неполнозначных зачисляются разные по семиологическим функциям знаки: актуализаторы (местоимения, артикли, наречия и т. п.), знаки, являющиеся заместителями полнозначных имен (указательные, вопросительные и другие местоимения), так называемые провербы (*do, does, did*), знаки форматоры и знаки шифтеры, у которых видоизмененная функция референции сводится фактически к актуализации и транспозиции системных значимостей в «речевые», к сдвигу единиц разных структурных уровней в системе языка при их реализации в линейном ряду.

Универсальной, свойственной всем языкам является категория таких словесных знаков, как личные, притяжательные, указательные местоимения, словесные знаки временного и пространственного дейксиса — указания относительно координат речевого акта, обслуживающие исключительно коммуникативную сферу языковой деятельности.

В каждом языке есть другая универсальная категория общих неопределенных имен, ср.: *all* 'все'; *everybody* 'каждый, все'; *everything* 'все'; *nothing* 'ничто'; *nobody* 'никто' и т. п., которые в силу неназванного, неидентифицирующего характера своей семантики не могут быть отнесены ни к полнозначным, ни к служебным словам. Помимо знакового значения, семиологической функции, которую слова выполняют в структуре языка в целом или в отдельных его сферах, не последнее значение имеет лексико-грамматический разряд (часть речи, к которой слово принадлежит (языковой ряд), и лексико-семантические категории транспозиции предметного ряда).

Лексика любого языка с учетом характера семантики словесных знаков и их первичных семиологических и структурных функций в языке может быть (и должна быть для адекватного изучения слов) разграничена без остатка на семиологические классы, которые не совпадают ни с делением слова по частям речи, ни по семантическим категориям слов, ни по чисто лексико-семантическим их группировкам (см. табл. 2).

Различение слов по их семантике, назначению в структуре языка и сфере их функционирования стало предметом лингвистических исследований и нашло отражение в истории науки в виде классификаций словарных единиц на два больших разряда, называемых разными учеными по-разному.

Основанием многочисленных классификаций служат разные свойства словесных знаков в системе отдельных языков, тем не менее их можно свести к двум всеобщим признакам — к характеру смыслового содержания

Таблица 2

Разряд	Семиологический класс		Семиологический подкласс	Какой частью речи выражено	Типовые представители
	класс	Название класса			
Называющих	1	Характеризующие знаки (имена нарицательные)	1) предметные 2) признаковые	существительные глагол, прилагательное, наречие, существительные	man 'человек', earth 'земля' to live 'жить', good 'хороший', much 'много', wrong does 'обидчик' London, beauty 'красота'
	2	Индивидуализирующие (имена собственные)	—	—	
	3	Квантитативные знаки (числительные)	—	—	three, hundred 'три, сто'
Неназывающих	4	Дейктические		личные, указательные, притяжательные местоимения	I 'я', he 'он', now 'сейчас', here 'здесь' и т. п.
	5	Заместители		провербы, прономinals, проадъективы	do
	6	Связочные		союзы, предлоги, послелоги	and, at, on 'и, у, на'
	7	Знаки-актуализаторы		артикли, некоторые прилагательные, частицы	the, a, yet 'еще, уже'

слов и к выполняемым ими функциям в той или иной сфере языковой деятельности.

При строго выдержанном семиологическом принципе описания лексики необходимо последовательное разграничение последней на семиологические классы и подклассы, которые не совпадают по своему объему и содержанию ни с лексико-грамматическими разрядами (частями речи), ни с семантическими категориальными группировками (одушевленные/неодушевленные имена, лицо/нелицо и т. п.), ни с чисто лексическими группами слов (тематические, лексико-семантические и другие группы).

При классификации словесных знаков на семиологические классы необходимо учитывать:

1) характер семантики: наличие/отсутствие и характер соотношенности денотативного (предметного) и сигнификативного (понятийного) компонентов, формирующих основу знакового значения слова;

2) наличие и формы взаимоотношений в словесном знаке его абсолютного (системного) значения и относительных (парадигматических и синтагматических) значимостей, составляющих основу семантического варьирования словесных знаков и предопределяющих оппозицию и комбинаторику как два основных семиологических принципа их существования и функционирования;

3) сферу знака, преимущественно обслуживаемую данными знаками (номинативно-классификационную, речемыслительную, коммуникативную и прагматическую).

Глава IV

ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТЕРМИНАХ КОМПОНЕНТОВ ИХ ЗНАКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Человеческий язык является объектом изучения многих наук: лингвистики, логики, психологии, социолингвистики, поэтому естественно полагать, что каждая из них выбирает свой аспект его описания и формирует свой предмет изучения. Не менее естественно предположить и другое, что, имея общий объект, эти науки взаимосвязаны между собой.

Наибольшее внимание, кроме лингвистики, языку уделялось и продолжает уделяться логикой, которая оказывает на разработку содержательных категорий лингвистами значительное влияние.

Логическая теория языка, называемая часто семиотикой, представлена по учению Ч. Мориса [Morris 1938] тремя разделами: синтактикой, семантикой, прагматикой. Как синтактика, так и семантика являются дедуктивными системами, касающимися: а) искусственно построенных языков; б) эмпирических наук, исследующих свойства различных языков; первые (а) именуются чистой (pure) семантика, вторые (б) — дескриптивные науки.

Отличие логической семантики от лингвистических исследований Е. Пельц [Pelč 1971] формулирует следующим образом:

1) логики исследуют язык в том аспекте, который предоставляет возможность поиска и верификации истинности высказывания. Именно эта цель пронизывает все логические построения и правила корректного употребления языка и его интерпретации;

2) логики используют результаты, скорее, понятия и приемы, добытые «чистой семантикой» и формальной логикой;

3) все логические исследования, касающиеся языка, неизменно связаны с эпистемиологической и онтологической проблематикой; достаточно упомянуть наиболее крупных представителей математической логики и логической семиотики (семантики).

Наиболее сильное и продолжительное влияние на лингвистические исследования оказывают идеи и теории таких крупных ученых, как Дж. Ст. Милль [Mill 1843], первым предложивший классификацию имен на общие и индивидуальные, абстрактные и конкретные; коннотативные и неконнотативные, относительные и абсолютные; длительное влияние на разработку лингвистической теории значения оказывают работы Г. Фреге [Frege 1892], разграничившего категории «значения» и «смысла». В последней четверти XIX в. американский логик Ч. Пирс [Peirce 1867] и позднее его соотечественник Ч. Морис [Morris 1938] сформулировали основные понятия логической семиотики; наконец, из поздних логиков неопозитивистского толка большое влияние на лингвистическую теорию оказал Р. Карнап [Carnap 1942, 1947]: его несколько переосмысленные идеи о «возможных мирах», о субстанциональной (extension) и логической (intension) эквивалентности

имен широко используются лингвистами разных исследовательских направлений в наши дни.

Значительный интерес для изучения семантики различных типов имен (terms) представляют современные работы логико-функционального подхода к языку, выполненные в русле логической семантики [Quine 1977, 1982; Kripke 1982; Donnellan 1982; Putnam 1982].

Не вдаваясь в детальное обсуждение вопроса о смене логических теорий значения [см. по этому вопросу: Арутюнова 1976а, б, 1980] (денотативная → коммуникативная → прагматическая), отметим лишь основные понятия, выдвинутые современными авторами, работы которых оказывают влияние на становление лингвистических теорий значения.

1. Х. Патнэмом предложено [Putnam 1982] новое понимание сущности значения. Если классические логики определяли значение как двойственную сущность — интенционал и экстенционал имени, то Патнэм при прагматическом подходе к языку определяет значение как «длящийся процесс осознания» семантики слова, разных его аспектов, предопределяемых, в свою очередь, реальным употреблением имени и социолингвистическим статусом последнего в данном языковом коллективе.

Отсюда следует утверждение Патнэма о том, что значение — не абстрактная сущность, находящаяся в голове пользующегося языком; знание значения имени связано с пребыванием человека в определенном психологическом состоянии и в определенном языковом коллективе, где постоянно совершается «разделение языкового труда» [Патнэм 1982, 378].

2. Опровергается идея, ставшая в логических теориях значения классической, о том, что интенционал (значение, понятийный аспект) предопределяет экстенционал (референцию) имени. Языковая общность, по утверждению Патнэма, коллектив как реальный носитель языка владеет суммой необходимых сведений, предопределяющих употребление имен, необходимых для восприятия объектов, подпадающих под экстенционал имени.

3. Выдвигается идея о том, что не только чисто дейктические знаки — *я, этот, здесь, сейчас* и т. п. определяются индексально, т. е. в контексте, но и конкретные нарицательные имена типа *вода* на том основании, что идентификация обозначаемого словом *вода* вещества по необходимости происходит на основании «отношения подобия к воде здесь, в данном месте» [Патнэм 1982, 390]. Исходя из этого, Патнэм делает вывод, что интенционал имени не может определять экстенционал нарицательных имен, названий естественных родов, ибо и они имеют в своей семантике дейктический компонент. В заключение делается вывод о том, что традиционная логическая теория значения не учитывает два важных фактора — общество и реальный мир, которые определяют референцию имени.

Другие ученые [Крипке 1982] выдвинули идею наличия в разряде идентифицирующих имен так называемых жестких десигнаторов (to designate означает «иметь референцию к предмету, к человеку»), которые определяются следующим образом: имена интерпретируются как «жесткие десигнаторы», если они во всех «возможных мирах», т. е. во всех, в частности и контрфактических ситуациях выражают одни и те же существенные признаки. Например, поясняет С. Крипке, дескрипция «изобретатель бифокальных очков» не является жестким десигнатором, так как при одних обстоятельствах изобретателем может быть помыслен один человек, при других — другой; в то время как факт, что $\sqrt{25} = 5$ может быть математически

«жестко» доказан. Важным для лингвистики является то, что С. Крипке, вводя это понятие, определил, какие виды имен подпадают под категорию «жестких и нежестких десигнаторов». К жестким отнесены: имена собственные, имена естественных родов, однословные и несколькословные термины, так как все они осуществляют сущностную идентификацию предметов, подпадающих под экстенционал имени [Крипке 1982, 371]. Не менее важной является идея о выделении в разряде назывных слов категории имен естественных родов [Quine 1977].

О плодотворности для лингвистики результатов, добытых логиками, свидетельствуют многочисленные работы Н. Д. Арутюновой [1973, 1976а, б, 1977а, б, 1979, 1980] и ее учеников [Радзиевская 1981; Ша-туновский 1982].

Разрабатывая функциональный аспект языка в русле семантического синтаксиса, Н. Д. Арутюнова четко разграничила семантику так называемых предметных и непредметных (признаковых) имен; очертила таксономию функциональных значений предметных имен: названий естественных родов (жестких десигнаторов), артефактов и номинальных классов, — описала различные типы предикатов и предикатных слов [1976а, 1980].

Классификация имен Дж. Милля, первая по времени и наиболее полная по охвату, предложенная им еще в первой половине XIX в., является необходимой, но явно для лингвистических целей недостаточной. Дж. Милль делил слова на имена (names) и синкатегорематические знаки (sincategoremata), относя к последним предлоги, союзы, наречия.

Разряд называющих слов он делил на следующие классы:

1) общие имена (general terms), противопоставленные именам индивидуальным (individual names) по характеру и объему объектов обозначения;

2) конкретные имена (concrete names), как, например, *man* 'человек', противопоставленные абстрактным именам (abstract names), например, *mankind* 'человечество';

3) коннотативные имена (connotative names), противопоставленные неконнотативным (non-connotatives) по характеру семантического содержания и степени «информативности». Так, слово *белый* отмечает (connotes) абстрактное свойство белизны и обозначает (denotes) все белые предметы, в то время как индивидуальные имена (имена собственные) не дают никакой информации о свойствах обозначаемых ими предметов, лиц, мест и т. п. и относятся в силу этого к неконнотативным. Коннотация, по Дж. Миллю, и есть значение словесного знака. Следовательно, коннотативные имена можно соотнести с именами нарицательными (полнозначными), обладающими как денотативным, так и сигнификативным значением. Кроме того, введение логиками понятий «денотат»/«сигнификат», или в другой метасистеме «экстенционал»/«интенционал», а позднее заимствование их лингвистами обусловило разграничение назывных слов по их семантике на конкретные, абстрактные и пустые (empty), т. е. имена с нулевым денотатом.

Общеизвестные универсальные семантические категории имен существительных: «одушевленность/неодушевленность», «лицо/нелицо» и другие дошли до нас с времен Аристотеля. Полную семиологическую, т. е. по характеру денотата, таксономию имен существительных обобщил и оригинально интерпретировал Ю. С. Степанов [1981, 71—96].

Категоризация и субкатегоризация предметных и признаковых имен, обусловленные объективной действительностью и строем языка, являются более или менее универсальной чертой лексики многих языков, в то время как сочетаемость разных семиологических классов и подклассов слов составляет то специфическое, часто неповторимо своеобразное и идиоматическое, что отличает один язык от другого.

При детализации семиологических классов в границах особенно характеризующих знаков на основе более мелких признаков можно выделить семиологические подклассы слов. Этими признаками являются: 1) выполняемые в речевом высказывании семиологическая и синтаксическая функции — предикатная и идентифицирующая; 2) тип смысловой структуры словесных знаков, степень контекстуальной зависимости отдельных значений слова, наличие/отсутствие референта; 3) характер частеречного значения и средств семантического развертывания собственно лексического значения слова.

§ 2. КЛАСС ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ

К самому крупному семиологическому классу слов, объединяемых по характеру их знакового значения и выполняемым в языке семиологическим функциям, относятся полнозначные словесные знаки, называемые «нарицательными» относительно имен «собственных», «знаменательными» по отношению к «служебным», «символизирующими» в противоположность «дейктическим».

Характеризующие словесные знаки с отражательной семантикой [Слюсарева 1973] в основе их знакового значения представляют в любом языке основной массив его лексического состава, обслуживая познавательноклассификационную и качественно-оценочную сферы деятельности человека как *homo sapiens*.

Выражая основные сферы деятельности и жизни человека, окружающую его действительность, а также внутренний, духовный мир человека, характеризующие знаки подпадают по типу языковой оформленности под так называемые главные части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие.

Обладая предметно-вещественным характером лексического значения, слова этого семиологического класса имеют в основе своего значения как денотативные, так и сигнификативные компоненты, которые, взаимодействуя в границах слова как чувственное и мысленно осознанное, конкретное и абстрактное, образуют различные типы знакового значения.

Особенностью характеризующих знаков является их двойная ценность (значимость): номинативная, детерминируемая знаковым значением, и синтагматическая, предопределяющая лексическую валентность, а следовательно, синтаксические позиции слов при их сочетаемости в линейном ряду.

В системе наименований нет особых понятий, которые не коррелировали бы с мыслительными и предметными категориями; словесные знаки только по-разному называют и «осуществляют» эти понятия в языке.

Доминирующими в окружающей нас действительности являются две категории: 1) «предмет», вещь, под которую подпадает естественно всё, что

имеет субстанциональное бытие, в том числе человек; 2) категория «признак» имплицитно подразумевает понятие свойства, качества, отношения, состояния и т. п. Следовательно, категории «предметность», «предмет» как в самой природе, так и в сознании человека и в его языке противостоят более отвлеченная категория «признак»; обе формируют в составе называющих слов два крупных семиологических подкласса — предметных и признаковых имен. «Предмет и признак, конкретное и абстрактное, пространство и время, синтез и анализ... автономность и зависимость — таковы некоторые параметры, определяющие поляризацию двух типов значений, первое из которых определяется отношением к миру, а второе — к человеческому мышлению о мире» [Арутюнова 1980, 172].

Полнозначные словесные знаки потому и называются характеризующими, что они репрезентируют предметы, явления внешнего и внутреннего мира человека как по свойствам, воспринимаемым чувствами (визуально, тактильно и т. п.), по денотату, так и по их внутренним характеристикам, отображаемым мысленно, по сигнификату.

Знаковое значение слов этого семиологического класса не сводится, однако, ни к обобщенным лексическим категориям («предмет», «действие» и т. п.), ни тем более к чисто логическим категориям («субстанция», «признак» и т. п.). Эти оба вида категорий, входя составной частью в знаковое значение полнозначных слов, своеобразно взаимодействуя, образуют обширный корпус слов, способных характеризовать предметы, их свойства и отношения не только в виде статических категорий, понятий, но будучи формально и содержательно «настроены» друг на друга, они формируют, порождают динамические формы мышления — суждения.

Именно это свойство характеризующих знаков и позволяет им выполнять основную семиологическую функцию в системе языковых средств и в речи, осуществлять связь языка, с одной стороны, с предметным миром, с другой — с речевым мышлением, способствовать «переводу» (сдвигу) виртуальных системных средств в актуальные единицы речи.

В силу этого знаменательные слова, подпадающие под основные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), формируют смысл высказывания не только лексической семантикой входящих в него слов, но и синтаксической ролью и ракурсом логических связей последних в самом высказывании, суждении.

Номинативная значимость (ценность) предопределяет неким образом модели семантической совместимости слов в синтагматическом ряду, в результате чего в языковом сознании владеющих, языком складываются определенные модели «логико-семантических отношений» [Караулов 1981] на уровне обобщенных, некоторым образом «всеобщих», универсальных логических категорий, отражающих связи предметов и их признаков, отношения субъекта и объекта, их взаимодействие в процессе познания и пользования данным предметом: «свойство : предмет», «действие : объект», «субъект : состояние» и т. п. Г. А. Золотова называет их «типовым значением модели предложения», ибо, по ее мнению, «названные типы отношений между явлениями действительности не могут существовать в языковом сознании иначе как в виде одной из данных синтаксических конструкций» [1973, 26]. Таким образом, отнесенность к «старой» действительности, выраженной номинативным значением слова, и отнесенность речевой единицы к «новой» действительности, составляющей основное свойство предикации,

имеют общее основание, предопределяя друг друга: семантика слова предопределяет его семантико-синтаксические связи, типовое значение модели предложения — синтаксические позиции слов.

В силу того, что существительные, глаголы и прилагательные выражают отношения между понятиями не только по содержанию (номинативной ценности знаков), как присуще другим частям речи, например, числительным, но и в зависимости от их роли в высказывании (предложении) и логических связей, предопределяющих модели семантической совместимости знаков в синтагматическом ряду, в языке складываются определенные типы смысловых отношений, о чем шла речь выше. Эти своеобразные «семантические оси» [Чейф 1975], отображающие логико-семантические отношения между предметами (лицами) и их свойствами, признаками, допускают возможность различных трансформаций, деривационной транспозиции, «переход» одной части речи в другую на трех уровнях:

1) на морфологическом — образование отглагольных, отадъективных существительных: to write — writer, to permit — permission, black — blackness, active — activity;

2) на лексическом — частеречная омонимия: to round 'закруглять', round 'вокруг', round 'круг', to walk round 'около', a round table 'круглый';

3) на пропозитивном — различные трансформы: *они друзья, они дружат, они в дружбе, они дружны* и т. п.

Характеризующие полнозначные словесные знаки являются тем основным «когнитивным» звеном в словарном составе любого языка, той постоянной означающей основой, которая обеспечивает непрерывное «оборачивание ролей» между старым и новым опытом пользующихся языком, способствуя «переходу» от языка к мысли и от системы средств к речи.

Основные части речи, составляющие основу характеризующих словесных знаков, являются базовыми не только потому, что они обуславливают наличие производных форм (причастия, деепричастия, отглагольные существительные, предлоги и т. п.), но и потому, что своей семантикой они покрывают две самые обширные мыслительные категории — субстанцию и признак, отображая и выражая тем самым основные сферы материальной, социальной и психической деятельности человека.

ПРЕДМЕТНЫЕ ИМЕНА КАК СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДКЛАСС ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ СЛОВ

Вводные замечания. Семиологический подкласс предметных имен представлен в языках, где есть части речи, прежде всего существительными.

Значение существительного как отдельной части речи определяется многими учеными как «предметность», «субстанциональность» [Щерба 1928, Пешковский 1956, Виноградов 1947, Есперсен 1958, Курилович 1962], хотя существительные обозначают не только предметы, но и действия (*игра, ходьба, езда*), состояния (*болезнь, покой, сон*), процессы (*чтение, пение, разговор*), свойства и качества предметов (*честь, красота, толщина*), отношения между предметами (*неравенство, родство, дружба*).

Значения частей речи, как пересекающихся классов словесных знаков, трудно определимы. Например, значение «предметности» у имен существительных и значения других частей речи одними учеными рассматриваются как лексические категории, другими отождествляются с грамматическими.

а третьими приравниваются к чисто логическим категориям [Пешковский 1956].

Нередко понятия «предметность», «субстанциональность» интерпретируются двойственно, т. е. рассматриваются одновременно и как лексические признаки и как грамматические [Postal 1964].

Итак, что лежит в основе значения такой части речи, как имена существительные? Естественно и справедливо предположить, что «легшие в основу формирующихся частей речи общие категории были близки самой „физике мира“ и совпадали с категориями натуральной логики познания мира» [Кубрякова 1978, 26], и что первоначально существительные обозначали реально существующие предметы [Панфилов 1977, 149]. Но на современном этапе развития и состояния языков и их носителей существительные обозначают не только предметы, а и «абстрагированные действия, качества, отношения, по законам грамматики также обладают этими формами, и тем самым субстанция, выражаемая ими, грамматически уподобляется предмету и в предложении становится в такие же отношения, как предмет. Значение предметности в том и состоит, что существительное обозначает либо предмет, либо субстанцию» [Савченко 1967, 226].

Следовательно, в существительном, взаимодействуя, сосуществуют две разнопорядковые категории: 1) категории предметного мира; 2) мыслительные категории, которые формируют еще более отвлеченную категорию «предметности», характерную для данного семиологического подкласса — предметных имен.

Так, существительные *бег*, *езда* и т. п. отличаются от соответствующих глаголов тем, что они выражают данное действие несколько в ином ракурсе, а именно они выражают, в противоположность *бегать*, *ездить*, *бежун* и *ездок*, действие как нечто самостоятельно существующее, как некое его предметное бытие как носителя признака — субстанцию.

В значении частей речи совмещается два рода категорий: первый род — «предмет», «действие», «качество», «время» и т. п. — категории, отражающие различные ракурсы осмысления объективной действительности и формирующие категориальное лексическое значение частей речи, и второй род — мыслительные категории «субстанция», как нечто самостоятельно «бытующее» и в языковых формах зафиксированное; она отражает отношения между понятиями и представлениями в мысли, своеобразно предопределяет рамки синтагматических связей словесных знаков, их синтаксическую и семантическую совместимость/несовместимость в синтагматическом ряду.

Переходя к анализу различных разрядов предметных имен через денотативные и/или сигнификативные компоненты их знакового значения, необходимо напомнить еще раз как эти последние определяются.

В этой главе слова анализируются лишь по их номинативной значимости, т. е. как единицы первичного означивания по их прямому номинативному значению, как оно фиксируется словарями современного английского языка; рассмотрение относительной и абсолютной актуализации семантики словесных знаков, относящихся к разным семиологическим классам, — задача будущего.

У полнозначного слова как называющего языкового знака в силу двукратного его означивания — в системе языка (первичное означивание) и в речи (вторичное означивание) — налицо две модификации денотата,

которые мы развели¹ терминологически, называя «предметную отнесенность» знака в системе — «денотатом», а конкретный «предмет» референции в речевом акте — «референтом».

Денотат как предмет наименования, обозначения является типизированным представлением об объекте как целом (единичном предмете, явлении или классе предметов). Конкретное номинативное значение предметных имен, помимо отражательного типизированного образа предмета (единичного или члена класса, представителя целой серии подобных предметов), осложнено обобщенным категориальным признаком «наличия предметной целостности», который служит основанием для выделения семиологического подкласса «предметных имен».

Денотат как типовое представление о единичном, но целостном предмете или классе, серии предметов предполагает возможность говорящему и слушающему воспроизведения соответствующего предмета по какому-либо чувственно воспринимаемому признаку: по контуру, по форме, цвету, объему, материалу, консистенции, запаху, осязанию и т. п. Именно денотат имени очерчивает круг предметов (экстенционал)², могущих быть названными данным именем. Денотат, прежде всего, помогает идентифицировать соответствующие ему экспоненты в конкретных речевых ситуациях, он служит реальным ограничителем при выборе слов и их сочетаемости в синтагматическом ряду. Следовательно, денотат, или денотативный компонент значения имени существительного, имплицитно предметную отнесенность знака, вызывая предметное представление некоей субстанции, вещи, лица, очерчивая тем самым и круг референции данного слова в речи³. С точки зрения степени абстракции «удаления от предметного мира» денотативное имя, денотативный компонент его значения стоит на ступень ближе к объективной действительности по сравнению с сигнификатом, обозначая видимое, различимое, слышимое, осязаемое. Не случайно денотат в логике отождествляется с самим материальным предметом, а критерий воспринимаемого/невоспринимаемого органами чувств издавна служит водоразделом конкретных и абстрактных имен существительных.

Референт есть реальный (или воображаемый) конкретный предмет референции словесного знака в актуальной речи; как экспонент данного класса предметов референт может быть конкретным предметом, лицом и т. п., на который знак указывает как на члена именуемого им класса.

Зачастую референтом как переменной величиной знака в отдельных ситуациях или в определенных целях высказывания может оказаться предмет, не подпадающий под содержание выражаемого данным словом понятия, не находящийся в отношениях членства к обозначаемому классу предметов; в таком случае мы имеем дело со случаями смещенной речи или переносного (метафорического и метонимического) использования слова.

¹ О разграничении одними и неразграничении другими учеными двух ипостасей денотата (идеального и материального), называемого *to thing meant, to referent*, см.: [Zgusta 1971, p. 27—60].

² В «Словаре лингвистических терминов» [1966] это понятие определяется следующим образом: «Номинативная сторона языковой единицы; языковая единица, рассматриваемая в плане ее соотносимости с индивидуальными предметами в контексте речи (с. 524).

³ Очевидно, А. М. Пешковский имел в виду денотат, говоря: «Языковед должен анализировать только тот образ, который всплывает у говорящего и слушающего при произнесении слова в процессе речи» [1956, 71].

Сигнификат (интенционал)⁴, или сигнификативный компонент знакового значения, предстает в языке в нескольких обликах.

1. Содержание полного, конкретного понятия о классе предметов, лиц, в противоположность объему понятия.

2. Обобщенный признак свойства, отношения, состояния, которые в силу высокой степени абстракции не соотносимы с представлением конкретных предметов: *синева, белизна, красота, правильность* и т. п., *двигаться, промышленный* и т. п.

3. Семантика гиперонимов, выражающих родовые понятия, типа: *чувство, движение, отношение* и т. п.

4. Понятия об ирреальных предметах, конструктах человеческой мысли, которым в реальной действительности не соответствует никаких реальных предметов, типа: *дьявол, бог* и т. п.

5. Метаязыковые понятия — термины различных областей знания.

Соответственно лексика в любом языке представлена двумя видами слов — именами денотативного «ситуативно-тематического характера» [Караулов 1981, 349] и именами сигнификативного характера. При этом внутри этих больших разрядов, выделенных по характеру знакового значения, имеется широкий разброс имен по результату взаимодействия этих двух компонентов знакового значения.

Итак, семиологический класс характеризующих слов, самый многочисленный по своему составу, представлен двумя семиологическими подклассами — предметными и признаковыми именами; эти два последних, в свою очередь, — семиологическими разрядами, при этом каждый разряд слов обладает своим специфическим типом знакового значения.

Разряд имен предметов, профессиональных сфер, обладающих денотативным типом знакового значения

Как было отмечено выше, для семантики предметных имен, обозначающих целые классы предметов, лиц и т. п., характерно наличие в их знаковом значении как денотативного, так и сигнификативного признаков, характер взаимосвязи этих двух компонентов в рамках одного и того же означающего предопределяют тип знакового значения: доминирующее положение денотата над сигнификатом в одних и сигнификата над денотатом в других детерминирует разброс имен существительных по довольно разнообразному спектру семиологических разрядов, размещающихся в границах от сугубо конкретной, с денотативным значением лексики до самых абстрактных понятий — терминов различных научных знаний.

Возвращаясь к разряду узкоспециализированных имен, следует отметить, что подобный пласт словаря является пограничным между нейтральной конкретной лексикой и номенклатурными названиями, принадлежащими разным сферам практической и научной сфер в деятельности человека. Интересно отметить, что четко очерченных границ между двумя видами имен не существует. Так, в двухтомном «Англо-русском словаре» под редакцией И. Р. Гальперина (объемом 150.000 слов) в списке помет, указывающих на принадлежность слова к той или другой профессиональной сфере, зна-

⁴ «Качество или свойство, составляющие внутреннее содержание слова или термина, его сигнификация» [Словарь лингвистических терминов, с. 179].

чится около 100 таких сфер, а фронтальный анализ слов, отмеченных как профессионализмы на 200 страницах словаря, показал, что они составляют по отношению к общеупотребительной лексике более 10 %. Ср.: abietene 'хвойное масло' (хим.); abrasive 'шлифовальный материал' (техн.); adrenal 'надпочечник' (анат.); bourgeois 'боргес, шрифт' (типogr.); brevier 'петит, шрифт' (типogr.); bushing 'бушинг, втулка' (техн.); bowline 'булинь, беседочный узел' (морск.); bursitis 'бурсит' (мед.); burrow 'пустая порода' (горн.); bilabial 'билабиальный, губно-губной' (фонет.) и т. п. Специализированная, бедная по своему понятийному содержанию лексика выполняет в общенародном языке, как и в соответствующей терминологии, основную свою функцию идентификации, опознавания обозначаемых ею «предметов». Для неспециалистов той или иной непрофессиональной сферы денотат, предметное представление обозначаемого превалирует над сигнификатом, в номенклатурной лексике последний фактически сведен к нулю.

Понятийная отнесенность в таких типах слов редуцирована до указания на терминируемую область. Такие термины-названия выполняют в языке одну-единственную функцию — обозначения, а их знаковое значение ограничивается предметной отнесенностью данного имени и потому носит чисто денотативный характер.

Такие словесные знаки можно скорее отнести к опознавательным, т. е. к узкоидентифицирующим, нежели к характеризующим, хотя для специалистов подобные термины имеют определенный строго очерченный соответствующей метасистемой смысл. В. В. Виноградов писал об этих свойствах номинативных знаков: «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть или является средством четкого обозначения, тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин» [1947, 12—13]. На другом полюсе терминологических наименований находятся термины-понятия, которые в противоположность терминам-названиям, своеобразным ярлыкам, обладают сугубо сигнификативным значением, выполняя в языке также одну функцию — дефинитивную, и являются средством логических определений метасистемы понятий различных наук.

Имена классов

Имена классов относятся традиционно к конкретной лексике. Определение содержания прилагательного «конкретный» (Lat. concretus) в Логическом словаре — «реальный, определенный, вещественный, предметный, представляющий во всем многообразии свойств и отношений, действительно существующий» [Кондаков 1971, 224] очерчивает в самом общем виде основные свойства имен, подводимых под рубрику конкретной лексики. Оно имплицитно, что имена классов по самой своей сути не только обозначают конкретные сущности, предметы, включаемые в круг референции этих имен, но, называя их как члены классов, они обозначают одновременно и понятие, «отображающее отличительные признаки каждого предмета целого класса предметов» [Там же, с. 223], например, *трамвай, облако, люстра*. Называя конкретный предмет, имена классов имеют соответствующий экспонент данной серии предметов в речевом высказывании, поэтому предметные имена референтны. Референтом выступает конкретный предмет (экземпляр серии), чувственно воспринимаемый или по каким-то внешним признакам памятью воспроизводимый.

Таким образом, имена классов выполняют одновременно несколько семиологических функций: они отсылают к конкретному референту в речевом высказывании, именуют конкретный предмет в его целостности как член класса и выражают содержание понятия, отображающего отличительные признаки данного класса.

Такие понятия в логике называются конкретными общими, они задаются строго определенной конечной суммой признаков данного класса предметов и, будучи по своей природе дедуктивно-логическими, представляют собой закрытую структуру, а имя, их называющее, жестким десигнатором [Арутюнова 1980; Патнэм 1982]. Уже само название семиологического разряда слов «имена классов» имплицитно подразумевает комплексный характер их знакового значения, в котором содержатся как денотативные, чувственно воспринимаемые признаки обозначаемого предмета, формирующие сам предмет обозначения, так и сигнификативные, понятийно-содержательные, отображающие обобщенные, наиболее существенные для данного класса признаки. Имена классов, составляющие подавляющее большинство конкретной лексики, представляют собой такие словесные знаки, в которых денотативный и сигнификативный компоненты знакового значения находятся в отношении содержания понятия к его объему; они обладают в силу этого денотативно-сигнификативным типом значения. Такие словесные знаки выполняют в языке одновременно две знаковые функции: 1) денотативную (идентифицирующую) в речи и номинативную в системе средств; 2) сигнификативную, функцию содержательной характеристики предмета, его обобщенной репрезентации. Денотативный и сигнификативный компоненты знакового значения представляют собой лишь разные, но взаимозависимые и взаимосвязанные в единое диалектическое целое уровни освоения предметной сферы, они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное, как представление и понятие, формирующие единую идеальную сущность. Если бы эти два аспекта единого понятия о предмете не составляли целого, будучи на разной глубине опредмечивания данного «кусочка действительности», а были бы осознаны как дискретные в самом опыте человека, они бы были разведены по разным значениям и каждому придано свое имя.

Подобно тому как бессмысленно противопоставлять взаимоисключающее обиходное понятие, формальное понятию научному, содержательному, ибо в сознании человека нет разных понятий (об одном и том же предмете: одно — поверхностное, формальное, отграничивающееся от остальных, другое — научное, глубокое, содержательное), нельзя взаимоисключающе противопоставлять денотативный и сигнификативный компоненты знакового значения имен классов. Поэтому едва ли справедливо делить имена только на денотативные и сигнификативные [Степанов 1981], кроме того, имена классов не могут быть отнесены к денотативной лексике [Там же, с. 59].

Разберем для примера семный состав знакового значения двух конкретных имен: *карандаш*, *ручка* (пишущая).

Если рассматривать каждый семантический признак по отдельности, то можно отметить, что, конечно, два последних в таблице 3 — более абстрактны, чем три первых. Следует напомнить, однако, что понятия «функция предмета», «цель его использования» по самой природе опредмечивания — более абстрактны, так как предметные (денотативные) семы присутствуют в двух последних в снятом виде. Поэтому, если зачеркнуть (отделить)

Таблица 3

Семантические признаки (семы)					
Имена	Форма	Материал обложки	Материал стержня	Функция	Целевая установка (результат)
карандаш	палочка	дерево, пластмасса	графит	писать	нечеткое, слепое, легко стирающееся письмо
ручка	»	пластмасса металл	паста	»	четкое, прочное, разборчивое письмо

две последние семы, то «исчезнет» не только понятие, но и сам предмет наименования. Если посмотреть на семный состав с точки зрения значимости каждого из признаков, формирующих данное понятие о карандаше, то оказывается, что материал палочки (дерево, металл, пластмасса) не релевантен и понятие «карандаш» может быть сформулировано как «палочка с графитным стержнем», ручка — «палочка со стержнем, заполненным пастой».

Общими (отождествляющими) семами в двух именах *карандаш* и *ручка* являются две семы «форма» (палочка) и «функция» (для письма), дифференциальной семой будет «характер стержня»: у карандаша — графитный, у ручки (самописки) — наполненный пастой.

Что касается последнего семантического признака «манера (цель) письма», то он не включается в дедуктивно-логическое понятие, характеризующее два класса предметов. Помимо дедуктивно-логического в реальном использовании как самих предметов, так и их имен возникает индуктивно-прагматическое понятие, вероятностная открытая структура, как показывает само название, созданная индуктивно; эта последняя в семном составе имен *карандаш* и *ручка* — сема «нечеткое, слепое, легко стирающееся письмо» у первого и «четкое, прочное (чернильное или пастовое) письмо» у второго и является индуктивно выведенной на основе практики письма. Можно индукционным способом вывести и другие дополнительные, вероятностные семантические признаки этих предметов. Карандаш и ручка нормативно могут использоваться: для черчения, зарисовки, штриховки и т. п., а иногда и просто для помешивания чего-либо жидкого (чернил, краски), что не меняет, однако, их основного предназначения, предписываемого самим наименованием. Знаковое (прямое номинативное) значение таких имен не зависит от референции. В основе знакового значения конкретной лексики, как было уже сказано выше, лежит дедуктивно-логическое понятие; но, помимо этого понятия с конечным числом существенных признаков, вокруг имен, называющих предметы объективного мира, естественные рода, как равным образом и артефакты, создается совокупность дополнительных признаков, добытых познающим субъектом в итоге эмпирического использования и соответствующей оценки данной объективной сущности. Наличие такого индуктивно-эмпирического понятия создает впечатление, что значения даже конкретных имен диффузны [Шмелев 1973]. Кроме того, вокруг того или другого имени класса создается, как силовое поле, ассоциативная сеть, совокупность семантических слабых и сильных связей данного слова с другими.

Обозначаемые полноточными словами (характеризующими знаками)

предметы, их свойства и отношения так же многоаспектны и взаимосвязаны, как и сама природа, которая «и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение» [Ленин, т. 29, 190].

Многочисленные и многообразные группировки слов лексикона конкретных языков и языка вообще стали за последние десятилетия предметом изучения разных лингвистических дисциплин: общей идеографии, семантического синтаксиса, лингвистической семиологии и т. п.

Традиционное словарное описание лексики по алфавиту уступило место тезаурусной разработке лексики литературного языка [Караулов 1976а, 1980, 1981], малосистемное описание словаря по предметным группам сменилось новыми идеями создания семиологической таксономии слов по двум основаниям одновременно: по сферам объективного мира — «вещи», «растения», «животные», «люди» — и по языковым параметрам [Степанов 1981, 45 и след.].

Пристальное изучение синтаксических функций слов, их семантики в составе предложения, позволило выдвинуть новую классификацию слов по их лексическому значению: слова «естественных родов», «искусственных родов» (артефакты) и «номинальные классы» [Арутюнова 1976а, 1980]. Изучение лексической семантики по компонентам знакового значения выдвинуло идею описания всего словарного состава языка по семиологическим классам и подклассам [Уфимцева 1974].

В целях детализации описания конкретной лексики или имен классов обратимся к семантическим категориям предметных имен, как они существуют в семантической структуре современного английского языка. Имена классов и множеств могут быть распределены на семантические разряды, формируемые комбинированием семантических категорий, представляющих собой пересекающиеся сущности — своеобразное отображение предметных сфер на плоскости языка, в нашем случае — в лексико-семантической системе современного английского языка.

Эти семантические категории, выступающие в виде трех оппозитивных пар признаков «одушевленность/неодушевленность», «лицо/нелицо», «исчисляемость/неисчисляемость», отображают свойства основных семантических сфер в категории имен классов.

Подобно грамматическим значениям классов слов: числительному, значению рода, числа и т. п., семантические категории «обволакивают» каждое индивидуальное лексическое (предметное) значение, придавая тем самым каждому слову его системную значимость, закрепляя за данным словом его место и роль в гиперо-гипонимической структуре предметных имен. В противоположность языкам с развитой системой членения предметных имен по родам, как в русском, немецком и др., оппозиция исчисляемости/неисчисляемости, указывающая на «дискретность/недискретность» денотата, имеет в английском языке огромное значение, ср. оппозицию местоименно-наречных форм *much: many; little: few* в современном английском языке, маркирующую данную семантическую оппозицию.

Имена классов и множеств представлены в таблице 4.*

В каждой клеточке признак «конкретность» постоянен, общий для всех

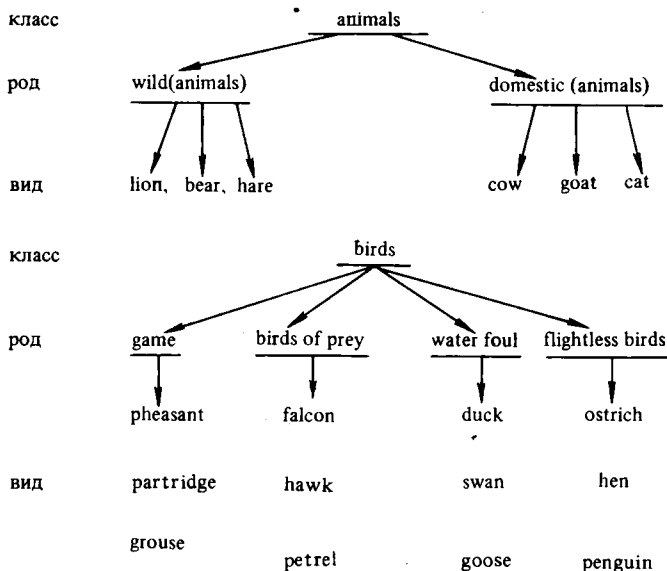
* Этот прием репрезентации большого числа единиц был использован в семасиологии впервые И. В. Арнольд [1966], которая назвала подобную матрицу решеткой Вейтча. Ныне этот прием используется многими.

Таблица 4

Конкретные	Одушевленные		Неодушевленные		Исчисляемые	
	Категория	конкретность одушевленность исчисляемость нелицо } 1	конкретность одушевленность исчисляемость лицо } 2	конкретность неодушевленность исчисляемость нелицо } 3		
		животный мир animals	люди man, people	вещи, растения book, tree		
	Категория	конкретность одушевленность неисчисляемость нелицо } 4	конкретность одушевленность неисчисляемость лицо } 5	конкретность неодушевленность неисчисляемость нелицо } 6		
Имя	совокупность животных flock, herd нелицо		совокупность лиц soldiers police лицо		материал, вещество iron, water нелицо	Неисчисляемые

семантических разрядов, в то время как семантические категории (признаки) комбинируются как переменные, отражающие не только соответствующую предметную сферу, но и языковую систему.

1. Первый семантический разряд с конфигурацией семантических признаков «конкретность, одушевленность, исчисляемость, нелицо» включает имена особой и классов семантической сферы «животный мир». Этот семантический разряд структурируется дихотомически по родовидовому отношению, например:

Что касается логических и языковых взаимоотношений между именами рода, вида и индивида, то это особый вопрос, детальное обсуждение которого см. в работах Н. Д. Арутюновой [1976а, 1980] и Ю. С. Степанова [1981]. Предметом нашего рассмотрения семантических разрядов слов является выяснение характера денотативного и сигнификативного компонентов знакового значения конкретных имен.

Семантический разряд имен «нелиц» охватывает имена существительные, обозначающие живые существа, кроме людей. Если имена лиц в силу многообразия характеристик человеческой личности способны входить в большое количество больших и малых пересекающихся групп имен, то имена нелиц объединяются лишь в предметные группы по экстралингвистическому признаку, по той или иной денотативной сфере, ср.: animals, birds, beast of burden, cattle, stock—farm, game, wild animals, table birds, flocks and herds, poultry, birds of prey, и т. п.

Справедливо отметил Ю. С. Степанов [1981, с. 85], что степень индивидуализации имен животных зависит от той роли, которую обозначаемые играют в хозяйственно-экономической жизни носителей языка. Например, для обозначения разных свойств, породы, назначения и внешних характеристик лошади в английском языке насчитывается около сотни наименований.

Особенностью слов, относящихся к разряду нелиц, является абсолютно строгий характер их значения, логико-предметное основание которого (последнего) задается жестким набором признаков, формирующим соответственно дедуктивно-логическое понятие класса. Рассмотрим для примера дефиниции двух слов: англ. bear и рус. *медведь*.

Словарная дефиниция, по нашему твердому убеждению, определяет через другие слова логико-предметное содержание определяемого, указывая на денотативные и сигнификативные компоненты его знакового значения: Bear — «Heavy partly carnivorous thick-furred plantigrade quadruped» [COD, 101]⁵ 'крупное, отчасти плотоядное стопоходящее четвероногое животное с густым мехом'.

В приведенном определении англ. bear содержится три специализированных слова carnivorous, plantigrade, quadruped, являющиеся зоологическими терминами, которые отображают, следовательно, научно-классификационное понятие об этом виде животного; денотативные признаки «размер», «характер волосяного покрова» выражают «обыденное» общежитейское представление внешних свойств медведя. Из этого положения вытекает как следствие: нельзя взаимноисключающе противопоставлять друг другу как научное и обыденное понятия, так и денотативные и сигнификативные признаки, взаимодействующие в границах одного и того же знакового значения слова.

В словарном определении русского слова *медведь* — крупное хищное млекопитающее животное с длинной шерстью и толстыми ногами [Ожегов 1953, 303] содержится произвольно (по-житейски, а не по-научному) выбранный признак «толстые ноги». С исключением из дефиниции зоологического термина «стопоходящий» выпадает целое звено в логическом понятии, а соответственно логически необъяснимыми остаются производные значения, индуцированные этим признаком слова *медведь*: «неуклюжая походка», легко объяснимая при «стопоходящей» манере ходьбы медведя, «косола-

⁵ COD — сокращение «The Concise Oxford Dictionary» ed. by H. W. Fowler and F. G. Fowler, 4th ed. Oxford University Press, 1951.

пость», «переваливание с ноги на ногу» и т. п. Таким образом, детко заданное дедуктивное понятие с конечным числом признаков при его выражении языковым наименованием подобно магниту создает (индуцирует) вокруг себя силовое поле, которое представляет собой индуктивно-эмпирическое понятие, отображающее прагматические оценки, на которых основываются вторичные, переносные значения и употребление референтного имени в роли предиката, ср.: *Ты, медведь, отойди!* (в обращении к человеку), *как медведь, по-медвежьи, настоящий медведь* и т. п.

Несмотря на то что любое слово из этой семантической категории обладает абсолютным, безотносительным к другим предметам значением, имена животных образуют вокруг себя широкие ассоциативные поля. Так, Дж. Диз в своей работе по ассоциациям в языке и мысли/утверждает, что имена: antilope, bear, buffalo, cat, cow, deer, fox, goat, gorilla, horse, lion, mouse, pig, pony, rabbit, rat, sheep являются семантически очень близкими, а слова cow и goat связаны еще более тесно, так как они ассоциируются еще и по линии слов milk, farm, meat, grass [Deese 1965, 150].

Интересно отметить, что почти универсальным является способ выражения оценочных значений человеком через имена животных; ср.: *хитрый как лиса, труслив как заяц, воркует как голуби, злая как собака, ласкается как кошка, глуха как тетеря* и т. п.

Имена животных не являются многозначными, однако можно с точностью предсказать характер их смысловой структуры, в которой имеется не меньше одного переносного метафорического значения, при этом все-таки число однозначных превалирует над теми, что имеют переносное значение. Так, из общего числа 474 имен животных, включенных в словарь Хорнби, насчитывается 344 — однозначных, 130 — многозначных. Имена, относящиеся к первому семантическому разряду, являются именами естественных классов, а их знаковое значение носит денотативно-сигнификативный характер.

II. Второй семантический разряд предметных имен, вычлененный конфигурацией категориальных семантических признаков: «конкретность, одушевленность, исчисляемость, лицо», представлен в каждом языке разветвленной микросистемой имен лиц; в составе лексики современного английского языка их более 6000. Это и не удивительно, так как под этот семантический разряд подпадают имена лиц, обозначающие человека в его многосторонних отношениях к другим людям, к предметам и вещам реального мира, к обществу и его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризуемого со стороны его физических и психических свойств.

Краткое энциклопедическое определение сложного понятия «человек» отражает основные оппозитивные признаки, по которым структурируется гиперо-гипонимическая система имен лиц: «... человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [БСЭ 1978, 137].

Прежде чем анализировать этот обширный по объему и разнородный по своему значению разряд слов, необходимо расклассифицировать их по семантическим сферам и соответственно по лексическим микросистемам, что поможет определить характер их знакового значения. Основными сферами проявления человека, составляющими семантическое пространство или

предметную область, обозначаемую антропонимами, являются следующие:

1) биолого-физиологические и антропологические, т. е. природные свойства (национальность, пол, возраст, физические характеристики — рост, вес, внешность и т. п.);

2) социально-трудовые и родственные отношения человека, т. е. приобретенные характеристики (по отношению человека к человеку, по отношению к труду, к собственности, к социальным, политическим, религиозным, культурным и другим институтам и организациям, по месту жительства);

3) сфера психической деятельности и эмотивных оценок человека (характеристика по способности мыслить, проявлять волю, воображение, эмоции, склонность или приверженность, мораль и нравственность и т. п.);

Каждая из сфер человеческой деятельности и его бытия представлена, как показано выше, несколькими семантическими темами, обозначаемыми, в свою очередь, соответствующими именами врожденных, прижизненно приобретаемых или обществом приписываемых свойств и оценок человека. Общей отличительной чертой имен этого семантического разряда является то, что они, имея в составе своего логико-предметного содержания сему «конкретность», именуется как отдельный экземпляр этого класса, так и общее понятие класса. Основным видом семантических отношений выступают: часть — целое; член, индивид — класс, совокупность людей. «Партиитивность» и «членство» — главный тип логико-семантических отношений, пронизывающих всю антропонимическую систему, начиная от гиперо-гипонимической структуризации ее членов в системе лексики, кончая семным составом этих имен.

Главная отличительная черта человека как *homo sapiens* — способность мыслить, воображать. Определение человека как индивида естественного рода дается следующим образом: *man — a human being individual of the genus Homo* [Webster, 1307]. Знаковое значение характеризующих словесных знаков складывается из суммы строго отобранных признаков, формирующих дедуктивное понятие, которое ложится в основу прямого номинативного значения данного слова.

Денотативный компонент в значении имен антропологических, физиологических и физических черт человека составляют семантические признаки, природные и врожденные по своей природе: «пол», «возраст», «раса, национальность», «язык», «внешность», которые, представляя собой неотъемлемые свойства человека, формируют единое целое — человеческий род. Невозможно себе представить человека без этих определяющих его внешних, универсальных не только для мира людей, характеристик, но и всего живого. (Ср. целый ряд имен, в которых сема «лицо» нейтрализована: *female — 1) a woman or girl; 2) a female human being, also by extension — a female animal*; то же самое имеет место в семантике имени *male — a human being of the male sex; hence any organism of that sex*) [Webster, 803].

В данном случае имеет место редкий случай — имена, содержащие в своем номинативном значении одну и ту же сему — указание на женский (*female*) и мужской (*male*) пол, переносятся на животных.

Комбинации перечисленных выше категориальных сем «пол», «возраст», «раса, национальность», «язык», «внешность», различных как по содержанию, так и по объему и составляют логико-предметную основу наименований лиц.

Номинаты таких имен, как *женщина (woman)*, *мужчина (man)*, *девушка*

(maiden), *девочка* (girl) и т. п. свойственны всем языкам, только средства наименований варьируются от языка к языку. Правда, характеристика по «внешности» ввиду многочисленных эмпирических признаков (цвет кожи, волос, глаз, рост и т. п.) — более специфична и варьируется в большом диапазоне комбинаций указанных признаков.

Особенностью антропонимов является то, что дифференциальный, служащий интенцией наименования признак как бы зачеркивает, отодвигает на задний план более общие (емкие) признаки, вернее, они включаются в понятие как сами собой разумеющиеся. Например, в именах *child* 'ребенок', *parent* 'родитель' погашена сема «пол», напротив, в *female* и *male* — сема «возраст».

В наименовании *mountaineer* 'житель гор', определяемое как *dweller amongst mountains*, имеется указание на лицо (суф.-*er*) и место проживания, остальные семы «пол», «возраст», «национальность», «внешность» — не актуализованы, сняты.

В лексике английского языка имеется большое количество наименований, где различие основных семантических категориальных признаков не проведено, таким образом образуются имена, не подпадающие ни под один из шести приведенных выше семантических разрядов конкретных имен:

а) неразграничение «лица» и «вещи», ср.: *binder* — person or thing that binds, fastens sheets of paper into a cover; *darling* — person or thing very much loved; *check* — control; person or thing that checks or restrains;

б) неразграничение «лица» и «животного»: *captive* — person or animal taken prisoner; *carrier* — person or animal that carries a disease; *creature* — living animal, living person;

в) неразграничение временной и постоянной деятельности, активности: *biologist* — student of, expert in biology;

г) совмещение в имени лица двух противоположных действий: *broker* (*stockbroker*) — person who buys or sells for others (брокер, маклер).

Наличие в части имен лиц антропометрических признаков относит их к именам естественных родов, как правило, это первообразные наименования, в которых денотативные компоненты главенствуют, превалируют над сигнификативными.

Н. Д. Арутюнова тонко подметила сущность номинации, говоря, что такая единая по своей субстанциональной природе сущность, как человек расщепляется на ряд номинатов, будучи охарактеризована относительно чего-либо или кого-либо, а также по своей функции. «Меняя свои роли, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных действий и поступков, человек в своих разнонаправленных проявлениях становится референтом многих функциональных, реляционных и других имен» [Арутюнова 1980, 179].

Конкретная лексика обладает в основном идентифицирующим значением, т. е. функцией опознания, узнавания предметов и установления тождества между именем и его референтом в конкретных речевых ситуациях, что совершается на основе знания денотата имени. Предметная лексика оказывается далеко не однородной по характеру знакового значения; более того отдельные звенья гиперо-гипонимической структуры имен лиц являются типичными именами с относительным характером семантики, тяготеющими больше к разряду абстрактных признаковых имен.

Имена родства, номинальные классы

Наименования системы родства называют обозначаемые ими представления, денотаты которых составлены из относительных, но дискретных семантических признаков.

1. Родство (кровное прямое / кровное боковое);
2. Поколение (по восходящей и нисходящей от его линии: внуки, дети, его, родители, деды);
3. Пол родственников (женский / мужской).

Комбинация этих признаков и составляет логико-предметную основу их семантики, образуя своеобразные номинаты относительных имен родства, обозначающих отношения по браку, по родителям, по детям (по поколениям), по полу и направлению родства.

Различие хотя бы по одному из перечисленных признаков создает новую антропонимическую единицу в системе каждого языка. Ввиду того, что логико-предметное содержание имен родства без остатка раскладывается на оппозитивные дихотомически выраженные компоненты, эта микросистема хорошо изучена [Lounsbury 1956; Greenberg 1949; Кузнецов 1980].

В сигнификативном характере имен родства легко убедиться по словарным дефинициям, отображающим логико-предметное содержание, формирующее знаковое значение слова. Ср.: brother — 1) son of the same parents as another person; 2) person united to others by membership of the same society, profession; 3) fellow member of a socialist organization, trade-union etc. [Hornby, 77].

Same как знак тождества выражает отношения идентичности, сходства, являясь своеобразным семантическим предикатом этого разряда лексики.

Из числа имен лиц хотелось бы подробнее остановиться на словах, знаковое значение которых остается менее изученным, чем имен естественных классов. Это — имена так называемых номинальных классов. Номинальные классы — это такие имена, объекты которых создаются языковым определением.

Такие имена и соответствующие номинаты возникают в результате отношения, оценки субъекта к чему-либо, к кому-либо, следовательно такие имена абстрактны и часто модально окрашены.

Подобно номинальным семантическим определениям, в которых указание на значение осуществляется через созданный термин [Кондаков 1971, 339], в именах номинальных классов предмет обозначения создается путем приписывания естественным объектам какого-либо признака. Другими словами, обозначаемым объектом является смысл (интенционал) имени, который и предопределяет его экстенционал. Подобные имена составляют в противоположность индивидуальным именам, классам имен естественного рода и артефактов так называемые нежесткие десигнаторы [Крипке 1982] или «предикатные, нереферентные существительные» [Арутюнова 1980].

Номинальные классы это такие имена, объекты обозначения которыми создаются самими языковыми определениями в результате аналитической деятельности человеческого мышления. За такими именами не стоит ни физическая, ни биологическая, ни химическая, ни какая другая субстанциональная сущность [Арутюнова 1976а, 1980; Шатуновский 1982 и др.].

Особенностью имен лиц является то, что в них в большом числе случаев грамматика языка не совпадает с грамматикой (логикой) материального

и особенно идеального миров, окружающих человека. Казалось бы, имена существительные, призванные самой природой языка обозначать субстанции, характеризовать предметы, антропонимы в большинстве своем именуют всевозможные признаки, свойства и качества людей. Получается так, что имена лиц обладают не предметным, а признаковым значением, которое выражается в языке обычно такими частями речи, как глаголы и имена прилагательные. К существительным и качественным значениям относятся, прежде всего, имена признаков и свойств, приобретенных человеком в процессе его социально-трудовой деятельности. Такие имена лиц покрывают широкую сферу всевозможных политических, религиозных, нравственных и прочих характеристик человека, включая имена, данные человеку по его отношению к другим индивидам или коллективу людей, по имущественному положению, по месту жительства и т. п.

Гранича с микросистемой имен родства, с сугубо относительным характером их семантики, разряд качественных существительных включает имена профессий, должностей, политических, государственных и военных рангов, классов собственников и неимущих. Знаковое значение имен этого разряда формируется на основе какого-либо одного признака, например, рода занятий: *worker, teacher, dancer, turner* и т. п.; их роль в языке двойная: они выполняют идентифицирующую функцию, выступая в конкретном высказывании семантическими актантами предикатов; с другой стороны, давая качественную характеристику как индивиду, так и целому классу лиц, они в силу сигнификативного их компонента способны выступать в роли классифицирующего предиката (*predicative*), не утрачивая своего предметного значения [Арутюнова, 1980].

Спецификой в лексике английского языка имен этого рода является то, что агентивный признак единовременного, вернее, совершающегося в данный момент действия и постоянного (профессионального) занятия не разведены и выражаются оба одним и тем же средством, суффиксом *-er*, указывающим на действующее лицо (*doer*). Ср.:

временное действие (занятие)		постоянное (профессиональное) занятие	
<i>speaker</i>	'говорящий'	<i>speaker</i>	'оратор'
<i>listener</i>	'слушающий'	<i>listener</i>	'слушатель'
<i>observer</i>	'наблюдающий'	<i>observer</i>	'наблюдатель'

В русском языке эти значения распределяются соответственно между причастиями настоящего или прошедшего времени и корреспондирующими отглагольными именами существительными. Разграничение временного и постоянного агентивного признаков в полных номинализациях в английском языке стоит в зависимости от речевых координат и смысла самого высказывания.

Категориальность и обобщенный характер агентивного признака в пределах всего разряда имен находит свое выражение в возможности образования подобных номинализаций практически от любого глагола: *taker, maker, euer, hippie* и т. п. Возвращаясь к так называемым качественным именам, т. е. к именам существительным, обозначающим не предмет, не субстанцию, а качественную, признаковую характеристику человека, следует отметить следующую их черту: они по характеру своей семантики занимают

серединное положение между именами естественных родов, типа: girl, boy, tap и именами номинальных классов с их наиболее типичными представителями типа bluster 'хвастун', weakling 'слабыш', boaster 'хвастун', bluffer 'обманщик' и т. п. Прежде чем обсуждать характер семантики качественных имен лиц, зададимся вопросом, какие объективные языковые средства, а не только интуиция, могут свидетельствовать о наличии денотативных и/или сигнификативных признаков в знаковом значении слов исследуемого разряда?

Подобно тому, как содержание синтагматической единицы, смысл предложения может быть извлечен из анализа речевых (синтаксических) текстов, так и семантика словесного знака, логико-предметное содержание, лежащее в основе его прямого или производного номинативного значения, могут быть извлечены из словарных определений, называемых Ю. Н. Карауловым [1981, с. 273] дефиниционными текстами, или дефинитивными предложениями.

В силу того что логико-предметное содержание, цементирующее знаковое значение полнзначных слов, включает в себя не только отображение существенных признаков, свойств данной вещи или класса предметов, но и существующие пространственные отношения ее к другим вещам и предметам, то наряду с «субстанциональными» свойствами в знаковом значении находят отражение и «отношения». Первые формируют денотативные компоненты, вторые — сигнификативные.

Логика номинации обусловлена логикой предметного мира: приписывание свойств не изменяет ее, а следовательно, сохраняет денотативный, предметный, тематический характер значения соответствующих имен; «что касается отношения, то оно есть то, что, будучи установлено между вещами, образует новые вещи» [Уемов 1978, 86], а следовательно, и новые имена.

Качественные существительные и представляют собой имена человека, поставленного в отношения к различного рода реалиям: труду, к группе, коллективу людей, к собственности, охарактеризованного по социальной, имущественной, семейной, производственной и т. п. роли.

Как уже отмечалось выше, специфика семантики предметных и признаковых имен, являющихся ядром характеризующих словесных знаков, заключается в том, что эти имена, отображающие одни предметы, другие — их свойства и признаки, как бы настроены (содержательно) одно на другое. Так, глаголы, обозначающие физические действия, имеют своими актантами и соответствующие конкретные имена.

Такое положение дел не требует никакого объяснения, так как семантическое согласование предметных и признаковых имен детерминировано самой логикой вещей, логикой познания и логикой языка, закономерностями метаморфизма естественного языка: процессами опредмечивания признака или превращения признакового имени в предметное. «Имя существительное и глагол манифестируют основные позиции цепочки: субъект и объект (имя существительное), предикат (глагол). В остальном они пронизывают друг друга, образуя вторичные морфологические категории: *беглец, бегство, беглый, бегло, бежит; человек, человечность, человеческий, человечно, очеловечивает*» [Мартынов 1982, 102].

Обращая внимание на семантику этих словообразований, необходимо заметить, что в языке тем самым создаются и вторичные семантические значимости, а соответственно, и новые имена: предметной признаковости

(ср. в рус.: *чайная, рабочий, столовая*) и признаковой предметности (*хвастун, бег, красочность*). Как уже было отмечено, знаковое (прямое номинативное) значение имен можно «извлечь» из текста словарных дефиниций, методический прием, наиболее объективный, формализованный, покоящийся на единицах описания, присущих естественному языку⁶.

Систематизация словарных дефиниций первообразных и производных имен лиц в современном английском языке позволяет по глаголам, идентификаторам, содержащимся в словарных определениях, выделить семантические темы, которые выступают своеобразными семантическими и функциональными предикатами. Так, глаголы физического действия, как, например, производства, созидания (*make, build, manufacture*), деструкции, порчи (*spoil, ruin, break, destroy*), купли (*buy, purchase*) и продажи (*sell, peddle*) и т. п. идентифицируют в словарных дефинициях семантику соответствующих первообразных производных (отглагольных и сложных) имен конкретных предметов, принадлежащих к естественным или искусственным (артефактам) родам. Естественно, в них превалирует денотативный компонент знакового значения.

Напротив, качественные имена лиц, обозначающие последних по какому-либо одному понятийному признаку, например, по «соучастию», по совместным акциям, идентифицируются соответствующими предикатами: *associated with, one's mate, a companion who, a partner who, one that is sharing in etc.* Имена лиц, по этому признаку охарактеризованные, образуют определенную лексико-семантическую группу, объединенную по тождеству логико-предметного содержания: *colleague — person working with another or others; collaborator — person working in collaboration with others; mate — companion (classmate, playmate, roommate).*

Словарные дефиниции качественных существительных очерчивают не только границы лексико-семантических парадигм, но определенным образом указывают на возможную сферу референции данного имени, ср.: *associate — person joined with others in work, business or crime, companion — person who shares in, or has a similar interest in the work, pleasures, misfortunes of another.*

В приведенных дефинициях налицо два семантических предиката — два элемента, один — тождества (*similar*), второй — совместности (*joined*), свидетельствующие о сигнификативном характере семантики определяемых имен — *associate* и *companion*.

Еще ближе стоят к признаковым именам существительные, называющие человека по его отношению к группе, к коллективу лиц, ср.: *member, representative, participant, neighbour, leader, commander, chairman, partaker, chief* и т. п. В разряде имен лиц занимают особое положение, приближаясь к семантическим предикатам, антропонимы, характеризующие человека по какому-либо признаку субъективной оценки. В силу этого имена подобных номинальных классов в своем знаковом значении, больше сигнификативном, нежели денотативном, т. е. признаковом, помимо назывной семы содержат сему модальности положительной или отрицательной оценки.

Так, например, на общем комплексном признаке «преступно присваивать чужое» основано знаковое значение большой группы слов (несколько

⁶ Для современной семантики характерен отказ от построения искусственного семантического языка и использование естественного языка для семантической репрезентации слов [Караулов 1981] и предложений [Wierzbicka 1976].

десятков), обозначающих 'вор, грабитель': thief, robber, burglar, corsair, filibuster, kidnapper, marauder, pirate, pilferer, plunderer, rifle и т. п.

Естественный язык — рациональная знаковая система, подтверждением этому является то, что каждое из перечисленных выше имен непременно отличается от другого чем-либо, имеет свой отличительный признак: обсто-ятельства, цель, способ, объект действия, ассоциируемый с именем; кроме того, приведенные имена различаются также по сфере своего функциониро-вания. Так, thief, означая 'вор', функционирует в литературном стандарте английского языка, являясь основным в этом слое лексики, доминирующим в данной лексико-семантической группе (ЛСГ); в диалектах thief может употребляться в значении 'злодей, негодяй, подлец'.

Что касается остальных членов рассматриваемой ЛСГ, то они обладают разным языковым статусом: corsair — историзм, со значением 'корсар, пират'; burglar 'ночной грабитель, взломщик' наряду с функционированием в общепринятой, нейтральной лексике, используется как юридический термин; filibuster 'флибустьер, пират'; имя, употребляемое иногда в значении 'военный авантюрист'; kidnapper — как свидетельствуют мотивирующие основы этого сложного имени, означает 'похититель детей'; marauder 'мародер, грабитель на войне'; pilferer 'мелкий воришка, жулик'.

Казалось бы, почти однозначные имена этой ЛСГ могут образовывать переносные значения, ср.: pirate 'морской разбойник' может быть употреблен в сочетании a pirate of hearts 'похититель сердец'; в австралийском варианте английского языка pirate обозначает также мужчину, заводящего случайные встречи.

Типичным примером имен номинального класса является микросистема слов, называющих людей по степени их «интеллектуальной ущербности», ЛСГ, насчитывающая в лексике английского языка около 100 единиц [Иногамова 1981, 126], используемых в разных функциональных областях:

- standard words: ass, asshead, blockhead etc.;
- jargon words: bonehead, boob, squarehead etc.;
- colloquial words: booby, chucklehead, doodle, dully,
- dialectal words: gaby, gawk, loon, sap, stupid;
- terms (medicine): ament, cretin, defective, idiot etc.

Основными средствами и способом создания имен этого типа является вторичная (элементарная), т. е. метафорическая номинация или словосложе-ние — использование уже имеющихся в языке средств.

Процесс метафоризации происходит путем сдвига денотативной отнесен-ности по ассоциативному переносу свойств, а следовательно, и 1) имени неодушевленного предмета на одушевленный:

block ₁	'чурбан, колода'	block ₂	'болван, тупица' (разг.)
clod ₁	'ком, глыба'	clod ₂	'болван, тупой человек'
stick ₁	'палка'	stick ₂	'тупица, бревно'
stock ₁	'главный ствол'	stock ₂	'глупый человек, чурбан';

2) перенос имени животного на человека:

ass ₁	'домашний осел, ишак'	ass ₂	'глупец, невежда'
calf ₁	'теленок, телок'	calf ₂	'простофиля'
donkey ₁	'осел'	donkey ₂	'осел, дурак'
goose ₁	'гусь, гусыня'	goose ₂	'простак, дурак'.

Нет возможности и необходимости проводить дальнейшую субкатегоризацию номинальных классов на предметные и лексико-семантические группы и ряды слов. Можно сделать один вывод: в логико-предметной основе их значения явно превалирует сигнификативный компонент, который приближает их по характеру знакового значения к признаковым именам, однако с определенным «предметным» остовом в их семантике — с гиперсемой разряда «лицо».

III. Третий семантический разряд имен классов вычленяется следующей конфигурацией категориальных признаков: «конкретность, неодушевленность, исчисляемость, нелицо» и представлен наименованиями вещей (естественного и искусственного образования), семейств, родов и видов растительного мира, именами географических реалий. Основной характерной чертой знакового значения этих имен является дискретность денотата. Значение (конкретных) имен естественных родов, как отметила Н. Д. Арутюнова [1980, 18], определяется референцией имени, а не смыслом последнего. «Оно (значение. — А. У.) гетерогенно и складывается из представления, обобщенного образа (стереотипа класса), разнохарактерной информации о классе предметов, случайных впечатлений, сведений утилитарного толка и т. п. — словом, всего того, что связывается в сознании человека с предметным миром» [Там же, с. 186]. Предметный мир настолько широк, а объем вещей материальной, духовной, художественной культуры, который человек научился создавать, настолько необъятен, что описание различных его сфер составляет в каждом новом случае предмет изучения отдельных наук: этнографии, археологии, архитектуры, прикладного искусства, живописи и т. п.

Номинаты, подводимые под самое широкое понятие «вещи», представлены двумя родами: естественным и искусственным; первые охватывают, не считая растительность, части «неразъемного целого» — части тела человека и особей животного мира, изоморфных по своим функциям; вторые — части разъемного целого, механизмы, постройки, средства передвижения и т. п.

Автономность номинатов при наречении имен частей тела: head 'голова', face 'лицо', leg 'нога', hand 'рука' и т. п. с самого начала способствовала мысленному отделению их от человека и привела к полной абстракции обозначаемого и самостоятельному бытованию соответствующих имен; это в свою очередь послужило причиной и средством вторичной номинации новых вещей по аналогии с частями тела. В каждом языке существуют так называемые стертые метафоры, превратившиеся в специализированные наименования: face, hands of a watch 'циферблат, стрелки часов', foot of a mountain 'подножье горы', head of a pin, hammer, cabbage 'головка булавки, кочан', mouth of a river, bag, bottle, tunnel, cave 'устье реки, выходное отверстие', eye of a needle, potato 'ушко иглки, глазок картофелины', legs of a chair, of trousers 'ножки стула, штанины брюк', heart of a forest 'середина, чаша леса'. Ср. подобные расчлененные наименования в русском языке: *щеки пулемета, нос корабля, язык колокола, ножка стола, спинка стула, горлышко бутылки, пальцы втулки, волосок электролампы, память электронной машины* и т. п. В основе денотативного компонента значений первообразных наименований частей тела лежит индуктивное, эмпирическое понятие, добытое человеком в ходе его познавательно трудовой деятельности, в силу чего такие понятия осложнены различными ассоциациями по внешнему виду.

по назначению. Перечисленные выше расчлененные наименования представляют собой специализированные в той или иной мере имена, передающие «инвентарный образ предмета» [Серебренников 1977, 160].

Этим же специфическим индуктивным свойством понятий, подпадающих под название частей тела, объясняется наличие у этих имен огромного числа фразеологических и связанных значений, ср. в английском и русском: *dust smb's eyes* 'пускать пыль в глаза'; *leap, burst upon the eye* 'бросаться в глаза'; *cast an evil eye* 'бросать недобрый взгляд (сглазить)'; *close one's eyes on something* 'закрывать глаза на что-либо'; *eye for eye* 'око за око'.

Ср. также парадигматические ряды в английском языке: *throw, cast, cut an eye* 'бросить взгляд; косо пощмотреть'; *fasten, keep, have an eye on* 'оставить взгляд на...', которые образованы уже на основе производного номинативного значения *eye* 'взгляд'. Небезынтересно отметить, что, например, в англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина подобных фразеологически связанных единиц⁷ с *eye* в своем составе насчитывается более 140 [Кунин 1984].

Возвращаясь к семантике предметных имен, подпадающих под третий разряд (конкретные исчисляемые, неодушевленные, нелицо), следует отметить, что значение некоторых имен, обозначающих части тела, определяется через так называемые «топографические толкования» [Wierzbicka 1972; Арутюнова 1980], указывающие лишь приблизительные границы расположения на поверхности, например: *neck* — *part of the body that connects the head and the shoulders* [Hornby 424]. В значении *neck* 'шея' релевантны два денотативных признака «форма» и «позиция» (положение двух соединяемых частей), по которым идет образование расчлененных наименований: *the neck of a bottle*, *the neck of a guitar* 'гриф гитары'; *side* 'бок' — *one of the 2 halves of a person on his left or right, especially from armpit to hip* [Hornby 612]. Следует отметить, что это специализированное, узкое значение существительного *side* подается в словаре А. С. Хорнби [Hornby 1978, 612] лишь шестым.

Через этот же тип словарных толкований определяются географические реалии, подлинно топографические объекты на поверхности земли, большинство имен которых соотносительны, как находящиеся в одном и том же семантическом пространстве; ср.: в англ. *a pagrow neck of land* — в рус. *узкий перешийек (земли)*.

Через топографический вид толкования определяется знаковое значение имен многих выделяемых на поверхности земли номинатов. Возьмем для примера лексико-семантическую группу английских существительных с наименованием *valley* 'долина' в качестве идентификатора ЛСГ: *valley, dale, dell, dingle, combe, strath, glade, glen, cove*. Денотативный характер семантики идентификатора ЛСГ *valley* — «*stretch of land between hills or mountains, often with a river flowing through it*» [Hornby, 726] представлен следующими семантическими признаками: 1) протяженный участок земли, полоса земли; 2) находящаяся внизу; 3) по сравнению с окружающими ее горами; 4) с протекающей/не протекающей по ней рекой; 5) покрытая/не покрытая лесом.

Соответственно в ЛСГ входят имена, содержащие каждый одну из упо-

⁷ Ср. также довольно большое количество фразеологических единиц со связанным значением *Augе* 'глаз' в современном немецком языке [Paffen 1969, S. 101—102].

манутых выше сем, а в большинстве случаев имена, семантика которых интерпретируется через заглавное слово ЛСГ — ее идентификатор valley: dale — valley (in poetry); dell — small valley usually with trees; dingle — a narrow dale or dell; *esp.* secluded, and emhowered ravine or valley; glen — a secluded and narrow valley, a narrow depression between mountains or hills; cove — a strip of prairie extending in to woodland; also, a recess or small valley in the side of a mountain, or between mountains; strath — a river valley of considerable size.

В то время как зачисляемые иногда [Roget, 84] в эту группу имена: glade 'прогалина, просека', grove 'роща, лесок', cave 'пещера', bay 'залив', при более тщательном анализе их значения не могут быть включены в данную ЛСГ. Не составляют единого синонимического ряда при явной общности семантики и соответствующие русские существительные: *плоскогорье, равнина, долина, лощина, ложбина, ущелье, балка, впадина, прогалина, просека* и т. п.

Имена уникальных и ирреальных предметов и множеств

Несколько особняком стоят по характеру своего знакового значения имена уникальных объектов, явлений природы: а) уникальные астролого-метеорологические реалии: sun 'солнце', moon 'луна', earth 'земля' и т. п.; б) представления частей света: North, South, West, East; в) природные явления: rain 'дождь', wind 'ветер', snow 'снег', thunder 'гром', lightening 'молния'.

В отличие от имен классов, денотат которых представляет собой стереотип подпадающих под содержание и объем понятия предметов (объектов), денотат имен явлений физического мира мыслится как континуум определенной последовательности или мгновенных проявлений некоей субстанции. Так, rain определяется как condensed moisture of the atmosphere falling in separate drops; snow — frozen vapour falling from the sky in soft, white flakes.

Денотативный характер значения обсуждаемых имен не вызывает сомнения, ибо денотат lightening 'молния' воспринимается исключительно органами зрения, представление thunder 'гром' — органами слуха, денотат имени wind 'ветер' формируется только осязанием, а у snow 'снег', rain 'дождь' номинаты отображают мокрое вещество в виде капель или снежинок, визуально воспринимаемое, тактильно осязаемое.

Материальный денотат, т. е. обозначаемая субстанция — *снег, дождь, ветер, гром* и т. п. как вещество — членим, «измеряется» минимальными его количествами (дозами проявления): ср.: a drop of rain, a flake of snow, a blast of wind, a roll of thunder, a flash of lightning; идеальный денотат, т. е. номинат, то представление, которое связывается с данным именем, — не дискретен и приближается по своему характеру, с одной стороны, к процессу, с другой, к веществу. Не случайно здесь манифестируются семантические отношения «части и целого», а в именах класса — «класс — член класса». Обращает на себя внимание содержание форм множественного числа, выражающее скорее не совокупность экземпляров, как это имеет место с именами класса, а разновидности, различные модификации обозначаемых явлений. Например: a table + a table + n table = many tables, a wind + a wind = various winds — различные ветра по направлению, по силе ветра. Не случайно в английском four winds означает четыре части света (4 car-

dinal points). Получается так, что явления природы физически, актуально дискретны, номинально их денотат недискретен, как любое вещество, естественное или искусственное. Тут мы подошли к 4, 5-му и 6-му семантическим разрядам конкретных имен, характер их знакового значения, несомненно, «смещен» больше в сторону сигнификативно-денотативного типа.

Семантические разряды (IV, V, VI) существительных объединяются единым признаком «неисчисляемость» и соответствуют именам совокупных множеств представителей людей, животного мира, названиям разных видов веществ (жидкие, твердые, вязкие, газообразные) и материалов. Еще А. А. Шахматов, выдвинувший термин «категория совокупности», распространял это понятие на все неисчисляемые существительные.

Уже по набору категориальных семантических признаков: «конкретность, неисчисляемость, одушевленность/неодушевленность, лицо/нелицо, вещество» можно судить, что так называемые собирательные имена представляют в каждом языке значительный, но очень слабо очерченный и подвижный пласт лексики.

Отличительной чертой собирательных имен является то, что они не подпадают под обычное грамматализованное противопоставление «единственное/множественное» число, на котором основывается числовая характеристика имен классов (a table — ед. ч., tables — мн. ч.). Тем самым имена собирательные стоят как бы вне категории числа. Этот «дефект» разные ученые предлагают преодолевать по-разному: одни ученые предлагают ввести особую категорию «собирательного числа», другие утверждают, что «множественное число манифестирует не совокупность предметов, а расчлененность совокупности» [Мартынов 1982, 101].

Что представляет собой категория «собирательности»? Понятие «собирательность» отображает конкретное множество однородных (типа *foliage* 'листва') и неоднородных (типа *poultry* 'домашняя птица: гуси, утки, куры и т. п.') предметов, животных, лиц; множество, не распадающееся в представлении носителей языка на дискретные единицы. В значении подобных имен признак «совокупного множества» явно преобладает над раздельностью логических признаков, его составляющих.

Категорию таких имен будет вернее назвать «совокупным множеством», хотя в этом сочетании налицо семантическая избыточность, так как понятие множества в логике определяется как «набор, совокупность каких-либо объектов, обладающих общим для всех их характеристическим свойством» [Кондаков 1971, 306]. Мы употребляем это описательное имя, чтобы противопоставить его «расчлененной, разделительной множественности» предметов, выражаемой в языке грамматической оппозицией «единичности/множественности» — «единственное/множественное число». Семный состав, формирующий знаковое значение так называемых собирательных имен, складывается из целого ряда признаков: сема совокупности, множественности, неопределенности, а у некоторых — оценки; ср.: в рус. яз.: *бабье, дурачье, солдатня, матросня* и т. п.; в англ.: *soldiery, the military* 'солдатня, солдафоны (грубое)'. Эти системные свойства предопределяют речевое употребление имен.

IV с е м а н т и ч е с к и й р а з р я д имен ограничен конфигурацией таких категориальных признаков, как «конкретность, одушевленность, неисчисляемость, лицо». Он представлен именами различных совокупностей (множеств)

людей, охарактеризованных по их социальной, политической, генетической, профессиональной и прочей общности. Значение таких имен более абстрактно, чем имен конкретных предметов; оно приближается по содержанию к именам номинальных классов. Имена «нерасчлененного множества» людей содержат в составе знакового значения минимум три семантических признака: 1) совокупность; 2) лиц; 3) спецификация этой совокупности.

Они обозначают следующие множества людей: а) социально-политическая характеристика совокупности лиц: *people, class, party, club* и т. п.; б) национально-родственные отношения в совокупности лиц: *nation, race, family, clan* и т. п.; в) совокупные множества военных и гражданских лиц: *army, division, column, regiment, unit, staff, cast, gang, crew, clique, crowd* и т. п.; г) торгово-производственные объединения людей: *cooperation, guild, company, concern, trust* и т. п.

Последняя группа имен обозначает не только и может быть не столько совокупность людей, сколько соответствующий финансовый, торговый и производственный статус этих объединений. Приближаются по значению к данным именам и такие, которые обозначают «смешанные» множества, комплексные понятия определенных учреждений, включая их штат, функции, установления и, окказионально, даже само помещение, ср.: *police* 'полиция', *militia* 'милиция' и т. п. Такие же комплексные понятия лежат в основе знакового значения собирательных имен, типа: *infantry* 'пехота', *cavalry* 'конница' и т. п., состоящие из суммы разнопорядковых признаков «совокупность военнослужащих и боевых средств данного рода войск», признаки, которые поочередно то реализуются, то нейтрализуются при использовании в речи.

Общеизвестно, что имя в единственном числе может обозначать множество, совокупность, а множественное число, наоборот, — единичный предмет. Асимметрия формы выражения и его содержания находит свое воплощение в так называемых *Pluralla tantum* типа: *forces, troops* 'войска', *armour* 'доспехи, бронетанковые войска'.

Имена *Singularia tantum* обозначают сложные предметы, вещества, людей, представляемые носителями языка как неделимые множества, например: *intelligentsia, aristocracy, autocracy, thievery* и т. п.

В семантический разряд представлен именами совокупностей однородных (*sheep, fish*) и неоднородных (*poultry, cattle*) особей животного мира.

В составе лексики, например, английского и русского языков имеются такие собирательные существительные, которые выступают в роли своеобразных квантификаторов, специализировавшихся на обозначении неопределенного множества особей естественных родов животного мира, ср.: *herd of cattle* — стадо скота; *flock of sheep* — отара овец; *pack of wolves* — стая волков; *swarm of bees* — рой пчел; *school of fish* — косяк рыб и т. п.

Именами неопределенно большого множества типа *crowd, pack, lot(s), band, gang, flock* и т. п. передается уже не идея множественности как категория числа, а множества как меры массы, скопления. Здесь мы подошли к так называемым вещественным существительным.

В семантический разряд предметных имен, ограниченный семантическими признаками «конкретность, неодушевленность, неисчисляемость, нелицо», представлен именами пищевых продуктов (*food, butter, sugar, bread*), материалов (*sand, gravel, stone*), ископаемых и металлов (*iron,*

silver, gold), жидкостей (water, oil, milk), газообразных, вязких, распыленных и эластичных веществ (gas, steam, wax, glue, dust, soot, rubber, gum и т. п.).

Имена веществ уже не являются собирательными, так как они обозначают не «делимое множество», совокупность дискретных единиц, а «делимую массу», поддающуюся не счету, а измерению. Ср., например, английские существительные, обозначающие одновременно и категорию множества, и категорию массы: *multitude* — множество, большое число, масса: в своем неосновном значении как *pack*, так и *crowd* выражают понятия и «множество», и «масса».

Незаметно, в рамках тех же логических (партитивных) отношений (целое, составленное из частей), характерных для «множества единичных предметов», складывается противоположный тип отношений «часть от целого», который манифестируется именами — квантификаторами массы, которые выполняют другую функцию — измерения, представления неподдающейся счету по элементарным единицам массы. Ср. в рус.: *копна сена, волос; стог соломы; пучок волос; узел тряпья; куча песку; кипа бумаг; поленища дров; букет цветов* и т. п.

У собирательных имен логико-семантическими отношениями, формирующими их знаковое значение, являются «составление, сбор совокупности из единичных предметов, лиц, животных», у вещественных имен — отношения обратные — «выделение (представление) части из неисчислимого целого», из массы. В лексике английского языка к этой категории слов относится довольно многочисленная группа имен: *bundle, packet, cluster, batch, bunch, parcel, bale, stack, shock, swath, heap, faggot, set, clump, assortment, wisp, truss, tuft, rick, sheaf, haystack* и т. п.

В основном эти количественные модификаторы носят специализированный характер, находясь на периферии основной оппозиции, столь строго соблюдаемой в английском языке — *much* (неисчисляемые) — *many* (исчисляемые), однако каждый из квантификаторов — многореферентен: так, ср., *cluster* означает 'кисть, гроздь, пучок, связка'; *bunch* 'связка, пучок, букет'; *wisp* 'клок (соломы, волос)' и т. п.

Значение как собирательных имен, так и количественных определителей носит сигнификативно-денотативный характер и в значительной мере обусловлено конкретной референцией подобных имен в синтагматике. Приведем в качестве примера и аргумента смысловой объем *pack*, своеобразно прономинализованного существительного, в котором оппозиция *much/many* — нейтрализована:

1) первые значения реализуют сему «упаковки вещей»: тюк, связка, узел, вьюк, пачка, пакет, кипа (*pack of books, pack of goods*). Имеет место специализация: кипа (товара) как его мера; снаряжение, выкладка, ранец в военном лексиконе;

2) второй семантический центр основан на референции *pack* к определенному множеству особей животного мира: «стая, свара» (*a pack of hounds, a pack of grouse*);

3) третий круг референции *pack* составляют имена второго семантического разряда — имен лиц: группа, кучка (людей) (*a pack of schoolgirls, a pack of thieves, moneyed pack* 'богачи');

4) четвертый круг референтных имен слова *pack* представлен абстрактными именами: *a pack of lies* 'сплошная ложь', *a pack of nonsense* 'сплош-

ная чушь'. Сдвиг в референции изменил и значение раск, в данном случае оно означает «множество», «непрерывность»;

5) сфера референции слова раск непомерно расширяется за счет употребления его в специализированных областях — в медицине, в строительном, горном деле, в металлургии, технике, торговле и т. п.

Подобно прономинализованным словам типа *вещь, факт, дело* и т. п., о которых В. В. Виноградов писал еще в 1947 г. [с. 324], рассмотренные существительные формируют в каждом языке имена неопределенно малого и большого множества, ср. в рус.: *куча песку, кипа бумаг, горсть орехов, щепотка соли, глоток воды, капля крови* и т. п. Такие лексические единицы называют иногда неопределенными кванторами.

Особенностью семантики слов типа раск является то, что знаковое значение, основанное на одном-единственном семантическом признаке — «неопределенной недискретной множественности», остается одним и тем же, меняется лишь круг референтных имен или просто терминируемая область. О подобных именах, непомерно широких по своей семантике, можно говорить как о словах, обладающих «референтной многозначностью» [Арутюнова 1976а, 330].

К именам с широким кругом референции, занимающим срединное положение между конкретной и абстрактной лексикой, примыкает группа имен, называемых в логике «имена с пустым денотатом», обозначающих ирреальные предметы, вернее конструкторы человеческой мысли типа *русалка, гном, дьявол, домовой, леший* и т. п. в русском, *angel, apostle, demon, demigod, centaur, devil, imp, pumprh* и др. в английском. Значением подобных имен является понятие, сформированное человеческой фантазией, эмпирическими сведениями и мифологическими представлениями. По характеру формирования своего знакового значения имена «ирреальных предметов» приближаются к именам номинальных классов, правда, значительно отличаются от последних по семантическому результату; имена номинальных классов в речевых актах имеют всегда реальные конкретные референты, предметы, лица, чего не могут иметь имена ирреальных предметов.

Абстрактные имена существительные

Прежде чем продолжать описание абстрактных имен существительных, остановимся на главном вопросе: действительно ли можно имена существительные резко разграничить на так называемые конкретные и абстрактные (отвлеченные)? Трудность разграничения имен существительных на конкретные и отвлеченные проистекает не только из-за недостаточной изученности и теоретической обоснованности, главным образом эта трудность проистекает из самой природы семантики слов, относящихся к данной части речи. Во-первых, несколько упрощенно определяется собственно лексическое значение этой категории слов, а именно: «Существительное — часть речи, характеризующаяся категориальным значением предметности» [Ахманова, 1966, 465].

Если подходить к описанию семантики характеризующих словесных знаков, т. е. рассматривать имена существительные, прилагательные, глагол только в рамках так называемых лексико-грамматических разрядов — частей речи, без обращения к характеру знакового значения, то можно, и то с большой натяжкой, констатировать, что имена существительные «характере-

ризуются категориальным значением предметности». Даже смешанная морфолого (словообразовательно-) - семантическая классификация имен существительных, предложенная в «Русской грамматике» 1980 г. издания, построена с учетом семантических категорий имен, характеризующих их знаковое значение — дискретность/недискретность денотативной основы значения, одушевленность/неодушевленность, собирательность/несобирательность, членимость/нечленимость и т. п. предмета обозначения, то есть денотата имен, преобладание понятийных (сигнификативных) признаков над чувственно воспринимаемыми (денотативными) в значении разных семантических категорий имен существительных и т. п.

Как можно было видеть из предшествующего описания различных семантических разрядов существительных, даже конкретная лексика содержит немало отдельных группировок имен, значение которых приближается к абстрактным (отвлеченным) существительным, т. е. к именам, обладающим сигнификативным характером их знакового значения. Достаточно для подтверждения сказанного лишь перечислить из разряда конкретных имена рода, национальности, профессий и т. п.; имена так называемых типичных номинальных классов: *последователь, коллега, член*; модально-оценочные имена лиц по отдельным их свойствам: *глупец, подлец, хвостун, дурак* и т. п.

Нижней границей конкретной лексики, примыкающей к абстрактным существительным, являются имена уникальных предметов, реалий, ситуаций, явлений природы и названия «ирреальных предметов». Поэтому ошибочно утверждение о том, что предикатные, безреферентные имена начинаются с глаголов и имен прилагательных как имеющих сугубо сигнификативный характер знакового значения; еще более ошибочна точка зрения, что все существительные обладают предметным значением.

Не разграничивает, хотя, несомненно, помогает адекватно разграничить лексику и такая дихотомия, как «идентифицирующая»/«предикатная»; лексика, обращенная к предметному, физическому миру, и значения, отображающие интеллектуальный, психический мир человека, его прагматическую и оценочную сферы деятельности; не всегда помогает выявить характер логико-предметного содержания, формирующего знаковое значение словесных знаков, и разграничение на имена естественных и искусственных родов, тем более, что зачастую бывает почти невозможно провести четкую границу между ними.

И тем не менее данные, полученные из логических штудий о естественном языке и из работ по семантическому синтаксису [Крипке 1982; Патнэм 1982; Арутюнова 1976а, 1980; Степанов 1980; Падучева 1982; Радзиевская 1981; Шатуновский 1982 и др.], несомненно, углубили описание семантических разрядов словесных знаков. Хотя работы указанного направления, предложенные в них дихотомии значительно помогают разграничить характеризующие словесные знаки, составляющие в любом языке основной корпус лексики, тем не менее семиологическое описание требует более подробного и детального различения и описания этой части лексики.

Ввиду того что язык понимается как семиотическая система особого рода с двойной структуриацией ее единиц в системе средств и в актуальной речи, то полное семиологическое описание характеризующих словесных знаков предполагает: 1) анализ семного состава виртуального словесного знака, определение его ономазиологического статуса (парадигматика); 2) анализ

характера семантической производности, определение направления производности и соотношения в последовательности денотативного/сигнификативного компонентов в семантике слова (эпидигматика); 3) анализ семного состава слов при их функционировании в речи, выявление их функционального статуса (синтагматика).

Возвращаясь к абстрактным (отвлеченным) именам существительным, необходимо прежде всего констатировать, что невозможно провести резкую грань между так называемой конкретной (денотативной) лексикой с денотативно-сигнификативным типом ее значения и отвлеченной лексикой с сигнификативно-денотативным и сугубо сигнификативным типом ее знакового значения. Семантика имен как с предметным, так и непредметным значением двучастна, т. е. в ней содержатся в разной «мере» и денотативные, и сигнификативные компоненты, позволяющие характеризующим словесным знакам свободно функционировать, приспосабливаться к коммуникативным задачам, реализуя каждый раз в речи то денотативные, то сигнификативные смы. Если подходить к абстрактным именам традиционно, то можно отметить, что все они действительно не обозначают предметы в буквальном смысле слова; отвлеченные имена обозначают различные понятия времени, меры, массы, веса, расстояния, понятия категорий предметного мира, географические реалии, астрономические и природные явления (части света, горизонт и т. п.). Значительное число отвлеченных имен в противоположность конкретным обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам его деятельности: *слова, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег* и т. п. [Русская грамматика 1980, I, 462].

По морфологической структуре первообразные отвлеченные имена типа *mind, reason, fear, grief, love* и т. п. составляют меньшую часть отвлеченной лексики в языке, подавляющее их число представлено различными номинализациями — отглагольными и отадъективными существительными, ср. суффиксальные образования в русском [Там же, с. 462—463] и английском, типа *sweetness, security, beauty, achievement, association, attention, apprehension* и т. п.

По характеру семантики отвлеченных существительных, т. е. имен свойств вещей, а не имен самих предметов и вещей, названий различных признаков, состояний, отношений, ситуаций, событий, свойственных многообразным сферам проявления человека, абстрактные существительные можно свести по характеру их знакового значения к трем основным группам.

1. Общие имена, десемантизованные существительные, своеобразные прономинализации типа *thing, case, fact* etc.

2. Имена родовых понятий мыслительных, физиологических, психических, социально-нравственных и прочих категорий, свойственных человеку и окружающим его объективному (материальному) и субъективному (идеальному) мирам. В своем подавляющем большинстве это — имена опредмеченных признаков (действий, свойств, состояний, процессов и т. п.): *feeling, movement, destiny, deafness, capacity, ability, kindness* и др.

3. Имена научных понятий — термины различных метаязыковых систем: *axiom, absolutism, poetry, antonym, sememe* и т. п.

Из числа отвлеченных имен существительных задержим свое внимание лишь на второй группе, состоящей не только из имен родовых, но и видовых понятий различных сфер непредметной деятельности человека, ибо общие

имена (1-я группа) — мало изученные, но часто иллюстрируемые типовыми примерами (вещь, дело и т. п.), требуют системного и детального обследования с целью установления их таксономии в разных языках; что касается имен третьей группы отвлеченных существительных, имен метаязыковых понятий, то это — предмет изучения отдельных наук, исследующих соответствующие терминируемые области.

Возвращаясь к абстрактным именам второй группы, следует отметить еще раз двучастный характер их семантики: несмотря на то что сигнификативные компоненты явно превалируют, тем не менее в них в ослабленной форме присутствуют и денотативные значения.

Рассмотрим для примера смысловую структуру нескольких отвлеченных имен в английском языке.

1) altruism: а) первое, основное значение (uncountable) определяется — the principle of considering the wellbeing of others first; б) второе (countable) — instance of this.

Абстрактное английское существительное *altruism* обозначает не только принцип интерперсонального отношения, но и единичный акт проявления такого отношения.

2) bequest: а) (uncountable) bequeathing; б) (countable) thing bequeathed.

3) bureaucracy: а) (uncountable) government by paid officials not elected by the people; б) (countable) this system of government; в) (countable) the officials as a body.

4) caution: а) (uncountable) taking care, paying attention (предосторожность); б) (countable) warning words (предостережение).

5) acquaintance: а) (uncountable) knowledge or information gained through experience; б) (countable) person whom one knows.

6) achievement: а) (uncountable) act of achieving; б) (countable) thing done successfully with effort and skill.

7) acquisition: а) (uncountable) gaining; б) (countable) person or thing gained.

8) attachment: а) (uncountable) act of being attached; б) (countable) something attached; в) (countable) — affection.

9) circulation: а) (uncountable) circulating; б) (uncountable) state of being circulated; в) (countable) number of copies of a newspaper sold to the public.

Проведенный анализ смысловых структур отвлеченных существительных по данным дефиниций словаря А. С. Хорнби [Hornby 1978] свидетельствует об определенной закономерности — совмещения в их смысловой структуре разных по степени абстракции лексико-семантических вариантов, образованных — один на сигнификативной, другой на денотативной основе логико-предметного содержания, формирующего разные значения данного существительного. Получается, что безреферентное употребление отвлеченных имен основывается на понятии недискретного (uncountable) свойства, состояния или установления; референтное же их употребление реализует денотативное значение, покоящееся на дискретном признаке исчисляемых референтов. Так, в приведенных отвлеченных именах их основному абстрактному значению противопоставляется денотативное, выражающее единичное проявление абстрактной сущности (состояния, свойства и т. п.), совокупность людей или индивидов, конкретные виды чувств и т. п.. Итак, основным

свидетельством в пользу сигнификативно-денотативного характера семантики абстрактных имен данной группы служит наличие в их смысловой структуре как сигнификативных, так и денотативных словозначений.

Заслуживают быть отмеченными своеобразные «непредметные» существительные, называемые часто «прономинализованными именами» [Виноградов 1947, 324]; а) общие имена типа: *thing* 'вещь', *fact* 'факт', *affair* 'дело' и т. п.; б) различные (полные и неполные) номинализации, ср. в английском отглагольные и отадъективные существительные (*verbal nouns, gerunds, participles*).

Остановимся кратко на характере семантики так называемых общесобытийных имен [Арутюнова 1976а; Радзиевская 1981].

В современном английском языке эта лексико-семантическая группа представлена следующими основными ее членами: *event* 'событие', *eventuality* 'случайность', *fact* 'факт', *occurrence* 'случай, происшествие', *incident* 'случай, происшествие, инцидент', *episode* 'эпизод, случай', *accident* 'случайность, катастрофа, авария', *affair* 'дело' (во мн. ч. занятия), 'роман, любовная история'.

Подобно абстрактным именам, обладающим сигнификативно-денотативным характером их смысловой структуры, общие имена, казалось бы, в высшей степени абстрактные, содержат в своей семантике и денотативные семы. «Денотативные ситуации, к которым относят общесобытийные имена могут отражать любые сферы действительности (природную, социальную и др.), однако соотносятся они обычно не с самой экстралингвистической ситуацией, а с ее описанием» [Радзиевская 1981, 6].

Общим именам присущи следующие характеристики: а) такие абстрактные имена способны выступать в качестве вторичных предикатов; б) как прономинализованные имена, они, подобно анафорическим элементам (ср. в англ.: *one, ones, it, so* и т. п.), способны формировать анафорические структуры; в) основной тип анафорических структур с подобными абстрактными именами представлен в основном сентенциональными анафорами со значением 'событие, происшествие, дело, факт' и т. п.; г) в границах рассматриваемой лексико-семантической группы, как, очевидно, и в любой другой ЛСГ непредметных имен, их семантика определяется друг через друга, ср.: *event* — something important that happens or has happened; *eventuality (ies)* — possible *events*; *incident* — *event*, esp. one of less importance than others; *episode* — one *event* in chain of *events*; *occurrence* — happening, *event*; *fact* — 1) something that has *happened* or been done; 2) something known to be true or accepted as true; *accident* — something that *happens* without a cause, usually something unfortunate.

Как можно заметить, something как квантор неопределенности, выражая категориальный, самый обобщенный признак дефиниции, свидетельствует об абстрактной сущности: «нечто важное», «нечто интересное» и т. п. Идентификатором членов ЛСГ является наиболее широкое по типу семантической структуры слово *event* 'событие'; кроме идентификатора *event*, в дефиниции указанных семантически схожих имен включаются различного рода прономинализации (*happening, known* и т. п.), обладающие также абстрактным типом семантики.

Крайним, наиболее абстрактным пластом лексики любого языка в семиологическом подклассе предметных имен являются научные термины, единицы различных метаязыковых систем, выражающие сугубо теоретические поня-

тия различных сфер интеллектуальной деятельности человека. Ср., какой ничтожно малый процент научных терминов выражается глагольными словами.

Итак, мы рассмотрели (с большей или меньшей степенью детализации) характер знакового значения имен различных семантических разрядов существительных как самый крупный семиологический подкласс характеризующих словесных знаков. Знаковое значение имен существительных представлено, прежде всего, прямым номинативным значением, так называемых полнозначных слов. «Под лексическим значением, — пишет С. Д. Кацнельсон, — мы имеем в виду значения полнозначных слов в отличие от слов неполнозначных „пустых“, несущих грамматическую функцию» [1972, 130]. Лексическое значение, противопоставленное семантике неполнозначных слов, выполняющих внутриструктурную и логическую функции, можно подвести под категорию «знакового», т. е. репрезентирующего экстралингвистические сущности, которые выражаются только назывными словами.

Фронтальное рассмотрение имен существительных по характеру их логико-предметного содержания, формирующего их собственно знаковое значение, которое варьируется в рамках от сугубо денотативного через денотативно-сигнификативное, сигнификативно-денотативное до сугубо абстрактного, сигнификативного характера их отражательной семантики.

В работе «Типы словесных знаков» [Уфимцева 1974] отмечалось, что основными параметрами, определяющими тип знакового значения имен существительных, являются три компонента, чередующихся в составе их логико-предметного содержания: 1) сигнификат — понятийный признак, понятие; 2) денотат — представление предметности, результат чувственных восприятий обозначаемого данным именем; 3) референт — конкретный реальный референт (предмет), манифестируемый в речевых актах, в высказываниях.

Различные комбинации указанных трех признаков, трех разных ипостасей предметов, явлений экстралингвистического (предметного и духовного, реального и воображаемого, конкретного и абстрактного) порядка и формируют различные семантические разряды имен существительных:

- 1) денотат + референт формируют знаковое значение специфицированной номенклатурной лексики — *бутсы, шиповки*;
- 2) денотат + сигнификат + референт по необходимости присутствуют в именах естественных классов и артефактов — *ягоды, грибы, дворец*;
- 3) денотат (недискретный) + сигнификат + референт цементируют знаковое значение имен разного вида веществ и не членимых на единицы масс — *металл, вода*;
- 4) сигнификат + денотат (совокупного недискретного множества) составляют логико-предметное содержание имен собирательных — *студенчество, мужичье*;
- 5) сигнификат + денотат + отсутствует реальный предмет — конфигурация, свойственная именам ирреальных предметов — *нимфа, гном*;
- 6) сигнификат + референт (экспонент) — свойственный именам номинальных классов, формирующимся по какому-нибудь одному понятийному признаку — *хвостун, холостяк*;
- 7) сигнификат + разовая его манифестация в речи — имена процессов, событий, действий, т. е. абстрактные имена существительные — *революция, угнетение, альтруизм* и т. п.;

8) в данном случае сигнификат (при отсутствии денотата и референта) составляет единственную основу имен метаязыковых понятий, научных терминов⁸ — *фонема, семантика* и т. п.

В заключение раздела следует отметить, что описание лексической семантики имен существительных через компоненты их знакового значения (через признаки «предметной/непредметной» сущности, наличия/отсутствия в их знаковом значении денотата и/или сигнификата, а в конкретном речевом акте — референта; превалирующая/непревалирующая роль денотативного или сигнификативного компонентов, детерминирующих семантику того или другого имени, расчлененный/нерасчлененный характер представления предмета обозначения и т. п.) позволяет рассмотреть как единое целое (виртуальный и актуальный) потенциальный и реальный аспекты полнозначного словесного знака; детальное изучение диалектического единства чувственно воспринимаемых и сугубо понятийных, в том числе категориальных онوماстиологических признаков, формирующих лексическое содержание различных по характеру внутренней организации своей семантики слов, помогает увидеть не только системные параметры, но и предугадать перспективу коммуникативного их назначения; предвидеть характер синтагматического распространения и направление семантической деривации слов.

Рассмотрение семантики имен существительных через компоненты их знакового значения показало, что далеко не все из них обладают предметным значением: его имеют лишь те существительные, которые являются первичными, вернее, первообразными наименованиями физических предметов, естественных родов животного и растительного мира, созданных человеком вещей и сооружений, явлений и реалий физического мира. Денотат подобных имен существительных включает такие признаки, как «вещественность», «материальность», «дискретность», «исчислимость/неисчислимость», «собираемость» и т. п. Подобные наименования формируют разряд конкретных существительных.

ПРИЗНАКОВЫЕ⁹ ИМЕНА КАК СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДКЛАСС ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ СЛОВ

Предварительные замечания. Семантика именных лексем, в которой находит свое отображение мир реально существующих классов объектов, естественных родов и искусственно созданных человеком вещей (конкретные существительные) или мыслимых предметов (фиктивных вещей), какими являются «опредмеченные» действия, процессы, свойства (абстрактные существительные), в корне отличается от знакового значения глагольных и адъективных лексем. Последние характеризуют не только внешний, но и внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру. Сложные взаимодействия познающих, действующих людей, их эмоциональные и эмпирические оценки, многообразие предметов и их свойств манифестируются в языке различными признаковыми именами — глаголами, прилагательными, наречиями.

Если лексическое значение имен существительных в своем подавляющем большинстве основывается на понятии «сущность», материальной или иде-

⁸ О типах знакового значения имен существительных см. [Уфимцева 1974, 115—116].

⁹ С. Д. Кацнельсон называет их «призначными» [1972, 133].

альной, т. е. сформированной языковыми средствами, выражающими предметность, и на логико-грамматической категории «субстанция», то в значении глагольных лексем отражаются действия, состояния, процессы — отношения, подпадающие под другую, не менее емкую логическую категорию — «признак». Поэтому не только в собственно логических, но и в лингвистических штудиях глагол и прилагательное объединяются в одну «лексическую категорию» — lexical category [Lakoff 1970, 10].

Понятие признака выражается в любом языке, где прослеживаются четко части речи, прилагательным, глаголом и его формами (причастием и деепричастием) и наречием. Как и в случае с существительным, соединяющим в своем категориальном значении понятия субстанции и предметности, в значении признаков частей речи сопрягаются два ряда категорий: в прилагательном — признак и качество, свойство, в глаголах — признак действия, состояния, выступающий в роли предиктируемого признака субстанции; причастие, деепричастие и наречие обозначают признак второй степени — понятие пространства, времени и других обстоятельств протекания действия, признаков, выражаемых особенно наречиями, последние обозначают признак признака. В итоге в естественном языке выделяется три разных категории «признаковости»: признак предмета, признак события, признак признака.

В частеречном значении, следовательно, совмещаются два ряда категорий: первый ряд — «предмет», «качество», «действие», «время», «пространство» и т. п. — категории, отражающие различные стороны объективной действительности и формирующие категориальное лексико-морфологическое значение части речи; второй ряд — мыслительные категории: «субстанция», «признак», более обобщенные и выражающие отношения между понятиями и представлениями в мысли, в речетворческом процессе, своеобразно предопределяющие рамки синтагматических связей словесных знаков, их синтаксическую совместимость/несовместимость в линейном ряду.

Однако индивидуальное лексическое (знаковое) значение характеризующих знаков, полнозначных слов не сводится ни к обобщенным лексическим категориям «предмет», «действие», «время» и т. п., ни тем более к чисто логическим категориям «субстанция», «признак».

Эти два вида разнопорядковых категорий, входя составной частью в значение полнозначных слов, своеобразно взаимодействуя, образуют специфический класс словесных знаков, обладающих как номинативной, так и синтагматической значимостью, способных характеризовать предметы, их свойства и отношения не только в виде статических категорий, понятий, но и в форме динамических суждений, и выполняют основную семиологическую функцию, осуществляя связь языка с мыслью, системы средств с реальными актами речи. С. Д. Кацнельсон так оценивал характеризующие знаки: «Краткое описание объекта, сохраняющее силу для любой ситуации — такова характерная особенность назывного слова» [1972, 145]. Очевидно, именно это свойство назывных слов имел в виду С. Д. Кацнельсон, когда говорил: «Основными дискретными единицами языка являются, в сущности, только полнозначные слова» [1972, 115].

О своеобразии и сложности лексического значения глаголов и прилагательных свидетельствуют многочисленные, часто взаимоисключающие исследовательские подходы и результаты, которыми богата история лингвистической науки.

Так, традиционное классическое языкознание, интерпретируя язык преимущественно как языковые средства нежели речетворческую деятельность, ограничивалось изучением глагольных слов в чисто морфологическом, словообразовательном аспектах, разграничивая глаголы по их содержательным функциям на полнозначные и вспомогательные.

Напротив, в современной лингвистике с ее гипертрофированным интересом к логическим аспектам функционирующего языка и речетворчества не разграничиваются глагольные, адъективные и прочие признаковые имена, а изучаются вкупе как семантические предикаты; не проводится различия между глаголом как структурно-номинативной единицей языковой системы и глаголом как предикатом — членом предложения.

В силу того что глаголы и прилагательные выражают отношения между понятиями не только по своему лексическому значению (номинативной ценности знаков), как это присуще, например, числительным, но и в зависимости от их роли в суждении и ракурса логических связей, предопределяющих модели семантической совместимости в синтагматическом ряду, в языковом сознании владеющих языком складываются определенные типы смысловых отношений на уровне обобщенных (в определенном смысле всеобщих, универсальных) лексических категорий, своеобразные «семантические оси» [Чейф 1975] — «предмет — действие» (агнс действия, объект действия, инструмент действия) и «предмет — его свойство» (качество предмета, принадлежность предмета и т. п.). Семантика словесных знаков, выражающих признак, складывается не только из номинативной ценности, но и из свернутой модели логических отношений двух понятий — «предмета» и «признака». С точки зрения характера знакового (базисного) значения и форм его языкового выражения существительные резко противостоят глаголам и прилагательным, особенно в плане «взаимодействия» денотативного и сигнификативного компонентов их вещественного значения.

Если в именных лексемах денотат и сигнификат (предметная и понятийная отнесенность слова) совмещаются в пределах одного словесного знака и находят выражение в различии и объеме смысловой структуры лексем, относящихся к различным семантическим разрядам, образуя однословную номинацию класса предметов, то в глагольных и адъективных лексемах, выражающих более абстрактную категорию — отношения, состояния, свойства и т. п., соотношение денотата (предметного представления) и сигнификата (понятийных признаков), а соответственно и плоскость их языкового экспонирования, совершенно иные.

Значение имен существительных, имеющих в своей основе понятие реальной или фиктивной (грамматической) предметности, носит абсолютный, семантически самодостаточный характер даже в тех случаях, когда они обозначают опредмеченный признак, ср.: *принципиальность, нежность, доброта* и т. п.

Представление признака через предметность складывается в языке в отвлечении этого признака от его носителей, как чего-либо существующего безотносительно к ним. «Все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических свойств опредмечено» [Пешковский 1938, 93]. Наоборот, семантика глагольных и адъективных лексем носит реляционный характер в силу того что в ее основе лежит понятие признака, который, как по логике вещей, так и по логике мышления, имплицитно некую субстанцию, предмет, которым он должен и может быть придан. Поэтому сама

структурная организация семантики адъективных и глагольных лексем, выражающих неполное, «незаконченное» понятие, скорее, отдельный признак — отношение или какое-либо другое свойство предмета, основанное на экспликации агентивных, комплиментарных и других семантических отношений, предопределяет и способ их языкового выражения — минимальные лексические синтагмы, реализующие основные типы семантико-логических моделей «агенса — его действие», «субъект — его состояние», «действие — его объект» и т. п. Подтверждением того, что эти основные типы смысловых моделей обусловлены, прежде всего, отношениями реальных предметов, лиц, явлений и их всевозможных признаков в объективной действительности и обобщены до уровня логических абстракций, носящих универсальный характер, является то, что такие «семантические оси» свойственны каждому языку и, своеобразно преломляясь, находят свое выражение в единицах разных уровней языка (лексематическом, лексико-семантическом, словообразовательном и синтаксическом).

Универсальным свойством лексического значения глагольных лексем является то, что каждый полнозначный глагол представляет собой потенциальную синтагму; в содержательном плане признаковое имя формирует свое знаковое значение: 1) в акте знакообразования, в номинации с учетом носителя (субъекта, объекта) данного признака; 2) при функционировании в речи, где оно дополнительно уточняется, конкретизируется и формирует тем самым круг сочетающихся с ним предметных имен. Неоспоримый факт языка — субъектно-предикатная структура — ядро пропозиции, универсальный языковой параметр. Те, кто видят источник «обрастания» глагольного слова содержательными валентностями исключительно в речевых актах и «заполнения» логико-грамматического предиката энным количеством мест без учета номинативной ценности глагола, без учета его лексического содержания, впадают в другую крайность, игнорируя тем самым его номинативный аспект, составляющий субстрат речемыслительной деятельности языка.

Общеизвестно, что основу элементарной пропозиционной структуры составляют, как правило, два элемента, терминируемые разными учеными по-разному: исходная точка — субъект/сообщение о нем — предикат, тема/рема, название/толкование, постоянный/переменный элементы, объясняемое/объясняющее, известное/новое и т. п.

Эти дихотомии объясняются самой природой человеческого познания, о которой А. А. Потебня писал: «При помощи слова совершается познание. Познание есть приведение в связь познаваемого (Б) с прежде познанным (А) ... Жизнь слова состоит в его употреблении, т. е. в применении к новым случаям» [1905, 19]. Это универсальное свойство языка и слова позднее еще яснее интерпретировал В. Скаличка: «... задача говорения — согласовать новую реальность с известной, т. е. с опытом. Средством для этого является представление новой реальности с помощью фиксированных образов. Говорение — есть сочетание языка с новой реальностью» [Skalička 1948]. Говорение, представление новой реальности через старую не может происходить без помощи фиксированных языковыми средствами представлений, чаще всего называемых элементарной или расчлененной номинацией. Семантика глагольного слова — не элементарна, а комплексна в том смысле, что она отображает не законченное, полное понятие о классе предметов, как это имеет место в предметных именах, а минимальные дискретные «кусочки

действительности», приближающиеся к элементарным ситуациям¹⁰ и событиям.

В отличие от имен существительных обозначаемое глагольным именем бывает часто сложным признаком с едва уловимыми контурами, чтобы его можно было легко назвать и воспроизвести с помощью однословного наименования. В глагольных лексемах, выражающих своим значением слишком обобщенный признак, понятие отношения, действия или состояния (ср. take 'брать', get 'получать', go 'ходить, ездить', live 'жить' и т. п.), как сигнификативные признаки содержательно слишком общи, а потому далеко семантически недостаточны для идентификации подобных глаголов; язык мудро распорядился восполнить абстрактные, отчужденные признаки, выражаемые глагольными, равно как и адъективными словами, семантикой предметных имен, выступающих в роли семантических актантов (предикандумов, по С. Д. Кацнельсону).

Без восполнения предикатного слова семантикой предметных имен невозможно опознать первые, так как они не «добирают» необходимого количества основных примет, чтобы быть содержательно идентифицированными в речи. «Все познается умом двумя способами: либо через сущность названия, либо через сущность вещи. Сущность вещи познается через ее основные признаки, известные уже прежде. Сущность названия познается через понимание того, что именно обозначает название, то есть в то мгновение, когда значение слова становится ясным уму»¹¹.

В противоположность глаголам с чрезвычайно обобщенным признаком, формирующим широкий объем их смыслового содержания (экстенционал), в каждом языке есть узкие, противоположные по характеру семантических признаков типы глагольных наименований. Так, элементарное английское наименование *to church* означает 'воздать публично (в церкви) молитву (о женщине-роженице) в благодарность за благополучный исход ее родов'. Этим глагольным именем называется целая церемониальная ситуация, предписанная положением церкви и принятая традицией. Приведенное для примера английское глагольное наименование иллюстрирует и другую очень распространенную для «лексикологических» языков, каким является английский, специфическую черту: наименование единичным словом целых ситуаций, развернутых событий; в наименование *to church* оказываются включенными почти все члены предложения: субъект (благополучно родившая женщина), предикат («воздать молитву», «помолиться», «прочсть молитву» и т. п.), обстоятельства, выражающие причинно-следственные отношения. Правда, таких наименований (*Omnibus verbs*) в английском небольшой процент. В обычных глагольных наименованиях, выражающих понятие события, отношения, процесса и т. п., сигнификативные (признаковые) и денотативные (предметные) семы разведены, а их семантическое взаимодействие как бы выносится за рамки глагольной лексемы в плоскость синтагматической связи глагола с семантически определяющими предметными именами. Соотнесенность глагольных лексем с предметными по самой своей сути и по семантическому результату номинации подобно самим предметам, раскрывающимся через их свойства и отношения, предполагает наличие смысло-

¹⁰ Невозможно не упомянуть новые идеи Ч. Филлмора о так называемой ситуативной семантике, распространяющиеся на все лексико-грамматические классы слов [Филлмор 1983].

¹¹ Слова В. Вакернагеля цит. по: [Шухардт 1950, 198—199].

вых связей глагола с предметными именами, манифестируемых субъектной и/или объектной направленностью глагольного действия, отношения и т. п.

При семиологическом описании глагольных слов имеет непреходящее значение диалектико-материалистический тезис о единстве познающего субъекта и познаваемого, преобразуемого объекта. Напомним логико-философское определение того и другого: «Объект — то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания и является предметом познания, практического воздействия» [Кондаков 1971, 350]; «Субъект — человек, познающий закономерности объективного мира и на этой основе преобразующий его» [Там же, с. 502]. Эти две противостоящие сферы в их единстве не могут не находить отражения в именах признаков, какими являются глагольные наименования.

Номинация глагольными лексемами происходит неизбежно с ориентацией на сферу субъекта и/или сферу объекта. Поэтому глагол как номинативная единица имеет каждый свою ономастиологическую формулу, раскрывающую его семантическую направленность на одну из двух указанных сфер. По сравнению с предметными именами, значение глагольных и адъективных лексем складывается из двух частей: из семантики собственно глагольного или адъективного имен и значения определяемого ими предметного имени.

В силу этого разграничение денотативного и сигнификативного компонентов знакового значения глагола осложнено тем, что в него «входит», прежде всего, модель субъектной или объектной направленности отношения, действия и т. п.; затем понятие конкретного признака, называемого данным глагольным именем; под денотат, помимо чувственно воспринимаемых свойств этого признака подпадает представление об объеме и характере семантических категорий предметных имен, семантически с ним совместимых, т. е. то, что в логике называется экстенционалом имени.

Поэтому по самой своей сути значение глагольных лексем раскрывается прежде всего в имплицитных синтагмах, способных по необходимости превратиться в эксплицитные, актуализованные, в которых признаковые и предметные имена, сочетаясь, предопределяют взаимно подлежащую актуализацию семантическую валентность данного глагола. Второе принципиальное положение при семиологическом анализе полнозначных словесных знаков — четкое отграничение лексической валентности от синтаксической, предопределяемой интенцией высказывания, «семантических актантов» глагола от «синтаксических его актантов».

Глагольные лексемы являются такими номинативными единицами, в значении которых фиксируются и закрепляются разные по своему содержанию семантические признаки, всевозможные ракурсы связей глагольного «действия», «состояния» и т. п. с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им. Эти различные ракурсы отношений между понятиями, а следовательно, и между самими предметами и их свойствами закрепляются соответствующими наименованиями и выражаются свободными сочетаниями признаков имен с предметными. В результате складываются свободные минимальные синтагмы, формально и содержательно мотивированные системой; члены таких синтагм семантически актуализируют (конкретизируют) свои значения относительно друг друга. Поэтому минимальные лексические синтагмы служат основным языковым средством выражения лексического значения слов. Синтагмы типа *читать книгу*, *писать письмо* и т. п. являются свободными, а их члены — признаковое и пред-

метное имена, реализуют свои значения относительно друг друга, непосредственно через свои прямые номинативные значения, которые являются достаточными для идентификации обозначаемого ими «кусочка действительности». В приведенных выше синтагмах наречение имени признаку дано относительно сферы объекта, на который направлено это действие, в то время как глагольные имена *жить, спать, ходить, лаять* и т. п. имплицитно соотносят данные признакам субъекты, которые испытывают данные состояния или совершают данные действия.

Универсальной чертой языка является, таким образом, непереносное выражение грамматическими и/или лексическими средствами двух главных логико-грамматических категорий — «сферы субъекта действия, состояния» и «сферы объекта действия». Отношение и семантическая направленность признакового слова к той или другой сфере предопределяет содержательную и формальную валентность (совместимость, сочетаемость в линейном ряду) данного глагола.

Эти универсальные связи глагольного имени с предметными именами были объектом многочисленных синтаксических теорий: достаточно упомянуть традиционное разделение членов предложения на главные и второстепенные; теорию Теньера, разграничивающего члены предложения по силе семантической связи на актанты и сирконстанты.

Совершенно на другой основе, на идее содержательной типологии языка, подошел к анализу «глагольного узла» С. Д. Кацнельсон. Интерпретируя природу языкового содержания как тесное взаимодействие категорий предметного мира, логического мышления, прагматических и лексических значений, С. Д. Кацнельсон предложил рассматривать логическую формулу сочетающихся с предикатом предметных имен «предикат и его аргументы, места» как связь «предиката с его предикандумами», что позволило ему отграничить содержательные валентности от формальных, т. е. семантические (лексические) актанты глагола от грамматических (синтаксических), глубинные от поверхностных. «Валентные свойства предиката, реализующиеся в предложении, в самом предикате даны в виде „мест“ (разрядка наша. — А. У.), подлежащих заполнению „пробелов“. Каждый предикат как бы открывает „вакансии“ для замещающих эти „вакансии“ предикандумов» [1972, 177]. Под понятием «предикандум» С. Д. Кацнельсон понимает субстанциональные значения, выражаемые, как правило, именами существительными, которые эксплицируются и вскрываются с помощью предикатов. Тот факт, что субъект подводится под категорию «предикандума» вместе с объектом и оценивается наравне с последним как содержательное дополнение к предикату, говорит за то, что это «семантическое восполнение» предикатного слова задано ему самим актом номинации. Следовательно, номинацией в определенной мере предписываются актантные «пустые места», которые по-разному заполняются на уровне предложения.

Нами уже высказывалась мысль о том [Уфимцева 1974], что номинативная и синтагматическая ценность характеризующих словесных знаков составляют диалектическое единство в формировании их знакового значения, взаимодействуя и предопределяя друг друга.

Номинативная ценность слова, когда оно рассматривается синхронно, статически, несводима к тому первоначальному номинативному (первообразному) значению, которое формирует данный словесный знак; в номинативную значимость слова составной ее частью входит и все то, что возни-

кает и закрепляется за словом в результате его повторяющейся реализации в конкретных речевых актах и хранится обобщенно в виде семантической структуры данного слова, составляя его содержательный аспект, называемый разными учеными по-разному: «смысловая структура слова», «семантема», «полисемантия», «значимая сторона слова» и т. п. Но вернемся к понятию «предикандумов». Развивая идею о предикандумах как «смысловых дополнителях» глагольного слова, С. Д. Кацнельсон подводил под это многолокое языковое явление: 1) места при предикате, 2) круг синтаксических функций, 3) содержательную валентность предиката [1972].

Фактически предикандумы как субстанциональные «восполнители» предиката есть и то, и другое и третье; это — разные аспекты одной и той же сущности, называемые по-разному: с логической точки зрения — аргументы, «места» при предикате, с чисто семиотической — денотативный (субстанциональный) компонент знакового значения, восполняющий семантическую недостаточность признакового (сигнификативного) слова; с лексической — распространители лексической семантики предикатного слова, очерчивающие круг его референции и содержательной валентности; в плане синтаксиса — манифестанты формальной валентности и синтаксических позиций, уточняемых и конкретизируемых в каждом высказывании новыми переменными в зависимости от интенции и модуса высказывания и даже от эмпатии говорящего.

Итак, следует отметить, что С. Д. Кацнельсон, смоделировав язык относительно «познающего субъекта и сферы познаваемых объектов», отображаемых в системе средств, с учетом «говорящего и воспринимающего язык в речи», имея в виду не столько комбинаторику слов, сколько взаимодействие в системе языка и речи их различных (категориальных и эмпирических, базисных и производных, лексических и грамматических, экстралингвистических и внутрисистемных) значений, ближе всех подошел к «разгадке» бесконечно дискутируемых вопросов перевода системных средств в речевые единицы.

В заключение обсуждения основных вопросов, связанных с глагольной семантикой, необходимо перечислить исходные посылки, формирующие как содержательные, так и методические понятия и приемы описания знакового значения конкретных глагольных лексем.

1. Учет и разграничение универсальных и идиоэтнических характеристик (свойств) глагольной лексики. К числу последних следует отнести, прежде всего, способы номинации и синтаксическую деривацию.

2. Четкое разграничение и соответственно описание глагольного слова как номинативной и структурной единицы языковой системы (номинативная значимость), с одной стороны, как предикативного члена предложения в актуальной речи (функциональная значимость), с другой.

3. Анализ лексического значения глагольных лексем на предмет определения денотативных и сигнификативных компонентов в их знаковом значении. Для этого необходимо провести ономаσιологический анализ, т. е. соотнести данное наименование, через его значение, с объективной действительностью (с предметным, физическим миром для глаголов с субстанциональным, предметным типом знакового значения, с миром понятий — для несубстанциональных глаголов). Описать логико-предметное содержание, формирующее знаковое значение, по конфигурации семного состава глаголов. Установить на основе анализа семного состава, что включено

в предмет наименования: только основной (элементарный / неэлементарный) глагольный признак (действие, состояние, движение и т. п.) или сопутствующие ему признаки (манера, цель и другие эмпирические признаки).

4. Известно, что обязательным компонентом лексического значения особенно глагольных наименований является ракурс логико-семантических связей обозначаемых признаков и предметов, как они складываются в предметном или идеализированном (отображенном в языке) мирах. Описание знакового значения следует начинать, по нашему убеждению, с установления ономастологической формулы семантической направленности глагольного наименования на сферу субъекта и/или объекта действия.

5. Описание конфигурации семного состава глагольных слов в их прямом номинативном значении — один из основных и необходимых этапов в изучении их семиологического аспекта.

Именно выявление как обобщенных, так и эмпирических признаков, включенных в глагольную номинацию, способствует определению не только структуры семного состава исследуемых единиц, но и их внешней, синтаксической валентности.

6. Описание объема и характера предикандумов — предметных имен, восполняющих конкретное содержание глагольных лексем, влияющих / не влияющих на лексическое значение последних — необходимое условие семиологического исследования различных по характеру своей семантики глаголов.

Специфика непроемных глагольных наименований в современном английском языке

[Универсальной чертой индоевропейских языков вообще, английского в особенности, является то, что глагольные, т. е. признаковые имена отчетливо противостоят по характеру и структурной организации своей семантики именам предметным, выражаемым в подавляющем большинстве именами существительными. Каким бы абстрактным ни было понятие, обозначаемое предметным именем, значение последнего автосеманлично и самодостаточно. Напротив, глагольное имя, называющее не предметы (лица, явления и т. п.), а лишь соотносимые с ними признаки (действие, состояние, движение и т. п.), всегда релятивно: оно задается непременно относительно тех или иных предметов, явлений, которые по логике вещей выступают в роли агенса действия, субъекта, находящегося в том или ином состоянии, или относительно предметов и лиц, испытывающих данное отношение, действие на себе. Более того, многообразные ракурсы связей и отношений, обозначаемые глагольными именами, характеризуются относительно других предметных свойств: среды и способа протекания, темпа и направления действия, манеры и места его исполнения. Именно эти логико-предметные связи и отношения Ю. Н. Караулов назвал «логико-семантическими» отношениями, не в последнюю очередь формирующими лексическое значение соответствующих единиц.

В силу этого прямое номинативное, как и переносные значения глаголов, имплицитные агентивные, комплементарные, инструментальные и прочие отношения обозначаемого действия (как признака к предмету), имеют и соответствующую форму языкового выражения, а именно минимальные лексические синтагмы (свободные и несвободные сочетания слов), мани-

фестирующие основные типы отношений вещей, лиц и их признаков в предметном мире (агенса действия, субъект состояния, результат, цель, инструмент действия и т. п.). Именно эти обобщенные категории и их отношения, свойственные объективному миру, и потому универсальные, лежат в основе разнообразной по видам глагольной номинации.

Конечно, разнообразие лексических наименований обусловлено в каждом языке не только тем, что (какое понятие, представление) подлежит наименованию, т. е. вычленению из окружающей действительности, но и тем, как (какими языковыми средствами) оно обозначается и манифестируется в конкретном языке.

Общеизвестно, что наименования словом варьируются в зависимости от степени (непосредственной и опосредованной) соотношенности с обозначаемым предметом наименования и бывают: прямые, переносные, косвенные; по составу средств обозначения наименования могут быть корневыми (непроизводными), производными однословными [Кубрякова 1977, 1981], расчлененными (несколькословными) относительно свободными или фразеологически связанными [Телия 1977, 1981].

В системе лексики современного английского языка однословные непроизводные глагольные наименования, представляющие собой морфологически и семантически немотивированные знаки и с трудом поддающиеся описанию, составляют значительный процент и представлены двумя видами номинаций: собственно лексической, т. е. корневыми наименованиями, типа *to walk* 'идти пешком', *to eat* 'есть, принимать пищу', *to sleep* 'спать' и т. д. и лексикограмматической, т. е. наименованиями, образованными по семантической транспозиции, покоящейся исключительно на логических связях, возможных между представлениями предмета как некоей субстанции и предметного действия, например: *brand* 'выжженное клеймо', *to brand* 'клеить'; *map* 'карта', *to map* 'картировать, представлять на карте', *schedule* 'расписание', *to schedule* 'составлять расписание' [Уфимцева 1968, 120—150].

При изучении однословной непроизводной номинации основным направлением анализа может быть семиологический, знаковый подход, т. е. анализ словесного знака в плане соотношенности двух его сторон: дискретности/недискретности, элементарности/неэлементарности, денотативности/сигнификативности означаемого, расчлененности/нерасчлененности означаемого.

Наименования, образованные по семантической транспозиции, могут быть содержательно интерпретированы исключительно по типу смысловых моделей, которые раскрывают частеречные категории транспонированных имен и направленность семантических отношений, между прочим, не всегда легко восстанавливаемую, обозначаемых ими понятий в границах моделей конверсированных пар и целых цепочек. Кстати, полное обследование словаря современного английского языка («*The New Elizabethan Reference Dictionary*») позволило выявить 140 видов моделей смысловых отношений слов, находящихся друг с другом в состоянии семантической транспозиции, в которых глаголы являются как исходными, так и конечными единицами данного процесса [Уфимцева 1968, 123—124]. Классификационными признаками однословных непроизводных глагольных наименований в английском языке являются следующие:

1) номинативная значимость, т. е. особенность индивидуального прямого номинативного значения глагольной лексики; именно это свойство составляет предмет анализа понятийной (сигнификата) и предметной (денотата)

отнесенности формы словесного знака, формирующих основу его лексического (вещественного) значения;

2) синтагматическая значимость глагола, раскрывающая наряду с синтаксическими моделями модели смысловых связей обозначаемого глаголом действия (отношения, процесса, состояния и т. п.) с его семантическими (предметными) «восполнителями», предикандумами, предопределяющими как семантические, так и синтаксические его актанты;

3) характер ономаσιологической модели субъектно-объектной ориентации действия, отношения, задаваемых не только изначальной номинацией, но и меняющихся в связи с расширением семантического объема глагольного слова в процессе исторического развития и становления его смысловой структуры;

4) особенности номинации, включающей или не включающей в наименование сопутствующие глагольному действию признаки, так называемые семантические его распространители (объект действия, манера, инструмент действия и т. п.).

Совокупность таких факторов, детерминирующих форму, содержание, тип знакового значения, как а) предметно-понятийное содержание, б) формула объектно-субъектной семантической направленности глагольного имени, в) скрытая (имплицитная) или явная внешняя (эксплицитная) форма манифестации семантического распространения значения глагола, создает почти неограниченные возможности и разнообразие видов корневых глагольных наименований в лексической и лексико-семантической системе современного английского языка.

Первичные (корневые) глагольные наименования (включая так называемые конвертированные глаголы), насчитывающие в составе лексики современного английского языка по данным крупных словарей более 6000, делятся по характеру связи означаемого с означающим на два совершенно непропорциональных разряда:

1) немногочисленные наименования с определенной мотивированностью связи значения и обозначения, так называемые звукоподражательные¹² имена типа: *to tumble* 'бормотать', *to growl* 'рычать', *to clatter* 'греть' и т. п.;

2) многочисленные глагольные наименования с произвольной связью означающего с означаемым, образованные по признаку¹³.

Различие звукоподражательных глагольных наименований и имен, образованных по признаку, состоит еще и в том, что так называемые ономастопозитические слова возникают как результат восприятия, звукоподражательный элемент в качестве номинативного признака ощущается на протяжении всей истории слова; наименование по признаку — результат мыслительного анализа, в них быстро утрачивается номинативный признак и может быть восстановлен лишь при тщательных этимологических поисках [Серебренников 1977, 181—182].

Лексическое значение глагольных лексем в целом имеет своеобразную форму языкового выражения.

¹² «Звукоподражательность является отношением элементов означаемого и означающего, базирующимся на соотносительности их свойств», — писал В. Скаличка [1967, с. 281].

¹³ Мы следуем взглядам Б. А. Серебренникова, четко противопоставившего эти два способа наименований [Языковая номинация, 1977а, с. 159, и 173].

1. Потенциальные синтагмы, какими являются виртуальные глагольные слова в системе языковых средств, в которых восполняющие семантику глагола предметные имена выступают в виде семантического фона, своеобразных пресуппозиций, сформированных у носителей языка в результате предшествующего опыта и эмпирических знаний при акте первичной номинации, наконец, в виде соответствующих «вакантных мест», предиката реализуемых в конкретных актах речи.

2. Реальные «полуавтоматизированные» лексические синтагмы в речи, члены которых, семантически расчлняя друг друга, формируют разные по степени устойчивости сочетания слов, которые, свободно вычлняясь из речевых единиц, имеют автономное существование как относительно актуализованные словесные знаки в лексико-семантической системе языка. Поэтому бесчисленные (трудно исчисляемые) словосочетания, начиная от свободных, кончая фразеологически связанными, есть в действительности «строительный материал», «полуфабрикат», подготовленный для воспроизведения и использования его в речи в нужном ракурсе и направлении. В естественных языках вообще, в «лексикологических», каким является английский язык, в особенности, имеется огромное количество морфологически и семантически немотивированных глагольных наименований, последние предопределены лишь ономазиологическими моделями, указывающими на сферу субъекта (субъектные глагольные наименования) и на сферу объекта (объектные глаголы), или на ту и другую одновременно, формирующие широкие по смысловой структуре двунаправленные глагольные наименования, в которых «уживаются» как субъектные, так и объектные лексико-семантические варианты.

3. Наиболее специфическими и в этом смысле идеознтическими являются глагольные наименования действий, отношений и т. п. с включенными признаками, сопутствующими основному поименованному действию, или так называемыми признаками второго порядка.

Способы и особенно конфигурация семантических признаков, вычлняяемая носителями языка и подлежащая наименованию, являются действительно тем идиоматичным свойством, которое разнообразит и различает лексический состав одного языка от другого. Так, английские объектные глаголы *to woo* 'ухаживать за девушкой', *to seduce* 'соблазнять' включают скрыто в наименование семантический (внутренний), а не синтаксический (внешний) объект — «лицо женского пола». В то время как в русском языке наименования соответствующих понятий выражены по-иному: первое обозначено фразеологическим сочетанием «добиваться руки», а второе (*соблазнять*) может иметь в качестве объекта и лицо мужского пола.

Другой пример. Английские антропонимические глаголы *to frequent* 'часто-посещать что-либо, навещать кого-либо' и *to stride* 'широко шагать' включают в наименование помимо основного глагольного признака второстепенные — «манера» (частотность), способ действия.

В русском языке первому соответствует фразеологизм *быть завсегдаем*, второму — расчлененные наименования: *широко шагать, идти широким шагом*. Таким образом, в плане выражения английские глагольные наименования синтетичны, русские — аналитичны.

Для глагольных слов субъект и объект отношения, действия и т. п., т. е. его предикандумы поэтому выступают в роли семантических (глубинных) актантов, являясь необходимым системным контекстом, заданным их номи-

нативной значимостью, в то время как синтаксические актанты и сирконстанты задаются реальными актами речи, сообразно синтагматической значимости глагола и условиям конкретного коммуникативного задания, реализуя по-разному в различных синтаксических (поверхностных) структурах речевых единиц.

4. Универсальной чертой глагольных наименований, отмеченной лингвистами и логиками давно, является семантическая связь и направленность содержательных отношений глагольного признака к сфере субъекта или/и объекта, фиксируемая номинативным статусом и называемая разными учеными по-разному. В русской лингвистической традиции связь субъекта, объекта и глагольного действия, рассматриваемая исключительно с логико-грамматической точки зрения, интерпретировалась как чисто залоговая связь, достаточно отметить наличие в традиционной грамматике русского языка около полутора десятков видов залога: безобъектный, взаимно-возвратный, взаимный, возвратный, интенсивно-безобъектный, общий, медиальный, действительный, страдательный и др. [Ахманова 1966, 152—153].

А. А. Шахматов, например, писал: «Формами залога выражается или только отношение субъекта и объекта действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом» [1927, 61—62].

По-разному интерпретируется и введенное позднее понятие диатезы, охватывающее содержательно, примерно одно и то же языковое явление. Так, Ю. С. Степанов, подходя с точки зрения семантического содержания «диатезных» отношений, так определяет это понятие: «Диатеза в языке предполагает раз данную естественную связь явлений — действия и его субъекта — в действительности» [1976б, 415]. Другие диатезой называют «конфигурацию слова — предиката с его синтаксическими актантами» [Циммерман 1978, 71—79]¹⁴.

Рассмотрение субъектно-объектных связей глагола с сугубо синтаксической точки зрения оставляет в тени содержательную (лексическую) валентность глагольного имени, в то время как именно лексическая сочетаемость (семантическая совместимость/несовместимость) накладывает чаще ограничения на синтаксическую сочетаемость, чем синтаксическая на лексическую.

И. И. Мещанинов писал, что «дополнение при глаголе становится не только его грамматической, но и лексической характеристикой» и называл его «дополнением связанного типа» [1948].

На лексический характер семантических отношений глаголов с предметными именами указывал В. Порциг [Porzig 1934], который называл этот тип смысловых связей в противоположность парадигматическим в границах поля — «сущностными отношениями значений» (*wesenhafte Bedeutungsbeziehungen*). Ныне в терминах генеративной лингвистики эти отношения интерпретируются то как лексические пресуппозиции [Lehmann 1974], то как «семантические оси» [Чейф 1975], а в более широком понимании, особенно в семантическом синтаксисе, соотносятся с понятием «глубинных падежей» Ч. Филлмора [Fillmore 1968а, б] или «глагольным узлом» в теории Теньера [Tesnière 1959].

¹⁴ В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо отношение субъекта «к действию, выражаемому глаголом, соответственно тому, совершает ли он действие или подвергается ему» названо диатезой [Марузо 1960, 93].

Возвращаясь к характеру номинации неизменяемыми глагольными словами в современном английском языке, следует отметить, что их классификация по субъектной и объектной сферам наименования может быть кратко представлена следующим образом.

I. Первичные глагольные однонаправленные наименования с узкой семантикой:

а) односубъектные, типа to bray (об осле), to neigh (о лошади), to ponder (о человеке), to snore (о человеке), to snort (о животных);

б) несколькосубъектные — to tinkle 'звенеть (о колокольчике)', 'хрустеть (о снеге)', 'бренчать на струнном инструменте (о человеке)', to live, to die, to tremble (о людях, животных, растениях, предметах);

в) однообъектные — to flatter 'льстить', to marry 'жениться', to rape 'обесчестить (женщину)';

г) несколькообъектные — to expect 'ожидать', to ignore 'игнорировать'.

II. Глагольные наименования с широкой, мало дифференцированной семантикой (двунаправленные):

а) субъектно-объектные наименования — to fall, to splutter, to crumple, to fly, to drive, to sail и т. п.;

б) объектно-субъектные наименования типа to break, to shake, to halt и т. п.;

в) двунаправленные с повышенной семантической переходностью типа to take, to put, to set, to make и др.

III. Глагольные наименования, включающие в номинацию, помимо назывных сем, дейктические, т. е. признаки относительного указания, типа to arrive 'прибывать, приезжать', depart 'уезжать, отбывать', to come 'приходить, приезжать', to go 'уходить, уезжать' и др. В отличие от родственного немецкого языка, в котором относительное указание (как и в русском) четко выражается словообразовательными морфемами: в немецком отделяемыми приставками heraus/hinaus, herein/hinein, herunter/hinunter и т. д., в русском — приставками, обозначающими «приближение», — *приходить, приезжать, прибывать*, «удаление» и т. п. — *отъезжать, отбывать, удаляться, уходить* и т. п., в английском языке дейктическое указание включается в первичную номинацию. Вследствие этого глагольные наименования с включенными в них дейктическими семами образуют в английском языке чисто лексико-семантические, а не морфолого-лексические словообразовательные группировки, как в русском или немецком языках.

Ср. лексико-семантические группы глаголов направленного движения в современном английском языке: а) глаголов удаления (of going) — to go, to leave, to depart, to retire, to retreat, to quit; б) глаголов приближения (of coming) to come, to arrive, to reach, to near, to approach; в) глаголов, обозначающих подъем (of rising) — to rise, to ascend, to mount, to climb, to soar; г) глаголов, обозначающих спуск (of descending) — to descend, to alight, to dismount.

В разной степени детализации, выражаемая различными языковыми средствами категориальная оппозиция сферы субъекта и объекта наличествует во всех языках, являясь их универсальной чертой. Естественно, в лексикологических языках с наименьшей степенью формальной и содержательной мотивированности их лексики оппозиция глагольных признаков по сфере субъекта и сфере объекта всецело манифестируется самими корневыми глагольными наименованиями: так, на основе критерия субъектно-объектной

локализации, например, направленного движения, обозначаемого английскими и немецкими глаголами, было выделено [Филатова 1978] 12 лексико-семантических групп, поименованных по сфере субъекта движения, и столько же — по сфере объекта: приближение/удаление — субъекта/объекта; вход/выход — субъекта/объекта; предшествование/следование — субъекта/объекта (за объектом); сближение/расхождение, продвижение/отступление субъектов/объектов и т. п.

В русском языке, как в высшей степени флективном, оппозиция по семантическим сферам объекта и субъекта глагольного признака выражается при помощи внутренней или внешней флексии; ср., например, русские глагольные наименования, противопоставленные по сфере объекта и субъекта действия: *чернить/чернеть(ся)*, *синить/синеть(ся)*, *белишь/белеть(ся)*, *греть/греться*, *радовать/радоваться*, *испугать/испугаться* и т. п.

IV. Широко распространенным и чрезвычайно своеобразным способом образования элементарных, формально непроемчивых глагольных наименований в современном английском языке служит семантическая транспозиция, называемая иногда конверсией. Наличие в английском языке, как сугубо аналитическом, факта формального неразграничения большого корпуса словарных единиц (около 7000), относящихся к основным частям речи, способствовало и предопределило их довольно легкую, хотя и нормированную определенным типом смысловых моделей «транспозицию» одной части речи в другую. Только незначительное число омонимов на уровне частей речи, в том числе глаголов, являются результатом исторического преобразования фонологического и фономорфологического характера, например, древнеанглийское имя существительное *blostma* и корреспондирующий глагол *blostmian* обрели соответственно одну и ту же форму — *blossom* 'цвести, цвет'. Что касается основной массы транспонированных единиц, то никакие исторические экскурсы не в состоянии объяснить сущность и типы существующих смысловых отношений в этой большой группе омонимичных словесных знаков в лексике современного английского языка. А. И. Смирницкий писал о характере соотносительных связей лексем, находящихся в отношении семантической транспозиции, следующее: «... слова, сопоставляющиеся по конверсии, связаны внутренней семантикой и морфологически не различаются как основное и производное, так как их основы одинаковы, и только определенная дифференциация их семантического строения может указать на основу слова и его производное» [1958, 24]. Явление семантической транспозиции с последующим различием как в морфологической парадигме, так и в синтаксических позициях, следует интерпретировать как безаффиксальное средство наименования. Е. С. Кубрякова определяет его следующим образом: «Суть процесса (семантической транспозиции. — А. У.) заключается не в расширении и не в сужении основы, а в ее переосмыслении, в повороте производящей основы, в рассмотрении ее под новым углом зрения» [1977, 290].

Семантическая транспозиция не есть перевод одной лексико-грамматической категории в другую, это видение и представление основы, то как предмета, то как действия; основа как своеобразная формальная и содержательная архилексема позволяет воспринимать семантику предметного имени через призму признака, обозначенного производным или исходным глагольным наименованием.

Безаффиксальный способ создания новых наименований (по семантиче-

ской транспозиции) представляет собой структуры с разной степенью мотивированности, образованные по строго определенным логико-семантическим моделям; в итоге часто создаются мало мотивированные и непредсказуемые конкретные значения, детерминированные ракурсом логических (предметных) связей в рамках той или другой категориальной семантической модели. В реально функционирующем языке эти омонимичные по частеречному значению формы разграничиваются исключительно их морфологической парадигмой и синтаксической позицией в предложении. Категориальной моделью смысловых отношений является модель, в которой предметные и признаковые имена находятся в отношении семантической транспозиции. Модель, члены которой представлены разными частями речи, можно назвать транспозиционной, а наполнение ее конкретными лексическими единицами, формирующее ракурс смысловых отношений ее членов — конкретным словообразовательным, транспозиционным значением.

Так, транспозиционная модель $N - V_t$ (имя существительное — переходный глагол) имеет следующие транспозиционные значения:

1. Создавать, производить предмет: forest 'лес', to forest 'сажать лес'; plant 'растение', to plant 'сажать растение'; terrace 'терраса', to terrace 'делая террасу' и т. п.

2. Дискретное количество вещества, людей и действие по их дискретизации: sheaf 'сноп', to sheaf 'вязать в снопы'; stack 'стор', to stack 'складывать в стога'; regiment 'полк', to regiment 'формировать полк'.

3. Выражение, графическая репрезентация и действие, ее создающее: note 'запись, заметка', to note 'делать заметки'; pattern 'рисунок', to pattern 'делать рисунок'; speckle 'пятно', to speckle 'покрывать пятнами'.

Следовательно, транспозиционная модель $N - V_t$ «сделать, создать обозначенное N», конкретизируясь, создает множество признаков имен с данным ракурсом логических связей между существительным и соответствующими глаголами.

В лексико-семантической системе английского языка этот способ образования очень продуктивен: более 7000 широко употребительных лексем современного английского языка составляют соотносительные ряды, включающие от двух до шести членов в каждой, например:

$V_t^{15} - N$ — defeat (поражать, поражение);

$V_t - V_i - N$ — Shape (придавать форму, принимать форму, форма);

$V_t - V_i - N - A$ — suspect (подозревать, быть под подозрением, подозрение, подозреваемый).

Всевозможных, допускаемых логикой вещей и структурой языка, транспозиционных смысловых моделей насчитывается в английском около 140, каждая со своим числом единиц, подпадающих под данную модель.

Наиболее емкими являются модели $N - V_t$ (1113 ед.), $A - N$ (989 ед.), $V_t - N$ (338 ед.), $N - V_t - V_i$ (431 ед.), $V_t - V_i - N$ (476 ед.); более чем 10 шести моделям соотносятся лишь единичные лексемы, например, по модели Adv. — Prep. — A — $V_t - V_i - N$ — down (внизу, под, нижний, спу-

¹⁵ Здесь и далее в принятой нотации используются сокращенные названия соответствующих английских терминов: A — прилагательное, N — существительное, V_t — переходный глагол, V_i — непереходный, Adv. — наречие, Cop. — союз, Prep. — предлог, Prop. — местоимение.

скать(ся), низ), по модели A — N — Adv. — Prep. — V_t — V_i — round (круглый, круг, кругом, вокруг, округлять(ся)) и др. [Уфимцева 1968, 1980].

V. Наконец последним (по счету, а не по значимости) способом порождения (создания) признаковых наименований, как и предметных, является универсальный для естественных языков способ вторичной — метафорической и метонимической номинации, называемой часто семантической производностью первичных словесных знаков, создающей третье, эпидигматическое измерение слова по его лексическому значению. Здесь мы упомянули семантическую деривацию для полноты таксономической картины способов номинации глагольных наименований, как они существуют в системе английской лексики. Естественно, мы не касались морфологических и фразеологических глагольных наименований, им посвящены отдельные работы [Кубрякова 1981, Телия 1981].

Подводя итог обсуждению основных способов и характера первичных глагольных наименований, в частности в современном английском языке, без чего невозможно семиологическое их описание, следует отметить, что аналитические языки имеют своеобразные, потенциально неисчерпаемые средства номинации непрямизменными глагольными наименованиями¹⁶.

Эта потенция создается за счет субкатегоризации предметных имен, восполняющих семантику признаковых, за счет варьирования конфигурации и набора выбранных для наименования признаков (основных и сопутствующих), включенных в наименования и невключенных, распространяющих глагольную семантику синтагматически. Кроме того, потенциальные возможности образования глагольных наименований создаются за счет взаимодействия (совпадения/несовпадения) семантических (номинативных) и синтаксических (речевых) актантов, едва обозримое количество транспозиционных глагольных наименований, образованных на основе категориальных семантических (логических) моделей. Эти основные способы глагольной номинации — чисто лексические, морфолого-синтаксические (транспозиция) и лексико-синтаксические делают таксономию непрямизменных глагольных наименований едва исчислимой, не всегда в системе языка четко кодированной, реально манифестируемой лишь в речи.

К семиологическому описанию значения глагольных наименований

Мы специально употребили в заглавии раздела «глагольные наименования», а не «глагольные лексемы», желая тем самым подчеркнуть, что семиологическому описанию подлежит лишь их прямое номинативное значение, в первую очередь логико-предметное содержание, формирующее их знаковое значение; мы не касаемся здесь вторичных, переносных (метафорических, метонимических) их значимостей, формирующих в совокупности с прямыми значениями семантическую структуру глагольных лексем.

Термин «лексическое значение» часто понимается очень широко: под него

¹⁶ По подсчетам Н. Б. Гигаури [1979] глагольных лексем по The concise Oxford Dictionary of Current English непрямизменные, элементарные глаголы составляют более 67 % (4882 из общего числа словарной презентации в 7279 ед.) и представлены: а) корневыми лексическими наименованиями — 2470 ед.; б) наименованиями, образованными по семантической транспозиции — 2412 ед.

иногда подводятся функциональные, структурные значения любых слов (местоименных, связочных, союзных и т. п.).

В отличие от перечисленных видов значений слов и от содержания грамматических и словообразовательных морфем, часто в аналитических языках омонимичных с основами назывных слов, мы подводим под понятие «лексическое значение» — вещественное значение полнозначных слов. «Под лексическим значением, — пишет С. Д. Кацнельсон, — мы понимаем значения полнозначных слов в отличие от слов неполнозначных, «пустых», несущих грамматическую функцию» [1972, 130]. Таким образом, знаковое значение — это прямое номинативное значение, в котором находят свое выражение сумма повторяющихся признаков, свойственных тому или другому явлению, предмету или классу предметов, которых достаточно для идентификации отображаемого и поименованного объекта.

На основе чего происходит идентификация вещей, предметов и их многочисленных признаков при помощи назывных слов, ведь каждый носитель языка обладает различным объемом знаний об объективном мире со сложными взаимосвязями не только предметов, но и событий. В силу надындивидуального характера первичного лексического значения, возникшего в связи с формированием и принятием данного словесного знака всем обществом, у носителей языка складывается (или выделяется из всего объема информации о данном предмете) минимальный запас предметно-содержательных знаний, репрезентируемых (подсказываемых) назывными словесными знаками. До сих пор в научной литературе имеется большое расхождение в терминах, обозначающих этот минимальный и необходимый фонд знаний об обозначаемом словесных знаков, представляющем картину объективного мира и субъективного его «переживания» и оценки.

Во-первых, часто можно встретить описательное выражение «обозначаемый предмет», в смысле «вещь, которая обозначается» данным словом. Это выражение является нетерминологическим и просто неверным, ибо обозначение никогда не соотносится непосредственно с именуемой вещью.

Употребляется также «предмет обозначения» или «предмет именования»; это уже вернее, так как слово «предмет» употребляется в своем вторичном значении наподобие коллокаций «предмет речи», «предмет разговора» и т. п. Здесь «предмет» означает то, что выбрано в результате эмпирического или теоретического познания вещи, явления для обозначения той или иной языковой формой — цепочкой семиологизированных звуков в определенной микросистеме языка.

Именоваться могут две содержательные сущности — денотат и/или сигнификат в зависимости от логико-содержательной природы именуемого. Денотат, как уже не раз нами отмечалось, это первый уровень «снятия предметного», уровень обобщения или отвлечения предмета, явления от объективной действительности, представление о целостном предмете на основе повторяющихся, типовых признаков, выделенных говорящим коллективом.

Денотат формируется в результате восприятия внешних свойств предметов органами чувств — видимое, пространственно различимое, слышимое, осязаемое на вкус или осязание и т. п., одним словом, денотат — это чувственно воспринимаемое и воспроизводимое представление реальных предметов, вещей объективного мира. По необходимости денотат формирует представление предметности, не случайно денотативный характер семантики таких

словесных знаков выражается так называемыми идентифицирующими именами — конкретной предметной лексикой, больше именами существительными, глаголами, обозначающими физическое или звукоподражательное действие, именами прилагательными, называющими физические свойства: объем, размер, консистенцию и т. п. Ср. широко употребляемый, но мало раскрытый термин «предметная отнесенность», употребляемый для обозначения компонента вещественного значения. В определении понятия «предметный» мы полностью принимаем точку зрения С. Д. Кацнельсона, который в отличие от традиционной интерпретации этой категории, по которой всякое существительное выражает «предмет», следующим образом определяет ее: «Предмет для нас — только физическое тело (вещь, вещество, растение, живое существо). С другой стороны, признак для нас — это сторона, аспект, свойство или качество, особенность, отношение предмета» [1972, 150]. Отсюда деление лексических значений на два разряда — предметные и признаковые.

Второй уровень обобщения, отображения, а следовательно, и составляющая «предмета наименования» представлены сигнификацией, обозначением более обобщенных и отвлеченных понятийных признаков, отображающих наиболее существенно — содержательные свойства предмета или предметов того или иного класса. В силу этого конкретные имена классов, как правило, содержат как денотативный, так и сигнификативный компоненты лексического значения. Для конкретных имен классов денотативный и сигнификативный компоненты находятся в отношении объема (экстенционала) и содержания (интенционала) понятия.

Сигнификативный компонент (или для отдельных разрядов словесных знаков сигнификативное значение) выступает в языке в разном обличьи: то как содержание понятия, в противоположность его объему, то как сугубо понятийный обобщенный признак гиперо-гипонимических структур, то как общекатегориальный признак части речи, то как опредмеченное действие, состояние или другое какое-либо свойство предмета, часто синкретически выраженные в одной форме знака.

Ср. опредмеченные языковыми средствами признаки — *движение: бег, езда, плавание* и т. п. Отвлеченные существительные обозначают фиктивную, а не реальную предметность, именуя не вещи и предметы, а их признаки.

Таким образом, предметно-логические понятия далеко не всегда совпадают с понятиями и категориями языка; наоборот, последний призван более точно дифференцировать и расчленять природные предметы, их свойства, состояния. Еще А. А. Потебня считал абстрактные существительные, обозначающие опредмеченные признаки, действия, состояния «способом представления» признака в языке [Потебня 1958, 1—2, 91].

Отличие лексики одного языка от другого, обозначающей, казалось бы, универсальные категории предметного мира и речевого мышления, в том и заключается, что путем номинативного расчленения и представления объективного мира, а также благодаря синтаксической и семантической деривации устанавливается идиоэтничность лексических единиц.

Сам материальный объект, подлежащий именованию, денотат как представление объекта, воспроизводимое по его контуру, объему и другим физическим свойствам, чувственно воспринимаемым, и сигнификат как сумма содержательных, наиболее существенных признаков данного класса предметов или других категориальных признаков имеют общее основание —

объективное логико-предметное содержание, экспонированное тремя плоскостями: денотатом, сигнификатом и лексическим значением, называемым иногда «лексическим понятием».

В содержательном плане лексическое значение корреспондирует не только с денотатом и сигнификатом, его формирующими, но и с перифрастическим описанием, толкующим это значение в словарях.

Именно два первых аспекта презентации отображенного реального объекта — денотат и сигнификат — формируют знаковое значение, тот необходимый минимум в лексических значениях, необходимый как для идентификации отображаемого объекта и его свойств, так и для правильного использования данного словесного знака.

Но денотат не есть значение конкретного наименования. «Ошибочность точки зрения, устанавливающей однозначное отношение между назывным словом и его денотатом (т. е. внеязыковым предметом или признаком), коренится в наивном представлении, будто название является внешним ярлыком для денотата и непосредственно соотносится с ним. Между денотатом и названием, однако, лежит промежуточная область значений. Каждое название соотносится со своим денотатом через значение» [Кацнельсон 1972, 140].

Лексическое значение, следовательно, не есть чувственный образ объекта или даже понятие о нем; лексическое значение есть обработанное языком воплощение данного понятия, включение его в определенную систему категориальных признаков разной степени обобщенности, проявляющихся в гиперо-гипонимических структурах и эмпирических группировках слов.

Формирование знакового значения, возникшего со становлением самого словесного знака, совершается в процессе функционирования последнего, где наименование служит формальным указателем формирующегося языкового значения.

Разграничение лексического содержания на денотативный и сигнификативный его аспекты (компоненты) довольно относительно и трудно определимо, но оно несомненно соответствует природе лексического значения и весьма полезно при описании лексической семантики. Именно сложные взаимоотношения этих двух разных по степени обобщения семантических признаков, реализация одного и «приглушение» другого в актуальной речи, «мена» одного на другой в границах внутрисловных их отношений, доминанция одного над другим и прочие ракурсы их взаимодействия порождают лексические знаки со сложной смысловой структурой, способствуют разграничению лексических значений на предметные и признаковые и, являясь диалектическим единством противоречивых начал, служат основой семантической деривации слов, исходной точкой метафорических и метонимических значений слова.

Естественно предположить и легко убедиться, что в содержательной основе деления назывных слов на части речи лежат разные категории лексических значений. Например, предметные значения в большинстве своем выражаются именами существительными, формируя тем самым отдельный лексико-грамматический разряд; признаки (действия, состояния, отношения и т. п.) и события выражаются в основном глаголами, меньше именами существительными; качественные и относительные характеристики предметов обозначаются, как правило, именами прилагательными, причастиями, деепричастиями. Но как было отмечено, нет полного совпадения в разделении

частей речи как языковой категории и логико-предметных категорий, формирующих разные разряды лексических значений, отображающих событие, признак, предмет. Как мы имели возможность убедиться при описании лексической семантики имен существительных, последние обозначают не только предметы (лиц, вещи, вещества, растительный и животный мир), но и признаки этих предметов, т. е. качественные (врожденные или приданные предмету) характеристики, ср. *глупец, бандит, испытатель, последователь* и т. п. Большая группа имен существительных обозначает события, факты, состояния, ср.: *пожар, грабеж, катастрофа* и т. п., приближающиеся по характеру своего лексического значения к предложениям, не случайно такие слова, легко актуализируясь, транспонируются в предложения.

В то время как глагольные наименования, какими бы конкретными они ни были, всегда обозначают признак, отношение, движение предмета, его свойство и различные аспекты их связей. Прежде чем описывать знаковое значение глагольных наименований, необходимо указать еще на одну универсальную черту характеризующих словесных знаков — на факт, что все они обладают первичными (прямыми) и вторичными (переносными) значениями, которые разнятся не только по их отношению (более или менее опосредованному) к реальной действительности, но и по отношению к лексико-грамматическим классам и грамматическим категориям, к которым они принадлежат. На этом основании имена существительные и имена прилагательные (последние могут быть опредмечены) выделялись традиционно в одну категорию. С другой стороны, только признаковые имена могут характеризовать, определять предметы субстанции; по этой черте имена прилагательные объединяются в категорию признаковых имен вместе с глаголами. Разнообразие исследовательских подходов и целей описания глагольной лексики, сложный характер самого объекта породили большое разнообразие классификаций глагольных слов.

В истории языкознания неоднократно предпринимались попытки разграничить глаголы по их содержанию на определенные классы и разряды. Так, еще О. Есперсен писал об этом аспекте глаголов: «...глаголы можно разделить на: обозначающие действие (*ест, дышит, убивает, говорит* и т. д.), обозначающие процесс (*становится, растет, теряет, умирает* и т. д.) и обозначающие состояние (*спит, остается, ждет, живет, претерпевает* и др.), хотя есть также немало глаголов, которые трудно включить в какой-либо из этих классов (*сопротивляется, презирает, угрождает*)» [1958, 95]. Общеизвестна традиционная классификация глаголов на переходные/непереходные, связочные и вспомогательные, которая явно кладет в основу чисто грамматические, функциональные критерии. Семантические классификации глаголов в современной зарубежной лингвистике так многочисленны, а классификационные критерии так разнообразны, что нет возможности, а может быть и необходимости, перечислять их все в данной работе. Упомянем лишь некоторые: разграничение глаголов на стативные/нестативные [Lakoff 1970], глаголов — действий, событий и статичных [Lee 1970], динамических глаголов и обозначающих состояние [Quirk 1973] и др.

Общеизвестны таксономические описания глаголов по характеру и интенционалу синтаксических связей глагола-предиката с его актантами и сирконстантами в теории Л. Теньера [Tesièrre 1959], по типам логических связей предикатов с предметными именами в разных видах предложений

у ч. Чейфа [1975], по функции предикатных слов в составе предложения, определяющих смысл последнего [Арутюнова 1976а].

В связи с системно-структурным изучением языка, с разработкой вопросов взаимодействия в структуре языка лексической и грамматической семантики в отечественной лингвистике была выполнена целая серия работ, немало способствовавших решению общетеоретических проблем лексической семантики [Кацнельсон 1972; Бондарко 1978; Бурлакова 1971; Сильницкий 1966, 1973; Мухин 1977, Семантические типы предикатов, 1982]. Заслуживает быть отмеченной классификация английских глаголов, разработанная Г. Г. Сильницким с учетом как синтаксических, так и лексических параметров. В теории семантических классов и подклассов английских глаголов, предложенной Г. Г. Сильницким, удачно сочетаются два указанных выше аспекта: синтаксический (внешняя дистрибуция) и характер семного состава лексического содержания глагольных имен, названного автором теории внутренней дистрибуцией семантических признаков, конституирующих логико-предметное содержание глаголов и способных быть выраженными перифрастически, например, *to advance* = *to move forward* 'продвигаться = двигаться вперед'.

В итоге предложено три основных класса глаголов: класс «действие», диагностируемый наличием прямого дополнения, «движение» — класс, выявленный по сочетаемости глагольного слова с динамическим обстоятельством места, и класс «процесс», характеризующийся отсутствием обоих дистрибутивных признаков [Сильницкий 1966].

Последние десятилетия отмечены большим интересом к изучению глаголов как семантических предикатов, свойственному особенно направлению порождающей грамматики. Количество группировок глагольных предикатов, основанных главным образом на их лексической семантике, так же многочисленно и с трудом исчислимо, как и лексикосемантические группы, бесконечно варьирующиеся от языка к языку. Перечислим некоторые из них¹⁷.

1. Семантические предикаты, ориентированные на вместилище, на содержимое: *заполнить, покрыть, украшать* и т. п. Выделены в особую группу по семантике объекта, т. е. по предметным именам, выступающим в роли объекта и обозначающим «вместилище».

2. Такие глаголы, как *налить, положить, насыпать* получают семантическое восполнение от объектов, которые могут быть только жидкостью, твердым телом, сыпучим веществом соответственно.

3. Затем выделяется целый ряд предикатов по их лексическому значению: глаголы достижения — *выиграть, достичь*; глаголы добавления — *дать, положить*; глаголы лишения — *отнять, выгрузить, взять* и т. д.; глаголы движения — *ходить, двигаться* и т. п. Эта группировка глагольных предикатов проведена совершенно по-иному основанию, чем две первые.

4. Целый ряд глагольных группировок дан по определенным категориальным признакам, отображающим видо-временные и аспектуальные характеристики: изменения состояния — *меняться, согнуться* и т. п.; длящегося действия — *говорить, пить, читать* и т. д.; глаголы состояния — *жить, спать* и др. Из приведенной (далеко неполно) номенклатуры глагольных предикатов можно заключить, что такая классификация не затрагивает

¹⁷ Таксономия предикатов приводится по [Демьянков 1979].

собственно внутривидового взаимодействия лексического и грамматического в слове, лексического и синтаксического в механизме синтаксической и семантической актуализации системных средств в речевые единицы.

Несмотря на прогрессивную тенденцию современной лингвистики к синтезу лингвистических дисциплин, исследующих различные аспекты и уровни такого сложного объекта, каким является естественный язык, односторонний подход к языковым фактам все еще не преодолен. Например, если язык исследуется текстоцентрически (от текста к слову), то совершенно не принимается во внимание номинативный аспект глагольных наименований; об их лексическом значении говорят постольку, поскольку оно накладывает запреты на синтаксическую сочетаемость или позицию данного слова как члена предложения.

В случае, когда язык исследуется лексцентрически (от слова как номинативной единицы к тексту), то основным, если не единственным предметом изучения выбирается только номинативный аспект слова, ономаσιологическое описание его лексического содержания; коммуникативная же перспектива глагольного наименования его функциональное предназначение, его семантическая роль в образовании предложения совершенно не затрагиваются. Исключением являются синтаксические работы Н. Д. Арутюновой [1980], содержащие таксономию лексических значений слов с учетом их синтаксических функций в составе предложения.

В целях преодоления разрыва между двумя ипостасями глагольных лексем (глаголом как элементом номинативной системы и глаголом как членом минимальной лексической синтагмы, способной быть включенной в предложение) была предложена [Уфимцева 1968, 1974, 1980] и углублена в диссертационных исследованиях [Курицына 1977, Кувенева 1978, Гигаури 1979, Сретенская 1979, Ерохина 1981] семантико-ономаσιологическая классификация типов английских глаголов.

В основу разграничения типов глагольных наименований была положена ориентированность, направленность глагольного признака на семантический субъект и/или объект, которая может быть отчасти соотнесена с такими семантическими категориями, как «действие»/«воздействие», «состояние»/«отношение»/«восприятие». Основанием разграничения семантико-ономаσιологических, а следовательно, семиологических типов глагольных наименований послужила так называемая семантико-ономаσιологическая формула, репрезентирующая три главные характеристики английских глаголов:

1) семантическую ориентированность глагольного признака на предметную сферу субъекта действия, состояния и/или объекта воздействия, отношения, восприятия;

2) конфигурацию лексико-семантических вариантов глагольной лексемы в границах ее смысловой структуры;

3) набор предметных имен, семантически совместимых с данным глагольным наименованием.

Итак, глагольные наименования в силу логико-предметного мира и человеческого познания в любом языке, в английском как сугубо аналитическом — более рельефно, разграничиваются по «направленности» их лексической семантики (номинативной и синтагматической значимости) на ту или другую предметную сферу следующим образом: $S \leftarrow V$ (субъект действия, состояния); $V \rightarrow O$ (объект воздействия, восприятия, отношения); формула $S \leftarrow V \rightarrow O$ — отображает двунаправленность глагольного признака и пол-

ностью изоморфна пропозитивной схеме. В каждом языке имеются различные типы глагольных лексем, семантически (лексически) совместимых или только с одной категорией предметных имен в качестве семантического субъекта, или, наоборот, с очень большим их количеством. Например, *размышлять, говорить* и т. п. могут только лица, люди как *homo-sapiens*; субъектом, агенсом или инактивным субъектом русского глагола *идти*, чрезвычайно широкого по своей сочетаемости, может быть человек, животное, средства передвижения (трамвай, автобус и т. п.), явления природы (дождь, снег) и даже абстрактные «предметы», например, в английском языке соответствующие признаки выражены различными глагольными наименованиями, что указывает на факт иной членимости предметного мира лексическими средствами:

Русский	Английский
человек идет	man walks
трамвай идет	tram runs, moves
часы идут	clock works
время идет	time flies, passes
снег идет	snow falls (it's snowing, it snows)
шляпка идет	(the) hat is becoming
фильм идет	(the) film is on
смена идет (грядет)	generation to come
кровь идет	blood circulates
дым идет	(the) smoke is coming out
слухи идут	roumers spread.

Например, английский глагол *to die*, как и русский *умирать* — семантически, т. е. по логике вещей, непереходны, так как обозначаемое ими состояние замыкается на субъекте, испытывающем его. Как прямое номинативное значение глагола *to die* = *to come to the end of the life*¹⁸, так и переносное — *to die for something* 'желать чего-либо очень сильно': *to die for a drink* 'хотеть сильно пить' — субъектной направленности, хотя в переносном открывается как будто позиция для предложного объекта. Здесь четко обозначается различие между формальным и содержательным объектом.

Более того, субъектный глагол *to die* с послелогоми *away, down, off, out* образует целый ряд аналитических глагольных наименований, которые имеют также субъектную направленность своей категориальной и лексической семантики: а) *to die down* — *lose strength, become faint*; б) *to die away* — *become less strong, less loud*; в) *to die off* — *to die one by one*; г) *to die out* — *become extinct, come to a complete end*.

Наоборот, у объектных, семантически переходных глагольных наименований как прямое номинативное, так и переносные (несубстанциональные) лексико-семантические варианты ориентированы на сферу объекта.

В качестве примера объектного глагола приведем английский глагол *to convey*, означающий: 1) *to take or carry something* 'перевозить'; 2) *make known ideas, views to another* 'передавать знания, взгляды'; 3) *give full legal rights to* 'передавать права, имущество'.

¹⁸ Дефиниции здесь и далее даются по [Hornby 1978; The Concise Oxford Dictionary... 1951].

Двунаправленные глагольные наименования представляют собой результат семантического взаимодействия синтаксических и лексических факторов: смена семантической направленности глагольного признака порождает новые лексико-семантические варианты, непомерно расширяя их смысловую структуру, в которой прямые значения отображают объектную направленность глагольного признака, а производные — субъектную и наоборот. Напримёр:

to convene (V_t)¹⁹ = $V \rightarrow O$ — объектный ЛСВ = to call (persons) to come together (for a meeting) 'созывать, собирать';

to convene (V_i) = $S \leftarrow V$ — субъектный ЛСВ = come together for a meeting 'собираться на собрание, митинг'.

В русском языке эти два значения (переходное и непереходное) разведены морфологически, в английском языке омонимия на уровне категории переходности/непереходности обращается в лексическую многозначность.

В качестве примера субъектно-объектного глагола приведем глагол to stoop:

to stoop (V_i) = $S \leftarrow V$ — субъектный ЛСВ = bend the body forwards and downwards 'склоняться';

to stoop (V_t) = $V \rightarrow O$ — объектный ЛСВ = lower oneself morally to something 'унизить себя до чего-либо, до какого-либо проступка, акции'.

She stoops to conquer 'Она унижается, чтобы победить'.

Семантико-ономасиологическая или семиологическая классификация типов значений глагольных наименований раскрывает специфику не только английского языка, но указывает и на универсальные черты глагольных предикатов; она:

1) отмечает сферу синтагматического распространения лексической семантики глагола;

2) определяет семантическую сферу предметных имен, выполняющих роль семантических (субъектных и/или объектных) актантов глагола;

3) указывает направление семантической производности глагола и архитектонику его смысловой структуры (наличие/отсутствие однонаправленных и двунаправленных лексико-семантических вариантов в смысловой структуре глагольной лексики);

4) позволяет разграничить два совершенно различных вида переходности: содержательной, детерминированной объективной действительностью и выраженной в самой номинации (глубинные связи) и формальной, синтаксической, выражающей синтаксические актанты, характерные (необходимые) для данной конкретной ситуации акта высказывания (поверхностные связи);

5) позволяет развести (системное и речевое) два уровня отображения объективного мира: а) старый опыт обобщения — типовые, повторяющиеся ракурсы связи глагольного признака с соответствующими предметными (сферами) именами, закрепленные номинацией — субстанционально-признаковые отношения; б) новый опыт, новые ракурсы связей, задаваемые интенцией говорящего в конкретном акте речи. Как правило, последние (б) воспроизводят первые, системные (а), хотя это далеко не всегда так. Именно в этом смещении, несовпадении номинативных и предикативных

¹⁹ Здесь и далее V_t — глагол в переходном значении, V_i — в непереходном значении.

параметров сочетаемости предметных и признаковых имен кроется основа функционирования, воспроизведения языка и потенциал языкового изменения и развития.

Разграничение глагольных наименований по предметным сферам субъекта и объекта затрудняется целым рядом причин.

1. Тематическая и семантико-ономасиологическая классификации не совпадают друг с другом, находясь в отношении пересекающихся классов. Так, глаголы физического действия, казалось бы, конкретные — *to break, to cast, to cut, to put* и т. п. двунаправлены — объектно-субъектные, значит, с широкой смысловой структурой.

2. Глубина восприятия и детализация членимости полисемантического слова вообще, глагола в особенности, в силу свойств человеческой памяти не может быть большей, чем первые пять-шесть ЛСВ (или словозначений) и то воспроизводимых с определенным напряжением памяти и умственных способностей [Караулов 1976]. Объем смысловой структуры как результат лексико-семантического варьирования не входит в необходимый минимум лексических знаний владеющих языком, подобно прямому номинативному значению слова, автоматически «всплывающему» в памяти при первой презентации звуковой или письменной формы знака.

3. Далее, не для всех языков разграничение глаголов по субъектно-объектной локализации признака так очевидно и необходимо, как для английского, с наличием в нем омонимичных форм на уровне разных частей речи, которые создают неповторимое своеобразие лексической полисемии. Так, для русского или немецкого языков как в высшей степени синтетических это разграничение не релевантно, ибо переходные и непереходные значения глаголов разведены формой; формально отмечены различные видовременные их оттенки, префиксально выражены все дейктические значения, включаемые в английском языке в предмет наименования корневой морфемой: *come* 'приходить, приезжать'; *enter* 'входить', *bring* 'приносить, привозить' и т. п.

Так, к примеру, то смысловое содержание, которое выражают только объектные словозначения двунаправленного английского глагола *to cast* (V_t/V_i), покрывается целым рядом самостоятельных глагольных наименований в немецком языке, а именно: *werfen, abwerfen, ablegen auswerfen, schieben, verlieren, fallen lassen, verwerfen, gießen, berechnen, verteilen, beseßen* и т. п.

Для лексико-грамматической и номинативной системы английского языка, как и для синтаксиса, разграничение по направленности глагольного признака к предметным сферам составляет основное своеобразие, потому подлежит по необходимости вскрытию и описанию. Не случайно в оригинальных английских словарях без исключения эта векторная формула семантической направленности глагольного признака всегда отмечается в словарной статье индексами V_i — непереходный, V_t — переходный, V_i-V_t непереходно/переходный, V_t-V_i — переходно/непереходный глагол, в нашем понимании лексико-семантический вариант. Правда, под этой нотацией в английских словарях обозначена как формальная, синтаксическая, так и содержательная, семантическая переходность/непереходность. Что не одно и то же.

В то время как в англо-русских отечественных словарях, даже в таком фундаментальном, как «Большой англо-русский словарь» под редакцией И. Р. Гальперина, разграничение семантики глаголов по их направленности

на сферу субъекта и/или объекта отсутствует, что затемняет презентацию и адекватное восприятие семантической структуры английских глаголов, особенно двунаправленных, чрезвычайно широких и зачастую отображающих не только другие признаки номинации, но и иные ракурсы логических связей глагола с предметными именами, нежели в родном русском языке. Например, английский субъектно-объектный глагол *to run* своими субъектными ЛСВ обозначает: *бежать, убежать* (о человеке, животном), *лететь* (о птице), *течь* (о жидкости), *сечь, пересекать* (о сабле, о шраме), *быть действительным* (о законе, положении); в то время как объектные ЛСВ обозначают: *эксплуатировать, управлять, преследовать* и т. п. В упомянутом выше словаре смысловая структура глагола *to run* представлена словарной статьей в 8 столбцов мелким шрифтом без последовательного указания и соответствующей аранжировки словозначений по предметной отнесенности глагольных признаков к сфере субъекта и/или объекта. Что, естественно, затрудняет восприятие и формулообразное представление смысловой структуры, особенно слов чужого языка.

Возвращаясь к своеобразию полисемии глагольных наименований в английском языке, следует вспомнить меткое замечание В. Н. Ярцевой о том, что «в языках любого морфологического строя прослеживается связь лексического значения члена того или иного лексико-грамматического разряда с его синтаксическими потенциями и, вместе с тем, зависимость лексического значения слова от его синтаксического использования» [1968, 36].

В русском языке с его сложной залогово-видовой системой образование многочисленных глагольных оттенков выливается в форму лексико-морфологической синонимии, в английском, аналитическом по своему строю — это лексико-синтаксическая омонимия.

Характер лексической семантики субъектных глаголов

Глагольные наименования с сугубо денотативным типом знакового значения представлены в каждом языке, прежде всего, звукоподражательными глаголами, которые в отличие от наименований, созданных по признаку, возникают исключительно как результат чувственного восприятия [Серебренников 1977, 182]. Отличительной чертой этой группы глагольных наименований является то, что ономаσιологическая формула «субъект — глагольное действие» ($S \leftarrow V$), отображающая семантическую направленность обозначаемого действия, указывает в подавляющем большинстве случаев на сферу производителя, источника данного действия. В обобщенной ономаσιологической формуле семантической направленности обозначаемого действия ($S \leftarrow V$) S — субъект, заданный актом наименования²⁰, в отличие от синтаксического субъекта как подлежащего конкретного высказывания, мы называем семантическим субъектом или семантическим актантом в отличие от синтаксических актантов (подлежащего и дополнений) [Уфимцева 1974, 1980].

Виртуальная (потенциальная) категория семантического субъекта конкретизируется путем субкатегоризации через конкретное лексическое ее «наполнение» соответствующими предметными именами.

²⁰ Ш. Балли писал, что «процессы воспринимаются с предметами, которые от них неотделимы» [1955, 52].

Глагольное имя по самой природе номинации представляет собой в содержательном плане потенциальную синтагму. Когда говорят о глаголе как о макете предложения, вернее, пропозиции, то имеют в виду, прежде всего, именно эту особенность глагольного наименования. Очевидно, на этой специфической черте глагольных имен покоится так называемый закон устойчивого субъекта (subject persistence law), который гласит, что «каждый глагол имеет субъектный терм» [Демьянков 1979, 1, 34], именно это свойство глагольной лексемы имеют в виду, когда говорят о том, что «имеется глубокая аналогия между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения» [Степанов Ю. С. 1981, 10]. Эта же черта глаголов позволяет выделить у лексем семы, «релевантные для семантической и синтаксической организации предложения» [Ковалева 1982, 43]. Однако отношения между S и V на уровне номинации и на уровне пропозиции различны, если не прямо противоположны.

На уровне пропозиции S — как синтаксический субъект является постоянным исходным членом предложения, его подлежащим, определяемым по отношению к предикату, к признаку ему предиктируемому.

На ономаσιологическом уровне направленность семантических отношений обратная: предметные имена, в том числе семантический субъект, — величина переменная, изменяемая, а глагол, как определяемое, обретает семантическое восполнение в зависимости от семантического субъекта, относительно которого он получает вместе с наименованием свою содержательную и синтагматическую значимость.

Семантический субъект и глагольное имя (S—V) находятся в границах ономаσιологической формулы не в определительных связях, хотя как будто подпадают под этот тип семантической связи (linking), а в имплицативных. Еще О. Есперсен, отмечая специфику глагольных сочетаний в отличие от сочетаний других частей речи, писал: «Глагол сообщает сочетанию особый характер завершенности и создает (более или менее) законченное высказывание, чего не получается при соединении существительного или местоимения с прилагательным или наречием» [1958, 95].

В наше время вопросу определения логических оснований и форм семантической сочетаемости полнозначных слов в границах словосочетания уделено большое внимание в работах У. Вейнрейха [Weinreich 1963, 1981] и С. Д. Кацнельсона [1972]. У. Вейнрейх обсуждает эту проблему в русле методики порождающей грамматики, вводя в нее значительные коррективы за счет последовательного употребления понятий логики и отчасти традиционного языкознания; С. Д. Кацнельсон, наоборот, оставаясь в целом в русле классического традиционного языкознания, вносит в понимание природы грамматических и лексических значений разных частей речи и характера их семантической сочетаемости в границах синтагм новые идеи, навеянные логическим синтаксисом.

Общими в этих работах являются два новых, очень важных, взятых нами «на вооружение» теоретических положения: 1) об изоморфизме семантического содержания, семного состава слова, словосочетания и предложения [Вейнрейх 1981, 90; Кацнельсон 1972, 179—180]; 2) о разграничении лексических сочетаний двух и более полнозначных слов на «соединения»²¹ (lin-

²¹ С. Д. Кацнельсон [1972] переводит на русский язык linking как 'сцепление', nesting как 'включение'; мы используем соответственно «соединение» и «вставление», как они даны в кн.: Новое в зарубежной лингвистике, 1981, вып. X.

king) и «вставления» (nesting) по типу логических отношений между их членами и по характеру семантического результата их содержательной совместимости.

Следует оговорить, что У. Вейнрейх употребляет понятие «семантическая структура» (как слова, так и словосочетания) эпистемиологически, понимая под «семантической структурой» только представление (запись) символами семного состава, линейную презентацию совокупности семантических признаков, как они даны в простых или сложных выражениях.

Семантическая структура слова, его лексического значения в классическом традиционном языкознании, особенно в русской филологической науке, определяется как результат исторического изменения слова, так называемое третье, эпидигматическое измерение [Шмелев 1973] его лексической семантики, представляющее собой в каждый исторический период иерархическую структуру (а не неупорядоченный пучок сем) отдельных значений одного и того же слова — словозначений, или лексико-семантических вариантов данного слова. Это последнее понимание «семантической структуры» и легло в основу данной работы.

У. Вейнрейх так определил понятие «соединение»: «Соединение представляет собой такую семантическую операцию, в результате которой образуются неупорядоченные наборы семантических признаков» [1981, 91]. В качестве иллюстрации приводится конструкция «определение + определяемое», в качестве конкретного примера сочетание *white + wall* — 'белая' + 'стена'. Семантический результат (эффект) подобного соединения заключается в образовании такой сущности, по словам У. Вейнрейха, которая обладает в точности семантическими признаками слов *white* и *wall*; т. е. то, что является белой стеной, является стеной и является белой. При этом признается, что соединение следует считать семантическим, а не синтаксическим свойством конструкции, т. е. это лексическая сочетаемость, связь по лексической семантике. У. Вейнрейх подводит под лексические сочетания, терминируемые как «соединения» (linking), и субстантивно-глагольные «сочетания», т. е. соединения подлежащего с глагольными предикатами, за что он подвергался суровой критике. Как бы учитывая критику о неправомерности отнесения конструкции «существительное — глагол» к типу «соединений» наряду с конструкцией «прилагательное — существительное», У. Вейнрейх ввел понятие неполного соединения, тип семантических связей, к которому он отнес так называемые предикатные сочетания. Например, в конструкции *He walks* — семный состав может быть представлен следующим образом: «*He + goes + on foot*». Левая часть *He + goes* — естественно, семантически сочетаются, находясь в имплицативных логических отношениях и образуют, по У. Вейнрейху, «пучок», т. е. «неупорядоченный набор признаков»²²; в то время как «*He*» и «*on foot*» семантически несовместимы и не образуют никакой семантической сущности, *on foot* остается как бы в остатке. Это позволило У. Вейнрейху называть любые предикатные сочетания — конструкциями с неполным соединением.

Кроме конструкций с полным и неполным соединением (linking), способ-

²² Именно такое определение «соединения» У. Вейнрейхом навлекло критику С. Д. Кацнельсона, утверждающего, что «набор признаков» не может быть неупорядоченным, ибо кроме логических связей признаков есть языковая упорядоченность, строго детерминирующая порядок и направленность соединяемых признаков: ср.: *желтый цветок* и *желтизна цветка* [1972, 149].

ных порождать, давать новые пучки признаков, представляющих собой логическую их конъюнкцию или арифметическую сумму, в которых существительное (подлежащее) и группа сказуемого (предикат) находятся в имплицативных связях, У. Вейнрейх выделил конструкции с вставлением (*nesting*). Глаголы, как правило, имеют сложный семный состав: одни обла- дают внутренней дистрибуцией семантических признаков, т. е. включенных в само наименование (ср. «внутренний объект»), другие глаголы распростра- няются, вернее, семантически восполняются внешней синтагматической со- четаемостью с предметными или обстоятельственными словами.

При «соединении» семантические признаки выступают на паритетных началах, между ними нет никакой субординации; не случайно «подлежащее и сказуемое» как два главных основных члена пропозиции находятся в имплицативных отношениях, а при «вставлении» — в подчинительных. «Конструкция с вставлением должна быть формальным аналогом интуитив- ного понятия переходности» [Вейнрейх 1981, 99].

Небольшой экскурс в проблематику типов семантической совместимости английских глаголов лишний раз подтверждает правомерность их разграни- чения на субъектные и объектные.

Возвращаясь к описанию субъектных глагольных наименований, не только в английском языке, следует отметить, что не случайно в словарях вместо указания вектора семантических отношений субъектного глагола и его семантического субъекта в скобках дается указание на тип агенса, источника данного действия. Наиболее наглядно имплицативные отношения между семантическим субъектом и глагольным действием можно проследить на примере звукоподражательных глаголов.

Так, в английском языке, как и в других языках, наиболее стабильную группу ономастопозитических глаголов составляют наименования, обознача- ющие:

1. Шумы, звуки, крики, создаваемые артикуляционными органами чело- века: *to whisper* 'шептать', *to grumble* 'ворчать', *to mutter* 'бормотать', *to sniffle* 'произносить в нос', *to giggle* 'хихикать', *to smack* 'чмокать губами', *to hush* 'шикать' и т. п.;

2. Звуки, производимые животными, птицами, насекомыми: *to gobble* 'кулдыкать (об индюке)', *to gaggle* 'гоготать (о гусях)', *to cluck* 'кудахтать (о курице)', *to Bray* 'реветь (об осле)', *to neigh* 'ржать (о лошади)', *to growl* 'рычать (о волке, собаке)', *to cheer* — 'пищать (о цыпленке)', *to coo* 'ворковать (о голубях)' и т. п.;

3. Звуки предметов (инактивный агенс), представляемые как источник производимых ими звуков: *to whizz* 'свистеть (о пуле)', *to clatter* 'греметь (посудой)', *to clink* 'звенеть (о монетах)' [подробнее см.: Гигаурри 1979] и т. п.

Знаковое значение звукоподражательных глаголов носит денотативный характер, так как степень обобщения обозначаемого глаголом представления сформирована органами слуха. Такие наименования в значительной степени детерминированы реальными звуками, хотя и зависимы от фонетической системы конкретного языка, недаром одни и те же реальные звуки, производимые людьми, животными, птицами, предметами получают различ- ную звуковую оформленность, значительно варьируясь от языка к языку. Звукоподражательные глаголы в большинстве своем односубъектны, т. е. наименование признаку дается относительно одной семантической категории

предметных имен, подпадающих по своей предметной сущности под категорию семантического субъекта действия. В силу этого глагольные наименования с денотативным характером лексического значения конкретны, семантически самодостаточны. Однако универсальная черта слов — возможность иметь прямые (первичные) и переносные (вторичные) значения — свойственна даже таким конкретным глагольным наименованиям, какими являются звукоподражательные глаголы. Например, английский субъектный глагол *to bark*, означающий 1) *to give a bark (barks)* 'лаять (о собаке, лисе)' с меной категории или разряда предметных имен, выполняющих роль семантического субъекта, обретает переносное значение, 2) *say (something) in a fierce, commanding voice* 'выкрикнуть, командовать или «огрызаясь»' — в случае сочетаемости с именами лиц. С возникновением данного значения меняется языковой статус глагола *to bark*, в этом смысле глагол получает определенную стилистическую тональность и используется в целях большей экспрессии как средство художественного выражения, ср.: *Without looking up Michelangelo barked impatiently: «But not good for me!»* (Stone, 156).

Примеры подобного использования глаголов в силу расширения круга категорий предметных имен в роли семантического субъекта можно увеличить, это в основном субъектные глаголы: *to squall* 'кричать (о птенцах, о детях)', *to yell* 'вопить (о животных и людях)' и т. п.

Особенностью семантических отношений субъекта (агенса, источника) с признаковым наименованием, особенно формы их языкового выражения, является то, что субъект не включается в предмет наименования, как это имеет место с так называемым внутренним объектом (*to paint* 'рисовать красками', *to draw* 'рисовать карандашом'). Субъект (агенса, источник) действия предопределен самой природой, логикой вещей, но его экспликация осуществляется лишь в условиях реального предиктирования данного признака соответствующему предмету, т. е. в актуальной речи. Не случайно не существует субъектно-предикатных словосочетаний как номинативных, относительно актуализованных знаков и существует неограниченное число легко выделяемых, автономно бытующих предикатно-объектных (глагольно-субстантивных) синтагм разной степени семантической спаянности или связанности их членов, типа *порвать нить, порвать связку, порвать узы дружбы* и т. п.

Хочется еще раз подчеркнуть различие в характере и результатах семантической связи, с одной стороны, между семантическим субъектом и предикатным глагольным именем, с другой — между глаголом и его семантическими восполнителями — семантическим объектом.

Несмотря на тесные содержательные связи семантического субъекта и соответствующего признакового слова, ни агенса, ни источник действия не включаются в наименование, находясь друг с другом в логических отношениях импликации; семантический субъект предполагается (*presupposed*), его идентификация легко предсказывается через предикат реальными связями предмета и его признака в объективном мире. Представляется, что только об этом типе семантических отношений предиката и категории семантического субъекта можно говорить как о логических, выраженных лексически, presupпозициях.

Итак, к чему ведет «мена» семантической категории субъекта действия? Результат может быть различным. Если предметное имя в роли агенса

заменяется именем того же рода, видовые различия не релевантны, прямое номинативное значение остается неизменным; если предметным именем является экземпляр (особь) другого рода, в нашем случае «человек» в сочетании с глаголом «лаять», то образуется переносное значение с модальным признаком; не меняется денотативный, субстанциональный характер производного значения, не меняется и семантическая направленность глагольного действия, предопределяющая синтагматическое поведение глагола в новом значении. Таким образом, с возникновением переносного значения у узких с денотативным значением глаголов, какими являются звукоподражательные, меняется сфера их употребительности и прагматический аспект (воздействия, восприятия) данных наименований.

Если говорить о содержании лексических значений звукоподражательных глагольных наименований в лексических терминах, то при расширении своего экстенционала глагол не меняет своего интенционала, хотя и очень бедного в понятийном плане компонента, который ориентирован на отличительные признаки, присущие данному классу предметов.

Продолжая описание особенностей знакового значения субъектных глаголов, следует подчеркнуть, что предметом этого анализа являются составляющие лексическое значение глагола: 1) логико-предметное содержание, представленное его семным составом; 2) семантико-логические модели и ономасиологические формулы, отображающие ракурс и направленность связи признаков и предметных имен.

Основной прием семиологического описания — анализ конфигурации семного состава, формирующего прямое номинативное значение, с точки зрения выделения различных семантических признаков в означаемом. Предметом анализа является не только номинативная значимость глаголов, но и их синтагматическая значимость, раскрывающая не только ономасиологические формулы глагольных наименований, но и форму и способы их смысловых связей с семантическими распространителями (предметными и признаковыми именами) в синтагматическом ряду.

Наконец, не последнюю роль в анализе играет сам характер номинации, включающий или не включающий в предмет наименований сопутствующие глагольному действию признаки (манера, цель, место действия и т. п.).

Классификация по субъектно-объектной локализации глагольного признака связана прежде всего с категорией переходности, которая не перестает дискутироваться. На универсальное свойство тесной связи переходности и глагольного управления в русском языке указывал еще А. М. Пешковский [1956, 288]. Л. В. Щерба, отмечая роль семантики глагольного слова, проявляющуюся в явлении так называемого глагольного управления, писал, что управление «чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря» [1947, 93].

В научной и учебной литературе по англистике по-прежнему ведутся споры, является ли переходность английских глаголов фактом чисто синтаксическим, лексическим или лексико-грамматическим. Конец теоретическому спору был положен книгой С. Д. Кацнельсона, в которой он предложил четко разграничивать два вида переходности — формальную и содержательную, функциональную; последняя заводит, по справедливому утверждению С. Д. Кацнельсона, от значения глагола, от его содержательной валентности, или, по нашей терминологии, от семантико-ономасиологической

формулы глагольного наименования, заданной объективными связями глагольного признака с предметной сферой в акте номинации и оформившейся в процессе и результате его функционирования. С. Д. Кацнельсон считает содержательную валентность (переходность) универсальной чертой, формальную — идиоэтнической.

Что касается английского языка, то решение вопроса переходности/непереходности английских глаголов было обоснованно предложено А. М. Мухиным [1976], который считает категорию переходности лексико-семантической характеристикой глагола, а управление глагола не синтаксической, а лексической связью, так как эта связь реализуется не в предложении, а во фразе, т. е. в минимальной лексической, относительно актуализованной синтагме. При семиологическом описании глаголов необходимо строго разграничивать синтаксическую (поверхностную) и семантическую (глубинную) переходность, хотя в реальных актах речи они естественно взаимодействуют, совпадая или не совпадая друг с другом. Наличие при синтаксически переходном глаголе прямого или косвенного дополнения без изменения лексического значения глагола — факт синтаксиса, т. е. интенции говорящего адекватно отразить данную ситуацию, событие. Наличие при семантически переходном глаголе семантически значимого дополнения (определенной семантической категории предметного имени), изменяющее лексическое значение первого — факт лексической семантики. Именно на факте совпадения/несовпадения семантической и синтаксической переходности/непереходности глагольных лексем как номинативных единиц и как предикатов в рамках предложения покоится лексико-семантическое их варьирование и лексико-синтаксическая производность новых семантических значимостей.

Ср., например, сугубо субъектный английский глагол *to walk* 'идти пешком, прогуливаться'. Его формальными дополнениями как распространителями лексической семантики в зависимости от реальной ситуации, интенции говорящего, могут быть предметные локальные имена: *to walk a street*, *to walk a forest* и т. п. 'ходить (прогуливаться) по улице, по лесу'. Эти формальные дополнения, выступающие в роли конкретизаторов семантики глагола *to walk*, не меняют значения последнего. Но стоит в позицию формального объекта глагола попасть предметному имени из другого семантического разряда (одушевленных), как изменяется семантика самого глагола: в нем индуцируется сема каузативности — *to walk a child, a horse, a dog* и т. п., что означает 'заставить гулять, прогуливаться кого-либо, проводить'. Соответственно в смысловой структуре глагола *to walk* появляется объектно-направленный лексико-семантический вариант. Классификация по субъектно-объектной локализации глагольных признаков в определенной мере соотносится с систематизацией их по соответствующим категориям: глагольные наименования субъектной направленности ($S \rightarrow V$) подпадают под категории «действие», «событие», «состояние», имена с объектной предметной отнесенностью ($V \rightarrow O$) могут быть отнесены к категориям «воздействия», «действия», «отношения», «восприятия» (ср. несколько видоизмененную классификацию, предложенную Т. В. Ерохиной [1981]).

Субъектные глаголы, выражающие как динамические, так и статические признаки, могут быть тематически (очень приблизительно) представлены следующими лексико-семантическими группами:

а) перемещение в пространстве: come, arrive, go, depart, flee, ramble и т. п.;

б) имена физических и физиологических действий человека и природных явлений: nod, snore, sleep, live, die, slumber, drowse, peep, snow, rain, dawn, glimmer, glitter и т. п.;

в) глаголы, обозначающие изменение состояния, события: to become, to increase, to blossom, to boil, to ripen, to fade, to perish, to bloom; to chance, to happen, to flag, to forge и т. п.;

г) глаголы умственной деятельности: think, judge, meditate, ponder, tally, contemplate и т. п.

Мы привели эти примеры, чтобы показать, что разграничение на субъектные, объектные и двунаправленные глаголы не носит характера таксономической строго очерченной, семантически предсказуемой системы; мы хотим только акцентировать внимание читателя на том, что эта фундаментальная для английского языка структурная и лексико-семантическая черта глагольных лексем должна приниматься во внимание при семиологическом описании, независимо от того, исследуется ли целый разряд, лексико-семантическая группа или отдельный синонимический ряд глагольных лексем.

Как мы уже отмечали выше, у субъектных глаголов семантический субъект находится в имплицативных связях с глагольным признаком, иногда не включаясь в комплекс поименованных глагольных признаков. Но в любом субъектном глаголе, помимо субъектной содержательной валентности, имеется и объектная валентность, которая в этом семиологическом типе выполняет роль внутреннего объекта, особенно это явно выступает у так называемых семантически транспонированных глаголов — to waltz 'танцевать вальс', to polka 'танцевать польку', или внешнего формального, иногда — роль «родственного» объекта: to live a long life 'прожить долгую жизнь', to laugh a hearty laugh 'смеяться от души (сердечно)'.

Обратимся к анализу конфигурации самого состава субъектных глаголов.

Субъектные глаголы в большинстве своем очень узкие по смысловому объему и конкретные по характеру лексического значения, имеют денотативный характер в силу того, что предметом наименования является не только сам глагольный признак, но и сопутствующие ему обстоятельства способа, цели, интенсивности действия и т. п.

Субъектным глаголам свойственна так называемая внутренняя дистрибуция семантических признаков, включенных в глагольные наименования. Конфигурация этих признаков может варьироваться. Наиболее типичной, широко распространенной является совокупность семантических признаков:

1. Действие + манера исполнения действия:

а) семантико-ономасиологический ряд глагольных наименований, обозначающих 'смеяться' (специфически): giggle — laugh like an affected, illbred girl; titter — laugh in restrained manner; smirk — (put on or wear) affected or silly smile; leer — laugh impudently;

б) семантико-ономасиологический ряд субъектных глаголов, со значением 'смотреть' (специфически): gloat — feast eyes (or mind) lustfully, malignantly; gaze — look fixedly; peep — look through narrow aperture; peer — look narrowly; pry — look inquisitively etc.;

в) обширный семантико-ономасиологический ряд представлен глаголами движения с включенными в наименование признаками «манера», «способ

передвижения», «походка», «средство»: scamper — run impulsively like frightened animal, grope — feel about as in the dark; lurch — lean suddenly to one side; scuttle — hurry along; scurry — run hurriedly; totter — walk or stand unsteadily; strut — walk with pompous or affected gait; waddle — walk with rocking motion etc.

2. Действие + цель его исполнения:

семантико-ономасиологический ряд глаголов, обозначающих целенаправленное/нецеленаправленное действие, движение: stroll — go for a short leisurely walk; wander — stroll from place to place without destination; prowl — go about in search of plunder or pray; rove — wander without settled destination.

Эта модель может расширяться, включая в себя средства, обстоятельства, цель действия, например: to saunter 'бродить (ходить пешком) для удовольствия', to gad 'бродить (ходить пешком) бесцельно'. Имеется немало случаев, когда в глагольное наименование включено более трех сем, фактически вся цепочка возможных предикатных мест, свойственных глаголу как члену предложения. Например, субъектный английский глагол to grovel означает 'падать расprostертым к ногам кого-либо с целью вымолить прощение'. Приведенные выше глаголы являются односубъектными, т. е. глагольные признаки поименованы относительно одной категории предметных имен — лиц.

Несколько субъектные глаголы, естественно, более абстрактны, так как денотативное их значение сформировано на основе, как правило, одного, более обобщенного признака, без включения в наименование сопутствующих действию, состоянию признаков. В противоположность односубъектным, узким по своему семантическому объему и потому семантически самодостаточным глаголам, многосубъектные наименования, основанные на каком-либо одном, более обобщенном, нередко комплексном признаке, требуют семантической его конкретизации в синтагматике. Для многосубъектных глаголов конкретизация глагольного признака происходит исключительно в элементарной модели пропозициональных субъектно-предикатных отношений S—V (субъект—предикат). Лексико-семантическое варьирование признакового слова гораздо причудливее предметного, а семантические результаты и языковые формы их выражения едва ощутимы и с трудом определимы.

Разберем для примера английский многосубъектный глагол to fall, обозначающий своим прямым номинативным значением 'падать под действием земного притяжения'. Реализация семантики этого субъектного глагола совершается в модели S—V, модификация глагольного признака происходит в результате субкатегоризации предметных имен, семантически совместимых с данным глаголом. В своем прямом субстанциональном значении глагол to fall не имеет никаких ограничений, сочетаясь с предметными именами, обозначающими предметы, лица и т. п., т. е. все, что способно падать: things, persons, birds etc. — fall (падают).

Денотативное, субстанциональное значение 'падать' глагол to fall сохраняет и в сочетании с метеонимами rain, snow, hail, хотя русский эквивалент имеет определенный оттенок: осадки выпадают, а снег может и падать, и идти.

Ракурсы логических связей глагольного признака fall с предметными именами так же многочисленны, как сами предметы.

В субъектно-предикатных парах: valley falls, river falls, slopes fall и т. п. глагол fall уже не выражает прямого назывного признака «падать, двигаться вниз», а обозначает «находиться в наклонной, спускающейся вниз плоскости», ср. в рус. *спускаться*. Совершенно иной ракурс предметных, а следовательно, и логических связей обозначает глагол fall в сочетании с предметными именами curtains, ropes, hair, обозначающими предметы, находящиеся в висячем вертикальном положении, будучи закреплены в верхней точке (плоскости).

Русский эквивалент передает данное понятие более точно, так как оно выражено мотивированным наименованием — *ниспадать*. Имена существительные, обозначающие физические категории — heat 'жара', temperature 'температура', voice 'голос', индуцируют у глагола fall новую сему «падать вниз → снижаться, уменьшаться», которая затем реализуется глаголом в пропозиции prices fall (цены падают) с абстрактным существительным, обладающим несубстанциональным значением. Универсальное свойство семантики назывных слов развивать на основе конкретных более абстрактные, несубстанциональные значения легко прослеживается и в глаголе to fall 'падать', который может обозначать моральное, политическое, военное, финансовое и т. п. падение: person falls, government falls, prices fall, a fort falls и т. п. В противоположность субъектным глаголам с включенными в наименование сопутствующими обстоятельствами, т. е. с глаголами с «внутренней дистрибуцией» признаков, многосубъектные глаголы типа to fall, to come, to tremble и т. п. обладают свойством внешней экстенсии своей семантики; семантическое варьирование таких глаголов осуществляется исключительно за счет субкатегоризации субъектного семантического актанта. Правая, объектная, валентность субъектных глаголов совершенно не релевантна для их лексического значения: развертывание их правых (синтаксических) актантов — происходит исключительно в конкретном акте речи сообразно смыслу (интенции) высказывания. Постоянство модели логико-семантических отношений, в данном случае субъектно-предикатных, т. е. глагольного признака в его предметной отнесенности к субъекту действия, состояния, наличие целой парадигмы предметных имен, семантически с ним совместимых, является достаточным основанием для выделения семиологического типа значения — субъектного лексико-семантического варианта или субъектного глагола в целом.

Варьирование лексической семантики в многосубъектных глаголах происходит в направлении от его субстанциональных значений к несубстанциональным, от денотативных к сигнификативным ЛСВ в результате «отрыва», удаления от первоначального денотата, представленного «вневременным набором» семантически совместимых виртуально признакового и предметных слов в их прямом номинативном значении.

Следовательно, субъектные глаголы, поименованные относительно строго определенных категорий и субкатегорий предметных имен, как потенциальные синтагмы семантически и структурно изоморфны основному пропозитивному компоненту²³ («субъект—предикат») предложения, формирующему макет простого предложения.

²³ Л. М. Ковалева включает в пропозитивный компонент предложения полную семантико-ономасиологическую формулу, по нашей терминологии — S—V—O (субъект—предикат—объект) [1982, 2].

Характер лексической семантики объектных глаголов

Как было отмечено выше, глагольно-субстантивные сочетания подпадают под конструкции с «вставлением» (nesting), а «конструкция с вставлением должна быть формальным аналогом интуитивного понятия переходности» [Вейнрейх 1981, 99]. Семантическая совместимость объектного глагола, т. е. в системе номинации ориентированного на сферу объекта, с разного рода восполнителями его содержания основывается на совершенно иных логических отношениях. Глагол и его дополнения составляют при семантической сочетаемости конфигурацию признаков разного ранга: одни признаки, а именно глагольные, семантически подчиняют себе другие, выраженные предметными именами; эти последние, дополняя лексическое, т. е. индивидуальное содержание глагола, выступают в роли определяющего члена в минимальной синтагме.

Именно эта закономерность в сочетаемости глагола со своими дополнениями служит логическим основанием так называемого глагольного управления, категории, которую многие (но далеко не все) считают чисто лексической по своей природе.

И. И. Мещанинов писал относительно содержательной связи «действие → объект», что «дополнения при глаголе становятся не только грамматической, но и лексической характеристикой», «дополнением связанного типа» [1948]. Сфера сочетаемости у объектных глаголов широка, признаков имен, характеризующих несколько (категорий) предметов гораздо больше по самой логике отношений вещей, явлений друг к другу, а следовательно, и больше ракурсов отношений человека как субъекта познания, жизненного опыта к этим предметам, явлениям, вещам. Объектные глаголы, в противоположность субъектным как семантически достаточным, имеют большое число внутренних и внешних распространителей — уточнителей, восполнителей их значения.

В номинативном, знаковом значении объектных глаголов фиксируется не только факт связи действия и объекта, как это имеет место у субъектных глаголов, но и сопутствующие признаки: характер и направление перемещения объекта, способ его изменения, среда протекания, средства и результат действия, т. е. такие многообразные логические связи и ракурсы, которые непомерно расширяют сферу семантической избирательности, круг лексической и синтаксической сочетаемости объектных глаголов.

В классе объектных глаголов наблюдается гораздо большее разнообразие тематических групп, чем у субъектных глаголов. Сюда следует отнести, прежде всего, все глаголы, обозначающие разные формы и процессы речемыслительной деятельности человека, нравственные характеристики лица, сферы эмоционального воздействия и восприятия человека, конкретные физические действия лица, перемещение предмета, воздействие на предмет, его создание, связи между предметами, отношения людей, физические характеристики одушевленных и неодушевленных «предметов» и т. п.

Как и в субъектных глаголах, характеристики действия по предметной сфере объекта имеют две формы манифестации: внутреннюю и внешнюю. Скрытая, внутренняя имеет место в случае включения в предмет глагольной номинации сложной конфигурации семантических признаков; тогда этой комплексной конфигурации семантических признаков соответствует отдельное глагольное наименование; например, в семном составе английского

Объектного глагола to drain (V_t) — draw (liquid) off or away by conduit, dry land by drainpipes withdrawing moisture дано два объектных словозначения, первое — более обобщенное, второе — конкретное. В приведенной дефиниции, отображающей логико-предметное содержание как первого, так и второго специализированного словозначения, выделяются следующие семы: назывная сема действия, внутренний объект, выраженный родовым именем (жидкость), инструмент, механизм действия (трубы), цель и результат действия — осушить, сделать пригодной для культивации (землю). Второй объект воздействия — величина переменная, объект внешний, уточняемый в конкретной речевой ситуации. Ср., например, a farmer must drain his land well for certain crops (Hornby, 363). Не меняется объектная направленность и в переносных его значениях to drain — to deprive (person or thing) of property, strength 'лишить человека его собственности, вещь (механизм, растение и т. п.) — ее силы'.

Внешняя дистрибуция характеризуется распространением глагольной семантики в относительно или/и в абсолютно актуализованных синтагмах. Семантические признаки, «включенные» в глагольное наименование, вернее, покрываемые им, будем называть внутренними, имплицитными; семантические восполнители глагольного признака, как правило, сигнификативного по своей природе, в синтагме — внешними, эксплицитными распространителями глагольной семантики соответственно глаголы первого типа — имплицитно переходные, второго — эксплицитно переходные.

Когда говорят о том, что синтагматическая значимость глагольных лексем преобладает над номинативной их значимостью, то имеют в виду, прежде всего сферу объектных характеристик глагола, его правую смысловую валентность, наиболее сложную, «запутанную» часть глагольного узла, в которой, тесно взаимодействуя и дополняя друг друга, локализуются лексические и синтаксические категории и их связи. Достаточно упомянуть лишь наиболее устоявшиеся понятия и соответствующие им термины, касающиеся правой глагольной валентности: «конфигурации или вставления» [Вейнрейх 1981], «глубинные падежи» [Филлмор 1966], «семантические валентности» [Апресян 1967], «объектные синтаксемы» [Мухин 1977].

С позиций семиологического описания лексической семантики глаголов, с учетом как номинативной, так и синтагматической их значимости мы называем эти многочисленные смысловые отношения членов предикатно-субстантивных минимальных синтагм, последовательно детерминирующих пороги лексико-семантического варьирования глагольных лексем, областью объектных характеристик глаголов, сферой семантических распространителей их лексической семантики.

В силу того, что язык в целом и отдельное слово в том числе интерпретируются как единство парадигматики и синтагматики, «описать систему знаков значит описать не только способы разграничения и отождествления, но и способы их комбинации» [Мартынов 1974, 118].

Это значит, что при семиологическом описании семантика глагольной лексемы должна быть определена реально: «какова номинативная значимость глагола?» и функционально: «какова его синтагматическая значимость», с какими словами глагол обязан вступать в семантические связи, чтобы реализовать свою системную значимость?

Разрабатывая основы универсального семантического кода (УСК),

В. В. Мартынов разграничил характеризующие словесные знаки на егены (признаковые имена) и тайгены (предметные имена) и предложил номенклатуру семантических категорий предметов [Мартынов 1974, 187]; мы приведем в качестве примера категории только объектных связей глаголов: отношение, воздействие, действие, обеспечение, владение, снабжение, обретение, сохранение, сбережение, делание, становление, побуждение, начинание, способствование и т. п., в которых интуитивно угадывается категория семантической переходности. Перечисленные категории представлены глаголами как субстанциональным, так и с несубстанциональным типом значения: физическое воздействие: *ломать, бить, управлять* (машиной); информационное воздействие: *приказывать, побуждать, просить* и т. д.

Эти абсолютные универсальные группировки предикатных слов, естественно, своеобразно преломляются в конкретных языках в зависимости от идеозигности форм и содержания, заданных актом номинации, спецификой грамматического строя, средствами и интенцией их актуализации в конкретном высказывании.

Взяв за основу предложенную Т. В. Ерохиной [1981, 79—80] классификацию семантических категорий объектных глаголов английского языка и значительно детализировав ее, мы предлагаем читателю следующую их субкатегоризацию.

Субкатегоризация объектных глаголов современного английского языка, как и любого другого — процесс чрезвычайно сложный, так как обозначаемые ими ракурсы отношений с «предметами» материального и идеального миров практически неисчислимы; семантическая классификация и конкретизация глагольных признаков могут быть доведены до крайней степени детализации — до единичной лексемы, а последняя до ее отдельного лексико-семантического варианта.

В самом первом ее приближении таксономию объектных глаголов современного английского языка можно представить следующим образом.

Глагольные наименования включают как динамические, так и статические признаки. Широко распространенным типом логико-семантических отношений между признаковым и предметным именами является «воздействие».

1. Категория «Воздействие»:

1) физическое непреобразующее воздействие на объект: а) устанавливать, закреплять — *fasten, fix, attach, set, tie, apply, paste etc.*; б) помещать, класть — *place, put*; в) перемещать, бросать — *carry, transport, convey, throw, hurl, fling, push etc.*;

2) физическое преобразующее воздействие: а) строить, создавать — *build, construct, frame, erect, fabricate, manufacture etc.*; б) деформировать, уродовать — *misshape, deform, disfigure, contort, twist, warp, truncate, distort, tear etc.*; в) уничтожать, разрушать — *destroy, wreck, abolish, demolish, ruin, annihilate, obliterate, erase, efface etc.*; г) тратить, расходовать — *expend, spend, squander*;

3) информационное воздействие на объект (приказом, декретом и т. п.): а) приказывать, командовать — *order, command, decree, dictate, direct*; б) просить, умолять — *request, ask, beg, demand, pray, crave, claim, entreat, plead, implore, ply, bid, appeal etc.*; в) организовывать, устанавливать — *organize, form, establish, arrange, construct, make etc.*; г) изгонять, удалять (лиц) — *expell, eject, elude, exile, banish etc.*;

4) эмоциональное воздействие на объект (на людей, животных): affect, scold, frighten, insult, annoy, excite, astonish, agitate etc.

5) моральное воздействие (на людей): осуждать, одобрять — approve, esteem, value, prize, appreciate, honour, accuse, depreciate, reprimand, rebuke, blame, oblige etc.

II. Категория «Обращение с объектом (предметом, вещью)»:

а) передавать (вещи, чувства, новости), проводить (теплоту, электро-энергию, свет) — give, deliver, transmit, transfer etc.; б) приобрести, купить (вещи, землю и т. п.), захватить (имущество, территорию), заработать (деньги) — buy, purchase, acquire, gain, win, earn, obtain, procure, appropriate, inherit, receive, capture, seize, assault etc.; в) наполнить, закрыть емкости,местилища — fill, pour, load, stuff, charge, lade, ship, close, plug, obstruct, shut etc.

III. Категория «Представление объекта»:

а) словесно, высказыванием — say, assert, affirm, declare, proclaim, state, protest, profess, propose, pronounce etc.; б) показом, манифестацией объекта — show, represent, express, manifest, exhibit, expose, unfold etc.; в) графически — print, write, denote, indicate, dash, note, mark, trace, underline, copy etc.; г) рисунком, живописью — draw, paint, picture, delineate, reproduce, illustrate etc.; д) жестом — gesticulate, nod, wink, glance, leer, shrug etc.; е) сценически — produce, act, perform, play, personate, stage, interpret etc.; ж) памятью — meditate, reflect, revise, remember, remind, memorize, recognize, recollect, recall, retrace, commemorate etc.

IV. Категория «Отношение»:

а) рациональные (умственные) отношения между людьми — promise, complain, bless, consider, regard, etc.; б) эмоциональные отношения между людьми — love, hate, regret, enjoy, please, etc.; в) отношения между вещами (в основном) — эквивалентности — equal, cost, weigh, balance etc., превосходящие (по стоимости, размеру и др.) exceed, excel, transcend, surmount, surpass, predominate, preponderate, overreach, override, overlap, overshoot, outjump, outdistance²⁴ etc.; г) отношения между людьми и вещами — посессивные: have, own, possess, hold etc.; д) собственно (релятивные) отношения belong, concern, fit, match, owe, suit etc.

V. Категория «Восприятие», понимаемая широко

как «вовлечение чего-либо в сферу ощущений

и умственного осознания человеком»:

а) в сферу зрительных ощущений — look, behold, see, view, descry, espy, eye, survey, inspect, sight etc.; б) в сферу слуховых ощущений — hear, overhear, listen; в) в сферу зрительной и умственной апперцепции: discern — perceive clearly with the mind or senses; perceive — apprehend with the mind, or through one of the senses, especially — sight; discover — disclose, expose to view, reveal, make known, exhibit, manifest, betray, suddenly realize; contemplate — gaze upon, view mentally; reflect — reproduce to eye or mind; г) в сферу умственного восприятия — think, meditate,

²⁴ Эта категория признаков имен маркирована префиксами: trans-, sur-, pre-, over-, out-, ex- как объектные, переходные.

ponder, contemplate, apprehend, conceive, cognize, understand etc.; д) в сфере других органов чувств — feel, scent, smell, taste etc.

Признаки, выраженные глагольными наименованиями внутри каждой семантической категории по направленности на сферу объекта, формируют «чистые», однопорядковые лексико-семантические группы, вернее, семантико-ономасиологические ряды. Мы специально раскрыли через дефиниции логико-предметное содержание глагольных лексем (в), чтобы убедить читателя в этом утверждении.

Объектные глаголы могут быть в английском языке как имплицитными, с включенными в наименование объектами и обстоятельствами действия, восприятия и т. п., так и эксплицитно, синтагматически распространяемыми. Имплицитными глаголами могут быть как однообъектные, так и многообъектные глагольные признаки; семантика имплицитно-переходных глаголов покоится на расчлененном, детализированном, конкретном (и потому узком) понятии, в то время как лексическое значение эксплицитно-переходных основывается на сумме семантических признаков, требующих синтагматического распространения предметными именами.

В качестве примера имплицитно-переходных глаголов можно привести узкие объектные глаголы. Так, to marry 'жениться, выходить замуж', семантически ориентирован относительно только лиц; в его русских эквивалентах субкатегоризация сочетающихся с ними предметных имен доходит до различий по полу индивидов. Семантическим объектом таких узких однообъектных глаголов, как woo 'ухаживать за девушкой, добиваться ее руки', gare, seduce 'соблазнять' может быть лишь имя лица женского пола, определенного возраста — (девушка); наоборот, глагольный признак to scold 'наставлять рога' поименован относительно лица мужского пола, состоящего в браке.

Эксплицитно-переходные глаголы, требующие семантического распространения в линейном ряду, имеют в основе своего значения какой-либо один, но более обобщенный признак, например, to flatter 'лстить', to exile 'ссылать', to admire 'любоваться', обозначающие антропонимические характеристики. В разряде имплицитно-переходных глаголов с включенными в их семный состав дополнительными признаками (инструмент, результат действия, подвергаемый данному действию предмет и т. п.) наиболее простая конфигурация семного состава представлена набором двух сем.

а) «Действие — инструмент (имплемент)»: clip_(vt) — cut (something) with shears or scissors, trim thus 'подрезать (что-либо), подравнивая, ножницами'; iron_(vt) — smooth (linen) with iron 'гладить (белье) утюгом'; slap_(vt) — strike (somebody) with palm of hand 'ударить ладонью (кого-либо)'; key_(vt) — fasten (something) with key, pin, bolt 'закрыть ключом, на засов, заколоть булавкой'; knee — touch (ground, floor) with knee 'опуститься на колени'.

Семантика таких объектных глаголов складывается в рамках ономасиологической формулы «действие—объект» и из конфигурации семного состава наименований, в которое помимо назывного глагольного признака «действие» включен «имплемент» данного действия; кроме этого, имеется «вакантное место» для объекта, над которым совершается глагольное действие. Если рассматривать дефиницию с логико-грамматической точки зрения, то в ней налицо два дополнения — прямое и предложное; при их

сопоставлении оказывается, что прямое имплицитруется логикой предметного мира и как категория логическая прямое дополнение — элемент более постоянный, категория более универсальная и обобщенная; напротив, предложное дополнение обозначает более конкретную категорию «предметов», используемых в качестве имплементов; именно эти предложные дополнения специфичны для данного признака и «включены» в поименованное глаголом действие, входя в глагольную семантику как семантические восполнители.

б) «Действие — манера его исполнения»: *pare*_(vt) — *trim*(thing) by cutting away irregular parts 'обровнять, подрезывая'; *jerk*_(vt) — *cure* (esp. beef) by cutting in long slices and drying in sun 'сушить, вялить (мясо)'; *gash*_(vt) — *make* long and deep slash, cut 'наносить глубокую рану'.

Конфигурация семного состава этих объектных наименований представлена «назывным признаком глагольного действия + манера, способ его исполнения». Раз это семантически (логически) переходный глагол, то естественно, что имплицитно присутствует и объект действия: «вялить, разрезая на длинные полоски», можно фрукты, мясо, а «обрезать, подравнивая», можно лежащую или свисающую ткань, кожу и т. п.

Здесь, как и в предыдущих примерах (а), противопоставляются две величины — более общая (выведенная логически и/или эмпирически) категория объекта и переменная, восполняющая глагольный признак — обстоятельственная категория образа действия. Естественно, в синтагматике обстоятельство образа действия, включенное в наименование, отсутствует, если нет на нем эмфатического ударения.

Как и в предыдущем случае (а), в глагольных наименованиях (в) как нефинитных (none finite) единицах языка заданы две предметные категории: одна обобщенная в виде «вакантного» места предиката, заполняемого переменными величинами, другая, наоборот, конкретная, специфичная, вошедшая в семантику глагольного имени как предметный восполнитель глагольного признака и потому постоянная.

в) «Собирательно-разделительное действие — его результат»: *sheave*_(vt) — *gather* (corn, etc) into sheaves 'собирать, вязать (злаковые и т. п.) в снопы'; *pod*_(vt) — *drive* seals into a pod 'сгонять (китов, моржей) в стаи'; *bale*_(vt) — *make* up into package of merchandise 'укладывать товар в тюки'; *clap*_(vt) — *pile* (bricks, potatoes) under straw, earth, turf 'складывать в кучи, брикетировать'; *cock*_(vt) — *heap* hay, rarely corn 'ставит сено в стога, хлеб в скирды'; *tress*_(vt) — *arrange* hair in tresses 'заплетать волосы в косы'; *heap*_(vt) — *pile* things up together in a heap 'сваливать, собирать вместе, вещи в кучу'.

Мы выделили в приведенных выше словарных определениях глаголы-идентификаторы, которые образуют, в свою очередь, некую группу с основным (заглавным) предикатом — *to arrange* 'располагать в определенном порядке, устраивать' — *arrange* by driving into, by gathering into, by making into, by piling in etc.

Лексическое значение глагольных предикатов формируется из собственно «вещественных» признаков, отображающих реальные или приписываемые свойства предметов, и моделей семантико-логических связей между этими предметами; часто словесные знаки в качестве своих значений закрепляют за собой именно данный строго определенный ракурс предметных и признаковых связей.

В нашем случае (в), в конфигурации семного состава, формирующем лексическое значение, отображены действия над целым (чаще неисчислимым) множеством — «скошенные злаковые», «лежища моржей», «волосы» и т. п. — с целью упорядочения квантификаций этих множеств на определенные количества как наименьшие их части; ср.: *стог сена, скирда хлеба, тюки товара* и т. п.

Словарная дефиниция, раскрывающая логико-предметное содержание глагольного имени, указывает не только на природу глагольного признака, но и на ракурс его отношений к предметным именам, восполняющим глагольную семантику. Если подходить к конфигурации семного состава глагола формально, то налицо два дополнения: прямое — переменная величина, скорее, предикатное место, заполняемое на синтаксическом (поверхностном) уровне, и предложное, не имеющее в английском языке свободного статуса, будучи включенным в самое глагольное наименование — случай так называемой аналитической переходности [Степанов 1977, 140].

В объектных глаголах с включенным в наименование аналитическим дополнением важно содержательно установить не только наличие «прямого» и «предложного» дополнений, но и необходимо определить само направление и природу их семантических отношений к глагольному признаку.

Как было уже отмечено выше, семантические связи глагольного признака со сферой объекта осуществляются в форме «вставлений» (nesting), при которых предметные имена вступают в подчинительные семантические связи с глаголом, при этом предметные имена занимают различный языковой статус: прямое дополнение, формирующее (потенциально) «вакантное место», эксплицируется в конкретном высказывании в синтагматическом ряду, в то время как «предметное дополнение» имплицитно присутствует в глагольном наименовании; первое — свойство глагола предиката, требующего явного (overt) дополнения в речевой цепи, второе — принадлежность глагольного наименования, скрытая (covert) категория, присутствующая в глагольном значении как бы в «снятом» виде. Если, к примеру, сравнить семантический результат русских сочетаний слов в виде «вставлений» (nesting) и «сцеплений» (linking): *ставить сено в стога — стога сена, упаковывать товар в тюки — тюки товара, вязать рожь в снопы — снопы ржи*, то имеется большая разница в интенционале этих языковых выражений, хотя по самому фактическому действию, вернее, «состоянию дел», их можно считать в некотором смысле тождественными: *ставить сено в стога — (стоят) стога сена*. В определительной синтагме *стога сена* основным семантически определяемым компонентом является *стога*, определением — *сена*. Несмотря на то что лексема *сена* в роли экспликанта [Кацнельсон 1972] манифестирует не категорию субстанции, а отношения, сочетание *стога сена* воспринимается как обозначающее некоторую предметную сущность, это — прерогатива линейного «сцепления» (linking) семантических компонентов. Напротив, в «вставлениях» (nesting) в силу того что предложное дополнение выполняет логически роль предикатного восполнителя, составляя часть глагольного наименования, главенствует признаковый член сочетания, а предметный компонент «вставления» может быть опущен без ущерба смысла всего глагольного сочетания типа: *заплетать волосы (в косы) — to tress, упаковывать товар (в тюки) — to bale* и т. п. Именно включенное в глагольное наименование предметное имя формирует

снотативный компонент его знакового значения. Не случайно в английском языке как сугубо «лексикологическом», не отягощенном залого-видовой морфологией глагольных лексем, этот тип логических отношений закреплён широко распространённой моделью семантической транспозиции $N \rightarrow V_t$ (имя существительное \rightarrow переходный глагол).

1) N — чувство, V_t — проявлять чувство: $disgust_{(n)}$ — loathing; $disgust_{(vt)}$ — excite loathing;

2) N — вещество, V_t — использовать вещество: $soot_{(n)}$ — black substance; $soot_{(vt)}$ — cover with soot;

3) N — собирательное имя людей, V_t — их действие: $police_{(n)}$ — civil administration; $police_{(vt)}$ — control by means of police;

4) N — инструмент, имплемент, V_t — действие, с помощью его совершаемое: $shovel_{(n)}$ — scooping implement for shifting (earth); $shovel_{(vt)}$ — shift with, or as with shovel;

5) N — результат презентации времени, работы, V_t — действие, порождающее N^{25} : $schedule_{(n)}$ — tabulated statement of detail; $schedule_{(vt)}$ — make schedule of;

6) N — процесс или результат действия разделения, V_t — осуществление такого действия: $section_{(n)}$ — separation by cutting, or part cut off; $section_{(vt)}$ — divide in, or bring to section.

Эта чрезвычайно продуктивная модель образования глагольных наименований по семантической транспозиции (более 1000 пар предметных и признаковых имен находятся в состоянии семантической производности) в лексике современного английского языка [Уфимцева 1968].

Продолжая описание семного состава аналитических переходных глаголов с включёнными в их наименование различными по своим логическим связям объектами, остановимся ещё на нескольких модификациях, вернее, субкатегориях обобщённой ономаσιологической формулы «действие \rightarrow сфера объекта».

г) «Действие — удаляемый объект»: $flay_{(vt)}$ — strip off skin or hide of 'сдирать шкуру, очищать'; $rind_{(vt)}$ — to strip, remove bark (of tree, vegetables) 'сдирать кору, кожуру'; $husk_{(vt)}$ — remove husk from 'удалять кожуру, сердцевину (из фруктов)'; $burl_{(vt)}$ — remove knots, clear of knots 'удалять узлы (на материале, на пряже)'.

д) «Действие — наделяемый объект»: $soll_{(vt)}$ — feed (cattle) on fresh-cut green fodder 'кормить (скот) свежескошенной травой (зеленым кормом)'; $fodder_{(vt)}$ — give fodder to 'задавать корм (скоту)'; $plate_{(vt)}$ — cover something with metal 'покрывать металлом, плакировать'; $tax_{(vt)}$ — impose tax on (subjects, citizens, commodity, land) 'облагать (кого-либо, что-либо) налогом'.

е) «Действие — место, вместилище»: $bury_{(vt)}$ — commit to earth, tomb or sea (corpse) 'хоронить, прятать'; $cote_{(vt)}$ — put (sheep, hens) in cote 'загонять скот, птиц в хлев, загон, курятник'; $mew_{(vt)}$ — put hawk in cage 'сажать сокола, ястреба в клетку'; $stove_{(vt)}$ — raise (plants) in stove 'выращивать (растения) в теплице'.

Ср. многочисленные глаголы, образованные по конверсии: to bottle 'хранить, помещать в бутылку'; to can, to garage, to basket 'консерви-

²⁵ Ю. С. Степанов называет такие глаголы обладающими «аналитической эффективной переходностью» [1977, 141].

ровать, ставить в гараж, собирать в корзинку' соответственно. Немало объектных глаголов содержат в конфигурации семного состава по три семантических признака.

ж) «Действие — объект — имплемент»: *gaff*_(vt) — *seize (fish) with gaff* 'подхватить рыбу баргом'; *leister*_(vt) — *spear with leister* 'забивать лососей остройгой'; *seal*_(vt) — *stamp or fasten something with seal* 'поставить печать, скрепить что-либо печатью'; *crown*_(vt) — *invest person with regal crown* 'увенчать кого-либо (царской) короной'; *to mulch*_(vt) — *treat (newly planted trees) with mulch* 'обкладывать корни саженцев навозом'.

з) «Действие — объект — цель»: *onion*_(vt) — *rub (eyes) with onion to make them water* 'натереть глаза луком, чтобы вызвать слезы'; *brandish*_(vt) — *wave about, flourish (weapon, threat) as preliminary to action or in display* 'размахивать, бряцать (оружием) с целью угрозы'; *nudge*_(vt) — *push somebody with elbow to draw attention* 'подтолкнуть кого-либо локтем, чтобы привлечь внимание'.

Рассмотрение конфигурации семного состава объектных глаголов с включенными в наименование семантическими признаками (имплемент, способ и манера исполнения, результат и виды дополнений глагольного действия) позволяет отметить следующие их особенности:

1) подавляющему большинству таких объектных наименований свойственна так называемая аналитическая эффективная переходность, при которой «действие выходит за пределы субъекта на объект, но сам объект создается лишь в результате действия» [Степанов 1977б, 141];

2) какой бы сопутствующий действию семантический признак ни включался в наименование, в последнем наряду с внутренним аналитическим объектом, наличествует внешний объект, который имплицитно логически предшествует предметному ряду, ситуацией речи и потому номинально выступает лишь в виде «вакантного места» при данном глаголе, которое не всегда заполняется в «поверхностной структуре», ср.: *to plan* 'планировать, составлять план'; *to bale* 'паковать, увязывать в тюки (товар)';

3) в наименованиях типа *to flay* 'очищать, сдирать кожуру' и т. п.; *to husk* 'удалять кору с (дерева)' налицо два дополнения — одно внутреннее, выступающее предикативным восполнителем, постоянным и обязательным элементом, второе — внешним распространяемым в синтагматике, переменным по сравнению с первым.

Среди объективных наименований, составляющих 50 % английской глагольной лексики (подсчет проведен по [The Concise Oxford Dictionary. . ., 1951]), имеются другие разновидности семантической переходности, ракурс семантических отношений между действием и его объектом может быть приравнен к «синтетической эффективной диатезе», при которой «действие выходит за пределы субъекта на объект, внешний по отношению к действию и субъекту; объект подвергается реальному изменению» [Степанов 1977б, 140]. Мы в свое время назвали эту группу английских объектных глаголов семантически активными, выражающими в противоположность инактивным (состоянию, отношению) идею охвата объекта своим действием [Уфимцева 1968, 180] — *effect* — *bring about, accomplish*; *drape* — *arrange something in folds*; большую группу составляют префиксальные наименования: *impair* 'разрушить', *embrown* 'сделать коричневым', *dismiss (assembly, army)* 'распустить', *dissect-cut into pieces (animal, plant)* 'анато-

мировать' и т. п. Еще более емкой является группа объектных глаголов, при которых имеется внешний объект, который не подвергается изменению, а только «участвует в действии», — диатеза, называемая «синтетической неэффективной» [Степанов 1977б, 140]. Ср. английские глаголы: to punish 'наказывать', to possess 'владеть', to limit 'ограничивать', to ignore 'игнорировать', to rid 'освобождать' и др. К этой же группе относятся производные глагольные наименования с префиксами: be-, out-, over-, con-, in-, en-: bemoan 'оплакивать', outwit 'перехитрить', overcome 'преодолеть', confirm 'подтверждать', impress 'впечатлять' и с суффиксами: -ate, -fy, -en, -ize: liberate 'освобождать', electrify 'электрифицировать', liken 'сравнивать', disorganize 'нарушать систему, порядок' и т. п.

Особую по характеру семантических отношений глагольных наименований с их объектными актантами и значительную по количеству группу составляют каузативные глаголы. Восходящие по названию к латинскому causa 'причина, основание', 'побудительное начало' каузативные глаголы выражают, как правило, побуждение к действию. В английском языке, как чисто аналитическом, нет грамматикализованного средства выражения категории «каузативности», как, например, в агглютинативных языках, имеющих специальную группу суффиксов, с помощью которых образуется понудительный залог [Наумова, 1967, 7], как это имеет место в турецком [Кононов 1956] или венгерском [Майтинская 1959]. В английском лексическом составе, особенно в классе признаков имен, имеется обширный разряд глаголов с категориальным значением «побуждения к действию или состоянию». Определяя семантику каузативных глаголов через способность/неспособность моделировать целую каузативную ситуацию, выраженную пропозицией, а не единичным глагольным наименованием, Г. Г. Сильницкий дает примерно такую же дефиницию: «Каузативные глаголы определяются как глаголы, моделирующие каузативные ситуации, т. е. выражающие воздействие и терминальное состояние» [1974, 11].

Каузативные значения, имеющиеся в любом языке, бывают отмечены различными средствами: морфологически, синтаксически, лексически, выражая одну из главных диатез — «отношения между субъектом и объектом», первичными или вторичными предикатами — полнозначными или отчасти делексикализованными глагольными словами. Кроме того, категория каузативности часто выражается синтаксически, в синтагматическом ряду при помощи строго логически выработанных моделей и позиций. Совокупность и определенная иерархия средств выражения каузативности в любом языке может быть рассмотрена как определенное «функционально-лексическое поле».

Если посмотреть ретроспективно на средства выражения категории каузативности в английском языке, то основная тенденция их развития осуществлялась в направлении смены морфологических средств (чередования глагольных основ) лексическими, лексико-синтаксическими. Так, с древнеанглийского периода с более или менее регулярным соотношением глагольных основ, выражающих значение «каузативность/некаузативность» до наших дней дошли лишь «осколки» указанных оппозиций, притом ее члены настолько дифференцировались по своему лексическому значению, что только исторический ракурс позволяет восстановить древнеанглийские регулярные соотношения глагольных основ.

Ср. в древнеанглийском языке ²⁶:

Каузативные глаголы	Некаузативные глаголы
drencan — to give to drink, make drink	drincan — to drink;
fellan — cause to fall	fealan — to fall;
lecgan — cause to lie	licgan — to lie, be at rest
settan — cause to take a certain position	sittan — to sit, be seated

В современном английском языке:

drench (vt)	‘пропитывать влагой, промочить насквозь’	drink (vt/vi)	‘пить, проглатывать жидкость’
fell (vt)	‘рубить лес, валить с ног’	fall (vi)	‘падать’
lay (vt)	‘класть, положить’	lie (vi)	‘лежать’
set (vt)	‘ставить, помещать’	sit (vi)	‘сидеть’

В современном английском языке имеется три продуктивных способа отмеченности категории «каузативности»:

а) специализация лексем, в семантике которых имеются семы «побуждения к действию»; такие глаголы используются как своеобразные служебные слова, типа *make, bring, set, get*, будучи дополнены различными формами предикативных компонентов (*predicatives*);

б) лексическими средствами исключительно, т. е. лексемами, в смысловой структуре которых имеются «каузативные» лексико-семантические варианты; часто весь смысловой объем лексемы содержит данное категориальное значение;

в) лексико-синтаксическими средствами, когда некаузативные глаголы в определенных синтаксических моделях и синтаксических позициях обозначают различные каузативные ситуации, возникающие в реальной действительности и соответственно подлежащие наименованию в речевых актах.

В связи с интерпретацией глагольных лексем как наименований каузативных ситуаций значительно расширилось понимание самой категории «каузативности»: под нее подводятся даже те лексемы, которые не содержат в своей смысловой структуре ни одного лексико-семантического варианта со значением «понудительного воздействия». В число каузативных глаголов зачисляются иногда почти все глаголы пространственного перемещения, посессивные, логические конверсивы, симметричные глаголы и большинство двунаправленных, содержащих в семантической структуре ЛСВ, ориентированные как на сферу объекта, так и на сферу субъекта обозначаемого глаголом действия, воздействия: *to open* ‘открывать/открываться’, *to break* ‘ломать, разбивать/ломаться, разбиваться’, *to move* ‘двигаться/двигать, передвигать что-либо’. Примером глаголов, относимых иногда к каузативным, но не имеющих ни одного семантического признака «побуждения к действию» в своей семантике, могут служить *to drop* ‘ронять, бросать’, *to incline* ‘быть склонным к чему-либо’ и т. п.

Самым распространенным способом выражения категории «побуждение субъектом объекта к действию» в английском языке являются лексические средства, особенно глаголы, включающие в свое лексическое значение данный ракурс логических отношений и предметных связей.

²⁶ Материал дается по [Bosworth 1954].

Заглавными глаголами, своеобразными семантическими идентификаторами этой обширной «каузативной» группы объектных наименований являются в лексике английского языка: to cause, to bring, to make, to set, to effect.

Чтобы выявить «степень каузативности», выражаемую данными глаголами, рассмотрим бегло смысловую структуру каждого ²⁷.

1. Глагол to cause содержит следующие каузативные словозначения: effect, bring about, make (person) or thing to do or to be done.

2. Глагол to bring — cause to come, come with or conveying by carrying, leading, impelling or attracting, cause, result in.

Нельзя не отметить того факта, что глагол to bring в сочетании с предложными наречиями и дополнениями образует множество аналитических наименований, в которых bring выступает исключительно в роли вербализатора с каузативным значением:

bring into play = cause to operate;
bring home to = convict, convince;
bring into the world = give birth to;
bring about = cause to happen;
bring down = cause penalty to;
bring low = become low;
bring on = cause discussion;
bring up = educate;
bring under = subdue и т. п.

3. Основным номинативным значением глагола to make является 'конструировать' (construct, frame), производными — 'создавать' (compose), 'готовить' (prepare); каузативные ЛСВ, как менее характерные для его смысловой структуры, даны в словаре под цифрами 5, 6, 9: make₅ — cause to exist, bring about; make₆ — result in; make₉ — to cause something to become a habit.

4. Глагол to set еще в меньшей степени обозначает «побудительное воздействие», у него только два словозначения содержат соответствующие семы: set₆ — bring by placing, arranging, impelling or other means into special state; set₇ — make sit down to task, cause to work.

5. To effect — bring about, accomplish можно включить в группу каузативных только по первому значению, и то его интенционал отличается от семантики перечисленных выше каузативных глаголов.

Степень схождения и расхождения каузативной семантики рассмотренных выше глагольных наименований показана в табл. 5, в которой вертикально даны глаголы как наименования, обозначения, т. е. в плане выражения, горизонтальный ряд представляет содержание глагола, те каузативные семы, которые наличествуют в семантической структуре каждого из данных глагольных наименований.

Таблица показывает, что семантической доминантой, содержащейся во всех пяти наименованиях, является логико-предметная основа глагола to bring, но наибольшее количество сем (четыре из пяти) содержит глагол to cause, наименьшее — to effect (одну) каузативную сему; to set — две семы помимо своей собственной, назывной.

Что касается таких английских глаголов, как to have, 'иметь' (предикат

²⁷ Смысловая структура глаголов берется в том объеме и порядке словозначений, как она дается в [The Concise Oxford Dictionary..., 1951].

Таблица 5

Семный состав глаголов, отраженный в словарных дефинициях					
Глагольные наименования	cause	bring	make	set	effect
cause	+	+	+	—	+
bring	+	+	—	—	—
make	+	+	+	—	—
set	—	+	+	+	—
effect	—	+	—	—	+

не только посессивности, но и долженствования), to let — с модальным значением разрешения, позволения, то они выражают значение понудительности только в отдельных конструкциях, описывающих каузативные ситуации; это — так называемый лексико-синтаксический способ образования «каузативных» оттенков значений глагольных лексем, широко распространенный в английском языке.

Помимо упомянутой микросистемы каузативов, ставших служебными, в составе лексики английского языка имеется обширная группа глаголов объективной семантической направленности со значением «понудительного действия». Лексико-семантическая группа включает десятки глаголов, обозначающих межличностные «принудительные» отношения. Глаголом идентификатором данной ЛСГ служит объектный, с довольно широким смысловым объемом глагол to force_(vt) 'принуждать'.

Раскроем характер знакового значения основных глаголов этой ЛСГ, приведя их словарные дефиниции, которые составляют их логико-предметное содержание, детерминирующее их «вещественное», т. е. лексическое значение.

To force_(vt) — 1) use violence to, ravish; 2) constrain, compel (person) to do; 3) confine forcibly, imprison (person); 4) urge, impose (action, conduct) on person;

to enjoin_(vt) — 1) impose (action, conduct) on person;
2) issue instruction, command (person) to do;

to impel_(vt) — drive forcibly, force (person) to do;

to urge_(vt) — to propel, to cause to proceed;

to oblige_(vt) — bind (person) by oath or promise to do;

to empower_(vt) — authorize, empower (person) to do;

to enable_(vt) — supply (person) with means to do;

to extort_(vt) — obtain (money, promise) by violence;

to compel_(vt) — constrain, force (person) to do.

Кроме перечисленных выше глаголов с каузативной семантикой и десятков таких же глаголов, содержащихся в дефиниционном тексте, в лексиконе английского языка их имеется больше сотни, перечислим лишь некоторые префиксальные и суффиксальные наименования с категориальным значением «побудительного, исходящего от субъекта действия на объект»: imprison 'посадить в тюрьму', endow 'обеспечивать постоянным доходом', endue 'наделять, облекать властью'; invigorate 'придавать силу, вселять энергию'; necessitate 'делать необходимым, влечь за собой'; sustain 'поддерживать, придавать силы'; reinforce 'усиливать, укреплять что-либо'; enhance

‘усиливать, усугублять, увеличивать’, strengthen ‘делать более сильным’ и т. п.

Однако следует отметить, что в «лексикологических», аналитических языках семантическая направленность отмечена суффиксами или префиксами не у большого числа глаголов; более того, один и тот же суффикс или префикс наличествует и в субъектных глаголах. Ср.: confirm_(vt) — объектный глагол, а conflict_(vi) — субъектный. Основной ракурс логических отношений категории каузативности выражается в дефинициях английских глаголов противопоставлениями make: become ‘сделать/стать таким’; furnish: admit ‘наделить/воспринять, снабдить (чем-либо)/поддаться (чему-либо)’.

Подводя итог семиологическому анализу однонаправленных глаголов — субъектных и объектных наименований, следует отметить, что описание их знакового значения предполагает не установление только предметной или понятийной отнесенности, но и характера семантической направленности обозначаемого признака на сферу (семантического) субъекта или объекта.

Семантический субъект и семантический объект, в отличие от грамматического подлежащего и сказуемого, — это совместимые с глаголом по своему значению семантические категории имен существительных (например, имя лица, предмета, абстрактной сущности), которые, как семантические восполнители глагольного признака, выступают потенциально и реально членами минимальных глагольно-именных синтагм. При этом обобщенная категория «семантического субъекта» глагольного действия не всегда совпадает с его грамматическим подлежащим. Ср., например, русские глаголы, обозначающие чувства, состояния субъекта, часто реализуемые в безличных конструкциях — *ему нездоровится, ее морозит*; а семантический объект объектных глаголов — например, *строить дом, бинтовать больное место, рану* и т. п. может быть легко трансформирован в грамматическое подлежащее пассивной конструкции.

Вторым необходимым разграничением при семиологическом описании глагольной семантики является дифференциация понятий «семантической» и «синтаксической» переходности, в определенном смысле тождественная разграничению функциональной и формальной переходности, предложенному С. Д. Кацнельсоном [1972, 50].

Семантическая переходность может быть приравнена к функциональной переходности постольку, поскольку в семантически переходном, т. е. объектном глаголе, имеется указание на связь с семантическим объектом глагольного действия, независимо от того, выражена ли эта смысловая связь синтаксически прямым, косвенным или предложным дополнениями.

Понятие «семантическая переходность» объектных глаголов, семантика которых выражает воздействие, направленность глагольного признака на объект, охват последнего глагольным действием шире, чем синтаксическая переходность, так как семантически объектные глаголы могут быть и часто бывают синтаксически непереходными, ср., например, в рус.: *удивляться чему-либо, восхищаться чем-либо, кем-либо; он удивлен, мы всегда восхищаемся* (этим). He laughs at... — он смеется над.

Примером субъектных значений переходных глаголов являются случаи так называемого абсолютного употребления переходных глаголов, у которых в силу характера семантики глагольной лексемы, ориентированной на объект, потенциально сохраняется способность сочетаться с именем, находящимся с глаголом в семантических комплементарных отношениях.

Абсолютное (непереходное) употребление семантически объектных глаголов в предложении без соотнесенности с объектом не отрицает возможности иметь его, так как это вакантное место предопределено его системным (номинативным) статусом.

Попытка разграничить и развести эти два вида переходности глаголов в русской традиции нашла выражение в отождествлении переходности с глагольным управлением.

Так, А. И. Смирницкий называл переходность категорией объектного отношения, говоря, что управление есть «отношение между явлением, обозначаемым данным глаголом и предметом или явлением, обозначенным посредством управляемого имени или явления» [1959, 234].

Идея о лексическом характере глагольного управления высказывалась неоднократно [Шерба 1947, 93; Мухин 1976, 111]. В. В. Виноградов четко противопоставлял эти два вида переходности как синтаксическую (грамматические типы словосочетаний) и семантическую (семантические разряды словосочетаний) [Виноградов 1954, 30].

Под семантической переходностью мы понимаем логико-семантические связи объектной направленности (на сферу объекта) глагола на восполняющие его семантику предметные имена, относительно которых дано имя глагольному признаку.

Синтаксическая переходность — это грамматическая связь глагола с прямым или предложным дополнением в границах синтагмы или целого предложения.

Итак, субъектные глаголы в силу того, что глагольный признак включает в свое лексическое значение только связь с семантическим субъектом, то их общекатегориальная семантика отображает «процесс», т. е. «действие» семантического субъекта, его состояние, сосредоточенное в себе. Например: «действие лица» — to sniff 'сопеть', to sneeze 'чихать'; «действие нелица» — to buzz 'жужжать (о насекомых)'; «действие (состояние) конкретного, исчисляемого предмета» — to throb 'биться (о сердце)', to scab 'покрываться струпьями (о коже)'; «действие неисчисляемого (вещества)» — dribble 'сочиться (о жидкости)'; «действие уникальных явлений природы» — to wind 'дуть (о ветре)', to rain 'идти (о дожде)', to sleet 'идти, выпадать (о мокром снеге)'; «процесс, охватывающий одушевленные предметы» (лица, животные и т. п.) — to live 'жить', to sleep 'спать' и т. п.

Объектные глаголы, отображающие своим лексическим значением связь семантического субъекта с семантическим объектом, обладают общекатегориальной семантикой «действия», которая вбирает в себя понятия «воздействие, каузации, побудительного межличностного отношения субъекта к объекту, результативность — воздействие на объект с изменением или без изменения последнего и создание объекта в результате данного действия».

В заключение обсуждения семантически однонаправленных глаголов (субъектных и объектных) следует отметить, что подобно тому, как «постоянство синтаксической модели может быть достаточным показателем устойчивости того или другого грамматического значения» [Ярцева 1961, 298], так и постоянство модели логико-семантических отношений предмета и признака семантической направленности (ономасиологическая формула) признака на сферу субъекта или объекта может служить достаточным критерием выделения отдельного семиологического класса глаголов.

Интересно отметить, что семантическое противопоставление «субъекта» «объекту» находит нередко формальное выражение и в некоторых языках, как, например, в венгерском, обобщено до грамматических категорий субъектного и объектного спряжений глагола.

Характер лексической семантики двунаправленных глаголов

Особенностью семантики двунаправленных глаголов, составляющих около 40 % корпуса глагольных лексем современного английского языка, является то, что в их смысловой структуре имеются как субъектные (поименованные относительно сферы субъекта), так и объектные (поименованные относительно сферы объекта), лексико-семантические варианты, или, в другой терминологии — субъектные и объектные словозначения.

Глаголы, прямое словозначение которых имеет семантическую направленность на сферу субъекта, а производно-номинативное — на сферу объекта, называются нами субъектно-объектными²⁸; глаголы, прямое значение которых формируется относительно сферы объекта, а производное — относительно сферы субъекта — называются объектно-субъектными [Уфимцева 1968, 1972, 1974].

Говорить о специфике английских двунаправленных глаголов значит говорить о характере их семантической производности. Двунаправленные английские глаголы возникают в результате взаимодействия в синтагматическом ряду семантических и синтаксических актантов признакового имени, а следовательно, двунаправленность семантики таких глаголов зависит как от конкретного лексического значения лексемы, так и от синтаксической позиции и семантических отношений между объектом и субъектом действия (состояния и т. п.) в пропозиции.

Двунаправленные английские глаголы возникают не только в результате взаимодействия лексических и синтаксических параметров этих лексем, но и обусловлены грамматическим строем языка в целом. В английском языке при наличии формального неразграничения переходных и непереходных значений омонимия глагольных форм оборачивается особым характером полисемии этих глаголов.

Семантическая деривация глагольных значений в английском языке не есть чисто лексическое их свойство: совпадение/несовпадение семантической и синтаксической переходности/непереходности порождает целый ряд типов семантико-синтаксической деривации глагольных значений.

Рассмотрим семантику каждого подкласса двунаправленных глаголов отдельно.

Субъектно-объектные глаголы

Как о том свидетельствует название данного семиологического подкласса глагольных лексем, они образуются на основе субъектных глаголов.

Среди субъектных наименований имеется группа лексем, значение которых носит побудительный, каузативный характер. Оставаясь семантически непереходными, такие глаголы функционируют как синтаксически переход-

²⁸ Субъектно-объектные глаголы составляют 11,5 %, а объектно-субъектные — 28,5 % от общего числа всех английских глагольных лексем.

ные, имеющие в качестве прямого дополнения семантический субъект: a kite flies — to fly a kite; a ship sails — to sail a ship; a wardrobe stands — to stand a wardrobe.

В этих двух синтагмах значение глагольных лексем варьируется.

В составе глагольной лексики имеется значительное число глаголов с так называемым родственным дополнением (cognate objects), которые не меняют своей субъектной направленности, несмотря на наличие при них объектов: to laugh a hearty laugh, to mouth words, to laugh a toneless chuckle, to live a long life. По этой же модели образован целый ряд глаголов, в которых семантический объект придает соответствующему глагольному признаку значение «качественной репрезентации» ср.: to nod one's approval, to nod one's recognition, to smile one's consent, to laugh a gay light sound и т. п., которые означают «выразить одобрение, согласие кивком головы, улыбкой». К этому же типу относятся так называемые квазипереходные глаголы, в которых налицо — несовпадение синтаксической и семантической непереходности, вернее, совмещение семантической непереходности и синтаксической переходности, ср.: to rumble streets 'гроыхать по улицам', to journey a land 'путешествовать по стране' to walk a forest 'бродить (прогуливаться) по лесу'.

Для субъектных глаголов, особенно глаголов движения, как семантически самодостаточных, адвербиальные модификаторы пространственного и временного указания не варьируют семантику глаголов; эти модификаторы как бы остаются за пределами их «внутренней семантической» сочетаемости. Как было отмечено выше, субъектные глаголы содержат категориальную статичную сему «процесс», (состояние) объектные — динамичный семантический признак — «действие», «воздействие», «создание». В субъектно-объектных глаголах лексико-семантическое варьирование идет в направлении от прямого субъектного ЛСВ к производному объектному.

Субъектно-объектные глаголы не только двунаправлены, т. е. содержат в своей семантике как субъектные, так и объектные ЛСВ, они еще и бикатегориальны: прямые (субъектные) ЛСВ выражают «процесс», «состояние», реже действие, а производные (объектные) обозначают «воздействие», приводящее объект в соответствующее состояние, положение. Например, глагольная лексема to stand (V_i/V_t)²⁹ своим субъектным значением выражает признак субъекта — «стоять» (о лице, предмете, явлении), а ее объектное значение — каузативное действие, производимое над объектом (лицом, предметом и т. п.) соответственно выражает понятие «ставить», «заставить стоять», «поставить». Таким образом, среди субъектных глаголов есть такие, которые выражают своей семантикой не только абсолютное действие, состояние субъекта, замкнутое в нем самом, но и обозначают отношения между предметами и лицами, логические связи между субъектом и объектом глагольного действия. Эти сложные и многообразные связи носят в основном причинно-следственный характер или выражают категорию фактивности и следственной результативности.

1. Наиболее широко распространенный тип логической связи между двумя лексико-семантическими вариантами является «каузативная связь»,

²⁹ Здесь и далее V_i означает объектный ЛСВ, т. е. переходное значение, V_i — субъектный ЛСВ, V_i/V_t — субъектно-объектный, V_t/V_i — объектно-субъектный. При этом имеется в виду не синтаксическая, а семантическая переходность/непереходность.

возникающая между «семантическим субъектом, объектом и глагольным признаком». Общая формула отношений между субъектными и объектными словозначениями — следующая: «самостоятельное действие субъекта — воздействие на объект, его перемещение». Естественно, это имеет место в основном в глаголах движения, перемещения.

to jump (Vi/Vt) — 1) V_i — spring from ground. . .

2) V_t — cause (thing, animal) to jump, например:
He jumped the horse over the fence;

to run (Vi/Vt) — 1) V_i — progress (of man, animal) by advancing each foot. . .

2) V_t — make run or go — run cattle, boat, train, ship aground etc.

К этой лексико-семантической группе «движения», выраженной двунаправленными субъектно-объектными глаголами, можно отнести: ride, walk, fly, sail, step, slope, slip, slash и т. п. Было бы неверно полагать, что семантическая производность путем каузации³⁰ свойственна лишь глаголам движения; этому же логическому типу отношений подвержены многие другие глаголы, которые образуют объектные лексико-семантические варианты и в том случае, когда прямое субъектное значение двунаправленного глагола логически имплицитно определяет результат (факт) действия.

Ср., например, такие синтагмы:

to dine (in time), to dine somebody	'обедать/угощать обедом кого-либо';
The noise lessened, to lessen fertility	'шум уменьшился; уменьшить плодородие';
The flags were fluttering in the wind	'флаги развевались по ветру';
to flutter flags, wings	'махать, размахивать крыльями, флагами'.

II. Ко второму типу логических отношений между субъектными и объектными лексико-семантическими вариантами при их внутрисловной деривации относится абсолютизация глагольного признака путем опущения семантического объекта, приводящая к спецификации действия как профессионального. Этот способ образования нового словозначения свойствен и русскому языку; ср.: *Она учит* (учительница), *Он шьет* (профессионал) и т. п. Обратной логической связью является «введение» семантического объекта, конкретного уточнителя действия, отдельного его акта, ср.: *Она шьет платье*, *Он учит сына английскому языку*.

Эти два взаимосвязанных процесса семантической деривации в рамках полисемии глагольного слова сопровождаются меной категориальной семантики «процесс»/«действие», наличием/отсутствием синтаксического (в первом случае) и семантического (во втором) объекта, обобщающем или конкретизирующем глагольный признак. Так, в пропозиции *She dances well* обстоятельство образа действия не влияет на субъектное значение глагола *to dance*; напротив, введение объекта — *She dances polka well* — меняет, вернее, маркирует семантику глагольного признака как конкретного акта исполнения

³⁰ А. П. Кувенева [1978] называет этот тип семантической производности «каузацией семантического объекта».

Таблица 6

Семантическая структура субъектно-объектного глагола to run

Тип и значение лексико-семантического варианта (ЛСВ)	Ономасиологические модели глагольного признака	Модели логико-семантических субъектно-объектных отношений на уровне семантических категорий слов	Семантически совместимые с глагольным признаком предметные имена
1	2	3	4
Субъектный ЛСВ 'бежать'	S ← Vi	действие лица/нелица	men people animals } run
Субъектный ЛСВ 'курсировать, передвигаться'	S ← Vi	действие средств передвижения	trains trams cars } run
Субъектный ЛСВ 'пролететь, промелькнуть'	S ← Vi	течение времени, восприятия	time, years idea, analogy, } run
Субъектный ЛСВ 'охватить, пробежать'	S ← Vi	проявление чувств	fear shiver pain passion } run
Субъектный ЛСВ 'литься, течь'	S ← Vi	движение жидкости	tears, river tap } run
Субъектный ЛСВ 'расплываться'	S ← Vi	распространение вещества по ...	colour ink fire } run
Субъектный ЛСВ 'распространяться'	S ← Vi	распространение новостей, слухов	news rumours words } run
Субъектный ЛСВ 'тянуться, простираться'	S ← Vi	протяженность субъекта	road, rope scar } run
Объектный ЛСВ 'гнать, травить'	V ₁ → O	понудительное действие лица относительно лица/нелица	to run { animals persons
Объектный ЛСВ 'вонзать, вгонять, вдевать'	V ₁ → O	действие лица над исчисляемыми предметами	to run { a splinter a sword a thread
Объектный ЛСВ 'управлять, водить'	V ₁ → O	действие лица над средствами передвижения	to run { a car a machine
Объектный ЛСВ 'лить, наливать'	V ₁ → O	действие лица относительно жидкого вещества	to run { water bullets
Объектный ЛСВ 'осуществлять, вести (дело)'	V ₁ → O	предпринимательское действие лица	to run { household business show
Объектный ЛСВ 'управлять, руководить'	V ₁ → O	действие лица руководителя производства, предприятия	to run { an inn a factory a party
Объектный ЛСВ 'эксплуатировать, использовать'	V ₁ → O	действие лица, побуждающее работать на него другое лицо	to run { a man a servant

танца «польки». Вышеразобранный способ внутрисловных логических и лексико-синтаксических отношений словозначений разной семантической направленности можно назвать «абсолютизацией глагольного признака» (ср. абсолютное употребление глагола, которое далеко не всегда приводит к изменению лексического значения) и «введением семантического дополнения», или «транзитивацией глагола»: 1) V_1 — to labour — use labour, exert oneself 'трудиться, работать', 2) V_1 — to labour a point 'разработать, рассмотреть детально точку зрения'.

Семантическая деривация субъектно-объектных глаголов в английском очень продуктивна, ср.: to bathe, to breathe, to bleed, to dance, to dash, to fade, to enter, to fail, to fish, to feed, to float, to fly, to freeze, to fuss и т. п.

Чтобы не возвращаться к типу семантической структуры субъектно-объектных глаголов, приведем логические основания, характер семантических категорий предметных имен сферы субъекта и сферы объекта, формирующих знаковое значение широкого по своему смысловому объему субъектно-объектного глагола to run (V_i/V_t) 'бежать'.

Объектно-субъектные глаголы

Объектные глаголы, на основе которых формируются двунаправленные объектно-субъектные, в каждом языке более многочисленны в силу логики отношений вещей, предметов, явлений в человеческом опыте, в объективной действительности как мире вещей и явлений.

Объектно-субъектные глаголы представляют ту специфическую сферу английского языка, где взаимодействие лексического и синтаксического в глагольных лексемах при относительной актуализации последней проявляется наиболее своеобразно.

Семантическая избирательность, внутрисловное разграничение семантики признаковых двунаправленных наименований детерминруется не только семантикой предметных имен сферы объекта, но и семантическим субъектом. Следовательно, ономаσιологическая формула этих глаголов равна модели пропозиции $S \leftarrow V \rightarrow O$.

Например, английский глагол to arrest, объектный по семантической направленности признака, варьирует свое значение в зависимости от семантически сочетающихся с ним предметных имен: to arrest a person 'арестовать человека'; to arrest decay 'приостановить упадок'; to arrest attention 'приковать внимание'; to arrest machine 'выключить машину' конкретизирует свое значение только в предикатно-объектных синтагмах, т. е. значением семантических объектных актантов.

Напротив, объектный глагол to shed 'проливать' реализует свои вторичные значения только в максимальной ономаσιологической модели: $S \leftarrow V \rightarrow O$; Trees shed their leaves; Snakes shed skin, He will shed all his friends. Прямое номинативное значение 'лить, проливать' реализуется в предикатно-объектных синтагмах: to shed blood, to shed tears.

В составе объектно-субъектных имеются как более узкие глагольные лексемы, т. е. с конкретной семантикой, так и с широким смысловым объемом, вернее, с широкой сочетаемостью.

Узкие, конкретные объектно-субъектные глаголы, как правило, включают в свой семный состав, помимо категориальности назывной признаковой семы, дополнительные признаки, указывающие на способ, инструмент

действия. Приведем к примеру группу глаголов «резания» (of cutting) с идентификатором, или заглавным словом to cut — penetrate, wound, with edged instrument 'резать'.

to saw (Vt/Vi) — cut with saw 'пилить';

to snip (Vt/Vi) — cut with scissors 'резать ножницами';

to hew (Vt/Vi) — cut, chop with axe, sword 'рубить';

to clip (Vt/Vi) — cut with shears or scissors, trim thus 'обрезать (ножницами), подравнивать';

to chop (Vt/Vi) — cut with blow, usually with axe 'рубить (топором)';

to mince (Vt/Vi) — cut meat small (with a knife) 'рубить мясо, измельчать (ножом)';

to shear (Vt/Vi) — cut with sword, cut with scissors or shears 'резать, разрезать';

to shave (Vt/Vi) — remove hair from chin with razor 'бриться'.

Уже в границах этой группы, объединенной идентификатором cut, три последних наименования в семном составе содержат признаки «манеры исполнения, образа действия, результата действия».

Вторая разновидность конфигурации семного состава глаголов «резания» представлена набором сем: «действие + способ (манера) его исполнения»:

to slice (Vt/Vi) — cut into slices (meat, bread) 'резать ломтиками';

to slit (Vt/Vi) — cut lengthwise, cut into strips 'резать полосками';

to gash (Vt/Vi) — cut long, deep slash 'наносить глубокий разрез, рану';

to splinter (Vt/Vi) — split into long thin pieces 'щепать, колоть дерево';

to cleave (Vt/Vi) — split asunder, in two 'расколоть';

to rive (Vt/Vi) — cleave, rend, strike asunder 'разрывать, раскалывать';

to hack (Vt/Vi) — cut, mangle 'кромсать'.

Как можно заметить, в трех последних глаголах идентификатором их индивидуальной семантики является уже не cut 'резать', а split 'колоть', хотя категориальная семантика, направление семантической производности «действие → результат воздействия» остаются неизменными, объединяя перечисленные выше лексемы в границах данной лексико-семантической группы.

Логические отношения в разряде объектно-субъектных глаголов, естественно, противоположны тем, которые характеризуют субъектно-объектные наименования. Наибольшее количество объектно-субъектных глаголов составляют так называемые симметричные глаголы, у которых прямое номинативное значение образовано по формуле $V \rightarrow O$, вторичные, производные — по формуле $S \leftarrow V$, но семантически эти ЛСВ тождественны. Классическими симметричными глаголами в английском языке являются такие, которые названы относительно одного и того же предмета действительности, а потому не изменяют конкретного лексического значения в зависимости от объектной или субъектной позиции этого признакового актанта:

He opens the door...

The door opens

I broke my cup

my cup broke

She closed the window

The window closed

Don't drop you tears!

Her tears dropped unwillingly.

Характер логических отношений в этом типе глаголов таков, что воздействие на объект заставляет последний изменяться, приводя его в опреде-

ленное состояние; в результате происходит конвертирование, мена семантического объекта на семантический субъект:

to warm somebody — somebody warms
to boil water — water boils
to hurt one's leg — one's leg hurts и т. п.

Эти прямые причинно-следственные отношения находят выражение в любом языке только разными средствами, например, в русском — противопоставлением: *охладить кипяток — кипяток охлаждается; шить платье — платье шьется* и т. п.

В английском языке симметричный глагол to saw 'пилить' имеет своим объектным лексико-семантическим вариантом:

1) Vt — cut (wood), use saw to make (boards) with;

2) Vi — admit of being sawn easily (badly), например, This kind of wood does not saw easily.

Как можно заметить, объектное и субъектное словозначения глагола saw (Vt/Vi) 'пилить, пилиться' совершенно тождественны друг другу, в них различна лишь категориальная семантика: прямое объектное значение выражает активное действие, субъектное — инактивное. Часто такие инактивные субъектные значения двунаправленных объектно-субъектных глаголов называют «квази-пассивными».

Ср.: англ. глагол to give (V_t/V_i), который выражает объектное значение — split wood; а инактивное субъектное словозначение отображает состояние данного объекта, обретенного последним в результате действия семантического субъекта (актанта — агенса) данного глагольного признака — «admit of being split».

Особенностью симметричных глаголов является то, что субъектный и объектный варианты по своему прямому номинативному значению тождественны, в то время как их производные, переносные значения различны и строго противопоставлены друг другу по их индивидуальному лексическому значению. Приведем в подтверждение сказанного симметричный глагол to break.

Анализ смысловой структуры симметричного глагола to break показывает как детально и тщательно используется субкатегоризация предметных имен и мена в ономаσιологической формуле семантической направленности глагольного признака. Приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих основной тип лексико-семантической деривации и основу становления широко распространенных в английском языке объектно-субъектных глаголов.

В таких глаголах происходит мена местами (синтаксическими позициями) семантического объекта на синтаксический субъект.

Результаты этого типа деривации ЛСВ бывают разными.

1. Меняется лишь категориальная семантика «действие» на «процесс» или «состояние». Эти изменения осуществляются по формуле: «сделать → сделаться, стать таким», в англ.: make → become, bring → come to, effect → admit of being effected;

to roll (Vt/Vi) 'скрутить, скрутиться';

to clear (Vt/Vi) — make clear, become clear 'очистить, стать чистым, очиститься (о небе)';

to burn (Vt/Vi) — make burn, become burnt 'жечь, сгореть';

Таблица 7

Смысловая структура глагола to break (V₁/V_i)

Тип и значение лексико-семантического варианта (ЛСВ)	Ономасиологические модели семантической направленности признака	Логико-семантические объектно-субъектные отношения на уровне семантических категорий слов	Семантически совместимые предметные имена (в минимальных синтагмах)
1	2	3	4
Объектный ЛСВ 'ломать'	S←V→O	Деструктивное действие (лица) над исчисляемыми предметами	{to break a plate to break a glass
Объектный ЛСВ 'разрывать, рассекать'	S←V→O	Деструктивное действие (лица, силы) над вещественными сущностями	{to break water, to break a thread
Объектный ЛСВ 'нарушать, попираť'	S←V→O	Невыполнение (лицом) правил, установлений	{to break the law to break rules
Объектный ЛСВ 'пре-рывать, нарушать'	V→O	Нарушение течения процесса, состояния	{to break silence to break monotony
Объектный ЛСВ 'сло-мать, подорвать'	V→O	Нарушение психиче-ского состояния человека	{to break one's health, spirits
Объектный ЛСВ 'при-ручать, обезжать'	S←V→O	Нарушение нежела-тельных черт, привычек у объекта	{to break beast, horse etc.
Объектный ЛСВ 'вос-питать, отучить от'	S←V→O	Ликвидация нежела-тельных черт (у чело-века)	{to break kids of their disobedience
Субъектный ЛСВ 'начинаться'	S←V	Начало событий, пе-риода времени	{The war broke The dawn breaks
Субъектный ЛСВ 'на-дорваться, надло-миться'	S←V	Нарушение состояния человека	{His health will break
Субъектный ЛСВ 'вы-рываться, исторгаться'	S←V prep. O	Мгновенное действие субъекта	{Tears broke from her eyes A cry of joy broke. . .
Субъектный ЛСВ 'по-рывать с кем-либо'	S←V prep. O	Расторжение дружеских, родственных отношений субъекта с объектом	{He broke with his parents
Субъектный ЛСВ 'врываться'	S←V prep. O	Целенаправленное действие субъекта во-внутрь помещения	{They could not break into the room (house).
Субъектный ЛСВ 'раз-рзаться'	S←V prep. O	Внезапное начинатель-ное действие субъекта	{to break into laughter.

- to fry (Vt/Vi) — to cook, undergo cooking 'готовить (пищу), быть в процессе подготовки';
- to darken (Vt/Vi) — make or become dark;
- to settle (Vt/Vi) — establish or become established;
- to join (Vt/Vi) — 1) put together; 2) become member;
- to shut (Vt/Vi) — 1) move (door, lid, lips) into position to stop apper-
tue; 2) become or admit of being close;
- to finish (Vt/Vi) — bring to an end; come to an end;

два вида исхода: 1) при первом меняется только категориальная семантика, а индивидуальное лексическое значение объектных и субъектных вариантов совершенно одинаково, ср. так называемые симметричные глаголы; 2) при втором исходе происходит смена не только категориальной семантики глагольного признака «действия» на «состояние» и «результатирующий процесс», но в корне изменяется и индивидуальное лексическое значение субъектных лексико-семантических вариантов: изменяется не только набор сем. свойств, свойственных объектному ЛСВ, но меняется сам ракурс и интенционал логических связей. Семантический объект объектного ЛСВ данного глагольного признака, став семантическим субъектом в субъектных лексико-семантических вариантах, выражает инактивное существо или предмет, качественно охарактеризованные субъектным глагольным признаком: *the pond fishes well*, представляя собой полную пропозицию, образует данный смысл только в данной синтаксической конструкции, приближающейся к идиоматической, безличной коллокации, строго закрепленной и единообразно воспроизводимой при использовании в речи.

Вторым способом лексико-синтаксической деривации двунаправленных (объектно-субъектных) глагольных лексем является употребление объектных глаголов с возвратными местоимениями, так называемая рефлексивизация глагольного признака относительно семантического субъекта; возвратное местоимение, формально занимая позицию синтаксического объекта, в содержательном плане имплицитно и отсылает к категории семантического субъекта, которым, как правило, является лицо или какое-либо другое живое существо.

При «рефлексивизации» объектного глагола последний получает субъектную направленность, а синтаксический объект, выраженный возвратным местоимением, совпадает в содержательном плане с семантическим субъектом. Итоги этого процесса по семантическому результату могут быть тоже разные: в одних глаголах не происходит изменения индивидуального лексического (субъектного) словозначения по сравнению с объектным, т. е. прямым, в других, наоборот, возникает новый ЛСВ.

Ср.: 1) *Lodovico lowered himself slowly into his leather chair* (Stone, 19) 'опустился в кресло'; 2) *The master used both hands to raise himself to a commanding position over the boy*.

Еще: 1) *He brought the discussion back to himself* 'отнес спор, обсуждение к себе' (на свой счет); 2) *Michelangelo could not bring himself to leave the palace* (Stone, 159) 'Микельанджело не мог заставить себя покинуть дворец'.

Часто возвратные местоимения выполняют лишь свою основную функцию, не изменяя глагольного признака, отсылки, указания на субъект действия, например: *to mesh* (vt/refl) —

1) *catch someone (bird) in net* 'поймать в сеть';

2) *catch oneself in net* 'запутаться, попасть в сети';

to cure (V_i/refl) — 1) *to restore a person to health*; 2) *to get healthy again*;

to find (V_i/refl) — 1) 'найти что-либо'; 2) 'найти себя, свое место, призвание'; 3) 'найти кого-либо (дома, больным и т. п.)'.

Лексико-синтаксическая производность английского глагола — варьирование/неварьирование лексического значения глагольного признака в зави-

смысле от субъектной/объектной направленности глагольного признака и типа семантических категорий/субкатегорий предметных его актантов — самая специфическая и идиоматическая его черта.

Сложность результатов семантического варьирования глагольных лексем в речи, трудность разграничения их семантики на «четко отграниченные» лексико-семантические варианты увеличивается еще и от того, что многие глаголы в переходных, непереходных и абсолютных употреблениях не меняют своего индивидуального лексического значения; например, возьмем глагол *to interpret something*:

- 1) переходное (объектное) употребление — переводить что-либо;
- 2) абсолютное — * — «интерпретировать» (процесс);
- 3) субъектное (непереходное) — *she does not teach English, she interprets* 'она работает переводчиком'.

Такие случаи, различающиеся лишь категориальными глагольными признаками, а не их конкретным лексическим значением, можно считать различными словоупотреблениями, разняющимися лишь на синтаксическом уровне, а не отдельными лексико-семантическими вариантами, закрепленными за данной глагольной лексемой в системе лексики³².

Мы подробно остановились на семиологических подклассах и разрядах глагольных признаков лексем, чтобы показать всю сложность взаимодействия лексического и грамматического (в аналитических языках — синтаксического), конкретного и абстрактного, формы и содержания.

Асимметрия словесного знака в английском языке выражается в том, что глаголы, элементарные по форме (непроизводные), выражают сложные, комплексные по содержанию понятия, и наоборот, аналитические наименования выражают элементарные понятия *take refuge* — 'спрятаться'.

Естественно, невозможно выявить многочисленные ракурсы взаимодействия и отношений между предметами и их признаками, людьми и их отношениями. Тем не менее мы наметили как для семантически однонаправленных, так и двунаправленных основные ракурсы предметных и логических связей, которые могут быть выражены в разных языках по-разному: в английском — элементарными наименованиями и синтаксической позицией слов в синтагмах, в русском — производно-мотивированными названиями и синтаксической морфологией. Как в английском, так и в русском имеется обширная область так называемых аналитических наименований, значительно расширяющих номинативные средства каждого языка. Ср.: *taggu* 'жениться', *take a wife* 'взять в жены'; *to walk* 'прогуливаться' и *to take a morning saunter* 'совершить утреннюю прогулку'; *голосовать за* — *подать голос за, нуждаться* — *терпеть нужду* и т. п.

Для английского языка, в меньшей мере и для других языков, механизм взаимодействия семантических и синтаксических актантов, их полное совпадение или расхождение, приводящие к появлению семантически и синтаксически двунаправленных глаголов, зависит как от категориальных семантических признаков, так и от индивидуального лексического значения конкретного глагола. Двунаправленные глаголы различаются:

- 1) по сфере направленности глагольного признака:
 - а) субъектно-объектные (типа *run, come*);
 - б) объектно-субъектные (типа *take, get*).

³² Ср. подобную интерпретацию данного явления А. П. Кувеновой [1978].

2) по типу лексико-семантической деривации:

- а) каузация семантического субъекта;
- б) опущение семантического объекта, приводящее к спецификации глагольного действия как профессионального;
- в) введение семантического объекта, т. е. процесс транзитивации субъектного глагола;
- г) конвертирование или мена семантического объекта на синтаксический субъект, так называемые квази-пассивные глаголы: объектный ЛСВ глагола *to saw* — *пилить (что-либо)*, субъектный ЛСВ глагола *admit of being sawn easily* — *легко пилящийся*;
- д) конвертирование или мена семантического объекта в семантический субъект: *to fish a pond* — *the pond fishes well*; *to taste a pie* — *the pie tastes nice* и т. п.;
- е) большое своеобразие во взаимодействии лексического и синтаксического, семантических (номинативных) и синтаксических (коммуникативных) актантов представляют собой глагольные лексемы, употребляемые с возвратными местоимениями [Рыбалко 1978; Кувенева 1978], т. е. это случаи, когда семантический субъект выражен рефлексивно, например, *to prove somebody's guilt* 'доказать чью-либо вину' — прямое номинативное значение, *to prove oneself guilty* 'оказаться виноватым'. Правда, не каждый глагол варьирует свое прямое номинативное значение, будучи употреблен с возвратным местоимением;
- ж) мена категориальных признаков глаголов с «действия» на «процесс, состояние» без изменения индивидуальной семантики глагола.

Итак, разграничение глагольных лексем английского языка по их семантике можно провести по двум основаниям: 1) по противопоставленности глаголов по их семантической направленности на сферу субъекта или объекта в рамках минимальных синтагм — субъектные и объектные глаголы; 2) совпадению или несовпадению семантической и синтаксической переходности/непереходности — признака, порождающего смешанные типы глаголов — субъектно-объектные и объектно-субъектные.

Разграничение глаголов по характеру их лексического значения на различные типы лексического значения в зависимости от синтаксических позиций и ономазиологических формул субъектно-объектной направленности выражаемого ими действия, состояния и т. п. представляет, естественно, значительные трудности, так как в глаголе, больше чем в других частях речи, пересекаются, причудливо взаимодействуя, лексическое и грамматическое, собственно знаковое и структурное значения. Делимитация виртуальных глагольных лексем осуществляется разными языковыми средствами: семным составом самих глагольных лексем, при нейтрализации одних и актуализации других из них, характером семантических категорий сочетающихся с ними имен существительных, лексической и синтаксической валентностью глагола.

Характер лексической семантики имен прилагательных

Общие замечания. Вторым семиологическим подклассом признаков имен, помимо глаголов, являются имена прилагательные, которые в знаковом аспекте остаются почти неизученными.

Отличительной особенностью прилагательных, выражающих своими зна-

чениями свойства предметов, оценки их качеств людьми, является непомерно широкий смысловой объем имен прилагательных, сочетающихся с предметными именами разной степени абстракции и едва заметные границы их лексико-семантического и семантико-стилистического варьирования. Это естественно, ибо в окружающей нас предметной, социальной и духовной сферах наличествует гораздо больше свойств, качеств, прагматических и эмоциональных оценок, чем самих предметов, событий, лиц, которым они принадлежат или номинально приписываются.

Описание знакового значения предметных имен, т. е. их логико-предметного содержания, формирующего их лексическое значение, а также анализ семантики глагольных наименований, как признаков, под которые попадают и имена прилагательные, показало, что это совершенно различные семиологические подклассы в границах характеризующих словесных знаков, составляющих в лексике любого языка ее основной фонд слов с вещественным значением. Предметные имена в смысле имен сущностей, будь то субстанциональных или несубстанциональных, характеризуются тем, что они, основываясь на выражении понятий классов или конкретных, уникальных явлений или серийных событий и т. п., содержат в своем семном составе всевозможные отношения, наборы сущностных признаков, находящихся в основном в родовидовых отношениях, которые находят свое языковое выражение в предметном словесном знаке в форме абсолютного, автономного представления. Именно это свойство предметных имен, представленных именами существительными, имеют в виду, когда говорят, что словарная презентация такого имени более легка, а его лексическое значение часто может быть выражено соответствующими понятиями в перифрастической форме при помощи других слов. Можно в этом смысле сказать, что предметное имя — более автономно, а его семантика в виде конфигурации семантических признаков может быть раскрыта в парадигматике, в гиперогипонимических микро- и макроструктурах лексических единиц. Более того, современная идеография [Караулов 1980] и психолингвистика [Залевская 1977] считают, что именно парадигматические группировки слов являются формой абстрактного бытования и сохранения соответствующих значений, их упорядоченности в лексиконе любого языка.

У предметных имен автономность их семантики объясняется тем, что вся совокупность признаков разной степени обобщения «вмещается» в форму знака, приданной данной комбинации понятийных признаков самим фактом первичного знакообразования; соответствующее предметное значение закрепляется социально за определенным именем, которое является вполне самодостаточным и соответствующим механизму внутрисловной семантической деривации, происходящей на основе частного и общего, видового и родового, сем денотативных (предметных) и сигнификативных (более абстрактных) и т. п. Кроме того, основным источником образования новых и пополнения уже существующих семантических значимостей является сочетание отдельных смыслов в новые в синтагматическом ряду, осуществляемых «соединением» (linking) слов в адъективно- и глагольно-субстантивных словосочетаниях.

Глаголы, напротив, выражая лишь отношения, состояния предметов, ущербны в своем содержании; глаголы соединяют сигнификативный характер своей семантики с предметными денотативными семами только в дополнении, путем их сочетания с предметными именами. Поэтому любой глагол

представляет собой потенциальную форму в системе, которая реализуется реально в речи. Распределение глагольного значения по элементам языка происходит гораздо сложнее, чем в предметных именах.

Общезвестной универсалией является то, что за предметными именами закрепляются, как правило, субстанциональные значения, отображающие понятие «предметность» в разных ее ипостасях, а за признаковыми — несубстанциональные значения, выражаемые в основном глаголами и именами прилагательными. Следовательно, распределение типов значений разной степени отвлечения их от предметного ряда по отдельным частям речи является по своему характеру семантико-синтаксическим. Поэтому глаголы и прилагательные далеко не всегда способны реализовать свое лексическое значение без предметных имен (невозможно себе представить предикат без его аргументов); это свойство глаголов есть системная потенция того, что они реализуют в синтаксическом сочетании, вернее, в относительно реализованной, лексической по своей природе, синтагме.

В силу этого отличие признаковых имен от предметных заключается не только в способе языкового выражения их лексических значений, эти два подкласса различаются своей функцией. Предметные имена с их родовидовой организацией знакового значения выполняют прежде всего свою номинативно-классификационную функцию, формируя таксономию понятий лексико-семантической системы данного языка, в то время как признаковые имена (глаголы, прилагательные и др.) специализируются на коммуникативной и речемыслительной функциях, выражая другую главную дихотомию — «старого и нового», «темы и ремы», манифестируемых в синтагмах и предложениях.

Поэтому в глаголе, как постоянном обобщенном элементе, назывной (индивидуальной) и категориальной глагольными семами выражается постоянная величина, предшествующий познавательный-исторический опыт, известное; переменной являются аргументы предиката, называемые по-разному: синтаксические/семантические распространители, синтаксические/семантические актаны и т. п., занимающие, однако, разные места и выполняющие по отношению к глаголу различные роли.

Общим для глаголов и прилагательных, выражающих качества, свойства, отношение, состояния и т. п., является одно — те и другие выполняют в языке предиктирующую функцию, придавая субстанциональным и несубстанциональным сущностям многообразные свойства, оценки, качества. Однако разница между прилагательными и глаголами огромна: глаголы как типовые предикаты устанавливают с предметными именами, особенно в минимальной формуле пропозиции «субъект—предикат», собственно предикатные отношения, формируя законченную мысль, высказывание; прилагательные, выступая синтаксически и семантически определением некоей сущности, образуют лишь адъективно-именные, номинативные по своей сущности сочетания слов, минимальные лексические синтагмы, выражающие всевозможные характеристики — предметов, лиц, фактов, состояний, отношений и даже событий:

а) характеристика людей, их поведения, черт характера или их личных и межличностных отношений: *complete strangers*³³, *recent acquaintances*,

³³ Все лексические синтагмы, приведенные выше в качестве примеров, цит. по: *Christie A. Selected stories. M., 1976.*

injured dignity, merry tongue, whole mind, uneasy feeling, deep superstition, marvelous brain, wheezy voice, utmost frankness и т. п.;

б) характеристика вещей и их отношений: unforceable lock, neat methodical work, bare bones, empty room, easy thing и т. п.;

в) характеристика фактов, действий, событий, установлений и т. п.: vital principle, willful murder, sinister happenings, unbelievable coincidence, lucky chance, business matters, remarkable chain of circumstances, eloquent testimony и т. п.

Не имеет для прилагательных никакого значения расширение минимальной адъективно-субстантивной синтагмы, так как семантические, скорее логические связи между ее членами не выходят за рамки «соединения» (linking). Ср.: a manly straightforward manner exquisite body.

Имена прилагательные занимают особую позицию среди других семиологических подклассов характеризующих словесных знаков. Они и структурно и содержательно ближе стоят к предметным именам, в то же время по функции и степени абстракции своего значения они, несомненно, должны быть отнесены к признаковым именам.

Прилагательное — единица номинативная, но, будучи наделена свойством предиктирования, она приближается к глагольным признакам. Не случайно в отдельных языках, особенно синтетических, например, в русском, имеются две формы прилагательных — полная, выполняющая функцию определения предметного имени, и краткая, используемая предикативно. Прилагательным, как и другим характеризующим знакам, свойствен двучастный характер лексического значения; подобно глаголу, прилагательное, правда, находящееся на ранг ниже первого, формирует на основе старого опыта новые номинативные, расчлененные относительно друг друга лексические единицы — свободные лексические сочетания слов. Поэтому лексическое значение, семантику прилагательного можно изучать не обязательно в рамках предложения, указывающего, прежде всего, на связь актантов (субъекта и объектных членов) с глаголом (предикатом), а и в минимальных (не менее 2-х членов) и максимальных лексических синтагмах.

Особенностью имен прилагательных является и то, что это (самые что ни на есть) срединные не только по форме, но и по своему языковому статусу единицы: слово — словосочетание — предложение. Спецификой семантики прилагательных является то, что каждый ЛСВ вычленяется больше синтагмой и в меньшей мере парадигмой.

В силу этого имя прилагательное есть (как никакая другая единица) порождение двух неразрывно связанных, хотя легко в описании расчлененных ипостасей языка: его системных виртуальных средств и речевых актуальных употреблений слов и словосочетаний.

Но было бы неверно думать, что прилагательные как характеризующие знаки не имеют своего качественного отличия и не имеют специфической организации своей семантики — особенностей лексико-семантического варьирования своего содержания. Семантическая структура имени прилагательного очень тонко иерархически организована; лексико-семантические варианты манифестируются, как правило, относительно семантически расчлененными знаками — лексическими двучленными синтагмами.

Вещественное содержание имен прилагательных складывается не только из денотативных и сигнификативных семантических признаков, как это имеет место у существительных и глаголов, прилагательные по необходимости

включают и оценочный признак, который называется по-разному: оценочный, субъективный, эмпирический, эмотивный и т. п. Но как бы ни назывался этот компонент, имена прилагательные представляют собой своеобразные по характеру знакового значения, а соответственно и своим функциям номинативно-предикативные знаки, занимая срединную позицию между именами существительными и глаголами. Не случайно, а закономерно, прилагательные, помимо того, что имеют специальные «адъективные» и «предикативные» формы, обладают тенденцией к «субстантивации».

Уже в самом определении прилагательного как части речи находит отражение его противоречивая природа. Прилагательное — это «часть речи, характеризующаяся категориальным значением признака, грамматическими категориями степеней сравнения, рода, падежа, числа, выражаемых в форме согласования, синтаксическим употреблением в функции определения (атрибутивная функция) и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей» [Ахманова 1966, 357]. Ср. различие морфолого-синтаксической характеристики прилагательного в русском языке и английском: наличие краткой и полной форм прилагательного в русском и отсутствие этого разграничения в аналитическом английском. Издавна классическое традиционное языкознание по характеру их семантики делит прилагательные на два больших разряда — 1) качественные и 2) относительные. «Прилагательное, обозначающее качество предмета непосредственно, т. е. без отношения к другим предметам» [Там же, с. 357], называется качественным; относительным же прилагательным называется такое, которое обозначает «качество (признак) предмета по отношению к другим и (является) производным от именных основ» [Там же, с. 358].

Казалось бы, сугубо морфолого-функциональное разделение в традиционном языкознании имен прилагательных обернулось на деле необходимым разграничением их по характеру лексической семантики.

Уже Ж. Марузо [1960, 233], определявший специфику семантики и морфологии прилагательных в основном по материалу французского языка, писал, что в старых (французских) грамматиках различались физические (*physiques*) прилагательные, выражающие свойства, неотделимые от объекта (*grand*), и метафизические (*metaphysiques*), выражающие свойства, приписываемые объекту в результате субъективной его оценки человеком.

Название «относительные» (релятивные) прилагательные свидетельствует о том, что семантика данной категории слов формируется в результате выделения определенного признака в результате вычленения его из соответствующего ему предмета: *дерево* — *деревянный*; *вода* — *водяной*, *водный*, *водянистый*; *отец* — *отцовский* и т. п.

Интересно отметить в этой связи наличие в арабской грамматике прилагательных, выражающих отношение лица или предмета к имени, обозначающему лицо по его происхождению, по национальности, по принадлежности к определенной стране, семье и т. п.

Примерно так же, как у Ж. Марузо и О. С. Ахмановой, определяется семантика качественных и относительных прилагательных в последней грамматике русского языка [Русская грамматика 1980, II, 541].

«Ядро качественных прилагательных составляют такие, которые обозначают свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности» [Русская грамматика 1980 I, 541].

Естественно предположить, что к качественным прилагательным относятся имена свойств предметных сфер, характеристик вещей, лиц, которые воспринимаются, прежде всего, органами чувств, т. е. такие, которые в общественно-историческом опыте человека «попадались на глаза первыми»: различимое по величине, форме, цвету, воспринимаемое на ощупь, соизмеримое в пространстве, во времени и т. п. Однако было бы неверно полагать, что сюда относятся имена только эмпирически воспринимаемых свойств предметов, артефактов, лиц. К этому семиологическому подразряду относятся также названия качеств и черт характера человека, его умственного, психического и физического склада.

В силу этого невозможно разделить без остатка качественные и относительные прилагательные как имена метафизических и физических сущностей. Кроме того, качественные прилагательные отличаются от относительных не только степенью обобщенности знакового значения, но и степенью семантической и словообразовательной мотивированности.

Качественные прилагательные в высшей мере асимметричны: они элементарны, первообразны по форме выражения и чрезвычайно сложны, причудливо семантически членимы по своему содержанию. Качественные прилагательные негомогенны по характеру своей семантики: помимо когнитивного компонента, выражающего собственно признак какой-либо сущности, в нее включены модальные признаки — субъективные и чисто прагматические оценки пользующихся данным языком [Вольф 1974, 9; Шрамм 1980б, 7]. Различаются эти два подкласса прилагательных и степенью их лексической мотивированности, относительные прилагательные получают лексическое значение производящей основы и нередко называются синтаксическими дериватами; классические качественные прилагательные, напротив, имеют чрезвычайно широкий смысловой объем, многовалентны и большой круг сочетаемости с предметными именами. Неоднократно высказывалась мысль о том, что прилагательные, особенно качественные, не имеют своей сферы денотации. Так, Н. Д. Арутюнова одним из основных свойств качественных прилагательных считает «тенденцию к отрыву от денотата» [1973, 49], с чем можно согласиться, а можно и не согласиться.

Если иметь в виду имя прилагательное как имя виртуального понятия какого-либо признака, взятого абсолютно вне какой бы то ни было сочетаемости, то в семантической значимости, формирующей данный словесный знак, действительно нет представления ни об абстрактной предметности (значение существительного как части речи, именующей некую сущность), ни тем более представления класса конкретных предметов. В этом смысле значение качественного прилагательного — сугубо сигнификативно.

Но стоит рассмотреть имя признака несколько под другим углом зрения, онтически, то окажется, что в реальном мире и реально функционирующем языке нет абстрактных, самостоятельно бытующих признаков. Объективное и даже субъективное значение прилагательного есть всегда, на любом уровне представления знаний о мире — «признак чего-либо, кого-либо». Прилагательное даже, пожалуй, в большей степени обязательности, чем глагол,

нуждается (по логике вещей и реально функционирующего языка) в дополнительной своей семантики предметными именами, актантами этого своего разного предиката.

Прилагательное, подобно глагольному предикату, выражающее некий признак, должно быть приписано (предицировано) соответствующему предмету, лицу, а потому всегда должно иметь актант.

Адъективно-субстантивное словосочетание по логике вещей является универсальной формой языкового выражения «определения и определяемого», средством внутрисловного разграничения семантики качественного прилагательного относительно предметного имени.

В этом смысле прилагательное имеет не в меньшей степени обязательности детерминированный языковым или узуальным статусом свой строго определенный круг референтов в речи. Если, как утверждает Е. М. Вольф, качественное прилагательное реализуется в речи в двух типах структур: денотативной и кваликативной [Вольф 1978, 28 и далее], то трудно представить, чтобы прилагательное с сугубо сигнификативным характером семантики могло бы выполнять данные функции.

Знаковое значение прилагательных, именующих конкретные свойства конкретных сущностей, должно было бы быть денотативным, как непосредственно воспринимаемое органами чувств.

Фактически же получается наоборот: качественные прилагательные называют прежде всего основные, общественно-необходимые, категориально обобщенные свойства классов, серий, разрядов различных вещей, выделенные человеком в результате его общественно-исторического опыта. Качественные прилагательные этого типа обозначают непомерно обобщенный признак: длины, размера, формы, цвета и т. п. Сравните наиболее широко употребительные универсальные, свойственные любому конкретному языку понятия, обозначаемые оппозициями имен цвета (red/blue, white/black), температуры (hot/cold), консистенции вещества (thin/thick), времени создания или использования вещи (new/old), возраста людей (young/old), расстояния (far/pear), размера вещей, артефактов (big/small/large), высоты (high/low) и т. п. Не случайно Л. Ю. Максимов [1958] считает, например, антонимию одной из основных характеристик качественных прилагательных; более того, в русистике разработаны целые классификации прилагательных на формально-семантических основаниях [Виноградов, 1947; Шведова 1952; Трофимов 1972; Чернов 1973].

Описания различных антонимических пар и лексико-семантических групп качественных прилагательных в различных языках — многочисленны, достаточно обратиться к библиографии основных диссертационных исследований семантики прилагательных, выполненных за последние годы в отечественном языкознании [Павлов 1960; Шрамм 1974, 1976, 1979, 1980; Маргалитадзе 1982; Зимон 1981; Салиев 1978]. Из зарубежных теоретических работ по семантике прилагательных (конца 60-х — начала 70-х годов) необходимо отметить исследования М. Бирвиша [Bierwisch 1963], Д. Болинджера [Bolinger 1967], А. А. Фарзи 1968, Т. Теллера [Teller 1969] и др.

К числу качественных прилагательных относятся, как было упомянуто выше, и имена различных моральных и умственных характеристик, природных или приобретенных качеств человека: proud, intelligent, cunning, clever, brave, kind, right, bad, good и т. п.

По логике предметного мира и по логике мышления чем шире понятийный

Признак прилагательного, т. е. чем большему числу разнородных категорий предметов, артефактов, людей присущ данный признак, тем беднее содержание данного понятийного признака. Часто этот качественный признак настолько обобщен, вернее «обеднен», что представляет собой семантически далеко несамодостаточный, весьма расплывчатый элемент содержания, формируя знаковое, т. е. репрезентирующее экстралингвистическую данность значение, которое оказывается еще более обобщенным, чем значение глагола. Прилагательное являет собой самый синсемантический знак в числе характеризующих. Лексическое значение качественного прилагательного, типа приведенных выше, выражает самую общую идею поименованного свойства, качества предметов и лиц. В силу того, что качественные прилагательные выделялись традиционно, в основном, по морфологическим их свойствам, ср. традицию русской лингвистической науки, то в тех языках, которые бедны морфологией, подобного деления не проводилось. Например, в английском языке выделялись типы прилагательных по их функции — атрибутивные и предикативные, по функции и морфологической форме, как в русском, краткие и полные прилагательные, по конечному эффекту их использования в тексте: дескриптивные, оценочные и т. п. В наше время английские прилагательные изучаются больше не по характеру их знакового значения и не по динамике и архитектонике их смысловой структуры, а по типу их синтаксической сочетаемости, вернее позиции в предложении: присубстантивное, постсубстантивное, приглагольное использование прилагательных (как, например, во французском, английском и др. языках). Семиологический принцип изучения лексического значения имен прилагательных предполагает, прежде всего, анализ его собственно вещественного содержания, его знакового значения.

Образованные в результате абстрагирования, снятия предметных, физических свойств вещей, лиц и т. п. прилагательные являются по самой своей сути синсемантическими словесными знаками и в большей степени чем глаголы нуждаются в «дополнительности», в конкретизации своего чрезвычайно обобщенного значения. Прилагательные как самые типичные признаковые имена обладают сигнификативным типом значения и осуществляют свою реляцию к предметному миру в речемыслительных процессах исключительно через соответствующие денотаты предметных имен.

Виртуальное понятие какого-либо признака, обозначаемого данным прилагательным, внутрисловное разграничение семантики прилагательного вообще осуществляется исключительно путем межсловных связей семантически реализуемых (конкретизируемых) прилагательных с соответствующими предметными именами в синтагмах.

Если двучастность (наличие сигнификативного и денотативного компонентов) значения конкретных предметных имен более единообразна, чем у глаголов и имен прилагательных, и манифестируется элементарным или производным предметным именем, а словарное определение логико-предметного содержания, цементирующего лексическую семантику предметных имен, дается, как правило, в виде набора семантических признаков, составляющих класс данных вещей, лиц, то с именами прилагательными происходит все наоборот. Обозначаемый прилагательным виртуальный, как правило, чрезвычайно обобщенный признак актуализируется, конкретизируется, семантически расчленяется лишь путем сочетаемости его с семантически или узуально совместимыми предметными именами.

Прилагательные как имена (свойств) признаков могут обозначать чрезвычайно обобщенное понятие, под которое подпадает широкий круг предметов как материального, так и идеального миров. Например, английское прилагательное *sharp* 'острый' обозначает «остроту» физических предметов, органов человека — зрения, обоняния, ощущения и общего восприятия окружающего мира, явлений природы, свойств социальных установлений человека, проявления его индивидуальных черт характера и т. п.

Как уже отмечалось выше, знаковое значение имен прилагательных носит сигнификативный характер, и подобно глаголам, может быть даже более облигаторно, конкретизирует обозначаемое им виртуальное понятие в минимальных определительных синтагмах.

Разграничение и становление конкретных семантических значимостей — словозначений у имен прилагательных, как и у глаголов, перенесено в план синтагматических связей. В силу того, что имя прилагательное по своему назначению в структуре языка находится по сравнению с глаголами и именами существительными функционально рангом ниже, конкретизация и субкатегоризация сочетающихся с ним предметных имен носит более детализированный, детерминированный «знанием о мире» характер: общие семантические категории предметных имен «лицо/нелицо», «одушевленность/неодушевленность» и другие, столь значимые для глагольных имен, при внутрисловном смысловом разграничении имен прилагательных — необходимы, но далеко недостаточны.

Лексические сочетания прилагательных с предметными именами можно назвать полуавтоматизированными синтагмами, в которых оба члена выступают по отношению друг к другу одновременно в двух функциях — разграничения и отождествления, взаимно характеризуя и семантически расчленяя друг друга.

У. Вейнрейх [1981] подводит этот тип семантических линейных связей, манифестируемых обычно адъективно-субстантивными свободными словосочетаниями, под рубрику «соединений» (*linking*), в которых связь определения и определяемого — чисто лексическая; соединение сочетающихся слов регулируется знанием их первичных или вторичных лексических значений. Синтаксис не накладывает на семантический результат подобных словосочетаний (соединений) никаких ограничений. Основной, если не единственной, формой выражения и манифестации отдельных словозначений прилагательного являются адъективно-субстантивные синтагмы, которые по результату семантической спаянности ее членов в линейном ряду можно отнести к типу «полных соединений» (*complete linking*), сочетающихся друг с другом по их лексическому значению, а не по синтаксическому статусу в пределах синтагмы.

Это свойство лексико-семантических вариантов имени прилагательного как наименьших двусторонних лексических единиц допускает два вида исследовательского подхода: 1) от знакового значения (логико-предметного содержания) прилагательного к форме его манифестации, к минимальным, свободным, но лексически детерминированным адъективно-субстантивным словосочетаниям, служащим средством выражения вычленяемых ЛСВ; 2) от формы выражения ЛСВ к установлению его семного состава и определению смысловой структуры прилагательного в целом; внутрисловное семантическое разграничение последнего осуществляется так называемыми относитительно расчлененными языковыми знаками, т. е. минимальными лекси-

ческими синтагмами, в которых синтаксическое определяющее — имя прилагательное, являет собой семантически определяемый, постоянный член этой синтагмы.

Семиологический принцип изучения любого языкового знака вообще, прилагательного в том числе, предполагает описание двух сторон знака в их отношении друг к другу. Подобные исследования могут проводиться в двух направлениях: от формы знака к определению его значения и, наоборот, от знакового значения к форме его выражения и реализации.

Остановимся подробнее на тех исследованиях семантики качественных прилагательных, которые больше других подпадают под семиологический принцип описания прилагательных.

К первому типу (от формы выражения к значению) относятся, прежде всего, многочисленные и довольно новаторские работы А. Н. Шрамма; в том числе монография «Очерки по семантике качественных прилагательных» [1979] и докторская диссертация «Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных» [1980], — на материале современного русского языка, выполненные в направлении от формы выражения (словосочетаний) лексико-семантических вариантов, мельчайших двусторонних лексических единиц к выявлению характера их лексического содержания.

Оригинально в работах А. Н. Шрамма то, что исходным объектом исследования являются свободные двучленные лексические сочетания слов, синтагмы, служащие средством выражения и порогом внутрисловного разграничения полисемантических прилагательных, какими являются имена свойств и качеств предметов, лиц и т. п.

Огромный корпус (более 10 000) лексико-семантических вариантов — качественных прилагательных русского языка, манифестируемых сотнями свободных адъективно-субстанциональных сочетаний, был подвергнут многоаспектному анализу их содержательной стороны (по смысловой структуре прилагательных, по семному составу лексического значения отдельных ЛСВ). Такой подход позволил наметить как направление и прием семиологического изучения имен прилагательных, так и создать довольно последовательную семантическую их классификацию. По характеру логико-предметного содержания, формирующего знаковое значение качественных прилагательных, последние были последовательно разграничены на «эмпирийные» (от лат. *empiricus* — 'основанный на опыте, чисто практический') [Шрамм 1980б, 7], обозначающие имена признаков, воспринимаемых органами чувств, и «рациональные» (от лат. *ratio* 'разум, сознание'), не воспринимаемые органами чувств и сформированные поэтапно, в результате абстракции, по степени отвлечения их от чувственно воспринимаемого ряда. Такой анализ смысловой структуры позволяет представить ее в динамике становления, проследить, как образуются производные номинативные и метафорические ЛСВ, в каком направлении и каким образом структурируется семантика подобных имен прилагательных и при помощи каких языковых средств манифестируются расчлененные наименьшие односторонние элементы (словозначения и семы) и двусторонние лексические единицы — лексико-семантические варианты.

Принимая во внимание факт наличия в языке двух типов семиологических свойств прилагательных, — эмпирийных и рациональных, часто пересекающихся друг с другом в границах смысловой структуры имен прилагательных,

А. Н. Шрамм систематизировал русские прилагательные, выделив три основных типа структуризации лексической семантики в пределах их смысловой структуры. Общее положение, отмечаемое многими учеными о развитии семантической структуры в направлении от более конкретных значений к более абстрактным [Виноградов 1947; Черкасова 1968; Арутюнова 1973 и др.], было уточнено А. Н. Шраммом следующим образом:

1) прямое номинативное значение как исходное для эмпиричных прилагательных изменяется в направлении к рациональным ЛСВ: *черный дым* → *черная лестница* → *черная зависть, черные мысли* и т. п.;

2) прямое номинативное значение рациональных прилагательных имеет тенденцию изменения от собственно рациональной своей природы к сугубо оценочной; при этом необходима точка отсчета, будь то языковая норма, социальная (этическая или прагматическая) оценка, часто определяемые как «положительная/отрицательная сферы» оценки; так, например, как прямые и производные (рациональные) ЛСВ, так и переносные (оценочные) прилагательного *добрый* лежат в сфере «положительных» признаков:

1 ЛСВ — «положительно расположенный к людям, к животным» — *добрый человек, добрый хозяин (собаки)* и т. п.;

2 ЛСВ — «исполненный доброты, указывающий на доброту» — *добрые глаза, доброе сердце, добрая улыбка, добрые чувства*;

3 ЛСВ — «способный помочь, способный сопереживать» — *добрые соседи*;

4 ЛСВ — «полезный, нужный» — *добрый совет, добрые слова, доброе дело*;

5 ЛСВ — «безупречный» — *добрая память, доброе имя, добрая слава*;

6 ЛСВ — «несущий благо» — *добрая весть, добрый знак*;

7 ЛСВ — «связанные добрым расположением» — *добрые друзья, добрые знакомые*;

8 ЛСВ — «целый, в полную меру» — *добрых два часа, добрых три километра* и т. п.;

3) относительные отсубстантивные прилагательные, образованные от вещественных существительных, развивают смысловую структуру от прямого относительного значения к переносным — качественным.

Возьмем, например, смысловую структуру прилагательного *золотой*:

1 ЛСВ — «сделанный из золота», *золотое кольцо*;

2 ЛСВ — «относящийся к приискам и производству золота» — *золотые прииски*;

3 ЛСВ — «напоминающий цвет золота» — *золотые волосы, золотая рожь*;

4 ЛСВ — «добрый, хороший» — *золотые слова, золотой человек*;

5 ЛСВ — «умелый, способный делать все хорошо» — *золотые руки* и т. п.

Мы привели в качестве примера далеко не полную смысловую структуру прилагательного *золотой*. Следует сразу же оговорить, что определение семантической структуры является непрямым, но недостаточным условием семиологического описания; полное изучение предполагает описание семного состава содержания каждого ЛСВ, чтобы определить: что объединяет, интегрирует ЛСВ в границах одного и того же наименования, каковы семантические признаки и откуда они берутся, дифференцируя инвариантный семантический признак, формирующий основной остов полисемантического слова?

Семиологический принцип исследования семантики прилагательного

предполагает описание словесных знаков вообще, прилагательных в том числе во всех трех измерениях, свойственных характеризующим словесным знакам.

I. В целях более объективного и адекватного определения смыслового содержания исследуемых прилагательных, их места, роли в лексике и языкового статуса в целом, прилагательные необходимо изучать в парадигматических группировках, в лексико-семантических группах и парадигмах, в которые эти прилагательные включены, хранятся и осознаются говорящим на данном языке коллективом.

Принцип гиперо-гипонимической структуры, основной в организации и презентации системности в лексике, поддается обнаружению в системе лексических единиц путем многоступенчатого дефиниционного анализа, опирающегося на словарные определения лексического значения, представленные в толковых, тезаурусных и синонимических словарях.

В итоге такого анализа устанавливается место данного слова в парадигматической группировке, а через нее и в системе лексики в целом. Ввиду того, что словарные дефиниции отражают не только логико-предметное (экстралингвистическую, вещественную данность) содержание определяемого слова, но и характер и ракурс предметных связей данного признака и соответствующего предмета, явления и т. п., то дефиниционный анализ парадигматических группировок исследуемых слов выявляет тот семантический признак или понятие, которое объединяет лексические единицы в данной парадигме (семантическое поле, синонимический ряд и т. п.), А. Н. Шрамм [1980б, 12] назвал то общее содержание, которое выделяется в дефиниционных текстах, в словарных определениях семантически схожих, но далеко не тождественных лексических единиц, архисемой. Едва ли данный термин адекватно обозначает именуемую им сущность? Я скорее склонна назвать эту интегративную по содержанию и трансформированную по форме выражения общую для целого ряда единиц сущностную часть словарной дефиниции — идентифицирующим предикатом. И действительно, едва ли можно назвать архисемой целостные, часто сложные и законченные, полные понятия, не имеющие ничего общего с нейтрализацией каких-либо противопоставляемых сем.

Напротив, то, что подводится под понятие «архисемы», зачастую представляет собой обобщенные экстралингвистические, часто эмпирические и дейктические признаки категоризации предметного мира, как они выражаются в системе лексики. Перечислим несколько «архисем» (по А. Н. Шрамму), т. е. идентифицирующих предикатов:

а) для прилагательных, обозначающих динамические свойства, — «длительность существования», «время возникновения», «срок использования»;

б) для прилагательных, обозначающих процессуальные свойства, — «ставший», «возникающий», «достигший» и др.;

в) для оценочных прилагательных — «соответствующий», «отвечающий/неотвечающий требованиям» и т. п.;

г) для прилагательных, обозначающих целые ситуации, например, результат отношения человека к человеку, воздействие предмета на человека и др. под идентификаторы подведены: «выражающий», «свидетельствующий», «вызывающий», «приносящий» и т. п.

Как бы ни называть «выявленные» через словарные определения обобщенные семантические значимости, они помогают раскрыть не только пара-

дифференциальные системные связи слов, но и дают представление о характере знакового (вещественного) значения исследуемых прилагательных. Кроме того, проверка логико-предметного содержания, формирующего лексическое значение прилагательных по словарным определениям, выявляет, правда, далеко не полностью, круг предметных имен семантически (или узуально) сочетающихся с прилагательными в роли их семантических актантов.

II. Хотя мы и утверждаем, что определение семантической структуры — задача семиологического описания лексики, необходимо смягчить это категоричное утверждение: при семиологическом описании лексического значения определение семантической структуры слова — условие необходимое, но недостаточное. После вычленения лексико-семантических вариантов прилагательного, необходимо продолжить изучение их лексического содержания по определению конфигурации семного состава каждого ЛСВ на предмет выделения сигнификативных и/или денотативных компонентов в составе отдельных ЛСВ.

Анализ семного состава каждого ЛСВ полисемантического прилагательного позволяет на более объективных, логических основаниях выявить структуриацию смыслового содержания многозначного прилагательного в целом, так как такая процедура помогает установить ведущий, основной стержень — отождествляющую сему или интегральный семантический признак, обеспечивающий смысловое тождество слова. Этот общий семантический признак полисемантического слова называется разными учеными по-разному: «семантическая нить» [Смирницкий 1954], «семантический стержень» [Уфимцева 1962а], «тождесема» [Шрам 1980б, 12]; последний более терминологичен и естественно лишен образности.

III. Наконец семиологическое описание лексического значения предполагает не в последнюю очередь рассмотрение синтагматических связей изучаемых слов, признаков и предметных имен, которые в силу их полного семантического совмещения по лексическому значению разграничивают одновременно значение друг друга, выступая по отношению друг к другу ключевыми словами в пределах минимальных лексических синтагм.

Именно анализ синтагматических связей качественных прилагательных выявляет объем «референтного потенциала» [Телия 1981, 105], детерминруемого лексической валентностью прилагательного, вскрывает системный контекст, представляемый набором семантически совместимых предметных имен. «Референтный потенциал словесных значений — это такое же существенное и неотъемлемое их свойство, как и свойство хранить информацию о „кусочках“ действительности» [Там же, с. 105].

Итак, полное семиологическое описание лексического значения слов предполагает детальное изучение последних в трех взаимообусловленных аспектах или в трех измерениях [Шмелев 1972]: эпидигматическом (смысловая структура слова), синтагматическом и парадигматическом.

Приведем в подтверждение высказанного выше положения семиологический анализ качественного прилагательного *great* 'большой, великий'.

Рассмотрим сначала смысловую структуру прилагательного *great* по The Concise Oxford Dictionary (COD).

1. Первое прямое номинативное значение раскрывается через эмпиричные прилагательные размера *big*, *large*. Но как качественное прилагательное *great* имеет наряду с объективным содержанием и прагматический «компонент» значения, ср. его дефиницию: «usually with implied surprise, contempt,

indignation (с., 529), например: a great blot 'величайшее бесчестие', a great wasp 'большой злыдень'.

2. Второе значение прилагательного great определяется как оценочное «beyond ordinary», например: great ignorance 'полное невежество', great popularity 'огромная популярность'.

Именно сема «beyond ordinary» и является той точкой отсчета, от которой идет «вверх» и «вниз» сравнение качеств и свойств, оценочный норматив, принятый в данном языковом коллективе.

3. Содержание третьего ЛСВ прилагательного great, формирующего его производное номинативное значение, определяется через синонимичные прилагательные, специфицирующие и конкретизирующие основное значение: important 'важный', distinguished 'известный, выдающийся', chief 'главный', например: a great occasion 'выдающееся событие', The great Powers of Europe 'главные государства (державы) Европы'.

Интересно отметить, что great в этом его значении может быть употреблено префиксально и постфиксально в титулах: Alexander the Great, the Great Mogul — the Great king of ancient Persia.

4. Прилагательное great в сочетании с соответствующими абстрактными существительными реализует значение, которое определяется следующим образом: «of remarkable ability, genius, intellectual or practical qualities, loftiness or integrity of character»: a great poet, a great painter etc.

5. Прилагательное great в этом значении употребляется исключительно в предикативной функции — «having much skill at or information on», например: Wouldn't it be great if. . .».

6. ЛСВ прилагательного great имеет в своем содержании отрицательную оценку лица, поэтому всегда сочетается с агентивными существительными — именами лиц: «fully deserving the name of, . . .doing the act much or on a large scale», например: a great scoundrel 'большой подлец, a great landowner 'крупный землевладелец'.

7. Наконец прилагательное great употребляется в роли интенсификатора какого-либо другого свойства, качества, отношения, например, в терминах бокового и прямого родства, чтобы показать ступень (выше, ниже) родственных отношений: great grand uncle, great grand niece и т. п.

Как видно из приведенной выше презентации смысловой структуры great по данным оригинального, прекрасно выполненного словаря, каким является The Concise Oxford Dictionary, трудно представить характер структуризации логико-предметного содержания прилагательного great, невозможно охватить весь объем и тип семантических взаимоотношений, вернее связей, предикатного слова и его семантических актантов — предметных имен, особенно субкатегоризацию последних в относительно реализованных знаках — адъективно-субстантивных синтагмах.

Приведем в качестве примера семиологического описания семантики многозначного качественного прилагательного great его детально развернутую семантическую структуру, тонко разработанную Т. Д. Маргалитадзе [1982] с учетом системных контекстов реализации его ЛСВ. Исследование Т. Д. Маргалитадзе является убедительным подтверждением положения о двухчастности лексического значения, казалось бы, сугубо сигнификативной семантики имен прилагательных. Внутрисловное разграничение прилагательных, реализация их отдельных ЛСВ происходит в результате тесной, взаимообусловленной лексической (семантической) связи призна-

кового и предметного имен. Семантический «стержень», названный Т. Д. Маргалитадзе «сквозной семой» (СС), проходит через все ЛСВ, связывая последние в пределах тождества прилагательного *great*. Т. Д. Маргалитадзе убедительно показала, что семантическая связь между прилагательными и конкретизирующими их предметными именами двусторонняя: сквозная сема имеет своей интенсией выбор имен существительных (семантическая связь направлена от признакового к предметным именам); напротив, сочетающиеся существительные представляют экстенционал прилагательного и объединены в парадигматике какой-либо предметно-логической категорией типа: «размер», «число», «продолжительность» и т. п.

При синтагматической сочетаемости (соединении) со сквозной семой предметно-логические категории и подпадающие под них существительные конкретизируют непомерно обобщенный признак, обозначаемый прилагательным, входя в семантику реализуемого ЛСВ на правах ее денотативного компонента, связывающего сигнификативное, обобщенное прилагательное с реальным предметным рядом. В этом случае вектор семантической связи направлен от предметного имени к признаковому. В языковом плане ограниченный ЛСВ получает выражение в виде свободной лексической синтагмы, в которой постоянным членом, как и при глагольных предикатах в пропозициях, является предикатное имя прилагательное, переменными величинами, своеобразными аргументами, семантическими актантами прилагательного — предметные имена.

Таблица 8, репрезентирующая отдельные словозначения, или в другой терминологии — лексико-семантические варианты (прилагательной) лексемы *great*, подтверждает, что словарное определение выражает лишь логико-предметное содержание, под которое следует подводить не только свойство предмета, явления или характер и прочие нравственные ценности человека, но и ракурс связи статического признака и характеризуемого им предмета, ср.: *conducted on a large scale* 'осуществляемый в широких масштабах', *enthusiastic about* 'очень активный в чем-либо' *long continued* 'длительный' и т. п. В подавляющем большинстве словарные дефиниции представлены синонимичными заменами, которые, выполняя основное назначение словарей, — предоставлять пользующемуся словарем возможность выбора нужных слов, не раскрывают характера логико-предметного содержания и без достаточно упорядоченных иллюстраций не дают ключа к норме комбинирования, вернее, сочетаемости прилагательного с соответствующими предметными именами. Для того, чтобы корректно пользоваться, не нарушая системной и нормативной «рекомендаций», теми знаниями о мире, которые фиксируются в дефинициях, необходимо знать лексическое значение, обозначенное соответствующими лексическими синтагмами, которые являются единственным и обязательным средством вычленения и выражения словозначений (или ЛСВ) имен прилагательных. Не случайно, а с некоторым основанием мы в свое время называли эти лексические синтагмы «полуавтоматизированными» [Уфимцева 1972].

Полуавтоматизм свободных лексических синтагм проистекает: а) из знания пользующимися языком прямых номинативных значений свободно сочетающихся с именем прилагательным предметных имен, ибо семантическое указание к прилагательному исходит от них, от сочетающихся имен существительных; б) имя прилагательное в лексической синтагме играет роль экспликанта (определения) предметного имени лишь на синтаксическом

Таблица 8

Семантическая структура прилагательного great, представленная на трех уровнях: словарных определений, логико-предметного содержания и языкового выражения

№ ЛСВ	Словарная презентация семантики ЛСВ	Логико-предметное содержание		Языковое выражение ЛСВ (системная сочетаемость great с предметными именами)
		Сквозная сема (сигнификативный признак)	Логико-предметная категория (денотативный компонент)	
1	2	3	4	5
1	Huge, big	Being more than average in →	size	great bed, rats, staircase, door, bush, insects
2	Numerous	Being more than average in →	number, quantity	great crowd, great company
3	Large in quantity or amount	Being more than average in →	quantity, amount	great sum of money, great wealth, profits, fortunes
4	Long continued	Being more than average in →	duration	great while, great interval
5	Long	Being more than average in →	distance	great distance, great way
6a	Strong, intense	Being more than average in degree → of force, effectiveness, intensity	degree	great wind, great heat, fire, pain, fall of snow
6б	Intense (of feelings, emotions)	Being more than average in degree of intensity of emotions, feelings →	degree	great pleasure, great fear, puzzle love, passion, shame, desire
6в	To a notable degree	Being more than average in degree of presentation → of quality	degree	great tact, great culture, radical, taste, elegance
7	Important, significant, weighty	Being more than average in →	importance	great event, great war, moments, days of life
8a	Eminent, distinguished	Being more than average distinction in →	rank, birth, office	great position, great lady, great class, great houses
8б	Extraordinary	Being more than average distinction in →	talent, ability	great poet, great writer, actress etc.
8в	Noble	Being more than average distinction in →	spiritual or moral values	great soul, great deeds
9	Conducted on a large scale	Being more than average in →	scale	great farmers, great financial house, manufacturer
10	Loud	Being more than average in →	volume of sound	great roar, great noise, cry, groan
11	Favorable, positive	Being more than average in →	estimation	great opinion, great consideration

Таблица 8 (окончание)

1	2	3	4	5
12	Bulky, stout, massive	Being more than average in _____	bulk	a great fellow
13	Enthusiastic about	Having more than average enthusiasm for	particular	great walker, great traveller

уровне, на уровне выражения; на семантическом уровне имя прилагательное выполняет роль экспликандума (определяемого), ибо предметное имя детерминирует и, вычленив тот или иной ЛСВ прилагательного, соотносит последнее с кругом действительности реальной или воображаемой; в) из числа характеризующих словесных знаков, имя прилагательное является в высшей степени синсемантической лексической единицей.

Сигнификативно-денотативный характер прилагательных, даже наиболее широких по объему сочетаемости с предметными именами детерминирован тем, что имя прилагательное (порождает) реализует отдельные ЛСВ исключительно при условии взаимодействия парадигматической (сквозная сигнификативная сема) и синтагматической (конкретизирующая денотативная сема) осей структурной организации лексики. В силу этого у каждого ЛСВ прилагательного должен быть свой специфичный круг референции, системный набор имен класса, серии, категории предметов, лиц и т. п., соотносимых и соотносящихся с данным статичным признаком по логике вещей, по логике общепринятой языковой нормы (системе или узусу) и по логике конкретного высказывания, интенции и ситуационных условий говорящего и слушающего. Пожалуй, напомним читателю о понятии «денотативного статуса», введенного Е. В. Падучевой, который означает применительно к именным группам с предметным значением «характеристику языковой единицы с точки зрения ее предназначенности к тому или иному типу соотношения с действительностью» [Падучева 1982, 3].

То или иное прилагательное может иметь меньший или больший «референтный потенциал», но сам принцип внутрисловного разграничения этого подкласса признаков имен — универсален, так как он связан с закономерностями речемыслительных актов, с процессами актуализации виртуальный понятий, обратными по своей направленности процессам познания, абстрагирования свойств, присущих объективным предметам или субъективно, номинально приписываемых им.

Взаимодействие сигнификативного оценочного компонента — сквозной семы, в нашем случае прилагательного *great* — «more than average» 'больше нормы, выше среднего' и денотативного, привносимого логико-предметными категориями (размер, расстояние и т. п.) и именами конкретных предметов, подпадающих под тот или иной гипероним, является непременным условием реализации лексико-семантических вариантов прилагательных. Естественно предположить, что семантические структуры прилагательных бывают разными по своей конфигурации, в зависимости от характера обозначаемого прилагательным понятийного признака, от наличия оценочных и потенциальных сем в его семантике, от типов связей (сочини-

тельных или подчинительных) ЛСВ в границах тождества слова. Так, А. Н. Шрамм назвал тип логических связей между ЛСВ внутри слова-лексемы описательно, одни — организованные по принципу «веера», другие — по принципу «ромашки» [Шрамм 1980б, 13—14]. Т. Д. Маргалитадзе более детально и последовательно рассмотрела внутрисловные, логически-оппозитивные связи ЛСВ в границах слова-лексемы качественного прилагательного. Ею выделены две основные модели смысловой структуры качественных прилагательных: одномерные и многомерные, а внутри последних структуры с сочинительной (эквивалентной) и подчинительной (неэквивалентной) связями ЛСВ, значительно варьирующими рисунок смысловых структур. Перечислим четыре основных типа логико-семантической связи между ЛСВ в границах тождества многозначных качественных прилагательных, как они даны Т. Д. Маргалитадзе.

I тип связи проявляется между двумя или более ЛСВ прилагательного, имеющими одну сквозную сему, как, например, у прилагательного *great*. Этот тип связи ЛСВ внутри смысловой структуры назван «тождесемной» (термин А. Н. Шрамма) эквивалентной (сочинительной) связью».

II тип связи выявляется в тех семантических структурах, в которых прямой номинативный ЛСВ имеет в своем значении потенциальную сему, которая, становясь сквозной, образует реальные, однако подчинительные ЛСВ. Этот тип связи назван «тождесемной неэквивалентной (подчинительной) связью; тождесемной депенденцией». Примером такой связи может служить семантическая структура прилагательного *thick* 'толстый'.

III тип связи ЛСВ основан на наличии одинакового языкового статуса ЛСВ, не подчинены друг другу, не связаны тождеством одной сквозной семы, возникают на основе потенциальных ассоциативных семантических признаков. Это — «нетождесемная эквивалентная связь» ЛСВ внутри полнозначного прилагательного, например, англ. *wide* 'широкий'.

IV тип связи обнаруживается между «ступенчато» соподчиненными ЛСВ, образованными в результате последовательного переосмысления предшествующего значения; вновь возникшее не связывается непосредственно с первичным, а опосредовано через «породившее» его словозначение. О таком типе логико-семантических связей ЛСВ в смысловой структуре слова говорят, что стоит «выпасть» одному звену в полисемантическом слове, как распадается вся цепочка из-за невозможности связать два ЛСВ, опосредованных третьим. Этот тип связи назван «нетождесемной опосредованной депенденцией» [Маргалитадзе 1982, 151—153].

Завершая обсуждение характера семантики качественных прилагательных, необходимо отметить, что нумерация словозначений (ЛСВ), данная в табл., условна, хотя и необходима; условна потому, что отмечены только те ЛСВ, которые могут быть отождествлены говорящим и слушающим на основании знания прямых значений сочетающихся в свободной синтагме слов. Много промежуточных семантических значимостей в смысловую структуру входит/часто не входит, вернее не кодифицируется в словарях, возникающих в речи и идентифицируемых в трех и более членных синтагмах (контекст II степени), с помощью содержания всего предложения или позиции, а часто через речевую ситуацию.

Следовательно, определение понятия смысловой структуры с учетом всех трех структурных измерений слова (парадигматика, синтагматика

и эпидигматика) наиболее адекватно, не статично, а динамично представляет лексико-семантическое варьирование лексического значения слова. Это обеспечивается рассмотрением словесного знака как двусторонней сущности, варьирующей свое вещественное значение посредством взаимобусловленного и одновременного варьирования обеих сторон словесного знака — знакового значения и формы его выражения на всех трех уровнях слова — лексематическом, лексико-семантическом и уровне конкретной актуализации виртуального слова — понятия. Общепринятым положением является то, что имя прилагательное в большей степени, чем другие характеризующие слова (имя существительное и глагол), подвержены метафоризации. Семиологическое описание языковых метафор и функциональные типы метафор не входят в план нашего рассмотрения; мы отсылаем интересующихся этими вопросами к соответствующим работам [Pelč 1971, 142—194; Арутюнова 1978а, 6, 19796].

Семантика относительных прилагательных

Уже само название говорит о том, что подавляющее большинство относительных прилагательных именуется признаком через его отношение к предметам или другим признакам. При этом семантическая мотивированность относительных прилагательных многообразна: 1) признак, обозначенный по материалу, обычно по вещественным категориям существительных: *железный, дубовый, водянистый* и т. п.; 2) признак по родству: *материнский, сестрин* и т. п.; 3) признак по времени года: *осенний, летний* и т. п.; 4) признак по отрезку времени: *утренний, минутный, часовой, недельный, месячный, годовой* и т. п.

Интересно отметить, что иногда многозначное вещественное существительное дает соответствующие ряды относительных прилагательных: *земля — земляной* (сделанный из земли, в земле), *землистый* (цвета земли), *земельный* (относительно возделанной земли и земельных угодий).

Относительные прилагательные, как правило, обозначают такой признак, который не имеет характеристики по интенсивности, поэтому они не могут быть сравниваемы и не имеют степеней сравнения.

Классические относительные прилагательные принимают семантику мотивирующей их основы; но верно и то, что в каждом языке есть достаточное число немотивированных имен признаков.

Семантическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна, если не сказать, что условна, ибо те и другие имеют тенденцию приобретать значения друг друга: качественные прилагательные развивают относительные значения, относительные прилагательные — качественные значения. Например, имена пространственных признаков становятся дейктиками временного указания: *недалекое будущее, близкое родство, далекое прошлое, близкая встреча* и т. п. Иногда качественные прилагательные могут получать некоторые оценочные оттенки, близкие по своей сути к тем, что называют коннотациями: *бесконечные жалобы* — постоянные, раздражающие и потому нежелательные; *долгая разлука* — длительная, нежелаемая, трудно переносимая.

Относительные прилагательные своими вторичными значениями часто выражают не объективные, а субъективные признаки. Ср.:

Земля моя ласкающе мягка,

Тепла, как *материнская рука* (П. Воронько).

Ср. в англ.: He gazed at the naked longing on his friend's face (I. Stone, 66).

Относительные прилагательные представлены, кроме того, несколькими группами, основные из них: 1) порядковые, называющие признак через отношение к числу, количеству; 2) местоименные прилагательные, фактически — указательные слова; ко второй группе «Русская грамматика» (1980) относит, фактически, все местоименные слова: а) притяжательные (личные и возвратные); б) указательные; в) определительные; г) вопросительные; д) неопределенные; е) отрицательные.

Не вступая в полемику с авторами «Русской грамматики», зачислившими все местоименные слова, очевидно, по их функциональному назначению в число относительных прилагательных, мы должны отметить одно — все они имеют разный характер своего знакового значения и по этому признаку не могут быть отождествлены: например, притяжательные (личные) местоимения по своей семантике являются полудейктическими, так как в их составе помимо назывных сем, указывающих на категорию «принадлежности» в широком смысле слова: «отношение отъемлемой и неотъемлемой принадлежности» — *ее глаза, его лицо*; «отношение родства» — *мой сын, ваши родители*; «отношение происхождения, авторство» — *его исследование, наш проект*; «отношение принадлежности внутренних качеств человека» — *ваше чувство, твой гнев*; «ассоциативные отношения» — *мои соседи, ее сотрудники*; «отношение смежности» — *их город, ваш дом*, имеется дейктическая сема — указание объектов обладания на их отношение и роль в речевом акте, ибо *мой* может быть употреблено в речи применительно лишь к субъекту, автору речи, а *твой* — только к его собеседнику, адресату речи. В притяжательных, полудейктических прилагательных налицо двукратная отнесенность, поэтому они должны быть семантически рассмотрены совершенно самостоятельно и притом исключительно в контексте речевого высказывания. Правда, категориальная, недейктическая семантика притяжательных местоимений, подобно глагольным лексемам, может быть выявлена в минимальных синтагмах, при этом решающую роль играет характер семантических категорий и субкатегорий имен существительных, обозначающих субъект обладания: одушевленность/неодушевленность, лицо/нелицо, женский/мужской пол, абстрактная/конкретная лексика и т. п.

При реализации содержания притяжательных местоимений часто минимального семантического контекста (двучленные лексические синтагмы) бывает недостаточно, так как кроме указания на субъект или объект обладания (принадлежности) — местоимения третьего лица способны осуществлять анафорическую функцию, особенно в случаях дистантного нахождения притяжательного местоимения к своему антецеденту. При этом идентификация осуществляется через а) личные местоимения путем минимальной диагностирующей модели [Метакса 1972].

mother (she) ← her → hand

the dog (it) ← its → master

говорящий (I) ← my → idea

потенциальный собеседник (he, she) ← his, her face;

б) через широкий контекст, варьирующий от простого предложения через сверхфразовое единство до текстов в несколько абзацев и даже страниц.

Возьмем к примеру английское предложение: The doctor came to probe his nose with sticks, and finally assure him that he would breathe through one nostril at least (I. Stone, 152).

Минимальная лексическая синтагма his nose представляет собой семантическое соединение (linking), в котором оба члена как значимые элементы, выступая на паритетных началах, составляют смысл, складывающийся из основных значений свободно сочетающихся слов, разграничивающих друг друга his ↔ nose. Семантическим результатом является полуавтоматическая (если слово считать автоматически «всплывающим» в памяти знаком), свободно сочлененная синтагма, реальное значение которой равно 'нос персоны (человека) мужского пола'. Но для того, чтобы воспринять смысл всего высказывания читающему не легко понять «чей нос?» Смысл приведенного выше предложения изображает заключительный этап инцидента, в результате которого товарищ Микельанджело по студии сильным ударом повредил ему хрящевую перегородку носа; врач пришел, чтобы обследовать больного. Начало инцидента изложено несколькими страницами раньше (стр. 150, 151, указ. соч.): антецедент (субъект обладания) притяжательного местоимения находится в дистантном положении.

При рассмотрении любых языковых категорий или единиц необходимо учитывать первичность/вторичность их функций; относительно местоименных слов — строго обязательно. Для личных местоимений указание на коммуникативные/некоммуникативные лица — это первичная функция, а для притяжательных — вторичная.

Этот вид указания, названный нами в свое время — субъективным дейксисом [Уфимцева 1974, 171], разграничивающим между собой автора и адресата речи, противопоставляет одновременно коммуникативные лица (1-е и 2-е) некоммуникативным, обозначаемым формами 3-го лица единственного и множественного числа.

Именно этот факт позволяет некоторым ученым [Бенвенист 1974; Майтинская 1969] интерпретировать личные местоимения 3-го лица как неподпадающие под категорию лица. С этим положением можно согласиться, если принять исключительно функциональную точку зрения на язык, ибо местоимения 3-го лица выполняют совершенно другую, не менее важную функцию — внутриструктурного указания на связь отрезков высказывания в единое целое, на логическую (смысловую) их связь на основе идентификации антецедентов, а это уже проблематика теории референции и принципов организации текста [Гальперин 1974, 1978, 1981; Вольф 1974, 1978; Падучева 1982].

Своеобразие семантики притяжательных местоимений, их семный состав включает два вида сем: 1) дейктические семантические признаки, характеризующие субъекты обладания через их отношение к речевому акту, а именно как имеющие указание на коммуникативное/некоммуникативное лицо; 2) недейктические семантические признаки, указывающие на виды объективных отношений принадлежности лиц, предметов в реальном или воображаемом мирах.

Семантика и функции местоименных слов в целом, притяжательных в особенности, этих своеобразных полудейктиков, отличаются от классических относительных имен прилагательных и ждут специального семиологического изучения. К этому же типу слов относятся и указательные местоимения this 'этот', that 'тот' и др.

Итак, поле субъективного указания, в котором значение входящих в него слов определяется относительно координат речевого высказывания, помимо местоименных наречий *here/there* 'здесь/там' [Уфимцева 1974, 178—181] представлено оппозицией упомянутых выше указательных местоимений.

Микросистемы указательных местоимений показывают удивительное разнообразие в структурной организации и варьируются от языка к языку, различаясь не столько количеством членов оппозиций, сколько набором дейктических сем, по которым они противопоставляются внутри данного языка.

В большинстве языков микросистемы указательных местоимений состоят из двух-трех форм, как, например, в русском *этот — тот*, в английском *this — that*, если не принимать во внимание архаичную форму *yonder*, в немецком *dieser — jener* и форму общего указания *der*; двучленны дейктические микросистемы в некоторых тюркских, финно-угорских и других языках [Майтинская 1969, 64—65].

Дейктические семы подобных микроструктур выражают: 1) «указание на степень удаленности характеризуемого предмета от центра речевой координации»; 2) «указание на видимый или невидимый для коммуникантов предмет»; 3) «указание на известный или неизвестный для общающихся предмет».

Комбинирование упомянутых дейктических признаков, определяемых то относительно только субъекта речи, то только адресата речи, то относительно того и другого вместе, создает большое своеобразие микросистемы каждого языка и разнообразие семантических рисунков микросистем субъективного дейксиса в целом.

Так, несмотря на структурную простоту двучленной дейктической системы в английском языке *this* 'этот', *that* 'тот', она довольно сложно семантически структурирована.

Дейктический признак характеристики «близкого» и «далекого» предмета, являющийся в других системах ведущим, в английском языке ослаблен, а основным назначением указательных местоимений *this/that* является функция непосредственного (жестового — *gestural*) указания.

В этом отношении указательные местоимения отличаются от других дейктических знаков, характеризующих предмет, лицо относительно речевых координат.

Вторым семантическим признаком членов дейктической микросистемы *this — that* является указание на «известное и неизвестное»: местоимение *this* означает «известное автору речи», *that* — «известное и адресату речи». При этом второй дейктический признак — больше чем первый, контекстуально обусловлен.

Наконец, близко по характеру семантики к основным дейктическим семам употребление *this/that* в функции внутриструктурного указания (*discourse deixis*) — замещение, анафорическое, предваряющее употребление указательных местоимений.

Разным языкам присущи сложные системы указания (*deixis*).

В трехчленных пространственных системах субъективного указания выражается тройная степень удаленности характеризуемого предмета, как, например, в некоторых кавказских языках [Жирков 1941, 101; Дешериев 1953, 113].

Наиболее сложной по структуре и объемной по степени удаленности предмета, лица является система указательных местоимений чукотского языка [Скорик, 1961], семь членов которой выражают не только несколько степеней удаления характеризуемого предмета, но обозначают и направление, место нахождения предмета в ситуации речи (говорящего и слушающего), по отношению к которому определяется данный предмет: «этот ближе к говорящему, чем к слушающему», «тот — ближе к собеседнику, чем к говорящему», «вон тот в отдалении от обоих собеседников». В этой же микросистеме есть такие дейктические семы, как: «невидимый предмет, находящийся за говорящим», «невидимый предмет, находящийся за собеседником» [Скорик 1961, 138].

Еще более сложной предстает система указаний в языках американских эскимосов, которая, по свидетельству Ф. Боаса [Boas 1911, 40], характеризует предмет по детальной шкале направления относительно говорящего: предмет находится «в центральном месте по отношению говорящего», «выше говорящего», «ниже говорящего», «впереди говорящего», «позади говорящего», «налево от говорящего», «направо от говорящего».

В ряде языков дейктические системы пространства осложнены более специфическими семантическими признаками, как-то: «присутствие — отсутствие в речевом пространстве характеризуемого предмета, лица», «предмет существует в настоящем или существовал в прошлом».

Как можно было убедиться, семантика указательных местоимений имеет исключительно относительный характер и определяется, как правило, в ориентации на автора и адресата речи. Указательные местоимения не в меньшей степени являются собственно дейктическими словами.

Особый разряд относительных прилагательных с дейктическим компонентом в своей семантике и полные дейктики представляют прилагательные, обозначающие время. Интересно отметить, что категория объективного времени «транспонируется» в категорию относительного времени, которая выражается в любом языке как грамматическими, так и лексическими средствами, в составе последних выделяются собственно дейктические (с чисто указательной семантикой) и полудейктические (имеющие в своей семантике как назывные, так и дейктические семы). Проблематика языкового дейксиса, начатая работой К. Бюлера, интенсивно разрабатывается, особенно за последнее десятилетие. Достаточно упомянуть самые ранние и самые поздние работы [Bühler 1934; Fillmore 1966, 1972, 1973; Кацнельсон 1965; Huddleston 1969; Уфимцева 1974; Вольф 1974; Метакса 1972; Шматова 1976; Филатова 1978; Ерзинкян 1979].

Здесь не место говорить о дейктических функциях грамматических времен, варьирующихся от языка к языку, о правилах последовательности грамматических времен, столь строго соблюдаемых, например, в английском языке. Мы кратко остановимся на именах прилагательных с сугубо относительным характером семантики, содержащей как назывные, так и дейктические семы.

Последовательность событий во временном континууме, а следовательно, и в языковом выражении предстает в трех своих аспектах: предшествование, следование и одновременность двух или более характеризуемых событий во времени.

Относительный характер семантики дейктических и полудейктических словесных знаков происходит из-за того, что временная характеристика

событий, фактов осуществляется с помощью сравнения с какой-либо точкой отсчета. Временной точкой отсчета, как правило, является некий период или факт в настоящем или момент речевого акта. Каждому языку свойственна своя, специфическая система средств выражения универсальных дейктических категорий: поле личного указания, поле пространственного и временного указания. Что касается лексических дейктических средств, то они могут быть разграничены на три сферы указания: субъективное указание — относительно говорящего, объективное указание — характеристика одного объекта относительно другого и внутривидовое указание на соотношение частей высказывания или целого текста.

Из лексических средств — относительных прилагательных пространственного указания следует прежде всего отметить:

а) оппозитивные пары субъективного указания: left 'левый'/right 'правый'; back 'задний'/front 'передний'; far 'дальний'/near 'ближний';

б) объективного указания (характеристика предмета относительно другого): distant 'отдаленный', remote 'дальний', opposite 'противоположный' и др.

Временное поле дейктических и полудейктических слов гораздо шире и может быть представлено в языке разными частями речи: глаголами, прилагательными, полнозначными и местоименными наречиями. Указание на последовательность событий, на порядок следования предметов и лиц, факт несовпадения по времени объективных событий со временем описания их языковыми единицами в конкретных актах речи и т. п. требуют и соответствующих грамматических и лексических средств.

По логике предметного мира и по логике мышления, а также по норме языкового выражения временная характеристика определяемых событий, процессов, фактов, естественно, дается в 3-х временных плоскостях:

а) в прошедшем, обозначая действие, предшествующее акту речи или другому объективному событию;

б) в будущем, как действие, событие предстоящее, а потому, естественно, как следующее за определенным фактом, событием;

в) как одновременное, совпадающее по времени действие с другим; ср.: last year 'прошлый (предшествующий) год'; next year 'следующий (предстоящий) год'; this year 'текущий, нынешний год'.

Имена прилагательные, обозначающие предшествующие события, действия — немногочисленны. Так, в русской разговорной речи широко используются производные (от наречий времени): *вчерашний, прошлогодний, позавчерашний, тогдашний* и т. п.; в английском имеется целый ряд префиксальных образований (некоторые уже с затемненной словообразовательной моделью), с дейктическим компонентом в их семантике: antecedent, preliminary, aforesaid, previous, precocious, foregoing etc.

Наряду с производными, семантически мотивированными полудейктиками в составе лексики английского языка имеются и элементарные (первичные) прилагательные с относительным характером семантики: last, late, former, latter etc.

Прилагательные, характеризующие предстоящие события, действия и т. п., еще более малочисленны; ср. основные из них: next 'следующий', future 'грядущий', oncoming 'надвигающийся', ибо события и действия, как выражающие динамические признаки, именуются чаще глагольными именами, чем прилагательными.

Дейктическое прилагательное, казалось бы, основное для указания будущего действия в системе английского — *future* редко употребляется в сочетании с именами, обозначающими отрезки времени: едва ли возможно сочетание «*future year*», в то время как нормативны сочетания *next/ year*, *the year to come*; категория временного дейксиса выражается в основном глагольными именами. Интересно отметить, что относительное прилагательное *future* семантически совместимо с такими абстрактными именами, как *ages*, *generations*; например, *future generation*, *future ages*, но *events to come*, *oncoming events*. Ср.: дейктическое использование глагола *to be* для указания события в будущем: *Giovani, the cardinal to be*. . . (I. Stone, 126); *The master and would-be apprentice had reversed positions* (I. Stone, 14).

Категория «одновременности» характеризуемых событий и фактов является в высшей степени важной дейктической категорией, особенно для говорящего и слушающего. В состав микросистемы полудейктических слов в английском языке входят такие относительные прилагательные, как *contemporary*, *simultaneous*, *contemporaneous* и др. Примыкают сюда, несколько варьируя семный состав, прилагательные оценочного указания, например, в русском — *заблаговременный*, *преждевременный* и др., семантика которых ориентирована относительно какой-либо точки отсчета, раньше момента или срока времени. В категории относительных прилагательных представляет большой интерес еще одна универсальная по характеру своего значения группа полудейктических, нормативно-оценочных имен, типа: *надлежащий*, *соответствующий*, *настоящий* (в смысле подлинный) и мн. др.

В заключение этого раздела необходимо указать главное, касающееся прилагательных вообще, полудейктических и дейктических в особенности. Последние две категории должны изучаться в широком контексте; основная задача такого изучения сводится к выявлению текстообразующей роли этих промежуточных словесных знаков, основным назначением которых является перевод системных средств в актуальные единицы речи. Дейктические категории, выраженные как лексическими (слова субъективного, субъективно-объективного и внутривидового указания), так и грамматическими средствами (времена, модели анафорических и катафорических отношений между частями целого высказывания), могут быть выявлены только при исследовании целых текстов, при определении места и роли дейктиков в обозначаемой ситуации, в описании первичной и вторичной функций, при систематизации типов анафорических отношений и структур. Вышеупомянутое направление определения семантики и функций местоименных слов в наши дни широко распространено: а) в связи с разработкой проблем машинного перевода [Шумилина 1962; Корельская, Падучева 1971; Кувалдина 1971; Откупщикова 1971]; б) в связи с анализом и синтезом текста [Падучева 1967; Harweg 1968; Гак 1969; Севбо 1969; Гиндин 1971, Николаева 1978; Гальперин 1981]; в) в связи с изучением внутривидового дейксиса, выявления коореферентных связей высказывания [Bresnan 1971; Grinder, Postal 1971; Partee 1972; Падучева 1973; Чехов 1970, 1974, Вольф 1974]; г) в связи с изучением теории референции [Арутюнова 1976б, 1977б; Падучева 1982].

В результате обсуждения знакового значения характеризующих (полнозначных) словесных знаков могут быть сделаны некоторые выводы.

1. В содержании характеризующих знаков совмещаются разные по сте-

пени обобщенности и характеру обобщения семантические значимости: 1) общие для целого класса или разряда слов, несоотносимые с «предметным рядом», так называемые грамматические значения; 2) категориальный признак, который получает словесный знак, будучи осмыслен, входя в ту или иную семантическую группировку; 3) словообразовательное значение; 4) лексическое (индивидуальное) значение, формирующее словесный знак, репрезентирующее «кусочек» объективного мира или субъективное отношение человека к предмету, его прагматические, нравственные, этические и прочие оценки.

Так, например, далеко негомогенное содержание слова *учитель* складывается: 1) из частеречного значения «предметность»; 2) из признака семантического разряда «одушевленность»; 3) из признака семантической категории «лицо»; 4) из признака семантической субкатегории «мужской пол»; 5) из словообразовательного значения «деятель»; 6) из лексического (индивидуального) значения «обучающий, тот, кто профессионально учит других».

В одних языках частеречное значение, признаки семантических категорий и лексико-семантических группировок находят эксплицитное выражение, в других — остаются ничем не отмеченными.

В пределах той или иной части речи, где такие лексико-грамматические разряды слов имеют место, характеризующий словесный знак выстраивается во второй, затем третий, четвертый, пятый ряд зависимостей — в семантические разряды, категории, субкатегории и лексико-семантические группы по принципу «матрешки», вплоть до его индивидуального значения. Эти пять разных по уровню обобщения рядов зависимостей делают смысловое содержание слова недискретным, глобальным, одновременно предписывающим не только его парадигматическую структуризацию, но и одновременно его сочетаемость в синтагматическом ряду.

В именах существительных как наименованиях предметов, вещей знаковое значение, сформированное денотативным и/или сигнификативным компонентом, имеет место совмещение предметной и понятийной отнесенности в рамках диалектического целого как конкретное и абстрактное, формирующее разные в своем исходе понятия.

В глагольных наименованиях, выражающих в самом своем знаковом значении понятие отношения, предметная отнесенность, направленность выносятся за рамки глагольного наименования, имя признаку обязательно дается относительно семантической сферы субъекта или/и объекта. Таким образом, само понятие «отношение», действие или какой-либо другой признак, выражаемый знаковым значением глагольных лексем, манифестируется, конкретизируется субъектно-объектной локализацией и семантической направленностью глагольного действия и раскрывается в терминах синтагматических отношений признака (действия) к его объекту и субъекту.

2. С точки зрения семантического согласования глагольного признака и его актанта и смысловых отношений, устанавливаемых в результате этого согласования, тип лексических связей и их конечный результат различен: в случае «семантический субъект — его признак» (S — V) лексические значения соотносящихся членов минимальной синтагмы и выражаемые ими понятия находятся в имплицативных отношениях, взаимно предполагая друг друга. Такие семантические отношения подпадают под категорию так называемых неполных семантических соединений (*encomplete linking*).

В случае семантических связей «глагольного признака и семантического объекта» последний включается в знаковое значение первого, восполняя, конкретизируя его значение; этот тип отношений между сигнификативным и денотативным признаками носит другой, подчинительный характер и может быть отнесен к так называемым включениям (nesting).

Прилагательные, как признаковые имена, подобно глаголам реализуют свои системные и образуют асистемные семантические значимости также исключительно в рамках относительно актуализованных знаков, т. е. в минимальных лексических синтагмах.

Однако имеются значительные различия в семантических отношениях трех типов словосочетаний: субстантивно-глагольных, глагольно-субстантивных и адъективно-субстантивных словосочетаниях.

Адъективно-субстантивные лексические (свободные) синтагмы по своему характеру и семантическому результату сочетающихся членов — прилагательного и существительного (Adj. — N) — подпадают под другой тип семантических связей, а именно под «полные соединения» (complete linking), образуя довольно замкнутые самодостаточные структуры. Свидетельством того, что адъективно-субстантивные словосочетания в границах предложения имеют определенную самостоятельность, выполняя, прежде всего, свое лексическое назначение — средства внутрисловного смыслового разграничения сочетающихся слов, может служить тот факт, что смысл пропозиции не изменится ни от того, что прилагательные в словосочетании можно опустить, или, наоборот, свернуть это двучленное соединение в универб (одно слово).

3. Анализ знакового значения, форм его языкового выражения, определение смысловой структуры в целом по семному составу отдельных словозначений показал двучастный (денотативно-сигнификативный, сигнификативно-денотативный) характер лексического значения полнозначных слов, относящихся к разным частям речи.

Механизм структуризации лексического значения условия и средства его реализации, неизбежно связанные с семантической актуализацией виртуального слова, нацелены одновременно на выполнение двух главных функций — номинативно-репрезентативной и коммуникативной.

Параметрами, детерминирующими лексическую семантику полнозначных слов, являются:

1) логико-предметное содержание, формирующее прямое номинативное значение; последнее, являясь языковым представлением обозначаемого словом класса предметов, явлений и т. п., закрепляет за тем или иным наименованием не только набор существенных, отличительных семантических признаков, но и ракурс связей, присущих предметам, лицам и их свойствам в объективном или воображаемом мирах;

2) рисунок (конфигурация) семантической структуры слова и номинативный статус слова, отображающий результат его предшествующего функционирования и смыслового изменения слова, которые в логическом плане для имен существительных происходят по родовидовым связям;

3) выделяемость, автономность и самодостаточность той или другой семантической значимости (ЛСВ), словозначения или слова в целом, степень их контекстуальной зависимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральным вопросом теоретической лингвистики, дискутируемым во все времена и остающимся актуальным и в наши дни, является вопрос о том, каким образом, в силу чего происходит «соединение» двух сторон языковых единиц — значения и звучания. Б. де Куртенэ называл этот процесс семасиологизацией звуков естественного языка; В. Гумбольдт, сведя его к механизму имманентно развивающейся «внутренней формы», объяснял это явление «самопроизвольным законом лексической членимости»; Ф. де Соссюр называл первичное знакообразование «артикуляцией», Э. Бенвенист — «первичным, собственно семиологическим способом означивания» элементов языка.

В современных терминах эту феноменальную черту человеческого языка называют «знаковой репрезентацией», представлением при помощи слов и выражений внешнего и внутреннего мира человека, процессом первичного означивания, осуществляемого, прежде всего, словесными (как элементарными, так и производными) знаками. Именно лексический состав языка — слова и словосочетания как номинативные единицы — выполняют роль основного средства знаковой репрезентации, характеризуя многообразие предметной и духовной сфер человека, служа, тем самым, наименованиями повторяющихся, эмпирически или опытно выделенных человеком представлений.

Этот сложный процесс первичного знакообразования (означивания), результатами которого пользуются (в силу чрезвычайной устойчивости и постоянства прямых номинативных значений) последующие поколения, назван Э. Бенвенистом собственно семиологическим; сфера метафорических, косвенных и пропозитивных наименований — семантическим, так как такие наименования образуются на основе словесных знаков первичного знакообразования, путем семантической их интерпретации. Сфера номинативных словесных знаков, как системных средств, отграничена от речевых единиц — предикативных знаков, хотя обе сферы «настроены» одна на другую, составляя основные оппозиции «старое/новое», «постоянное/переменное», «объективное/субъективное».

Главной онтологической чертой человеческого языка является, прежде всего, его репрезентативная функция, свойство опосредованно выражать, закреплять и хранить результаты социально-исторического опыта и познавательной деятельности его носителей.

Знаковая репрезентация языка представляет собой особую присущую только человеку как мыслящему существу форму опосредованной идеализации реального мира, средства его отражательной и коммуникативной деятельности.

Благодаря этому своему свойству язык, с одной стороны, классифицируя, дает наименование предметам, явлениям объективного мира, дифференцируя

и идентифицируя их свойства и отношения; с другой — храня и передавая при помощи знаков информацию предшествующего общественно-познавательного опыта, язык обеспечивает сферу речемыслительной деятельности, удовлетворяя, тем самым, коммуникативные и эмоционально-экспрессивные потребности людей.

В силу этого, словесные знаки как основные классификационно-номинативные элементы — не простые названия, этикетки, а психо-физиологические сущности, представления и понятия, «одетые» в языковую форму и ставшие для носителей данного языка сигналами действительности, средством дематериализации второго порядка удаленности от видимого, осязаемого, ощущаемого. Исходным методологическим положением в работе является понимание языка как знаковой системы особого рода с двукратным означиванием и различающимся способом структуриации его единиц в системе языка и в речи.

Характер онтологического статуса естественного языка как знаковой системы особого рода, проявляющейся в двух ипостасях (система средств и актуальная речь), предопределяет выбор объекта, предмета и направления семиологического описания лексики: словоцентрическое исследование примарного знакового значения слов, относящихся к семиологическому классу характеризующих словесных знаков, составленному, в свою очередь, из двух основных подклассов — предметных и признаковых имен.

Процедура семиологического описания лексики и соответствующая ей метасистема понятий могут быть представлены в общем виде следующим образом.

Соответственно особенностям исследуемого объекта — слово в его лексическом значении — различаются три уровня описания слова:

1) лексематический (слово как двусторонняя единица в совокупности всех его значений и форм);

2) лексико-семантический (уровень внутрисловного расчленения семантики слова на мельчайшие двусторонние единицы — лексико-семантические варианты слова — ЛСВ);

3) уровень речевого использования слова в том или другом ЛСВ — словоупотребление — в составе предложения.

Характеризующие словесные знаки могут быть представлены в трех аспектах: виртуальный словесный знак, соответствующий приблизительно словарному представлению слова с разной степенью детализации его смысловой структуры; семантически расчлененный словесный знак, относительно актуализованное слово, манифестируемое, в основном, свободными лексическими сочетаниями называющих словесных знаков; абсолютно актуализованное слово в составе предикативного знака.

Сквозное описание слова в трех отмеченных выше аспектах позволяет изучать его значение в трех направлениях: а) в ономаσιологическом (номинативном); б) в семасиологическом по трем осям структурной организации слова (в парадигматике, в эпидигматике, синтагматике); в) в собственно семиологическом аспекте, предусматривающем изучение примарного знакового значения слов, и в семантических связях в линейном ряду (синтагмах) с учетом синтаксических функций и позиций исследуемых слов.

В слове, определяемом традиционно как «единство значения и звучания», две его стороны — означаемое (примарное значение, формирующее данный знак) и означающее (исходная форма знака) находятся в знаковых отноше-

них. Быть в знаковых отношениях означает, что в силу прочной, длительной психической связи двух сторон словесного знака, социально принятого и системно осмысленного, одна сторона, например значение, индуцирует другую — форму знака и, наоборот, форма знака вызывает в сознании пользующегося языком соответствующее ей значение. В целях более полного и адекватного семиологического описания лексического значения была систематизирована аксиоматика слова: характер связи означающего и означаемого, дифференциальная природа обеих сторон словесного знака, асимметрия и способы ее снятия, функции слов, относящихся к разным семиологическим подклассам и т. п. Естественно, категория лексического значения как основная была подвергнута более детальному обсуждению. Признавая произвольную связь между означаемым и означающим, мы, однако, настаиваем на том, что формирование слова (как номинативной единицы) и его значения далеко не произвольно. Ощущения, а на их основе и представления, формирующие значение словесного знака, представляют собой субъективный образ объективного мира, предполагающий как реальность отображаемого, так и сходство между образом и отображением.

В силу этого лексическое значение является категорией отражательной, а слово наряду с предложением — категорией гносеологической. Анализу подвергалось, прежде всего, примарное знаковое значение, которое, выражая самые существенные свойства предмета в его целостности или класс, множество предметов, свойств и их реальных отношений в объективной действительности, сформировало сам словесный знак. Знаковое значение характеризующих словесных знаков отображает не только сущностные свойства предметов, лиц и явлений. То, что традиционно в русской лексикологии называют «логико-предметным содержанием», формирующим вещественное значение слова, и можно назвать его знаковым значением, которое, как правило, является прямым номинативным, основным для данного слова в определенный период истории языка. Знаковое значение полнозначных слов формируется на так называемом дедуктивно-логическом понятии, содержащем основные существенные для данного предмета, лица и т. п. категориальные свойства и индивидуальные семантические признаки.

Так, в примарном знаковом значении слова *мужчина* можно выделить следующие семантические признаки (семы): «одушевленность» + «лицо» + «мужской пол» + «взрослость», что перифрастически можно выразить «взрослый человек мужского пола». Но любое слово, чаще имена естественных родов (особенно животных), окружены целым рядом ассоциативных связей, формирующих индуктивно-эмпирическое понятие и индуцирующих у слов различные коннотативные и эмотивно-экспрессивные значения. Ср. у имен животных, особенно хорошо человеком познанных и освоенных, имплицитно оценочные, эмпирийные значения: 'медведь' (неуклюжий), 'лиса' (хитрая), 'заяц' (трусливый) и т. п. При этом компоненты примарного знакового значения как предметных (имен существительных), так и признаков имен (глаголов и прилагательных) далеко не одинаковы по степени обобщенности компонентов их лексических значений: одни — в высшей мере обобщены, другие — конкретны, идентифицирующие предметы по их форме, функции, цвету и т. п., т. е. по внешнему виду и назначению. Семиологическое описание подкласса предметных имен предполагает разграничение их по характеру знакового значения на более мелкие, но однородные группы слов, которые мы называли семантическими разрядами слов. Таксо-

номия семантических разрядов предметных имен основана на комбинации следующих пар оппозитивных признаков: «одушевленность/неодушевленность», «лицо/нелицо», «абстрактность/конкретность», «исчисляемость/неисчисляемость». Разброс предметных имен по данным признакам и анализ их знакового значения позволили выделить и описать в терминах денотативного и/или сигнификативного компонентов примарное знаковое значение следующих семантических разрядов: имена предметов профессиональных сфер, обладающих денотативным типом значения; имена классов, с денотативно-сигнификативным типом значения; имена родства и так называемые номинальные классы слов с сигнификативно-денотативным типом знакового значения; имена уникальных и ирреальных предметов, абстрактные имена существительные с сугубо сигнификативным характером значения.

Семантика признаковых имен, знаковое значение которых структурировано по-иному, требует другого исследовательского подхода.

Назначение глаголов и имен прилагательных как слов, формирующих предикативные знаки, согласуется с характером их значения. При семиологическом описании лексического значения глаголов, более релятивного, чем у предметных имен, необходимо учитывать тесное взаимодействие лексической семантики и синтаксических характеристик изучаемых словесных знаков. Для английского языка, например, аналитического по своему строю, характерна та большая роль синтаксиса, которая помогает расчленить и реализовать семантику глагольных наименований.

В силу того, что предикатные слова, как правило, формируют свое значение, выражающее признак, с учетом «предмета», которому данный признак может быть приписан, то для раскрытия знакового значения глагола вводится так называемая ономасиологическая формула, манифестирующая семантическую направленность или локализацию признака, выраженного глаголом, на сферу субъекта (субъектная направленность признака) или объекта (объектная направленность признака). Эта ономасиологическая формула, указывающая не только на обстоятельства и направленность семантики глагольного признака, позволяет выделить в английском языке четыре семиологических разряда глаголов: субъектные, субъектно-объектные, объектные и объектно-субъектные.

В содержании характеризующих знаков совмещаются разные по степени обобщенности семантические значимости: 1) общие для целого класса или разряда слов, несоотносимые с предметным рядом, так называемые грамматические значения; 2) категориальный признак, который получает словесный знак, будучи осмысленным и входя в ту или иную семантическую группировку; 3) словообразовательное значение; 4) лексическое (индивидуальное значение), формирующее словесный знак и репрезентирующее «кусочек» объективного мира или субъективного отношения к предмету, прагматические, этические и прочие оценки человеком окружающей действительности.

В одних языках частеречное значение, признаки семантических категорий и лексико-семантических группировок находят эксплицитное выражение, в других — остаются ничем не отмеченными. В пределах той или иной части речи, где такие лексико-грамматические разряды слов имеют место, характеризующий словесный знак выстраивается во второй, затем в третий, четвертый, пятый ряд зависимостей — в семантические разряды, категории, субкатегории и лексико-семантические группы по принципу «матрешки» вплоть до индивидуального значения слова. Эти пять разных по уровню

обобщения рядов зависимости делают смысловое содержание слова недискретным, глобальным, одновременно предписывающим не только его парадигматическую структуриацию, но и одновременно сочетаемость слов в синтагматическом ряду.

В именах существительных как наименованиях предметов, вещей знаковое значение, сформированное денотативным и/или сигнификативным компонентами, имеет место совмещение предметной и понятийной соотнесенности в рамках диалектического целого как «конкретное» и «абстрактное», формирующее разные в своем исходе понятия.

В глагольных наименованиях, выражающих в самом их знаковом значении понятие отношения, предметная отнесенность, направленность как бы выносятся за рамки глагольного наименования; имя признаку обязательно дается относительно семантической сферы субъекта и/или объекта. Таким образом, само понятие отношения, действия, или какого-либо другого признака, выраженного значением глагольных лексем, манифестируется, конкретизируется субъектно-объектной локализацией и семантической направленностью глагольного действия, как правило, раскрывающегося в терминах синтагматических отношений признака к его объекту и/или субъекту. С точки зрения семантического согласования глагольного признака и его актантов, их смысловых отношений, устанавливаемых в результате этого согласования, тип лексических связей и их конечный результат различны: в случае «семантический субъект ↔ его признак» ($S \leftrightarrow V$) лексические значения соотносящихся членов минимальной синтагмы и выражаемые ими понятия находятся в имплицативных отношениях, взаимно предполагая друг друга. Такие семантические отношения подпадают под категорию так называемых неполных семантических соединений (*incomplete linking*). В случае семантических связей «глагольного признака и семантического объекта» последний включается в знаковое значение первого, восполняя и конкретизируя это значение. Этот тип отношений между сигнификативным и денотативным признаками носит другой, подчинительный характер и может быть отнесен к так называемым включениям (*nesting*).

Прилагательные как признаковые имена, подобно глаголам, реализуют свои системные и образуют асистемные семантические значимости также исключительно в рамках относительно актуализованных знаков, т. е. в минимальных лексических синтагмах. Однако имеются значительные различия в семантических отношениях трех типов словосочетаний: субстантивно-глагольных, глагольно-субстантивных и адъективно-субстантивных. Адъективно-субстантивные лексические синтагмы по своему характеру связи и семантическому результату сочетающихся членов — прилагательного и существительного ($adj-N$), подпадают под другой тип семантических связей, а именно под так называемые полные соединения (*complete linking*), образуя довольно замкнутые, самодостаточные структуры. Свидетельством того, что адъективно-субстантивные словосочетания в границах предложения имеют определенную самостоятельность, выполняя свое лексическое назначение — средства внутрисловного смыслового разграничения сочетающихся слов, может служить тот факт, что смысл пропозиции не изменится ни от того, что прилагательное словосочетание можно опустить, и ни от того, что это двучленное соединение можно свернуть в универб.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Поли. собр. соч.
 Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3.
 Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Абрамов Б. А. Члены предложения и моделирование в синтаксисе. — В кн. Синтаксис простого предложения в современном немецком языке. М., 1982.
- Абрамян Л. А. К вопросу о языковом знаке. — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1964.
- Абрамян Л. А. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965.
- Аветян Э. Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968.
- Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
- Азнаурова Э. С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977а.
- Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977б.
- Амосова Н. Н. К вопросу лексического значения слова. — Вестн. ЛГУ, сер. ист. и лит., 1957, вып. 1.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- Амосова Н. Н. Английская контекстология. Л., 1968.
- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арнольд И. В. Проблема закономерности семантических изменений в истории западноевропейских семасиологических теорий. — Учен. зап. Ин-та им. Герцена. Л., 1958, т. 154.
- Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
- Арутюнова Н. Д. Синтаксис. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова. — Филол. науки, 1973, № 3.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976а.
- Арутюнова Н. Д. Логические теории значения. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976б.
- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977а.
- Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение. — В кн.: Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977б.
- Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1978а, т. 37, № 4.
- Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры. — Там же, 1978б, № 3.
- Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1979а, т. 38, № 4.
- Арутюнова Н. Д. Метафора. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979б.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова Н. Д. Лингвистические проб-

- лемы референции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, вып. XIII.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Балашов Н. И. Проблема референтности в семиотике поэзии. — В кн.: Контекст 1983. М., 1984.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
- Бибихин В. В. К онтологическому статусу языкового знания. — В кн.: Традиция в истории культуры. М., 1978.
- Бирюков Б. В., Горский Д. П. Определение как логико-семиотическая и операционально-праксеологическая процедура. (Послесловие). — В кн.: Теория определения К. Попа. М., 1976.
- Брожик В. Марксистская теория оценки / Пер. со словацкого. М., 1982.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. тт. I, II.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Борисова Л. Н. Семантические и функциональные свойства дейктических наречий современного английского языка. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Булыгина Т. В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования. — В кн.: Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
- Булыгина-Шмелева Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. Автореф. докт. дис. М., 1979.
- Бурлакова В. В. Структура глагольных словосочетаний в современном английском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1971.
- Бюлер К. Структурная модель языка. — В кн.: История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965, ч. II.
- Вежбицка А. Наброски к русско-семантическому словарю. — Бюл. «Научно-техническая информация», Сер. 2, 1968, № 12.
- Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V.
- Вейнрейх У. Опыт семантической теории. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, вып. X.
- Васильев Л. М. Значение в его отношении к действительности, системе языка и акту коммуникации. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1980.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Виноградов В. В. Типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5.
- Виноградов В. В. Введение к разделу «Синтаксис». — В кн.: Грамматика русского языка. М., 1954, т. 2, ч. 1.
- Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Восприятие языкового значения. М., 1980.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л., 1934.
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974.
- Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Гальперин И. Р. К проблеме зависимости предложения от контекста. — ВЯ, 1977, № 1.
- Гальперин И. Р. Членимость текста. — Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1978, вып. 125.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гальперин И. Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастной лексикографии. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1982а, т. 41, № 6.
- Гальперин И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах. — Филол. науки, 1982б, № 5.
- Гак В. Г. О двух типах знаков в языке. — В кн.: Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
- Гак В. Г. К проблеме соотношений между структурой высказывания и структурой ситуации. — В кн.: Психологиче-

- ские и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
- Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.
- Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Гак В. Г.* О семантической относительности языковых единиц. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений на пленарных заседаниях Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
- Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций. — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Гигаури Н. Б.* Особенности глагольной номинации (на материале английских непроизводных глагольных наименований). Канд. дис. Тбилиси, 1979.
- Гиндин С. И.* Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971, вып. 14.
- Горский Д. П.* Определение (логико-методологические проблемы). М., 1974.
- Гумбольдт В.* — Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М., 1984.
- Дешериев Ю. Д.* Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953.
- Джохадзе Л. Е.* Стилистическое использование многозначного слова в художественном тексте (на материале английской поэзии и прозы). Автореф. канд. дис. М., 1977.
- Демьянков В. З.* Тетради новых терминов / Под ред. Ю. В. Ванникова. М., 1979, вып. 1, № 23; 1982, вып. 2, № 39.
- Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов, 1979.
- Доннелан К. С.* Референция и определенные дескрипции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. XIII.
- Евгеньева А. П.* Проспект синонимического словаря русского языка. Л., 1963.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1.
- Ермакова О. П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Автореф. докт. дис. М., 1977.
- Ерзинкян Е. Л.* Временной дейсис в различных частях речи в современном английском языке. Канд. дис. М., 1979.
- Ерохина Т. В.* Языковые средства и характер актуализации семантики глагольных лексем в современном английском языке. Канд. дис. М., 1981.
- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Жирков Л. И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.
- Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Учебное пособие. Калинин, 1977.
- Залевская А. А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека. — В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
- Залевская А. А.* Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
- Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.
- Звегинцев В. А.* Глоссематика и лингвистика. — В кн.: Новое в лингвистике, 1960, вып. 1.
- Звегинцев В. А.* Язык и общественный опыт (К методологии генеративной лингвистики). — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Звегинцев В. А.* Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий — Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, вып. X.
- Зимон Е. И.* Семантико-стилистическое варьирование имен прилагательных в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1981.
- Золотова Г. А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Изенберг Х.* О предмете лингвистики текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8.
- Иногамова Ю. А.* Принципы выделения и методика исследования стилистических синонимов. Канд. дис. Ташкент, 1981.
- Караулов Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля. — НДВШ. Филол. науки, 1972, № 1.
- Караулов Ю. Н.* Асимметрия языкового знака во времени. — В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974а.
- Караулов Ю. Н.* Словарь и его свой-

- ства. — В кн.: Проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974б.
- Караулов Ю. Н.* Словарь как компонент описания языков. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976а.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976б.
- Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965, ч. II.
- Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кжижкова Е.* Количественная детерминация прилагательных в русском языке. — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974.
- Кимов Р. С.* Переносные значения частотных существительных и их производных в современном английском языке. Канд. дис. М., 1982.
- Ковалева Л. М.* Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке. Автореф. докт. дис. М., 1982.
- Колишанский Г. В.* О природе контекста. — ВЯ, 1959, № 2.
- Колишанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1974.
- Колишанский Г. В.* Контекстная семантика. М., 1980.
- Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Копнин П. В.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969.
- Корельская Т. Д., Падучева Е. В.* О возвратных личных и указательных местоимениях в русском языке (правила употребления и машинный эксперимент). — В кн.: Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971, вып. 1.
- Котелова Н. З.* Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки). — ВЯ, 1974, № 5.
- Котелова Н. З.* Лексическая сочетаемость слов в современном русском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1977.
- Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Кубрякова Е. С.* Части речи в ономастическом освещении. М., 1978.
- Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- Кувалдина Л. М.* Анафорические связи в русском языке. — В кн.: Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971, вып. 2.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Крипке С.* Тожество и необходимость. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вы. XIII.
- Куайн У. О.* Референция и модальность. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вы. XIII.
- Кувенева А. П.* Семантико-синтаксические особенности английских двупереносных глаголов. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Кузнецов А. М.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
- Курицына Л. А.* Семасиологическое исследование глаголов с узкой семантикой. Канд. дис. М., 1977.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность и сознание — Вopr. философии, 1972, № 12.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1976.
- Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев А. А.* Психофизиологические механизмы речи. — В кн.: Общее языкознание. М., 1970.
- Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистический аспект языкового значения. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Ломтев Т. П.* Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Лосев А. Ф.* Знак, символ, миф. М., 1982.
- Мамардашвили Н. К.* Форма превращения. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5.
- Майтинская К. Е.* Венгерский язык. М., 1959, ч. II.
- Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

- Максимов Л. Ю. Антонимия как один из показателей качественных прилагательных. — В кн.: Учен. зап. МГПИ им. Ленина, 1958, СХХХII, вып. 8.
- Маргалитадзе Т. Д. Структурно-семантическая характеристика многозначных прилагательных как номинативных единиц в современном английском языке. Канд. дис. Тбилиси, 1982.
- Мартынов В. В. Семиниологические основы информатики. Минск, 1974.
- Мартынов В. В. Универсальный семантический код. Минск, 1977.
- Мартынов В. В. Категории языка. Семиниологический аспект. М., 1982.
- Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике, 1963, вып. III.
- Маслов Ю. С. Какие единицы целесообразно считать знаками? — В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
- Мастерман М. Тезаурус в синтаксисе и семантике. — В кн.: Математическая лингвистика. Сборник переводов. М., 1964.
- Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании. — В кн.: История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965, ч. II.
- Медникова Э. М. Значение слова и методы его исследования. М., 1974.
- Мельничук А. С. О роли мышления в формировании структуры языка. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
- Метакса В. Д. Семантико-синтаксическая характеристика притяжательных местоимений в современном английском языке. Канд. дис. М., 1972.
- Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1948.
- Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.
- Морковкин В. В. Об универсальном учебном словаре русского языка. — В кн.: Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Конгресс 2-й, Варшава, 1973.
- Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением «времени» в русском языке). М., 1977.
- Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов, их классы. — ВЯ, 1964, № 3.
- Мурат В. П. Глоссематическая теория. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964.
- Мухин А. М. Лингвистический анализ. М., 1976.
- Мухин А. М. Переходные лексемы и объектные синтаксемы. — В кн.: Структура предложений и классы слов в романо-германских языках. Калинин, 1977.
- Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст. — Филол. науки, 1978, № 1.
- Найда Е. А. Анализ значения и составления словарей. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2.
- Найда Ю. Наука перевода. — ВЯ, 1970, № 4.
- Нарский И. С. Современный позитивизм. М., 1961.
- Наумова И. А. Глаголы с каузативным значением в современном английском языке и исторические предпосылки их образования. Автореф. канд. дис. М., 1967.
- Никитин М. В. К определению и типологии значений в естественном языке. — Учен. зап. Владимирского гос. пед. ин-та, сер. «Иностранные языки» 1970а, вып. 4.
- Никитин М. В. К типологии значений в естественном языке: о денотативном и сигнификативном значениях и о репрезентативной и дефинитивной функциях имен. — Учен. зап. Владимирского гос. пед. ин-та, серия «Иностранные языки», 1970б, вып. 4.
- Никитин М. В. О понятии «языковое значение». — Учен. зап. Владимирского гос. пед. ин-та, сер. «Иностранные языки», 1971, вып. 6.
- Никитин М. В. К таксономии языковых единиц. — В кн.: Проблемы общей и романо-германской семасиологии. Владимир, 1973.
- Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974а.
- Никитин М. В. О предмете и понятиях комбинаторной семантики. — В кн.: Проблемы лексической и грамматической семасиологии. Владимир, 1974б.
- Никитина С. Е. Тезаурус как способ описания и представления языка в науке (на материале лингвистических терминов). Автореф. канд. дис., 1983.
- Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII.
- Новиков А. И. Структура содержания текста и возможность ее формализации (на материале научно-технических текстов). Автореф. докт. дис. М., 1983.
- Общее языкознание. Формы существования, функции и история языка. М., 1970.

- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Общее языкознание. Методы лингвистического исследования. М., 1973.
- Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Откупщикова М. И. Роль местоимений в сокращении структуры связанного текста. — В кн.: Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971, вып. 2.
- Павлов И. П. Полное собрание трудов. М., 1949, т. III.
- Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке. — ВЯ, 1960, № 2.
- Падучева Е. В. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. — В кн.: Информационно-поисковые системы и автоматизированная обработка научно-технической информации. М., 1967, т. II.
- Падучева Е. В. Анафорические связи и глубинная структура текста. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Падучева Е. В. Референциальные аспекты высказывания. (Семантика и синтаксис местоименных слов). Автореф. докт. дис. М., 1982.
- Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания (гносеологические аспекты). М., 1977.
- Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. М., 1960.
- Патнэм Х. Значение и референция. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. XIII.
- Пешковский А. М. Понятие отдельного слова. — В кн.: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.; Л., 1925.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1952.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Попа К. Теория определения / Пер. с рум. М., 1976.
- Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982.
- Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. 1—2.
- Потебня А. А. Мысль и язык. — В кн.: Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Почепцов Г. Г. О принципах синтагматической классификации глаголов (на материале глагольной лексики совр. англ. языка). — НДВШ. Филол. науки, 1969, № 3.
- Путягин Г. А. Об установлении смысловых связей на основе словарных толкований. — Рус. яз. в нац. школе. 1973, № 6.
- Радзиевская Т. В. Анафорические имена с антецедентом — высказыванием. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 2.
- Радзиевская Т. В. Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении. Канд. дис. М., 1981.
- Реализация значения и контекст. М., 1975.
- Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958.
- Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.
- Резников Л. О. Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения. — Вopr. философии, 1969, № 11.
- Рогожжикова Р. П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Автореф. докт. дис. М., 1974.
- Русская грамматика. М., 1980, т. I, II.
- Рыбалко Г. А. Симметричные глаголы в современном немецком языке. Канд. дис. М., 1978.
- Савченко А. Н. Части речи и категории мышления. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
- Салиев И. С. Семантические категории прилагательных современного английского языка. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Сахарный Л. В. «Контекстное» и «неконтекстное» в восприятии лексико-семантической стороны слова. — В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Севбо И. П. Структура связанного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.
- Селиверстова О. Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу. — Филол. науки. 1967, № 5.
- Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Семантическая структура слова. М., 1971. Семиотика. М., 1983.
- Серебренников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Серебренников Б. А. Развитие челове-

- ского мышления и структуры языка. — В кн.: Лениннизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970
- Серебрянников Б. А.* Номинация и проблема выбора. — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Серебрянников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Сильницкий Г. Г.* Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- Сильницкий Г. Г.* Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
- Сильницкий Г. Г.* Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. докт. дис. Смоленск, 1974.
- Скаличка В.* Исследование венгерских звукоподражательных выражений. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скорородко Э. Ф.* Форма и содержание определений в толковых словарях. — НДВШ, филол. науки, 1965, № 1.
- Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. М.; Л., 1961, ч. 1.
- Слюсарева Н. А.* О различии отражательной и языковой семантики. — ВЯ, 1973, № 5.
- Слюсарева Н. А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
- Слюсарева Н. А.* Соссюр и соссюрианство. — В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина. М., 1952.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове («проблема тождества слова»). — Труды Ин-та языкознания, 1954, т. IV.
- Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Смирницкий А. И.* Значение слова. — ВЯ, 1955а, № 2.
- Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. — Иностр. яз. в шк., 1958, № 5.
- Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1970а.
- Солнцев В. М.* Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания. — В кн.: Лениннизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970б.
- Сороколетов Ф. П.* Лексическое значение и словарная дефиниция. — В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980.
- Соссюр Ф. де* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Сретенская Е. Е.* Семасиологическое исследование и лексикографическое описание глагольной синонимии. Канд. дис. М., 1979.
- Степанов Г. В.* Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Степанов Г. В.* К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат). — В кн.: Контекст 1983. М., 1984.
- Степанов Ю. С.* О предпосылках лингвистической теории значения. — ВЯ, 1964, № 5.
- Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю. С.* Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка). — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 4.
- Степанов Ю. С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Степанов Ю. С.* Семиологический принцип описания языка. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976а.
- Степанов Ю. С.* Вид, залог, переходность. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1976б, т. 35, № 5.
- Степанов Ю. С.* Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии). — В кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977а.
- Степанов Ю. С.* Вид, залог, переходность (балто-славянская проблема). — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1977б, т. 36, № 2.
- Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
- Степанов Ю. С.* В мире семиотики. — В кн.: Семиотика. М., 1983, вступит. статья.
- Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды. — В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.

- Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1980.
- Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Торопцев И. С. Очерк русской ономастологии (возникновение знаменательных лексических единиц). Докт. дис. Л., 1970.
- Торопцев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономастологии. — В кн.: Проблемы ономастологии. Науч. труды Курского пед. ин-та, 1974, т. 26, № 1.
- Торопцев И. С. Исходные моменты лексической объективации. — В кн.: Проблемы ономастологии. Курск, 1975, т. 2.
- Трофимов М. И. О формально-семантической классификации прилагательных в русском языке (К постановке вопроса). — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
- Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962а.
- Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка. — ВЯ, 1926б, № 4.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- Уфимцева А. А. Понятие языкового знака. — В кн.: Общее языкознание. М., 1970а.
- Уфимцева А. А. Теоретические проблемы слова (Категории общего и отдельного). — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970б.
- Уфимцева А. А. Лексика. — В кн.: Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972.
- Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Уфимцева А. А. Проблемы значения при изучении знакового аспекта языка. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976а.
- Уфимцева А. А. К понятию семиологического класса словесных знаков. — В кн.: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1976б, вып. 103.
- Уфимцева А. А. Семантика слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Уфимцева А. А. Семиологический подход к изучению лексики. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1984, т. 43, № 5.
- Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования процесса формирования значения. — В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
- Филатова Л. А. Глагольные средства выражения пространственного действия в английском и немецком языках. Канд. дис. М., 1978.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, 1983, вып. XII.
- Храпченко М. Б. Язык художественной литературы. — Новый мир, 1983, № 9, 10.
- Циммерман И. Синтаксические функции актантов, залог и переходность. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Чейф У. Л. Значение структуры языка. М., 1975.
- Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, вып. XII.
- Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М., 1982.
- Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора). — ВЯ, 1968, № 2.
- Чернов В. И. О функциональном аспекте лексико-грамматической классификации имен прилагательных. Рус. яз. в шк., 1973, № 5.
- Черняк В. С. Оборачивание метода и диалектика развития знания. — Вопр. философии, 1975, № 8.
- Чехов А. С. Проблемы описания кореллентных и анафорических отношений в языке. Канд. дис. М., 1970.
- Чехов А. С. О референтном употреблении именных групп в тексте. — В кн.: Лингвистика текста. М., 1974.
- Шатуновский И. Б. Проблемы словообразовательной транспозиции. Автореф. канд. дис. М., 1982.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. II.
- Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных. — Учен. зап. МГУ, 1952, вып. 150. Русский язык.
- Шестопалова Л. С. Соотношение и ранжирование лексических значений в семантической структуре слова в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1980.
- Шехтман Н. А. Тезаурус — форма представления семантической информации. — В кн.: Научно-техническая информация, сер. 2, 1973, № 2.
- Шматова В. И. Дейкис в системе глагола современного английского языка. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964а.
- Шмелев Д. Н. О смысловой структуре

- слова. — Рус. яз. в нац. школе, 19646, № 1.
- Шмелев Д. Н.* О типах лексических значений слов. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.
- Шмелев Д. Н.* Об анализе семантической структуры слова. — *Zeichen und System der Sprache*. Berlin, 1966, Bd. III.
- Шмелев Д. Н.* О третьем измерении лексики. — Рус. яз. в шк., 1972, № 1.
- Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1978.
- Шрамм А. Н.* Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке. — В кн.: Вопросы семантики. Л., 1974, вып. 1.
- Шрамм А. Н.* Семантическая классификация качественных прилагательных. — В кн.: Вопросы семантики. Л., 1976, вып. 2.
- Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.
- Шрамм А. Н.* Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных. Докт. дис. Л., 1980а.
- Шрамм А. Н.* Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных. Автореф. докт. дис. Л., 1980б.
- Шумилина А. Л.* Вопросы анализа личных местоимений 3-го лица. — В кн.: Лингвистические исследования по машинному переводу. М., 1962, вып. 2.
- Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. — Рус. речь, новая серия. Л., 1928.
- Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3.
- Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. — В кн.: Общие вопросы методики. М.; Л., 1947.
- Языковые единицы и контекст. М., 1973.
- Языковая номинация. Общие вопросы / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М., 1977а.
- Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М., 1977б.
- Ярцева В. Н.* Исторический синтаксис английского языка. М.; Л., 1961.
- Ярцева В. Н.* Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Ammann M.* Die menschliche Rede: Sprachphilosophische Untersuchung. Vol. 1. 1925.
- Antal L.* Questions of meaning. The Hague, 1963.
- Bazell C. E.* Linguistic Form. Istanbul, 1953.
- Bierwisch M.* Some semantic Universals of German Adjectivals — Foundations of language (International Journal of language and philosophy), 1963, vol. 3, N 1.
- Benveniste E.* Sémiologie de langue. — Semiotica, 1969, N 1, 2.
- Bloomfield L.* Language. Toronto, 1964.
- Boas F.* Handbook of American indian languages. Washington, 1911.
- Bolinger D.* The Atomization of Meaning. — Language. Baltimore, 1965, vol. 41, N 4.
- Bolinger D.* Adjectives in English, attribution and predication. — Lingua, 1967, vol. 18, N 1.
- Bréal M.* Essai de sémantique. Science de significations. Paris, 1897.
- Bresnan J.* A note on the notion Identity of sense Anaphora. — In: Linguistic Inquiry, 1971, v. II, N 4.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
- Buyssens E.* La communication et l'articulation linguistique. Bruxelles, 1967.
- Carnap R.* Introduction to Semantics. Cambridge, Mass., 1942.
- Carnap R.* Meaning and Necessity. A Study in semantics and model logics. Chicago, 1947.
- Casares I.* Introducción a la lexicografía moderna. Madrid, 1950.
- Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923, Bd. I. Die Sprache.
- Chafe W. L.* Directionality and Paraphrase. — Language, 1971, vol. 47, N 1.
- Deese J.* The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.
- Erdmann K. O.* Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1900.
- Farsi A. A.* Classification of Adjectives. — Language Learning (a Journal of Applied Linguistics, 1968, vol. XVIII, N 12).
- Fillmore Ch. J.* Toward a modern theory

- of Case. Columbus. The Ohio state University Research foundations project of linguistic analysis. Report 13, 1966.
- Fillmore Ch. J.* Lexical entries for verbs. — Foundations of language. International journal of language and philosophy, 1968a, vol. 4, N 4.
- Fillmore Ch.* The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. N. Y., 1968b.
- Fillmore Ch. J.* Types of lexical information. — Studies in Syntax and Semantics. Dordrecht, Holland, 1969.
- Fillmore Ch. J.* Subjects, speakers and roles. — In: Semantics of natural languages. Dordrecht, 1972.
- Fillmore Ch. J.* May we come in? — Semiotica, 1973, vol. IX, N 2.
- Frege G.* Über Sinn und Bedeutung. — Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd. 100, 1892.
- Frege G.* Funktion, Begriff, Bedeutung. Göttingen, 1962.
- Function and Context in linguistic analysis (a Festschrift for William Haas). ed. Dj. Allerton, Edw. Carney, David Holdcroft, Cambridge University Press, 1979.
- Goodenough W. H.* Componential Analysis and the Study of Meaning. — Language, 1956, vol. 32.
- Greenberg J. H.* The logical analysis of kinship. — Philosophy of Science, 1949, vol. 16.
- Grinder J., Postal P. H.* Missing antecedents. — In: Linguistic Inquiry, 1971, vol. 11, N 3.
- Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English. — Journal of Linguistics, 1968, vol. 4, N 2.
- Hallig R., Wartburg W.* Begriffssystem als Grundlage der Lexikographie. Berlin, 1952.
- Harweg R.* Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.
- Huddleston R.* Some observations on tense and deixis in English. — Language, 1969, vol. 45, N 4.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Halle, 1922, Bd. II.
- Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard University, 1957.
- Jakobson R.* Linguistics and Poetics. — In: Style in Language ed. by Sebeok. N. Y., 1960.
- Karnap R.* Der logische Aufbau der Welt. B. I. Schlachensee, 1928.
- Karnap R.* Der logische Syntax der Sprache. W., 1934.
- Khrapchenko M.* The Nature of the Aesthetic Sign. — Social Sciences, 1977, vol. VIII, N 2.
- Klaus G.* Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963.
- Klaus G.* Die Macht des Wortes. Berlin, 1968.
- Lakoff G.* Instrumental Adverbs and the concept of Deep Structure. — Foundations of Language, 1968, 4.
- Lakoff G.* Irregularity in Syntax. N. Y., 1970.
- Lee D. A.* Stative and Case Grammar. — Foundations of language, 1970, vol. 10, N 4.
- Lehmann V.* Über lexikalische Präsuppositionen in einem generativsemantischen Lexikon. — In: Studien zur Generativen Grammatik. Frankfurt am Mein, 1974.
- Lehrer A.* Verbs and delitable Objects. — Lingua, 25, 1970, N 3.
- Leisi E.* Der Wortinhalt. Seine Struktur in Deutsche und Englischen. Heidelberg, 1961, Aufl. 2.
- Lounsbury F. A.* A semantic analysis of Pawnee kinship usage. — Language, 1956, vol. 32.
- Lyons J.* An introduction to theoretical linguistics. Cambridge 1968.
- Martinet A.* La double articulation linguistique. — Travaux du Cercle linguistique de Copenhague, 1949, vol. V.
- Martinet A.* Structural variation in language. — In: Preprints of papers for the ninth International Congress of linguists. Cambridge, Mass., 1962.
- Masterman M.* What is a thesaurus? — In: Essays on and in machine translation by the Cambridge language research unit. Cambridge, 1959.
- Mezger F.* Conceptual Dictionaries, Dictionaries of Usage: Their Nature and Form. — Proceedings of the 7th International Congress of Linguists. London, 1966.
- Mill J.* System of Logic Rationative and Inductive. London, 1843, Bd. 1, Ch. 2.
- Morris Ch. W.* Foundations of the Theory of Signs. — International Encyclopedia of Unified Science 1, Chicago, 1938.
- Morris Ch. W.* Signs, Language and Behavior. N. Y., 1946.
- Morris Ch. W.* Signification and Significance. Mass., 1964.
- Nehrling A.* Sprachzeichen und Sprechakte. Heidelberg, 1963.
- Nida E. A.* Toward a science of translation. Leiden, 1964.
- Nida E. A.* Componential analysis of meaning. Research Center for the Lan-

- guage Sciences Indiana University. The Hague—Paris, Mouton, 1975.
- Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning, 4th ed. London, 1936.
- Partee B. Hall. Opacity, coreference and pronouns. — In: Semantics of Natural Language. Ed. D. Davidson, C. Harman. Dordrecht, 1972.
- Pelč J. Studies in functional logical semiotics of natural language (translated from the Polish). The Hague—Paris, 1971.
- Pollio H. R. The structural basis of word association behavior. The Hague, Mouton, 1966.
- Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1934, Bd. 58.
- Postal P. M. Limitations of phrase Structure Grammars. — In: The structure of Language: Readings in Philosophy of Language. N. Y., 1964.
- Quine M. Natural kinds. — In: Naming, necessity and natural kinds. Ithaca, London, 1977.
- Quirk R. Greenbaums, Leech G., Svartvik I. — A Grammar of Contemporary English. Longmans, 1973.
- Reisig K. Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1839.
- Rozwadowsky Jan von. Wortbildung und Wortbedeutung (Eine Untersuchung ihrer Grundgesetze). Heidelberg, 1904.
- Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung (Ein Beitrag zur Theorie der Wortbedeutung). Berlin, 1963.
- Sepir E. Grading, a study in semantics. — In: Philosophy of Science. 1944, Vol. II, N 2.
- Skalička V. The need for a linguistics of «la Parole». — Recueil linguistique de Bratislava. Bratislava, 1948, V. 1.
- Spang-Hanssen H. Recent theories on the nature of the language sign. — Travaux du Cercle Linguistique du Copenhague, 1954, vol. IX.
- Sperber H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung. — In: Zeitschrift für deutsches Altertum, LIX, 1922.
- Stern G. Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Language. Göteborg, 1931.
- Sweet H. New English Grammar. Oxford, 1892, vol. 1.
- Teller P. Some Discussion and Extension of Manfred Bierwisch's work on German Adjectives. — Foundations of language, 1969, vol. 5, N 1.
- Tesnière L. Éléments de syntax Structurale. Paris, 1959.
- Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Bd. I: Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, 1931.
- Ufimceva A. Wortschatzbeschreibung mittels Systemmethode in der sowjetische Sprachwissenschaft. — In: Richtungen der modernen Semantikforschung. Berlin, 1983.
- Ullmann S. The Principles of Semantics. Oxford, 2d ed., 1957.
- Ullmann S. An introduction in to the science of meaning. Oxford, 1962.
- Weinreich U. Lexicology. — Current trends in linguistics, ed. by T. A. Sebeok, I. Soviet and East-European linguistics. The Hague, 1963.
- Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. II. Die sprachliche Erschliessung der Welt. 2d ed. Düsseldorf, 1954.
- Wellander E. Studien zum Bedeutungswandel im Deutschen (3 parts) Uppsala, 1917, 1923, 1928.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. — Linguistische Forschungen. Frankfurt, 1972, N 22.
- Wierzbicka A. In defence of YOU and ME. — In: Theoretische Linguistik in Osteuropa (Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft). Tübingen, 1976.
- Wiese I. Untersuchungen zur Semantik nominaler Wortgruppen in der deutschen Gegenwartssprache, Halle, 1973.
- Wundt W. Völkerpsychologie I: Die Sprache (2 vols., Leipzig), 1900.
- Zgusla L. Manual of Lexicography. Praha, 1971.
- Yartseva V., Ufimitseva A., Kolshansky G., Stepanov Y. Philosophical Orientation of Linguistic Research. — Social sciences, 1977, vol. VIII, N 2.

ТЕЗАУРУСЫ, СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Большая советская энциклопедия. М., 1978.
- Большой англо-русский словарь. В 2-х т. М., 1972 (БАРС).
- Дополнение к Большому англо-русскому словарю. М., 1980.
- Караулов Ю. Н.* Частотный словарь семантических множителей. М., 1980.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971.
- Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., переработанное и дополненное. М., 1984.
- Вахек Й.* Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.
- Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1953.
- Словарь дескрипторов по химии и химической промышленности. НИИТЭИ. М., 1967.
- Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Главный ред. А. П. Евгеньева. Л., 1971.
- Словарь русского языка, в 4-х т., 2-е изд., исправленное и дополненное. Главный ред. А. П. Евгеньева. М., 1981—1984.
- Тезаурус научно-технических терминов. М., 1972.
- Философская энциклопедия / Ответственный ред. Ф. В. Константинов. М., 1962, том II.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Щерба Л. В.* Русско-французский словарь. М., 1936.
- Bosworth J.* An Anglo-saxon Dictionary. Oxford University Press. 1954.
- Casares J.* Diccionario ideologico de la lingua española. Barcelona. 1951.
- The Concise Oxford Dictionary of Current English ed. by H. W. Fowler and F. C. Fowler. Oxford, 4th ed., 1951.
- Dornseif F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin und Leipzig, 1934.
- Hornby A. S.* Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1978.
- Paffen K. A.* Deutsch-Russisches Satzlexikon. Leipzig, 2. Auflage, 1969.
- Roget's International Thesaurus of English Words and Phrases. London, reprint 1957.
- Stratmann's Middle English Dictionary ed. by H. Bradley, Oxford, 1954.
- Webster's New International Dictionary of the English Language. London, 1928.
- Wehrle-Eggers. Deutscher Wortschatz. Ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck. 12 Auflage. Stuttgart, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Глава I

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Лексическое значение как предмет лингвистических исследований	5
§ 2. Основные проблемы и исследовательские подходы к лексическому значению	9

Глава II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

§ 1. Онтологические свойства языка	36
§ 2. К понятию языкового знака	44
§ 3. Сущность процесса знакообразования	51
§ 4. К проблеме онтологического статуса лексического значения	55

Глава III

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

§ 1. К понятию семиологического принципа описания языка	62
§ 2. Категории и понятия, составляющие инструментарий семиологического описания лексики	66
Принципы семиологического описания лексики	66
Принцип знака	69
Аксиоматика словесного знака	72
Семиологические функции словесного знака	85
Знаковое значение слова и его компоненты	87
Понятие семиологического класса слов	96

Глава IV

ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ РАЗЛИЧНЫХ СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТЕРМИНАХ КОМПОНЕНТОВ ИХ ЗНАКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Вводные замечания	102
§ 2. Класс характеризующих словесных знаков	102
Предметные имена как семиологический подкласс характеризующих слов	104
Разряд имен предметов, профессиональных сфер, обладающих денотативным типом знакового значения	107
Имена классов	108
Имена родства, номинальные классы	117
Имена уникальных и ирреальных предметов и множеств	124
Абстрактные имена существительные	
Признаковые имена как семиологический подкласс характеризующих слов	
Специфика непроеизводных глагольных наименований в современном английском языке	
К семиологическому описанию значения глагольных наименований	
Характер лексической семантики субъектных глаголов	
Характер лексической семантики объектных глаголов	
Характер лексической семантики двунаправленных глаголов	
Характер лексической семантики имен прилагательных	196

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
----------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	228
----------------------	-----

ТЕЗАУРУСЫ, СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ	239
--	-----